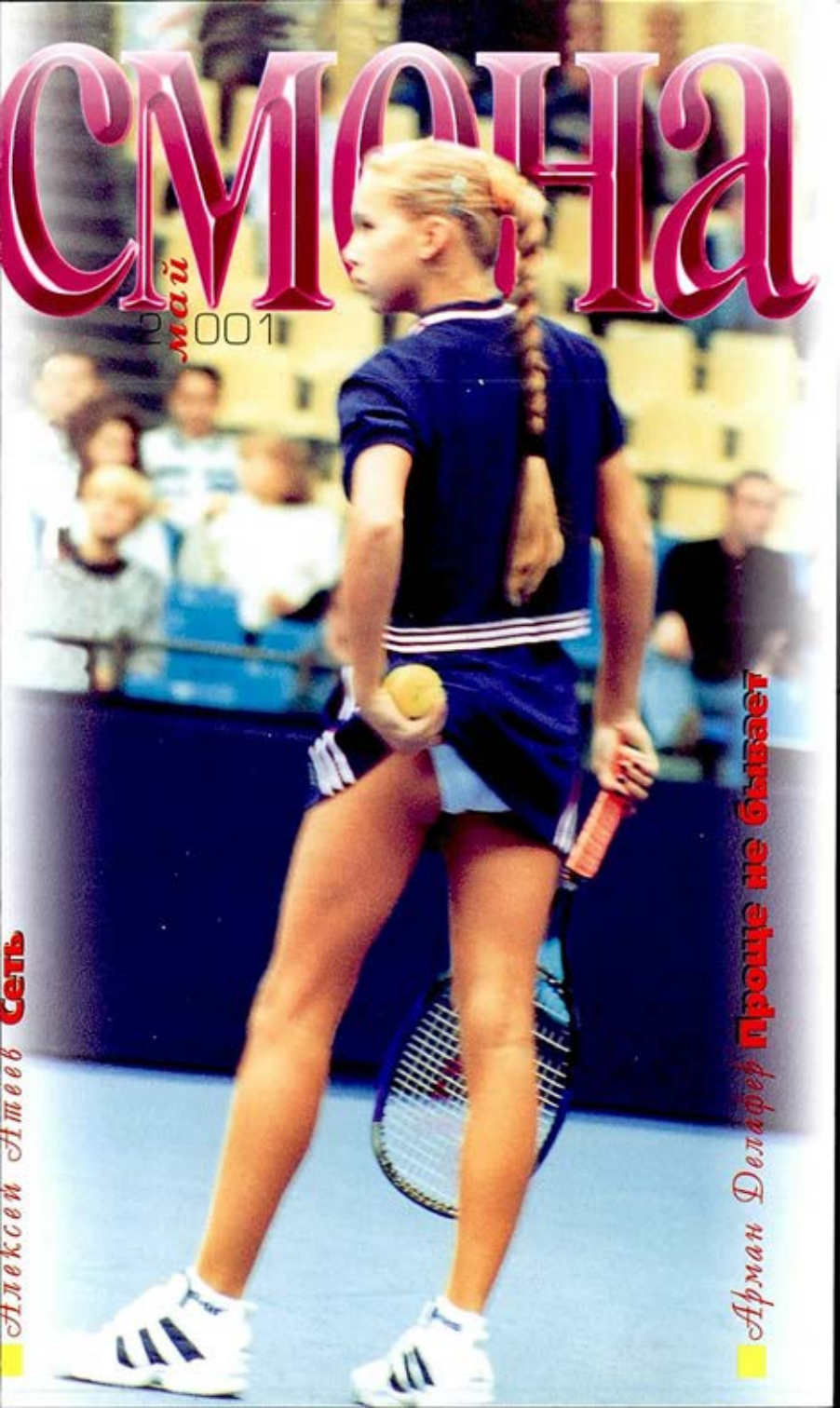

СМОУНА

май
2001

Алексей Ашев **Сеть**

Арман Деларф **Проще не бывает**

НЕ БЕРИ
КОТА В МЕШКЕ —

ПОДДЕЛКА

БЕРИ

НАСТОЯЩЕЕ

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Масло ЛУКОЙЛ покупайте только у официальных дилеров

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Леви́ев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинина

5 2001
май (1639)

Сдано в набор 20.3.2001.

Подписано к печати 10.4.2001.

Печать офсетная.

Заказ № 912

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Бумажный проезд, 14.

Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29, 257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2001.

4 *Виктор Астафьев*
ЗАТЕСИ
 Эпюды

44 *Арман Деллафер*
ПРОЩЕ НЕ БЫВАЕТ
 Детектив

136 *Алексей Атеев*
СЕТЬ
 Остросюжетная повесть

229 *Игорь Логвинов*
**ВЕСЕННИЙ
 АВИТАМИНОЗ**

247 *Людмила Прошнина*
**ОСТОРОЖНО:
 СЕКТА!**

252 *Николай Нарцунн*
**ОРГАЗМ
 ПО ТРЕБОВАНИЮ**

260 *Николай Зуев*
**РАЗГОВОРЧИКИ
 НА КОРТЕ**

стр. 98

стр. 260

На 1-ой обложке:
 Анна Нурникова
 Фото Николая Зуева.

18 *Александр Кравцов*
**ПРОЩАНИЕ
ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ**

28 *Леонид Струшкин:*
**"БЕЗ ДЕСПОТИЗМА
НЕТ РЕЖИССЕРА"**

36 *Светлана
Бестужева-Лада*
**С ПЕЧАЛЬЮ
НЕ ПРОЩАЮТСЯ**

98 *Лилия Байрамова*
МИКЕЛАНДЖЕЛО

120 *Любовь Русева*
ЯЗЫК КАК САБЛЯ

236 *Иван Зюзюкин*
ГЕНИЙ ДОБРОТЫ

266 *Игорь Наджнев:*
**"УСПЕХ ПРИНОСЯТ
МНЕ ЖЕНЩИНЫ"**

133 *Юрий Кобрин*

Виктор Троиин
**БРЫЗГИ
ШАМПАНСКОГО**

Вкратце пересказать сюжет нового детективного романа известного писателя невозможно. Так же, как невозможно напечатать этот объемный роман в одном номере, — сокращения лишили бы читателя той прелести нетерпеливого познания тайны нескончаемых убийств, происходящих в уважаемой и преуспевающей фирме "Нордлес".

Игорь Гаманюнов
**ОБОРОТНИ
В ПОГОНАХ**

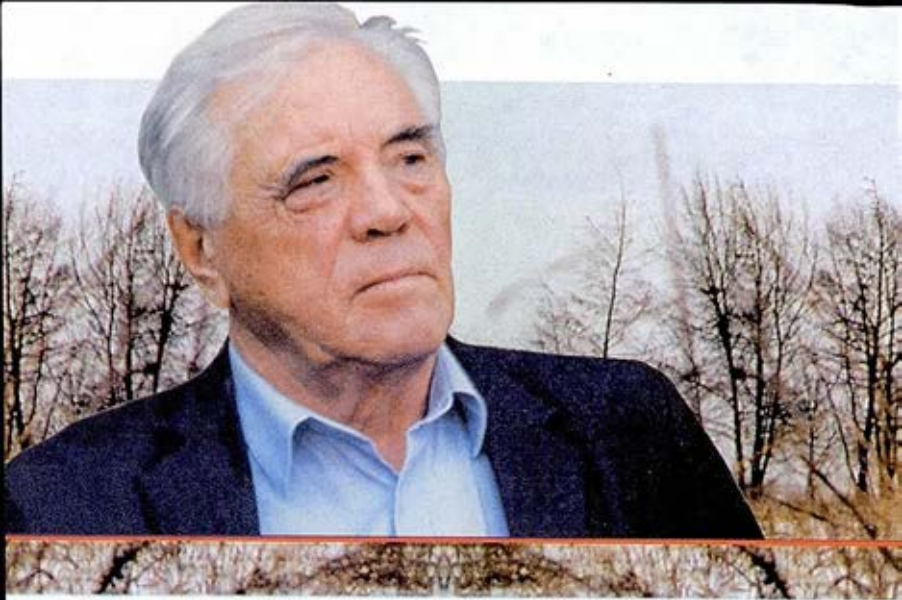
Увы, в последнее время на скамью подсудимых вместе с наркокурьерами, продавцами и потребителями смертельного зелья все чаще садятся сами борцы с наркоманией — милицейские чины высоких званий и должностей, ради личной корысти и обогащения преступившие грань между законностью и беззаконием. Об этом — два сюжета по материалам судебных процессов, завершившихся в Саратове и Ульяновске.

стр. 120

ИЮНЬ '2001

АНОНС:

Виктор АСТАФЬЕВ

Больной человек

На работу я брал ружье, мешок с нехитрыми харчами и сразу после смены, по окончании ночной разливки металла в горячем цехе, отправлялся на железнодорожный вокзал, чтобы ехать на охоту.

Поезда через станцию Чусовскую отчего-то в те времена ходили туда-сюда ночью, чаще под утро. Все самые памятные происшествия тоже происходили в эту пору.

Плетусь как-то к вокзалу, возле входа в него и вокруг многолюдье, хохот. Подхожу и слышу песню из недавно с успехом прошедшего фильма “Аршин — Мал-Алан”. “Ах, эта девушка меня с ума свела, разбила сердце мне, по-око-о-ой взяла-а”. Исполнитель — худенький, спитой юноша с темными морщинками возле рта и вроде как с давно немытым лицом, только глаза на сморенном лице горят приближенно и ярко, кажется, последним накалом горят. На нем нечистая рубаха с завязанными рукавами, и, опустив их до земли, не приплясывая, не меняя голоса, уныло, одиноко и однозвучно юноша повторяет и повторяет: “Ах, эта девушка...”

А рядом стоявшая женщина, мать или сопровождающая медсестра, тоже монотонно и безнадежно просила:

— Проходите, граждане, проходите. Юноша больной, юноша больной.

11 апреля 2000 года,
больница

затеси

Жуткая правда жизни

Ох, уж этот город Чусовой, что к боку Западного Урала прилепился, — толстой он занозой в моей памяти торчит.

По каким-то делам иду вдоль улицы, выложенной еще до революции крупным булыжником. В самом центре города стоит лошадь, запряженная во всем известную бричку местного царька — начальника “Местпрома”, к которому все тогда шли по нужде: кто за отрубями, кто за сбоем, кто за мукой, кто за картошкой, кто за дровами, кто коня попросить — чего-либо свезти, чаще всего домовину на кладбище, — всем нужен, всем необходим этот царек, ездит он по городу летом в бричке, зимой — в кошевке, тоже как царек — подбоченившись.

У лошади вдруг упала одна оглобля, затем другая, ну, распряглась лошадь, ну, бывает, может, постромки плохо затянуты, может, супонь на хомуте ослабла. К бричке тотчас же поспешил откуда-то взявшийся коновозчик, молодой и ладный паренек. И только он подобрал вожжи, только хотел подпятить лошадь в оглобли, как вдруг она рванулась и понесла. Ногу парня захлестнуло петлей вожжи, он еще уперся, затем пробежал шага три и упал, выпустил вожжи. И так вот, галопом, ни с того, ни с сего одичавшая лошадь мчала его среди города, ударя парня головой об мостики, перекинутые через канаву, об выпуклые булыжины, обо все, что было на пути.

Через несколько минут лошадь встала, сама остановилась, как сама и понеслась.

Я не ходил смотреть, что стало с парнем. Хоронили его через два дня на третий.

11 апреля 2000 года

Воспоминания о проделанной работе

В поезде местного сообщения Чусовская — Луньевка, на станции Кизел, столице угольного бассейна, в вагон села юная, вся по-весеннему светящаяся, в весеннее одетая, девушка. Села за откидной столик к окну. На следующей станции налезла в вагон солдатня. Один, самый бравый, весь в ремнях и прыщах солдат, наступая на ноги сидящим пассажирам, пробрался к окну, сел за столик напротив девушки и начал ее развлекать. Услышав две-три фразы, я понял, что парень из вооруженной лагерной охраны, лагерей в ту пору по Уралу было, что вшей на гаснике, я отключился, не слушаю. Вдруг увидел, как девушка оттолкнулась от столика, прижала кулаки ко рту и, вся дрожа, срывающимся голосом произнесла:

— Как я тебя ненавижу! — и стремительно сорвалась с места и побежала из купе по вагону.

— Эк мы какие! — воскликнул несколько смутившийся солдат.

Оказалось, солдат во всем ремennom, развлекая девушку, рассказал о том, как они поймали беглых арестантов в лесу, привязали их за хвосты лошадей и привезли, как сказал он, “для отчета” ногу одного арестанта.

Девушка не поняла, что привезли, но когда солдат ей терпеливо объяснил, чего привезли, она и взялась, она разом возненавидела то зло, которое удавалось от нее умело спрятать родителям, школе, обществу.

Я наблюдаю за одним писателем, очень талантливым человеком. Бьется он, бьется, чтоб вылезть, выкарабкаться из прошлого и никак не может себя преодолеть — конвоир в осадке, тоже привозивший или притаскивавший “для отчета” останки ближнего своего, не дает ему ходу, не отпускает его от себя. Он, я думаю, и за рабочим письменным столом иль во поле, среди толчей людской, в праздники и будни постоянно слышит:

— Как я тебя ненавижу!

11 апреля 2000 года

Потерянный человек

В недавней очередной предвыборной кампании коммунистический вождь гневался, называя ложью перечисляемое количество жертв репрессий сталинского режима, и тупо повторял:

— Всего-то 830 тысяч...

И вспомнил я, как в послевоенные времена от калитки к калитке городка бродил парень с отеком бледным лицом и, протягивая руку, чего-то едва слышно шелестел спекшимися губами.

Расслышать можно было лишь:

— Христа ради, чего-нибудь...

Он знал, что подать денег и хлеба ему не могут, а “чего-нибудь”: картошку, лепешку, слепленную из неизвестно какой смеси, где и просvirки кусочек — подадут.

— Чего же на работу-то не устраиваешься? — спрашивали его.

— Здоровье уничтожено... на подозрении...

Обут он был в резиновые сапоги, на которые надеты глубокие шахтерские галоши, из одежды, цвета угольной пыли, был на нем какой-то горбатый комбинезон, подвязанный на шее по черневшим полотенцем.

Со временем всем надоел этот, еле волочивший ноги, человек, подавать ему вовсе перестали, спускали на него собак. И он стал рыться в помойках вместе с бродячими собачонками.

Я в ту пору ходил в школу рабочей молодежи, возвращался поздно, шел обычно по железнодорожной линии — так было короче до дома.

Иду во втором часу ночи, точнее, бреду устало и сонно, вижу впереди на пути, чуть освещенном, что-то лежит. Пригляделся внимательней — сапоги. Резиновые.

Парень лег аккуратно на рельсу, и аккуратно же ему отделило голову. Она лежит, успокоенно зажмуренная, по одну сторону рельса, туловище — по другую.

Я часто ходил по железной дороге, пронзающей весь городок насквозь, и навидался всякого — самый распространенный способ самоубийства здесь — “лечь на рельсу”. Трогать зарезанную поездом жертву нельзя — это дело милиции, и я спустился с линии к магазину, на котором висел телефон-автомат, позвонил в милицию и сообщил дежурному о трупе, увиденном на железной дороге.

— О-о, Господи! — слышно в телефон зевая, произнес дежурный. — Еще один... Ну спасибо тебе, гражданин, что сообщил...

Когда в очередной раз коммунист-гуманист будет разглагольствовать насчет жертв и говорить, что всего-то 830 тысяч и уничтожено советских граждан во имя счастливого будущего, пусть он прибавит к этой цифре того парня, которого заставили лечь на рельсы головой. Он-то уж точно нигде не учтен и не зарегистрирован, потому как никому был не нужен, всеми гоним и отвержен.

“Невинная жертва” — называлось это в прежние божеские времена, в коммунистические — отброс общества.

12 апреля 2000 года,
больница

Российское разгильдяйство

По газетным делам поехал я на ближнюю от городка Чусового шахту “Скальную” и спросил у молодого начальника шахты — как дела?

— А как у картошки, — беспечно ответил начальник шахты, — не съедят, так посадят.

И указал на терриконом сложенные на краю стола пачки папирос, табака, коробков спичек, зажигалок, отломышей от коробков и особенно много было склеек со спичками, напоминающими сгнившие корешки зубов.

— И это только у одной смены отобрано! — горевал начальник шахты. Я уже знал по его прежним рассказам, что шахта новая, полная газов метана, техника же безопасности, как водится, не налажена, нет ни вентиляции соответствующей, ни противопожарных средств, отряд спасателей только-только формируется, добыча же угля идет уже полным ходом, план перевыполняется, и что если какой-нибудь разгильдяй и умелец, а таких тут большинство, возьмет и закурит в шахте?..

Пятьдесят лет спустя после разговора с начальником шахты “Скальная” слушал я недавно по телевизору объяснения начальника шахты с Кузбасса, на которой произошла страшная трагедия, — по причине взрыва газа метана погибло много людей, и среди всяких прочих причин тот горем убитый человек уныло заявил:

— Может, и закурили в шахте. — И я вспомнил ту пирамиду курева и спичек на столе начальника шахты “Скальная”, отобранных у людей, идущих на смену во взрывоопасное подземелье.

О-о, этот твердокаменный и загадочный характер русских людей! Он неизменен в тупости своей и разгильдяйстве. Ему и века нипочем!

12 апреля 2000 года,
больница

Голос мальчика

Погибла несчастная подлодка “Курск”, скорби об этом и о погибших моряках в стране больше, чем о погибших в Отечественную солдатах. Что ж, высказывать по этому поводу удовлетворение? Нет, не следует торопиться. Подлости вокруг полутора сотен моряков поднялось не меньше, чем вокруг миллионов моих соотечественников, павших на войне, тут и обман, и лукавство командования, притворство правящих деятелей, демагогия думцев и журналистов, подлость проходимцев и рвачей.

Явилась в моряцкий поселок свекровь с подкреплением, чтобы отнять “загробные” деньги у невестки, хамски заявляя, что у моряков никаких жен не бывает, а бывают только шлюхи, которые только и ждут, когда мужики отчалят от берега, чтобы им изменить.

Являлись и “родственники” со сволочной надеждой получить вознаграждение за погибших братьев и отцов.

А в это время во глубине России умирает мать, узнав об утонувшем сыне, и эта жертва не последняя. Но над всем этим сво-

лочизмом, над всей жуткой трагедией высится голос маленького мальчика на похоронах мичмана Борисова:

— Папа! Пойди домой! Папа! Пойди домой!

3 ноября 2000 года,
Загорье

Показуха

Чем хуже обстоят дела с мужиками, война ли их подчистит, пьянство ль угнетает, полоса ли уж такая пойдет, что не могут они обслуживать женщин, — гляди в оба. Женщина пускается во все тяжкие, начинает форсить, краситься и раздеваться...

Мы, судя по нынешнему женскому одеянию, находимся в очень плачевном состоянии.

Идем с товарищем, он в еще крепких мужских летах, по городу, нас обгоняет, вперед шлендает девка в шортах, но шорты те совсем уж короткие, застегнутые только спереди, сзади у них разрез до пояса, и при каждом шаге оголяется, арбузиком выкатывается то одна, то другая ягодица, выказывая синенький угольничек, рискованно прикрывающий причинное место. Я спросил у спутника, как он чувствует себя, видя такую картину. Он не сразу и как-то затуманенно ответил, что ничего, привлекает, в общем-то, и возбуждает желания.

И я вспомнил вдруг, как один из польских магнатов, рекламируя по телевизору косметическую продукцию своего знаменитого на весь мир предприятия "Поллена", перечислял, что его фирма выпускает и собирается выпускать. Поляки же без юмора ни шагу, и выступающий не был бы поляком, если б не съюморил даже в деловой передаче. В конце передачи он поднял грустный взор и заключил:

— Ясновельможное панство! И все это делается для погибели нас, мужчин.

И еще из польского, себя не щадящего юмора, на который способен только зрелый народ.

Старый пан-улан наподдавался по случаю какого-то праздника самогонки. И начал громко рассказывать о том, как он был на войне и что там делал. Малая паненка — внучка пана-улана слушала его, слушала и говорит:

— Деда, деда! Если ты на войне усех врагов перебил, все армии разбил, что же тогда делали там остальные солдаты?

Во дни торжеств и праздников по случаю наших небывалых, великих побед, слушая иных наших участников войны, я невольно вспоминаю того польского пана-улана...

18 апреля 2000 года

Что слышит, то и поет

Малый, которому только что подарили игрушку, заводную курочку, склевывающую зерна, играет на старом ковре и поет во всю головушку. Только малым детям дано делать одновре-

менно несколько дел. Он ругает курочку, которая, зацепившись за ворсины старого ковра, беспомощно валится набок: "Се ты падаешь, лакудра?!" и тут же подпекает работающему телевизору: "Пома-пома-помахуемая крыльями на крысе, порезем, блин, всех на своем веку..."

"Э-э, друг, ты чего это распеваешь-то?" — вскинулся отец малого.

"Се слышу, то и распеваю", — твердо ответил сын.

30 апреля 2000 года.

Анадемгородон

Хозяин

Дивна весна в пустыне Гоби. Происходит она тут в сентябре. Из песка, чисто провеянного ветрами, в едва заметные проточины, оставшиеся от прежнего водополя, выступает вода. Она ниоткуда не приходит, не натаивает, ключами и родниками из скал не выбуривает, она именно волшебным и вкрадчиво поднимается из недр земли и сперва как бы пробует проверить: что — земля, пески, старое русло и черные низкие скалы, теснящиеся кое-где и образующие подобие ущелий, еще на месте?

Песок потеет в едва заметной выемке, ниже в вымоинках уже блестят лужицы, ничем не замутненные, не засоренные, тут же, совсем близко, лужицы пробуют соединиться друг с другом, а чуть поодаль уже течет пока еще не шумный, но уже быстрый ручеек, волоча по чистым откосам рябящий лоскут зелени, но вот уже и вымыты камешки из песка, уже что-то поуркивает, издает живой ручейный звук, а уже совсем близко слышен гомон и звяк на каменном порожке, меж подмытых, изветренных, колотых, молотых и округло обмытых скал.

Здесь, у потока, из ничего возникшего, зелень уже ярче, береговой лук с двумя всего отлучинками сиреневой щепотью держит, подставляет солнцу бутончик, далее густеет луковая заросль, и вся земля песчаная освещена сиреневым сиянием.

Возле живой воды уже пробудилась живая жизнь, летают мухи, кружатся нарядные мотыльки, возле ручья порхают все те же, что и у нас на Енисее, пестрые неутомимые трясогузки. Им одной весны и свадьбы, справленной в России, в северных краях, мало, они еще и здесь свой праздник отмечают. Кружат низко коршуны над ручьем-потоком и падают на летом еще умершего во впадине верблюда, теребят, таскают в камни его останки.

Я приближаюсь к падали и слышу над собой громкий костяной стук. Поднимаю голову и на низких скалах в выеме камней вижу грубо сложенное из толстых веток широкое гнездо.

— Эй, Виктор Петрович! — кричат спутники мои монголы, под скалой затеявшие костерок и обед возле него, — отойди, дорогой, отойди от падали поскорее...

Я поспешно ухожу к костру, и мне поясняют, что на скале гнездо орла. Здесь орлица выводит или уж вывела орлят, пав-

ший верблюд — питание орлиной семьи, и хорошо, что глава семьи куда-то отдалился, скорее всего, за свежатиной, иначе может напасть — не трожь его добычу, тем более ту еду, что в непогоду, в бури и смерчи, которые тут часты и люты, выручает орлиное семейство — это его, орла, военный резерв. Постоянный. Нападает орел на человека очень редко, но уж если нападет, береги лицо и прежде всего глаза, да если легко одет, и тело тоже.

Только-только я присел к огню, как над нами прошелестела отчужденная тень. Орел присел на камень, потоптался ногами, обутыми в мягкие бурки, покосился на нас, упрещающе клацнул раз-другой клювом и успокоился, поскольку огонь мы развели на старом кострище, где не раз бывали люди, и он привык к ним.

Боком, боком, подскоками орел приблизился к гнезду, показалось, что-то миролюбиво, по-мужицки строго пробурчал, и к нему приблизилась голова орлицы, он что-то передал ей из клюва в клюв, вроде бы суслика.

Передал, подремал на теплом камне и взмыл бесшумно в небо, хозяйски уверенно закружился над родной своей землей, где в него еще не стреляют спяну заезжие охотники, не оставляют отравленного корму, не расхищают его пищу, где он все еще хозяин и властелин.

30 апреля 2000 года,
Анадемогородок

Отблеск пламени

Зазимок. Поздний. Черемуха отцвела. Сирень нюхливая в палисаднике сиреневые дырочки ноздрей приоткрыла. И вот все захлестнуло мокретью с белой пряхей снега, тут же тающего.

Яркая, как отблеск пламени, бабочка с маковым окоемом на крыльях и с разноцветьем пятен по этим крыльям приникла к окну. Здесь суше. Ветром пробует сбить ее со стекла, но бабочка делает плавные, чутко дышащие движения крыльями, складывает их плотными лепестками, обнажив пылью осыпанный испод. Существо это, с виду праздное, беззаботное, имеет разум, недоступный нашему пониманию, но явно угадываемый — сохраняет свою поднебесную, божественную красоту, дарованную природой. В этой красоте и радость, и смысл жизни, и брачный наряд, и маскировка от неведомых нам врагов ее.

Я пошел за дровами и оставил дверь в избу открытой. Бабочка залетела в затишье и тепло. Долго сидела на приступке рамы, разумно шевеля усиками и время от времени открывая нарядные крылья. Обсохла, поползла, пошла по стеклу и вдруг забилась о стекло и ярким, уже чуть растрепанным лоскутком скатывалась вниз, соря на стекло пылицу. Ее маленького разума не хватало осознать, отчего она не может улететь на волю, на простор.

Я подставил листок бумаги, бабочка скатилась на него и замерла, словно бы угадывая мои намерения. Я сложил листок кулечком, вынес в сохране бабочку и распахнул створки бумаги. Она еще какие-то мгновения повременила, словно не веря в происходящее и в то, что непогода кончилась, ей можно снова жить своей, непонятной нам, жизнью, резвиться, летать.

Она отлетела совсем недалеко, села на ветку, подышала крыльями, словно бы кланяясь мне, ее собрату по жизни, иль проверяя крыла свои, их ослабелую крепость и облегченность от потерянной пыльцы, без которой не жить ей, не опылять и не опыляться, снялась и закружилась в воздухе.

Лети, лети, великое создание природы! Живи своей жизнью. Она ведь тоже для чего-то тебе отпущена. Красуйся! Торжествуй среди природы, украшай ее и мир наш беспокойный.

17 мая 2000 года

Шибко грамотная

Я очень люблю слушать свою жену с воспоминаниями о детстве. Девять детей в рабочей семье, попробуй с ними управиться, да еще и нравственность блюсти при этом.

Отец, Семен Агафонович, работал не разгибая спины, чтобы прокормить семейство, одеть, обусть, жилье свое иметь и в тепле его содержать, так средней дочери, ныне моей жене, новые галоши купили, уже когда она ходила в пятый класс. Шла в школу и все оглядывалась, любуясь красивыми следами, что оставались на снегу.

Воспитанием, в том числе эстетическим, занималась мать, Пелагея Андреевна, женщина маленькая, подвижная, нравом крутая.

Жену мою все, кроме отца, звали в семье Милей, потому как интеллигентная ее крестная настаивала девочку наречь Людмилой, но Семен Агафонович хватил бражжонки в честь рождения очередного дитя и на пути в загс мудреное модное имя запомнил, записал Марией, и вот ведь тоже натура вятского мужика, все кругом — Миля, Миля, а он до конца дней своих — Марея, и все тут.

Так вот эта самая Миля-Мария начала ходить в первый класс, охотно писала слова: папа, мама, рама, но была востроглаза и востроуха, возвращаясь домой по железнодорожной линии, увидела на шпалах, аж на четырех, написанное мелом короткое слово. Ее в этом слове прельстило "и" краткое, она слышала уже, что в алфавите есть "и" краткое, но его на уроках еще не проходили, а она вот раз и запомнила. И, чтоб не забыть найденное на дороге слово иль радуясь грамотности своей, школьница взяла и написала слово с "и" кратким на стене, над кроватью, где она спала со старшей сестрой.

Мать узрела слово на стене и, хоть не знала грамоты, угадала как-то его содержание и спрашивает дочь свою:

— Что, шибко грамотная стала?

— Гра-амотная, — пропищало дитя в ответ.

Мать позвала сына, уже работавшего на заводе, а затем погибшего на фронте.

— Вот полюбуйся, — говорит.

Брата бросило в краску, и он заставил девчущку соскоблить известку со стены, а вместе с ней и слово с “и” кратким на конце. Затем из подполья было принесено ведро с известкой, и прилежная ученица ученической кисточкой замазывала квадрат на стене.

С тех пор не только писать редкие слова, но и произносить их вслух Миля-Мария никогда не смела.

Я уже писал где-то, как мать с отцом, употребив всю умственную дипломатию, не пустили детей в кино, смотреть кинокартину с предосудительным, с их точки зрения, названием “Багдадский вор”.

Но вот подросли дети, прибавилось забот, в том числе нравственных, у матери. Старший брат на танцы ходит, женихается, на гитаре бренчит и напевает новые песни, и девки, занимаясь рукоделием, без дела в этом доме никто не сидит, беззаботно и азартно ему подпевают и запоминают чего-нито из новой культуры. Дом полуторазтажный, мать от восхода солнца и до заката вкалывает на кухне, у печи, но слушает, что делается наверху. И вот однажды сверху донеслось дружное пение под гитару братца: “И потихоньку, помаленьку, помаленечку он Надю прижимал к своей груди, сперва рука, потом нога, потом и ноженька, и гавань тихая у Нади впереди. Умел он быстро превращать девчонок в дамочек, широким клешем он затрагивал сердца, и не одной пришлось поплакать бедной мамочке, скрывать аборт от сердитого отца...”

Мать всегда с удовольствием слушала ребят, опершись наухват, а тут открыла рот от удивления, но скоро опомнилась:

— Девки! — закричала она снизу, — эо распелись! Пол немытый, самовар нечищенный, шесток у печи не белен, а ну, марш за работу!

Потом дала, видимо, старшему выволочку, чтоб знал, чего дома при детях и при иконах петь, а чего и не следует.

Срам в этом доме не приживался.

21 мая 2000 года

Просьба пионерки

Бойкая черноглазая девочка рано осиротела, попала на воспитание к бабушке еще малюткой. Бабушка строга, почти сурова, всегда одета в черное — вечный на ней траур по мужу, по сыновьям и родным, сгинувшим в свалке гражданской войны.

По активности своей натуры девочка, конечно же, не миновала пионерской организации, чему бабушка не обрадовалась, но и не запрещала состоять в пионерах. Чего сделаешь — век такой.

Вся пионерская организация родного приволжского села была охвачена зудом патриотизма, и детям было дано задание выявить в селе всех живых и мертвых красных борцов за советскую власть. Прискакала девочка домой и с вопросом к вечно занятой работой бабушке:

— Баба, а баба, скажи мне, кто у нас в родне был активным борцом революции и участвовал в борьбе за советскую власть? Скажи, а я запишу и на пионерской линейке доложу.

Бабушка подняла голову от гряды, которую полола, вытерла руки о передник и, размашисто перекрестившись, глядя в небо, сказала:

— Бог миловал, не было, не было никого из супостатов.

23 мая 2000 года

Чудо

В годы преобразований и всяческих огородных причуд, конечно же, занесенных к нам китайцами или перенятых у китайцев, случилось в нашем огороде чудо.

Бабушка возле бани воткнула в землю несколько семечек, формой напоминающих сердечко. Серединой лета из земли парно проклюнулись темно-зеленые листочки, похожие на огуречные всходы, только значительно крупнее размером. И призадумались листочки, словно бы решая, дальше им расти или уж на всходах и уняться.

Но за серединой лета, после Ильина дня, когда дедушка наш разрешал первый раз подкопать свежей картошки, за баней обнаружили широкие, смиренные на вид листья, а под ними там и сям в тугой узелок завязанные соцветья.

Пора эта, август, в деревне щедрая, сытная. В лесу надели ягоды, пошли грибы, попевала кедровая шишка — знай разворачивайся. И тут уж не до огородных причуд, тут уж чего выдернешь из гряды, то и съешь.

Меж тем за баней зеленой шубой наросшие листья выпустили во все стороны толстые побеги, по ним из-под листьев вымахнули и заорали в яркий рупор, заявляя о себе, неслыханно-яркие, изнутри нежнейшей кремовой мякотью сияющие цветы.

И поперли, поперли во все стороны бесшабашно, удало зеленые вожжи, вытаскивая из-под листов, из самой середины круглые зеленые плоды. И в картошку они залезли, и по ближним грядам расплеснулись солнечно сияющим цветом.

Две плети за баней начали безбоязненно взниматься на черемуху, а еще две на баню, крытую дерном, влезли и цветут-полюхают там.

— Ой, тошно мне, ето че ж за чудо такое? — ахала бабушка. Но приспела пора работы на заимке, огород деревенский остался сам по себе, все в нем укрепилось, чему надо родиться — родилось. Теперь уж до уборки здесь тишь и благодать, лишь осы,

шмели, пчелы да бабочки летают, на отцветающий горох лепятся, когда змейка с гор стечет или в сумерках с черемухи вечерняя птичка голос подаст. Отчего-то едва слышный, печальный.

Вот когда началась уборка, я и влез по углу на баню и обнаружил там три агромадных желтых плода, да еще мелких мячиков много, и за рукав бабушку, и к бане.

— Баба! Баба! Посмотри, че у нас выросло-то?

Бабушка приставила лестницу к бане, взобралась наверх и давай креститься:

— Свят! Свят! Свят! Это какая же такая хрукта? Ой, однако не к добру это, робяты, — и мне приказала: — Ты вот больно прыткой да глазастай у нас, и кати эти чуды домой. Будем тыквенную кашу с молоком варить, я у китайцев пробовала — еда знатная.

Вот с тех пор и ведется в нашем селе тыква, ныне и кабачки, и баклажаны, и даже перцы и всякая огородная благодать во благо и в помощь человеку.

1 сентября 2000 года

Без покаяния

Дочь главного маршала авиации Светлана Александровна прислала мне книгу о своем отце Новикове Александре Александровиче. Много он сделал для Победы, для того, чтобы вытеснить с неба фашистскую авиацию. Начав войну с командования авиацией Ленинградского фронта, принимал он и самостоятельные решения, осмеливался действовать и вопреки приказам главнокомандующего, который ни уха ни рыла не понимал как в воздушном, так и морском флоте, да и вообще в военном деле был полный невежда, но мнил себя, и ему это внушили, — он бог, а бог знает все.

Из-за него, трусливого, подлого, но обладающего сатанинской силой, потеряли мы половину России, миллионы, миллионы и миллионы людей.

Каково-то было людям, подобным Новикову, поднимать из руин армию и флоты, каково-то было ослушаться всевластного самодура и палача своего народа?

Но они, эти невероятные люди, главный маршал авиации Новиков, главный маршал артиллерии Воронов, командующий военно-морским флотом, образованнейший человек своего времени Кузнецов и, конечно же, то приближаемый, то в пекло военное засовываемый маршал Жуков, видимо, подставляемый под смерть, они, употребив сверхусилия, сумели с колен поднять армию, флот, авиацию, артиллерию, спасли не только страну нашу, но и шкуру с акцентом великого вождя и полководца, которую Гитлер сулился натянуть на военный барабан и сделать под его гром марширен по Красной площади.

И какова же была благодарность этого человека, умеющего сеять зло и не помнить добра? Главных маршалов авиации и артиллерии он упрятал надолго в тюрьму, умницу Кузнецова довел до самоубийства, Рокоссовского “домой” отправил и даже Жукова, правую свою руку, подверг опале, задвинул его в темный угол и оттудова вынимал лишь для парадов.

Вместе с этими достославными маршалами, боевыми и честными людьми, репрессиям были подвергнуты сорок самых боевых генералов и сотни тысяч воинов, побывавших за рубежом и увидевших, что жили мы и живем не так счастливо, как нам это внушали.

Кто-то подсказал отцу и учителю, что в истории масса примеров, когда победоносная война вызывала недовольство, бунты и потрясения. И сатана, насланный дьяволом на землю русскую, нанес упреждающий удар по своему народу, по своим главным командирам, любимцам народа, таким как маршал Рокоссовский. Боялся, что если эти мужики объединятся, тогда и ему, всевластному владыке, несдобровать.

От сталинских славных ударов народ наш так и не оправился, ослаб духовно и физически, и теперь едва ли уж восстанет он во всем величии и красоте, в том облике, каким задуман он был создателем небесным.

Когда-то герцог Веллингтон, разбивший армию Наполеона при Ватерлоо, объезжал в одиночестве с опущенной головой и уроненной вниз саблей поле битвы и просил прощения у всех убитых: англичан, французов, у сотен тысяч погибших побежденных — победитель просил прощения и у Бога за то, что вынужден был сделать против его воли, пролить кровь братьев по земному родству.

Размышляя над судьбами больших, главных людей войны, я думаю, что пали рано и кару незаслуженную приняли наши славные маршалы-победители и полководцы оттого, что не попросили прощения у мертвых, не повинились перед Богом, перед обездоленными женщинами, перед страдания неслыханные перенесшим народом своим.

Они, как и главнокомандующий их, отец и учитель, богом земным себя почитающий, просто забыли об убиенных, об осиротелых детях и овдовевших русских женщинах.

Есть такие тяжелые людские грехи, которые Господь и хотел бы, но не в силах простить.

29 августа 2000 года

Не судите...

Один солдат, несший службу аж на острове Диксон, совершил подсудный поступок, я уж сейчас и не вспомню какой, не то в бега подался и, набродившись вволю по тундре, вернулся назад, не то украл чего, не то к женщине, здесь морозоустойчивой, приставал и нанес ей моральный ущерб.

Словом, провинился.

Судить солдата на самолете вылетел целый военный трибунал. Он хоть и трибунал, хоть и военный, но тоже из живых людей состоит. Засиделись служители военной фемиды в теплых кабинетах, решили прокатиться в даль заполярную, погулять там на просторе, встряхнуться, маленько поохотиться, рыбки-омуля издаля привезти...

Солдата они осудили быстренько на фантастический по нашим меркам срок — два месяца заключения. Но тюрьмы-то на Диксоне нет и осужденного девать некуда. Надо вывозить на магистраль. А тут пурга ударила. Заполярная, дурная, сроков никаких не признающая, и просидел трибунал вместе с осужденным целых два месяца на острове, насквозь продуваемом.

С тех пор, говорят, наш военный трибунал боится куда-либо летать, особенно в Заполярье, он истребывает подсудимых к себе и ведет себя смиренно, не свирепствует, ибо эти судьи на себе испытали библейскую мудрую заповедь: "Не судите, да судимы не будете".

2 сентября 2000 года,
с. Овсянка

Нас не напугаешь

В нашу вечно смутную Россию из наиболее благополучнейшей страны Швейцарии прибыло шоу — цирк ужасов. Из столицы, посчитав его обузой или заранее забраковав, это знаменитое шоу перебросили в провинцию.

Побывал этот цирк и в Красноярске. Показывали почти настоящих чертей, гангстеров, людоедов, пиратов, даже шевелящегося удава или змея горыныча в облаках и ядовитых парах сверху спускали — никакого рева, публика молчит, не аплодирует, кто-то даже сорванным пропитым голосом крикнул: "Халтура!.."

Возглас вполне закономерный, наша жизнь была и есть такое ужасное шоу, которое швейцарцам в самом кошмарном сне не привидится.

Мы и не такое видали! Достаточно прочесть мемуары бывших гулаговцев или уголовную хронику в газетах, чуть-чуть приоткрывающую ту бездну, в которую мы согласно и благодушно скатились и уж не чаем, как отудова выбраться.

Нас резиновыми чертами и пластиковыми змеями не напугаешь. Не на тех напали!

2 сентября 2000 года

Прикосновение к поэзии

"Жили были дед да баба, ели кашу с молоком, осердился дед на бабу, хлоп по пузе кулаком".

Вспомнилось вдруг, что это было первое стихотворное творение, услышанное мной. Очень я смеялся, представив, как мой дед Илья хлопает по пузе кулаком преподобную мою бабушку, Катерину Петровну, потому как других дедов и баб на их месте я представить не мог, и подобное действие деда ни теоретически, ни практически осуществиться не могло.

Во-первых, я никогда не видел, чтобы мои дед и баба вдвоечком вкушали что-либо, в том числе и кашу. Всегда за столом семьей, всегда "колефтив", или уж по припоздалости иль раннему вставанию для поездки в город иль на пашню мог кто-то из них наскоро перехватить на кухонном столе кружку молока с хлебом.

Кроме того, дед, живя в содомном, драчливом селе, никогда в жизни не поднимал руку на бабушку. Она хоть и генералила в дому и во дворе, бранилась на всех, но край знала и, боясь дедушки, как огня, не доводила его до крайности-то. Вот и жили они вроде бы поврозь, но чуть не полтора десятка детей на свет произвели.

Секреты деревенской любви и тайности с виду простоваты, но на самом-то деле ох как скрыты от глаза, особенно от постороннего, и "хлоп по пузе кулаком" это всего лишь забавная, складная сказка и не более того. ■

3 сентября 2000 года,
с. Овсянна

Александр КРАВЦОВ

Прощан

Погожий день причерноморского бархатного сезона умиротворял ласновым теплом, мирным рокотом прибоя, наводил на мысли об устойчивости земного бытия и примирении со всем, что нам не по нраву. В такие дни трудно заго-

е перед ВЕЧНОСТЬЮ

ворить о брэнном. А если надо и другого времени не найти?..

Двое сидели над морем. Оба — седые, несмотря на значительную разницу в возрасте, сухопарые и прямые, как те деревья, что умирают стоя. Имена обоих вписаны в военную историю страны...

Генерал Давид Ортенберг настиг Константина Симонова в райском уголке, совсем не полезном при его смертельной болезни. Начинать разговор об этом без открытого повода было по-медвежьи неуклюже.

Ортенберг исподтишка взглядывал в глаза друга. Он привык

читать в них многое, но сейчас все было скрыто за нейтральной созерцательной усмешкой. Так Симонов смотрел на море, на берега, на цветы и деревья, на него. Слово не он, Давид Ортенберг, редактор газеты "Красная Звезда", в 1938 году осмелился взять двадцатитрехлетнего юнца, вчерашнего студента, в прифронтовую редакцию с более чем нетрадиционным заданием: "Будешь вести репортажи в стихах". Дело было на Халхин-Голе, на короткой, но настоящей войне. А Великую Отечественную Симонов встретил уже известным всему СССР поэтом, хоть и в ту пору было ему всего двадцать шесть лет. В тридцать, если бы Сталину пришло в голову, как Александру I, учредить Галерею победителей, портрет подполковника Н.М.Симонова красовался бы в ней среди военачальников и героев... Сейчас ему только шестьдесят четыре... А он уходит. Рано!..

И старый друг решается:

— В Израиле лечат тание заболелания. Лучше поехать туда...

Симонов смущенно кривит губы:

— Давид, дорогой! Нельзя же тратить жизнь только на то, чтобы выжить...

... Через неделю его не стало.

При жизни он был популярен, словно киноактер на роли социальных героев. Умел носить любые костюмы и даже в застиранной гимнастерке выглядеть щеголевато. Его любили снимать фотокорреспонденты и кинохроника. Ни у кого не было сомнения в том, что судьбой предназначено ему быть удачником, победителем и лидером во всем, к чему приносится.

И лишь близкие да умеющие заглянуть поглубже знали, что Симонов был застенчив и скромно. От бытовых мелочей до шумных чествований. В абхазском застолье, сидя рядом со мной, он машинально сдвинул свою курительную трубку под мою тарелку, стал искать, а когда нашел, смутился и нестройно проговорил:

— Простите... Вот как... запустил!

Мы с актером Сергеем Конориным при его соучастии репетировали моноспектакль "В душе моей и в дому". Он отдавал нам еще не опубликованные страницы из военных дневников, пристально внимал каждому фрагменту, который мы показывали ему для консультаций, но никогда не просил показать что-либо в порядке контроля или цензуры. Однажды не сдержал слез после исполнения актером знаменитого стихотворения "Жди меня":

— Не думал, что эти стихи можно повернуть и так!..

После генеральной репетиции Константин Михайлович обратился к Ортенбергу и критику Лазареву, а заодно и к редакторам Росконцерта, от которых зависел более или менее благополучный прием программы:

— При обсуждении учтите, что я стою по ту сторону баррикад, так что всю критику — в нас троих...

Он расспрашивал об идущем спектакле всех, кого мог, радовался успеху. С ним делились впечатлениями его мать, дети, литературные секретари. Ему и самому хотелось посмотреть моноспектакль на публике, но что-то мешало, и однажды он признался:

— Сережа в каких-то местах впряму играет меня, а мне в та-

ной ситуации находиться в зале неудобно. Если выдаться где-нибудь ложа с отдельным входом или что-нибудь похожее, позовите!

На предложение дирекции Центрального Дома литераторов показать моноспектакль на писательской аудитории отвечал решительным отказом:

— Когда меня переизберут из председателей Правления этого Дома, появится такая возможность. Раньше — нет.

... Во время войны он выказал большое личное мужество, умея сохранять хладнокровие перед лицом почти неминуемой гибели. По его собственному признанию, "слабину дал два раза".

"Во-первых, когда ехали по германской дороге, вдали от города, и вдруг увидели бегущих и стреляющих вверх наших солдат и офицеров. Они кричали: "Конец войне! Победа!" А я вдруг почувствовал, что темнеет в глазах. Вышел из машины, и меня вырвало в сторону от дороги... Таной вот диний натурализм приключился...

А вскоре после этого мы попали в настоящий международный концлагерь. Никто из нас не предполагал, что могли существовать лагеря смерти в таких масштабах — многие тысячи советских людей, чехов, поляков, американцев, англичан, французов. Все они бросились к нам, обнимали, благодарили. И вдруг кто-то крикнул: "Смотрите, здесь Константин Симонов!" Честно говоря, я был обескуражен всем остальным настолько, что ничему уже не удивлялся, тут же был подхвачен и водружен на бочку или ящик. Я понял, что надо сказать какие-то самые нужные для этих людей слова. И само собой сказало: "Жди

меня, и я вернусь. Только очень жди..." Оказалось, что они все знали эти стихи... С трудом борясь с собой, почти задыхаясь, я дочитал до конца. И не сдержал слез. Но стыдиться было нечего: плакали все — и узники концлагеря, и освободители. Есть предел мужской сдержанности..."

"Удачнику" Симонову пришлось срочно уехать долой с глаз правительства, которому он не угодил, в частности, слишком настойчивой памятью о жертвах, которые принес народ в годы войны. Во время войны слово "Ташкент" стало синонимом понятия "эвакуация". Подполковник Константин Симонов отправился в эвакуацию после Победы. В самые трудные для него годы друзья и даже враги верили в благополучный исход этой нелепой истории. Был опубликован дружеский шарж Л. Игина с эпиграммой: "Жди меня, и я вернусь снова в литвожди". Если отбросить общественные и руководящие посты, которые он занимал, и определить его влияние, так сказать, в чистом виде, лучше всего обратиться к стихам Евгения Евтушенко, написанным уже в семидесятые годы:

Константин Михайлович

Симонов,

Вы в душе моей и в дому.

Не из вымпелов,

не из символов —

Я вообще не молюсь никому...

Никогда он не был кумиром, зато всегда — живым пульсирующим генератором антивоенного гуманизма особого рода: от имени человека, повидавшего все уродства войны, он звал не к пацифизму, а к умению жертвенно сражаться в защиту семьи, народа, сохранения мира. Его героями

1942 г. С Евгением Петровым
на Нарельском фронте

всегда были солдаты, главные победители гитлеровского фашизма. Генералов и офицеров он ценил прежде всего по талантливому умению слышать рядового солдата, а не управлять серошинельной "массой", укладывая полк на полк и дивизию на дивизию. Он был солдатским военным корреспондентом — собирателем свидетельств личного подвига рядовых и сержантов на фронтах Великой Отечественной войны...

По Берлину в первые майские дни 1945 года подполковник Симонов бродил, удивленный лицом врага при ближайшем рассмотрении. Ему, как всем нам в военные годы, "третий рейх" казался кроваво-зловещим, ненавистным, но могучим, со сложной идеологией и насквозь зараженным ею народом. В поверженном "логове врага" он наблюдал мишурность, дешевую обывательскую деноративность символов и лозунгов и немцев, которые далеко не все находились под гипнозом национал-социализма.

В имперской канцелярии Константин Михайлович обнаружил ри-

сунки Гитлера, посвященные подписанию акта капитуляции Франции в Компьене, в железнодорожном вагоне, и огромное количество орденов, "которых хватило бы на три войны". Орденами были плотно усыпаны полы в нескольких комнатах... Оставалось ощущение какой-то душной нереальности и бессмысленности жертв народов ради всего этого... И еще не давала покаянная мысль, что "главное дело всей нашей жизни уже позади и, как бы ни сложились в дальнейшем наши судьбы, ничего более важного и значительного, чем штурм Берлина, мы уже не совершим".

...Одурманенный ветром Победы, он вместе с капитаном Евгением Долматовским и двумя штатскими, композиторами Матвеем Блантером и Тихоном Хренниковым, ворвался в берлинский Дом радио. У всей компании родилась идея: записать на пластинках авторский концерт и подарить его на память командующему 8-й гвардейской армией генерал-полковнику Василию Ивановичу Чуйнову и его генералам.

Немецкие специалисты предлагали записать на магнитной пленке, но советские люди впервые увидели такую хитрованскую технику и отнеслись к ней неуважительно:

— Нет, давайте уж на пластинках — оно надежней!

Так появился первый концерт, посвященный Победе, в Берлине 7 мая 1945 года. Второй, считавшийся первым, 9 мая — на крыльце разрушенного рейхстага.

В том радиоконцерте, густо насыщенной свежей атмосферой Победы, Евгений Долматовский читал свои стихи "60 километров до Берлина", Тихон Хренников пел песни из кинофильма "В шесть часов вечера после войны", Матвей Блантер — "Песню военного корреспондента" и "Чемодан" на стихи Симонова. Сам же Константин Михайлович незабываемо прочитал "Ты помнишь, Алеша..." и "Жди меня" — классику военной поэзии.

Пластинки раздали, фанфары отгремели, на высшем уровне выпили "за великий русский народ", а вскоре многие герои войны, не только солдаты, но и генералы оказались за колючей проволокой. Я был знаком с летчиком Василием Подлесным, Героем Советского Союза, уже в послевоенные годы посадившим самолет на американском аэродроме, чтобы заправиться горючим. Ему вкатили 25 лет лишения свободы и, разумеется, лишили всех наград якобы за измену Родине, хотя было ясно, как Божий день, что человек болел за машину, хотел сохранить ее в строю. Знал я и генерала-танкиста Федорова. Его осудили за антисоветскую агитацию к 10 годам ситаний по местам за-

1943 г.

ключения... Словом, вождь недвусмысленно заявил, что "в карете прошлого далеко не уедешь" — и на долгие годы праздник Победы стал узко семейным. Появилась даже известная песенка со словами: "Молодежи довольно смеяться и петь, старикам — вспоминать про бомбежку..."

Лишь к 20-летию Победы решено было вернуться к незабываемому, и я придумал всесоюзные радиопередачи о маршалах и солдатах войны. Равно значительными героями этих радиоповестей стали маршал В.И.Чуйков и рядовой, кавалер Ордена Славы всех трех степеней, во миру — мастер ремонта обуви Иван Тимошкин.

К.М. Симонов горячо поддерживал затею, мог позвонить среди ночи и подкинуть ценнейший материал, а нередко и успеть "сватать" меня героям будущей эпопеи. Так в кабинет командующего сухопутными войсками Советской Армии В.И.Чуйкова я пригласил Долматовского, Хренникова, Блантера, от них узнал о пер-

1943 г.

вом радиоконцерте в мае 45-го и "заболел" желанием во что бы то ни стало найти его и пустить в эфир. Но пластинки у всех генералов, включая Чуйнова, были либо утрачены, либо зашумлены и запилены до полнейшей неразборчивости. Выручили сотрудники нашей воинской радиостанции "Волга" в Германии: там оказалась магнитная пленка с записью тех, кто готовил сувенирные пластинки для русских "культурмейстеров", — немецкие звукооператоры записали сами "себе на память"...

Специальный самолет по приказу Чуйнова за одни сутки доставил прямехонько в мои руки ценнейший груз. Еще и честь отдали так торжественно, точно на мне были маршальские звезды...

Наши с Константином Михайловичем пути сблизились. Когда он узнал, что в своих радиопостановках я люблю занимать только близких мне по творческой вере актеров и что один из них — Анатолий Папанов, Симонов затеплился доброжелательством. Это был еще 1962 год, и я ничего не знал об экранизации симоновских "Живых и мертвых"...

После выхода в свет этого романа и, особенно, после того, как его события ожили на киноэкране, началось сложнейшее противостояние Константина Симонова и Главного политуправления Советской Армии. Официальные идеологи патриотизма не желали вспоминать о годах отступления и массовых

окружений наших полков, дивизий и даже армий превосходящим в технике и боевой готовности противником. Подобно тому, как нечистые духом люди в трудные годы оправдывали себя формулой "война все спишет", ложные патриоты в генеральских погонах в канун 20-летия Победы и в разгар "холодной войны" заявляли: "Победа смысла позор поражения, если даже он был. Но исторически зафиксировано в приказах Верховного командования и сводках Информбюро, что наши войска отступали на заранее заготовленные позиции". Слушать такого рода "аргументы" было стыдно даже ребенку, но Главпур стоял на своем.

Однако кончились времена, когда советского гражданина даже с таким именем как Константин Симонов могли упрятать за решетку по самому бредовому политическому обвинению.

Да и внутри армии все было уже не так, как в недавнем сталинском прошлом.

В 70-е годы мы встретились в номере К.М.Симонова в ленинградской гостинице "Европейская". Номер был роскошный: просторный, со спальней, ванной, отдельным туалетом, гостиной с

С Романом Нарменом. Берлин. Май 1945 г.

красивой старинной мебелью и мраморным круглым столом.

— Вот какой номер отчебучили мне от местного Дома офицеров... — смущенно бормотал Константин Михайлович.

— Да? — удивился я. — Так что же вас мучает? Гостиничная росношь? А я вижу в этом уважение к автору "Живых и мертвых", причем вопреки кислой mine идеологического начальства...

— Этой мыслью только и утешаюсь, — облегченно засмеялся Симонов.

Через несколько часов он говорил перед залом, заполненным военными:

— После выхода в свет романа, а затем и фильма о живых и мертвых мы стали свидетелями недоговоренности некоторых больших начальников с бывшими фронтовиками. То есть это так думают те, кто плохо знает войну и еще хуже — русского солдата. У нас нет бывших фронтовиков — они раз и навсегда, до конца жиз-

ни — фронтовики... Солдаты узнали себя в моем романе, фронтовые офицеры и генералы согласились с той правдой о войне, которая живет на моих страницах. И есть у меня один аргумент, против которого возразить нечего. Вот он. Когда меня упрекают в популяризации периода отступления, я показываю стихотворение, написанное в те самые горькие годы.

И добавляю: "Если уж Сталин не осудил мои стихи об отступлении, что же вы так стараетесь?"... Вот эти стихи. Я написал их жестко:

*Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Восходит у нас за спиной.*

*Мы мертвым глаза не закрывали.
Придется нам вдовам сказать:
Мы слишком с тобою спешили,
Чтоб долг им*

последний отдать...

Горькие и тяжелые стихи, не оставлявшие слушателей равнодушными ни в 40-х годах, ни в

70-х, ни сейчас, уже в другом веке...

Я сопережил атмосферу съёмки фильма "Живые и мертвые" в марте 63-го, на поле под Владимиром. Стояли невиданные морозы. Съёмочная группа во главе с режиссером Александром Столпером чувствовала себя вовсе не в условно боевой обстановке. В гостинице я слышал фразу "Деревня уже горит, так что поторапливайтесь" и понял, что найду, где погреться. Однако горела пиротехника, тепла не исторгая. В автобусах и танках было студено больше, чем в открытом поле. Но люди работали спокойно и слаженно. В кино не так уж часто встречается столь единая заинтересованность всех и каждого в успехе дела.

— Нельзя, чтобы получился "еще один" фильм о войне, — обронил я в поезде на обратном пути в Москву.

Анатолий Папанов, благодаря роли генерала Серпилина ставший актерским лидером съёмочного коллектива, ответил:

— Но если ты, я, оператор, такелажник — все чувствуем так же, как Столпер, может фильм оказаться в "калашном ряду"? (Анатолий Дмитриевич употребил понятие из лексикона тогдашних танкистов, среди которых водились первачи "асы" и остальные — "калашный ряд".)

Появление "Живых и мертвых" на киноэкранах стало стихийным всенародным событием...

...В нежаркий день на исходе лета по тротуарам Садового кольца на несколько кварталов растянулась очередь: люди пришли проститься с частью своей личной биографии — Константином Симоновым.

Во время гражданской панихиды я оказался на сцене Центрального Дома литераторов, вблизи от гроба. В конце ритуала поднял и понес этот гроб с несколькими мунчицами. На площадке узкой лестницы ношу пришлось приподнять, мы встретились глазами с Папановым и поздоровались, одинаково ощутив как бы посмертное благословение человека, сыгравшего немалую роль в наших судьбах.

На улице, у катафалка, Толя до боли сжал мой локоть и повел почему-то в сторону Садового кольца. Он был обескуражен этой утратой, справедливо видя в Симонове отца, который выбором актера на роль Серпилина перевернул представление о нем в кино и в театре: узко комический актер раскрылся в огромном диапазоне, от лирики до трагедии, вырос до масштаба великого артиста эпохи.

Мы дошли до турникетов, перенрывших проход и проезд по улице Герцена до отправления траурного кортежа. Папанов сообразил, где мы находимся и повел меня обратно, по-прежнему вцепившись в мой локоть.

На опустевшей площадке перед катафалком нас ожидало мистическое потрясение: у распахнутой задней двери ритуального автобуса стоял и горько плакал Константин Михайлович, только осунувшийся, ссутулившийся — постаревший. На некоторое время мы замерли, забыв обо всем на свете, кроме необъяснимого видения... Затем отступили ко входу в ЦДЛ, и я спросил знакомого артиста-чтеца, как объяснить происходящее. Тот ответил:

— Это — старший брат Константина Михайловича... Очень скромный человек.

Симонов завещал снечь свой прах и пепел рассыпать по полю, на котором он чудом остался живым в одном из сражений...

Не миновала еще первая годовщина смерти, когда некие важные обстоятельства заставили нас с писателем Зиновием Паперным провести в Центральном Доме актера вечер памяти К.М. Симонова. В основу сценария я положил кинохронику и фрагменты из авторского документального фильма о судьбе и творчестве Михаила Булгакова. Такой лейтмотив вынуждал тщательно отбирать участников вечера. Я, например, не нашел, кому из артистов доверить еще не опубликованные в то время последние стихи Константина Михайловича, и читал их сам:

*Заканчивая путь земной,
Всем сплетникам напомяну я:
Так или иначе со мной
Еще вы встретитесь, друзья!*

*Я вам оставляю столько нниг,
Что после смерти обо мне
Не лучше ль спрашивать у них,
Чем лезть с расспросами
к родне!*

Из моноспектакля читал фрагменты Сергей Кокорин. Память странным образом стерла выступления весьма достойных людей — я был сосредоточен и слишком взволнован.

Но помню во всех подробностях появление на репетиции Леонида Осиповича Утесова. Это было странно, потому что на репетицию его не приглашали: он уже не пел и должен был лишь рассказывать о встречах с Симоновым.

— Саня, — заявил Утесов с порога, — мне пришла в голову

идея. Но ты должен будешь сказать честнее честного, согдится она или нет.

Он поднялся на сцену, сделал едва заметный знак в сторону радиорубки.

Раздались знакомые звуки удалой "Песни военного корреспондента" и Утесов... запел, как в молодости. Был при этом непосредственным и заразительным, держа постоянную связь с залом. Даже мы, профессиональные "стреляные волки", не сразу сообразили, что пел он под старую фонограмму. На вечере артист вдруг сам раскрыл прием: перестал петь и слегка поднес левую ладонь к уху, как бы отправляя нас в год Победы, когда была сделана знаменитая запись:

*Под ветром и стужей
Петь мы стали хуже,
Но мы снажем всем,
кто упреннет:
С наше поночуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!..*

Публика поднялась с мест и устроила овации. А Утесов взял томики стихов Симонова и прочитал сделанные им после цензуры поправки. Одна из них звучала так:

*От ветра и от водни
Охрипли наши глотни,
Но мы снажем всем,
кто упреннет... и т.д.*

Вечер получился поистине симоновским: с искренней горечью от разлуки с ним и с его извечной улыбкой даже в самых суровых разговорах или стихотворных строках о смерти...

И то сказать: "Нельзя же тратить жизнь только на то, чтобы выжить!" ■

Десять лет назад он организовал в Москве театр частной антрепризы — Театр Антона Чехова. И уже первый спектакль — "Вишневый сад" — стал не только удачным дебютом начинающего режиссера, но и сенсацией в театральном мире. Нетрадиционное прочтение пьесы, несколько неожиданный трактовка характеров героев удивили столичных театралов и критиков. И каждая новая постановка Леонида Трушкина

становилась событием. Хотя, к сожалению, и не таким уж частым. За 10 лет — одиннадцать премьер. Зато каких! "Гамлет" Шенспира, "Сирано де Бержерак" Ростана, "Недосыгаемая" Мозма, "Ужин с дураком" Фр.Вебера, "Там же, тогда же..." и "Чествование" Слэйда... Все эти постановки Трушкин называет "версиями", тем самым открыто заявляя о независимости своего прочтения довольно известных пьес.

Леонид ТРУШКИН:

“Без деспотизма нет режиссера”

Леонид Трушкин окончил актерский факультет театрального училища имени Щукина, а затем — режиссерское отделение ГИТИСа, курс А.Эфроса. Работать начинал актером в Академическом театре комедии. А когда служил в московском областном театре драмы, его заметил А.Гончаров и пригласил к себе в театр имени Маяковского.

...Сегодня Леонид Трушкин — не только художествен-

ный руководитель театра, но и идеолог театральной реформы.

— Леонид, судя по всему, имя Чехова для вас магическое. В театре Маяковского одна из самых заметных ваших ролей — Треплев в “Чайне”. Первая режиссура — “Вишневый сад”. Видимо, чтобы удержать удачу, и театр свой называли — Театр Антона Чехова.

— Вот уж никогда не задумывался над этим. Хотя во многом

очень важно верное название. Потому что Чехов для меня — драматург номер один. Он царит во всех спектаклях. Чехов — сверхобъективен, надобъективен, у него нет плохих и хороших героев, есть люди. Вот этот драматургический параметр я и пытаюсь соблюдать. И еще. Чехов — не драматург атмосферы. Он — драматург действия. Он помещает своих героев в обстоятельства предельные, пограничные — обстоятельства жизни и смерти. И в этих обстоятельствах характеры у него несутся к финалу как локомотивы.

— Многие считают, что режиссер навязывает актерам свою волю, свои взгляды, свое понимание вещей... Правда ли, что без деспотизма режиссура нереализуема?

— Профессия режиссера предполагает точно обозначать свое мировоззрение и стараться убедить актеров в том, что оно правильно.

— Путем аргументации, без волюнтаризма?

— Я дурную волю не люблю. Она не продуктивна. В "давящей" манере можно работать с рабами, а рабский труд, как известно, малопродуктивен. И вообще вне любви ничего хорошего не рождается. Это общие слова, но они правильные... Бывает, актеры убеждают меня в своей точке зрения. И я меняю свою позицию и ничего стыдного в этом не нахожу. Наоборот, горжусь тем, что я способен на это. Вопросы тактические мы часто обсуждаем сообща, и далено не всегда я бываю прав.

— Каким артистам вы отдаете предпочтение?

— У Анатолия Эфроса было такое понятие: "артист-огнетушитель". Это значит, все, что бы ни говорил режиссер, актером напрочь отрицается, и ничего не предлагается взамен. Нет конструктива, один негатив. С такими артистами я не работаю.

— А как вы относитесь к человеку талантливому, волевому, но беспринципному?

— Такие в нашем театре не приживаются. У нас дважды возникали ситуации, когда актерам предложили в другом театре больше денег, и они подводили коллектив, хотя это профессионалы очень высокого уровня, всем известные. Одна из них до сих пор является лучшей актрисой, с которой мне довелось работать. Это к вопросу о нравственном начале в человеке.

— Почему такая категоричность, раз и навсегда?

— Дело в том, что наш театр — негосударственный. Его организация предполагает внутреннюю порядочность человека. Гостеатр получает дотации и практически не зависит от сборов. Там могут отменить или заменить спектакль, и ничего не случится. А мы умрем, потому что у нас других доходов нет.

— Эдвард Радзинский сетует на то, что после Товстоногова и Эфроса не осталось режиссеров, способных вывести пьесу на уровень притчи. Собственно, поэтому у него, дескать, нет желания писать для театра. Согласны?

— Нет, не согласен. Не хочу говорить о своих спектаклях, но видел "Матросскую тишину" в "Табакерке", и, мне кажется, получилась настоящая притча, и

7. Слева направо: Владимир Машков, Анна Удальцова, Владимир Машков

вообще замечательная работа. У Владимира Машкова был спектакль "Смертельный номер". Я не поклонник этого представления, но и он на уровне притчи. Кстати, сегодня почти невозможно найти драматурга, который бы писал о современности, хотя я читаю пьес очень много.

— А вы уверены, что пьеса о нынешнем времени будет востребована зрителем?

— Здесь важно понять, о чем идет речь. Нынешний прессинг жизни непривычен для нас. Мы же, в принципе, бездельники. В абсолютном своем большинстве. Я и себя не исключаю. Привыкли при советской власти жить вразвалочку. Не знали, что такое рынок, рейтинг, что значит поте-

рять деньги, не знали, что такое риск, обязательства, кредиты и так далее. Колоссальное количество стрессов обрушилось на нас с приходом здравого смысла. Я сейчас барахтаюсь значительно больше, чем если бы был режиссером гостеатра, где можно не иметь успеха, самые дорогие билеты продавать по сто рублей и жить не напрягаясь. Моя жизнь проходит в другом режиме, в режиме капиталистов. А значит, надо работать на пределе возможного.

Так вот, по поводу того, что требует время в театре. С моей точки зрения, оно требует тепла, релаксации зала. Вот и все. Жанр трагедии сегодня, мне кажется, неуместен. Потому что

этот жанр в большой степени присутствует в жизни.

— Но ведь в жизни — темное-светлое, минусы-плюсы, смех-слезы.

— Конечно, все так... Поэтому мне дороги фильмы Данелии и Рязанова. Встык и грустное, и смешное. У нас сентиментальность — чуть ли не ругательное слово, а если подумать, то корень переводится, как чувство.

— Вы однажды сказали, что если в зрительном зале онаятся прототип отрицательного персонажа, — аморального, циничного, умного и успешного Уолтера из "Цены" Миллера, то вам важно, чтобы этот человек как бы увидел себя со стороны, опомнился и раскаялся. Но ведь одним запоздалым раскаянием моральный климат общества не изменить.

— Надо же с чего-то начинать... Нынешние российские капиталисты свой бизнес делают по-советски — кондово и дино. Общаясь с очень богатыми людьми, я пришел к выводу — они ущербные. Мне их просто по-человечески жаль. Говорю об этом абсолютно ответственно и серьезно, без иронии. Потому что у них ничего нет, кроме денег. Несчастливые люди. Так же как театральный режиссер, который кроме театра ничего не видит. У меня это вызывает не восхищение, а сочувствие.

— В наше циничное время многие деятели искусства уже привыкли на некоторые "нюансы" закрывать глаза и, активно "прогибаясь", выпрашивать инвестиций, спонсорской помощи.

— Совсем недавно на спектакле мне предлагали на жизнь те-

атра приличные деньги — сто тысяч долларов — очень известные люди. Не взял.

— Интересно, почему?

— Потому что я хочу построить негосударственный театр антрепризы, а предлагаемая сумма по сравнению с той, которая нужна для реализации проекта, слишком мала. И если просто ее прожрать, то это нас ослабит и развратит, мы станем меньше работать. Нет, на жизнь мы зарабатываем сами. Нам хватает. Из десяти лет существования вот уже шесть я принципиально не беру денег на развитие.

— Получается, что любые с неба упавшие деньги — вред?

— Абсолютно верно.

— Значит, у вас не будет собственного здания Театра Антона Чехова?

— Нужно создать театр, который бы не брал деньги у государства. В Москве пятьдесят пять театров, каждый месяц они получают деньги в виде дотаций. Так давайте построим хотя бы один, не нуждающийся во вливаниях. Да, государству придется содержать это здание. А работать в нем будет тот, кто сможет систематически заполнять его зрителями в течение всего контрактного срока. К примеру, я подпишу контракт с определенными взаимными обязательствами на некий срок, скажем, на год. При невыполнении обязательств, допустим, с моей стороны, контракт не продлевается.

— То есть будут оговариваться некие форс-мажорные обстоятельства?

— Почему обязательно форс-мажор? Просто нормальные условия, допускающие творческую

смерть художника. Почему физическую смерть мы рассматриваем как явление печальное, но естественное, а возможность смерти творческой в расчет не принимается? У нас люди в девяносто лет продолжают руководить театром из постели или бесконечных санаториев. И это не их вина. Дело в государстве. Система должна заставить человека быть нравственным...

Однанды Рузвельт собрал у себя в Белом доме представителей Сената... Когда расшифровали стенограмму многочасовой дискуссии, самым часто употребляемым словом было "совесть". Вот это и есть патриотизм, о котором мы много говорим, но понятия о котором не имеем. У нас кто больше ругает Америку, тот и патриот. А мне, извините, наплевать на Америку и на любую другую страну. Я живу здесь. Меня интересует только моя страна и ее болезни. Но я вовсе не буду радоваться болезням Америки. Пусть у них все будет хорошо. У всех. Но прежде всего я хочу, чтобы было хорошо у нас, в России. А для этого надо иметь совесть. Без совести, без этики, о которых я все время талдычу,

ничего не будет с любимыми деньгами. Их разворуют. И никто не будет по-настоящему счастлив в таком государстве — ни бедный, ни богатый.

— А разве не нужны испытания, чтобы проявилось величие человеческого духа?

— Глупость, по-моему. Гуманизма в обществе тем больше, чем общество здоровее.

— Олег Табаков, касаясь проблем МХАТа, сказал, что театр не существует без зрительского спроса.

От автора
фильма
«Душаном»
Д. Васильевича
и Г. Хованца

— Полностью с ним согласен. Но мне хотелось бы перевести внимание на другой театр, наверное, сегодня главный театр Москвы. Руководит им Петр Фоменко. Фоменко один, и за Фоменко себя "выдают" порядка пятидесяти режиссеров. Некоторые из них утверждают, что, в отличие от Захарова и Трушкина, которые делают "настроюли", они занимаются "космическими кораблями", поэтому им нужны господотации. Я видел кое-что из этих работ. По уровню — точно не космос. А вот Петр Фоменко занимается в театре фундаментальной наукой, комплексными исследованиями. Но это не привлекает большую зрительскую аудиторию. И вот тогда нужна государственная поддержка. Такая моя позиция. Хотя специфика дарования режиссера такова, что он не раз доказывал свою состоятельность и в тысячных залах. Когда люди из андеграунда говорят: "Нам это не интересно", имея в виду его творчество, его реалистическую манеру, я вспоминаю Пикассо. Будучи великим рисовальщиком, он изображал женщину в манере кубизма, от которой меня брали оторопь и ужас. Но этот художник вызывает у меня доверие, потому что он мог гениально рисовать и в классическом варианте. Делать все, что угодно и как угодно, — привилегия не дилетанта, а большого мастера. У нас, кроме Фоменко, на это имеет право, может быть, еще Валерий Фокин. Жалко, что он ушел с большой сцены.

— По вашему мнению, альтернативой репертуарному театру является антреприза?

— Так же, как и в гостеатре, у нас тоже есть текущий репертуар из пяти спектаклей, а труппы нет. И это хорошо. Когда есть нечто постоянное в художественной части театра, неизбежен застой. А с ним — зависть, интриги, деградация.

— Нама Гиннас считает, что в своей редакции того или иного спектакля режиссер как бы исповедуется перед зрительным залом. А поскольку это процесс интимный, то играть надо в камерных помещениях...

— Это не только исповедь, но и проповедь. А как быть с кино? Все очень умозрительно. На мой взгляд, здесь нужно говорить об энергетике. Ведь зритель идет в театр зарядиться. Более того, после успешного спектакля артисты не могут долго заснуть, потому что они заряжаются энергией зала. Происходит взаимный процесс. На гастролях в Израиле мы впервые играли перед тремя тысячами зрителей в зале на тысячу четыреста мест. Спектакль прошел как никогда замечательно. И прежде всего за счет энергетике. Артисты играли на "разрыв аорты".

— Совсем недавно, всего лишь десять лет назад, нам безумно нравилась метафоричность, иносказательность...

— Это было связано с нашей несвободой.

— Зато как льстило, что мы понимаем подтенст.

— Все происходило только из-за нашего рабства. Сейчас мы освободились. Я и полюбил ясность в связи с подаренной мне свободой. И нравится, что сегодня не проходят "фиги в кармане".

— Время быстро меняется. Помните, с каким упоением народ смотрел трогательные истории: "Таня", "Варшавская мелодия", "Стряпуха", "Традиционный сбор"... В принципе, простые человеческие отношения, по нынешним меркам ужасно naive...

— Это не значит, что мы тогда были лучше или хуже. Просто другие... Жизнь стремительно меняется, и я очень боюсь, что не успеваю за временем. Но я живу, как живу... Присматриваюсь к молодым. Они реактивнее. Мне 49 лет, и я уже ощущаю свой возраст.

— В одном из интервью вы сказали, что хотели бы "гражданской войны" в зале на своем спектакле. Что это?

— "Гражданская война" — внутреннее состояние. Я хочу, чтобы ко мне приходили идеалисты, и вообще, чтобы в жизни их было больше. Потому что идеализм, как мне кажется, есть высшая форма прагматизма. Вот

те, кто думает, что можно быть счастливым в окружении несчастных, — заблуждаются. Невозможная, унижительная ситуация для нормального человека...

— Вы надеетесь если не на "гражданскую войну" в головах ваших зрителей, то, по крайней мере, на душевное смущение, на коррекцию неких "морально-нравственных" убеждений?

— Хотелось, чтобы так оно и было. Профессия режиссера, актера не связана с насилием, а требует только эмоционального убеждения. Театр — самый гуманный метод изменения мира.

Когда-нибудь в театр придут социологи. Время от времени будут тестировать зрительный зал теми вопросами, которые озвучивают режиссер и актеры, играя жизнь на сцене. И по эмоциональной реакции зала будут судить о духовном состоянии общества. ■

Беседовал

Юрий ПЕТЕЛИН.

БЛИЗНЕЦЫ 22 МАЯ — 21 ИЮНЯ

Людам этого знака больше, чем кому бы то ни было еще, свойственны духовность, подвижность и отсутствие условностей. Их отличает быстрота мыслей и действий. Язык, как средство общения, чрезвычайно много значит для Близнецов, поэтому они незаменимы там, где нужно вести длительные и запутанные переговоры. Стоит, однако, заметить, что их незаурядные ораторские способности зачастую уравновешиваются внезапными и неоправданными скачками мысли. Но такова вообще сущность этого знака — двойственность.

Люди, рожденные под знаком Близнецов, стремятся к знаниям, жадны к учебе и способны учиться. Их изобретательность и сила воображения часто дают им писательский талант; из них получаются смелые экспериментаторы и острые критики.

Получившие хорошее образование Близнецы приятны и культурны в общении, необразованные — кошмар для окружающих, поскольку их поведение определяется минутным настроением. При небольших неудачах они испытывают депрессию, но в действительно трудных ситуациях редко теряют самообладание. Их изобретательность достойна уважения.

Близнецы любят реализовывать самые смелые свои идеи. Пользуются популярностью, так как могут с блеском вести беседу, быть предупредительными, общительными, тонкими, но крайне не любят быть привязанными к одному месту или одному человеку. Их хозяйственность и домовитость почти равны нулю, поскольку в характере преобладают ненасытное любопытство и постоянный поиск нового духовного опыта. Любят поездки и перемены.

Хотя материальные блага их не очень привлекают, но они означают для них власть и свободу, а, следовательно, нужны

им. Близнецы обожают сокрушать всякие устои, нарушать правила, восставать против начальства, защищая свою индивидуальность. Они пальцем не шевельнут ради соблюдения общепринятых условностей, но с возрастом начинают понимать необходимость спасительного компромисса, а также то, что без сотрудничества невозможно самореализоваться. При условии преодоления тех недостатков, к которым у них есть предрасположенность, Близнецы могут быть очень счастливы. Если же это по каким-то причинам не выходит, их удел — черная меланхолия.

Под знаком Близнецов рождены: Александр Пушкин, Поль Гоген, Джон Кеннеди, Артур Конан-Дойль, Мерилин Монро, Александр Твардовский и многие другие. Для заключительной публикации (цикл "Звезды астрологии" мы начали в № 6 в 2000 г.) мы выбрали одну из наиболее типичных представительниц этого знака — Франсуазу Саган, живую легенду французской современной прозы.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

С печалью не прощаются

Мечта любого пишущего человека: проснуться знаменитым после публикации первой же повести, рассказа, романа, стихотворения, пьесы, в общем, первого шедевра. Потом, разумеется, деньги, увлекательные путешествия, поклонники, автогра-

фы, банкеты, фуршеты... Счастье!

"Если человек очень хочет быть министром, он им станет, и именно это будет ему наказанием," — метко заметил однажды французский писатель Стендаль. Сто пятьдесят лет спустя его

юная соотечественница Франсуаза Нуарез смогла лично убедиться в справедливости этого высказывания. Свой первый роман она написала в семнадцать лет, мгновенно обрела всемирную известность и настоящее богатство и... навсегда потеряла душевный покой и возможность быть счастливой.

Впрочем, деньги для нее мало что значили. Франсуаза родилась 21 июня 1935 года в семье богатого промышленника, ни в чем не знала отказа, получила великолепное образование в закрытом и сугубо элитарном католическом пансионе, затем поступила на филологический факультет Сорбонны. Первую необходимую составляющую счастья Блинецов она, таким образом, получила, но...

У мадемуазель Франсуазы было две маленьких слабости: пить по ночам виски и писать. В результате такого времяпрепровождения три толстые тетради оназались исписанными почти без помарок. На титульном листе первой стояло: Франсуаза Саган. "Здравствуй, печаль"...

— Почему Саган? — спросила свою дочь Мари Нуарез, блистательная светская красавица и безупречная хозяйка роскошного особняка. — Откуда ты взяла это дурацкое имя?

— Классику нужно знать! — огрызалась Франсуаза и запиралась в своей комнате.

Дочь и мать не понимали друг друга абсолютно. С тем, что Франсуаза не унаследовала ее красоты, Мари смирилась достаточно легко. Во-первых, с таким приданым, какое предназначалось Франсуазе, старой девой

остаться было невозможно. Во-вторых, "синим чулком" ей тоже вроде бы не грозило стать, поскольку еще в лице она устроила своеобразную забастовку протеста: повесила бюст Мольера за шею, настолько скучными ей казались семинары. Ну, и в-третьих, красота легко заменяется шармом и изысканностью, нужно только постараться.

Но строптивая девчонка месяцами ходила в замызганной юбке и старом свитере, причесывалась чуть ли не пятерней, а легкой светской болтовне предпочитала заумные дискуссии о тонкостях прозы Камю и Пруста. От одних этих фамилий у мадам Нуарез начиналась мигрень и портилось настроение. Саган, кстати, — имя одной из героинь Пруста, но кто теперь об этом вспоминает?

(Кстати, по меткому выражению одного из тогдашних знакомых Франсуазы, "если бы она писала роман из собственной жизни, то назвала бы его "Здравствуй, тоска". Именно это чувство нагоняли на непосвященных беседы в избранном кругу мадемуазель Нуарез.)

Да еще издатель заплатил сопливой девчонке целое состояние: почти сто тысяч долларов! Ее собственный отец такие деньги не зарабатывал и за несколько лет, хотя считался богачом. Естественно, что Франсуаза омончательно отбилась от рук. Впрочем, она всегда была чужой в мире светских условностей.

(А наким еще может быть человек, рожденный под знаком Блинецов? Просто астрология тогда еще не обрела нынешней популярности, и мадам Нуарез

никто не предупреждал о неизбежных особенностях характера дочери.)

...Увидев на пороге своего кабинета тоненькую девочку, робко выдавившую из себя, что она "тот самый автор романа "Здравствуй, печаль!", знаменитый парижский издатель Жюйяр сначала заподозрил какой-то подвох. Не мог этот ребенок написать о радостях плотской жизни вообще, а с лирически-философским контенстом — тем более.

— Да черт возьми, этого быть не может! Вы утверждаете, что в вашем романе нет совсем ничего биографического? Что всю эту историю вы просто взяли и придумали?

— От начала до конца, — нивнула Франсуаза.

Черновики в виде трех толстых ученических тетрадей оказались у Франсуазы с собой. У издателя не оставалось сомнений: перед ним сидела самая что ни на есть настоящая романистка, причем с самым что ни на есть настоящим талантом...

В середине марта 1954 года в дождливый и сумрачный парижский день Франсуаза зашла в любимый книжный магазин на бульваре Сен-Жермен и увидела на прилавке свой роман.

— Какая-то Франсуаза Саган, — пожала плечами продавщица. — Говорят, ей всего восемнадцать, но я этому не верю.

Этому никто не верил, но это была чистая правда, хотя больше напоминало сказку или сон.

Тотчас же после выхода романа вокруг него началось нечто невообразимое. Страну охватила настоящая "саганомания": в мае

было продано 8 тысяч экземпляров, в сентябре — 45 тысяч, через год — 350 тысяч! Издателю казалось, что все это — счастливый сон, потому что в реальной жизни такого не бывает: французская беллетристика до этого не знала таких тиражей! В Америке, Англии, Италии и Японии роман мгновенно стал бестселлером. А в октябре 1955 года Голливуд купил за 3 миллиона 500 тысяч франков права на постановку фильма.

Казалось бы, Франсуаза должна была стать абсолютно счастливой, ведь больше всего на свете она боялась скуки — боялась так, как иные страшатся мышей или темноты. Не зная, чем бы себя занять, остаться наедине со скукой было для нее, как и для любого близнеца, невыносимо. В такие минуты внутри нее образовывалась липкая серая пустота и начинала засасывать, засасывать...

Со временем она научилась бороться со скукой с помощью книг, музыки, алкоголя и бесплодных мечтаний. Из всех членов семьи ее понимал лишь один человек — старший брат Жак. Злые языки приписывали им противоестественный роман, но это было очень далеко от истины. Франсуаза знала только вымышленные чувства, а Жан настойчиво внушал ей, что реальная, плотская любовь не стоит ничего, что куда важнее чисто духовные радости.

А Франсуаза между тем ощущала себя бесконечно несчастной и одинокой! У нее и так оставалось не много иллюзий относительно мира взрослых, а сейчас, после выхода книги, развея-

лись последние. Отныне это станет ее судьбой — плакать и страдать, когда приходит то, что другие называют удачей.

Тем не менее Франсуаза купила себе норковое манто, "Ягуар" последней модели, яхту и виллу на Лазурном берегу, в Сен-Тропе. Собрала ватагу друзей и попробовала стать счастливой. Ведь в конце концов этот сумасшедший подарок судьбы принес ей ту самую независимость и абсолютную, ничем не ограниченную свободу, о которой может только грезить каждый Близнец. Теперь оставалось только стать счастливой. Увы!

От нее ждали нового романа, и она понимала, что вторая книга должна быть лучше первой. Иначе критики изведут ее насмешками, да и коллеги-писатели навсегда окрестят "бабочкой-однодневкой". По ночам Франсуаза корпела за письменным столом и, промучившись до утра, выбрасывала в мусорную корзину кипы черновиков, наливала себе очередную порцию виски, смешанную со слезами, и, не раздеваясь, нидалась в постель, чтобы забыться тяжелым сном. Новый роман никак не давался.

В довершение ко всему она поссорилась с Жаком, который то от одного, то от другого своего знакомого стал узнавать об их интимной близости с Франсуазой. Жак в сердцах посулил сестре "вечное разочарование в мужчинах" и хлопнул дверью. Его пророчество оказало на Франсуазу почти магическое действие: она убедила себя, что как женщина ничего не стоит. И... написала, наконец, второй роман — "Смутная улыбка", который кри-

тики объявили шедевром. Но это было всего лишь продолжение первой книги, правда, щедро приправленное благоприобретенными цинизмом и разочарованием. Но именно это и было в то время модным у поколения, которое позже окрестили "поколением Саган", достойного наследника героев Ремарка.

Весной 1955 года издатель уговорил Франсуазу принять участие в рекламной поездке по разным странам, включая Америку. Там она и нашла свою первую настоящую любовь — 24-летнего блондина-гиганта Филиппа Шарпентье, который был ее личным фотографом. Маленькая девочка мгновенно превратилась в обворожительную молодую женщину. Она даже перестала мучиться сомнениями, что за ней ухаживают лишь ради денег. Франсуаза была счастлива так, как только может быть счастлив Близнец — беспредельно, откровенно, почти демонстративно пренебрегая общественным мнением. Пуританская Америка была в шоке, от которого, кажется, так и не оправилась.

Филипп был очень циничен, умен, к литературе совершенно безразличен, а уж к женским романам — тем паче. Для него Саган — никакая не знаменитость, а просто очередная подружка, которую он спустя несколько недель бросил. Впоследствии в одном из своих романов Франсуаза описала те чувства, которые тогда испытывала, и критики единодушно обвинили ее в надуманности и фальшивом пафосе. Обычный итог попытки перенести истинные переживания в произведение искусства.

14 апреля 1957 года Франсуаза попала в страшную автомобильную аварию — безусловно, по своей вине, потому что вела машину по трудной дороге на огромной скорости, да еще после бессонной ночи с неизменной бутылкой. Ее буквально вернули с того света.

После расставания с Филиппом — единственным мужчиной, кто видел в ней просто девушку, а не мадам Деньги или мадам Славу, а потом взял и ушел, влюбившись в другую, — Франсуаза принялась спасаться от скуки привычным для себя способом: пить, сорить деньгами и спяну отдаваться первому, кто ее захочет. Она опять не знала, куда деться от одиночества и тоски. Близнецы снова в своем амплуа: если все плохо, то жизнь кончена, нечего даже пытаться что-то исправить. Когда тоска накрывала Франсуазу с головой, она писала одну и ту же фразу: "Жаль, что я не умерла..." Писала на всем, что подворачивалось под руку.

Но осенью 1957 года появилась ошеломляющая новость: мадемуазель Саган выходит замуж за директора одного крупного парижского издательства — Ги Шэллера. Преуспевающий литературный бизнесмен, покровительствующий начинающим талантам и почти вдвое старше Франсуазы, Шэллер, когда она попала в аварию и была на грани смерти, вдруг испытал приступ острой жалости, которую принял за вспышку любви, и прямо в больнице сделал ей предложение. В ответ Франсуаза тогда прошептала: "Может быть, когда-нибудь..."

Это "когда-нибудь" наступило. Очередной роман Саган "Через месяц, через год..." вышел с посвящением Ги Шэллеру. Франсуаза тем временем приняла твердое решение: стать примерной женой и посвятить себя мужу. В этом ее единственная надежда на счастье. Узнаете максимализм Близнецов?

Бракосочетание Франсуазы Саган и Ги Шэллера состоялось 16 марта 1958 года. Приглашенных было мало, журналистов не пустили вообще, а вся процедура заняла не более 15 минут. Увы, очень скоро стало понятно, что семейная жизнь не задалась. Все закончилось тем, что Франсуаза стала напиваться каждый день или поднимала себе настроение с помощью наркотиков, к которым пристрастилась после аварии. Как ни печально было признать, но Господь явно не создал ее для роли жены.

Разведясь, Франсуаза тем не менее через несколько лет снова вышла замуж — за 31-летнего американца Боба Уэстхоффа, атлетического красавца, который сперва безуспешно пытался сделать карьеру в Голливуде, а после осел в Париже, теперь уже намереваясь стать скульптором. Когда Франсуаза забеременела, она решила рожать — ей все еще хотелось стать "как все" и зажить "нормальной" жизнью.

26 июня 1962 года у Франсуазы Саган родился сын Дени. Но и роли матери хватило ненадолго — мальчика в основном воспитывали няньки. С Бобом они расстались по тем же причинам, что и с Ги: — через пару-тройку недель совместных завтраков и обедов Франсуаза почувствова-

ла приступ знакомой удушающей скуки. Тем не менее целых семь лет они прожили в одной квартире, нисколько не мешая друг другу заниматься своими делами, и чем дальше, тем меньше это было похоже на семейную жизнь.

Была ли она счастлива от своего творчества? Роман "Любите ли вы Брамса?", вышедший в 1959 году, стал последней из ее книг, которая по-настоящему нравилась самой Франсуазе. Потом вышло еще несколько не слишком удачных романов, натужных пьес и просто плохих сценариев. Было время, когда она гордилась своими левыми взглядами. Было время, по Парижу ходили упорные слухи, что ее любовник — Франсуа Миттеран (когда Франсуазе задавали этот вопрос, она делала загадочное лицо, меланхолично вздыхала и говорила своим чуть глуховатым голосом, что их "связывает идеальная дружба, а Франсуа, о! он такой идеальный друг!"). Ее отношения с Миттераном так и остались тайной, и она не собиралась никому ее раскрывать. У мадам Саган было много разных тайн, но с возрастом они становились все более невинными и никому не нужными.

Впрочем, некоторые ее секреты заинтересовали... полицию. Писательницу обвинили в хранении и распространении наркотиков, причем одним из наиболее веских доказательств посчитали "абсолютную достоверность в описании ощущений и действий наркомана в романе "Ангел-хранитель". Действительно, вещь получилась сильная и неоднозначная, действительно, в пору

было подумать, что Саган перенесла на бумагу часть своей жизни. К счастью, талант не может быть уликой, от нее отстали.

В 1988 году мадам Саган побывала в России, поскольку всегда утверждала, что ее прабабушка была русской. Ничего подобного в документах нет, но какой Блинец будет основываться на документах! Доказательства? Пожалуйста: импульсивность, сумасбродность, страсть к азартным играм и крепким напиткам — все это якобы неопровержимо доказывает наличие "загадочной славянской души". Той самой, о которой иностранцы знают, в основном, по произведениям Достоевского. Хотя, пожалуй, у творчества Саган есть нечто общее с русскими классиками: в любовных переживаниях ее героев всегда присутствует надрыв и обреченность. Но в жизни бывают странные совпадения, в том числе и в литературной жизни.

А теперь... Теперь мадам Саган окружила себя собаками. И собственноручно варит им еду и по четыре раза в день выносит во двор в специальных пластмассовых ведерках. Она утверждает, что ни у одного мужчины на свете нет таких благодарных и преданных глаз, как у ее собак. Примерно то же самое любит повторять Ален Делон, только он, естественно, сравнивает глаза собак с женскими глазами. И той, и другому, казалось бы, можно только позавидовать, а завидовать-то, оназывается, особенно и нечему.

Франсуаза Саган в последнее время живет очень уединенно в небольшой вилле на берегу моря. Гуляет — одна или с собаками, читает, старается отогнать

грустные мысли, ищет новые источники вдохновения, но почти ничего не пишет. И только иногда, снисходя до бесед с журналистами, роняет афористично-пророческие фразы, которые потом на все лады повторяют ее поклонники.

— Счастье мимолетно и лживо, — заметила недавно мадам Саган. — Оно не оставляет даже прочных воспоминаний, так, что то смутное и неверное. Вечной бывает только печаль...

Похоже, с печалью действительно не прощаются.

От редакции. На этом, дорогие читатели, мы заканчиваем годичный цикл "Звезды астрологии". Надеемся, вам было интересно знакомиться с биографиями великих людей, в которых астрологические признаки сыграли главенствующую роль.

Но мы не прощаемся, потому что уже в следующем номере открываем новую рубрику, надеемся, столь же интересную и полезную для вас, как и "Звезды астрологии". Название, смысл и содержание ее мы пока решили держать от вас в секрете, пусть появление ее в следующем номере станет для вас сюрпризом.

До встречи на страницах "Смены".

ПРОЩЕ ТА БЫВАЕТ

Арман ДЕЛАФЕР

“Если бы я тонула, то не стала бы делать никаких попыток выплыть: глупо спорить с судьбой”.

Именно эту фразу она сказала ему однажды ночью, а он, как обычно, пропустил все мимо ушей. Впрочем, она и не рассчитывала привлечь его внимание: она вообще сказала, не подумав, так — размышления вслух, поток сознания. Но сама эту фразу почему-то не забыла.

И теперь вот вспомнила. Теперь, когда она лежала в той же кровати одна, обессиленная и опухшая от слез. Вспомнила, потому что не испытывала ни малейшего желания что-то исправить, что-то объяснить, договорить, кого-то вернуть или вернуться самой. Если честно, она не испытывала никаких физических страданий: только слезы лились как бы сами по себе. И это состояние было хуже любой агонии, в том числе, и той, через которую проходит утопающий.

Собственно говоря, вся ее жизнь была пронизана этой идеей: пусть будет то, чему суждено исполниться. Она никогда не делала никаких попыток что-то

изменить или куда-то повернуть — просто плыла по течению. Или опускалась на дно... как это было сейчас.

Когда все кончилось, она даже не удивилась. Более того, ощутила какое-то извращенное чувство удовлетворения оттого, что осталась одна, что ее бросили. Жизнь продолжалась и без него, просто температура опустилась почти до точки замерзания. Она ложилась в нетопленном доме в холодную постель и ела прямо из банок холодные консервы. Новорожденной пока хватало молока, остальное ее совершенно не заботило.

Второй ее ребенок родился как-то вдруг, неожиданно, правда, она всегда путалась в сроках и датах, да и за своим женским календарем не следила. Зачем? Все равно то, что должно случиться, то и произойдет, вне зависимости от каких-то цифр и букв. Так что ей оставалось только поддерживать в себе его жизнь и ждать начала схваток. И все это — на руинах некогда счастливого брака. Счастливого?

Ей не хватило силы духа даже на то, чтобы позвонить родителям и сказать им: муж от меня ушел, я одна. Да, это не было правдой, но она привыкла лгать. Она бродила по холодной, пустой, нелепо спроектированной квартире, смотрела невидящими глазами на бесконечный дождь за окном (ох, уж эта парижская зима!) и машинально отмечала, как слой пыли на мебели становится все толще и толще.

Время от времени ей приходило в голову, что одинокая женщина, бывшая жена, должна испытывать какие-то совершенно другие чувства: боль, гнев, тоску, страдание. Она ничего не чувствовала, только иногда испытывала тревогу, но это была обычная тревога одинокого человека в пустом доме.

Господи, да она просто дорожила своим одиночеством, нячилась с ним, лелеяла его. Она не хотела никого видеть, перестала ходить в местные лавки, где могла встретить знакомые лица, старалась делать покупки вечерами в больших магазинах самообслуживания. Даже когда начались схватки, она не сразу смогла заставить себя позвонить акушерке — та нарушила бы эту ауру безмолвия и отстраненности от жизни.

Вообще-то она могла бы справиться и сама. Она читала где-то историю о женщине, беременной женщине, которая оказалась совершенно одна в какой-то убогой хижине на Аляске, самостоятельно родила вполне нормального ребенка, выжила сама и выходила свое дитя. Так чем она хуже этой женщины? Но здравый смысл все-таки пересилил жажду одиночества: она позвонила сначала акушерке, а потом своей кузине Люси. Но эти два звонка совершенно вымотали ее, и она даже не нашла в себе сил встать и открыть дверь. К счастью, она почти всегда оставалась незапертой...

Ребенок родился глубокой ночью. За окном падали тяжелые хлопья снега. Акушерка сокрушалась о том, что в спальне сыро и холодно, потом зажгла газовый камин и два рефлектора — и в

комнате стало невыносимо душно. Жанна полусидела в кровати с новорожденной дочерью на руках и ждала. Она ждала, когда придет Люси и отпустит уже ненужную акушерку, дремавшую в углу возле камина. Ждала и бездумно смотрела на снег за окном, ощущая, как из нее продолжает сочиться кровь.

— Нужно будет протереть пол, — нарушила молчание акушерка. — Около кровати остались следы крови.

Жанна вздрогнула: она и забыла об этом. Как удачно вышло, что ребенок рождается с кровью и в крови. Ничего, скоро это пятно высохнет и поблекнет, а вместе с ним исчезнут и уже ненужные тревоги. Все проходит, все стирается, испаряется...

Стены спальни были темно-синими, цвета ночного неба, решетка камина раскалилась докрасна и светилась в полумраке. И вдруг Жанна подумала, что счастлива. Именно подумала об этом чувстве, а не ощутила его. Как будто ее ожидание не прекратилось, а перешло на какой-то иной, спокойный и радостный уровень, на котором все проблемы решаются сами собой и нет места ни тоске, ни слезам.

Наконец, на улице послышался звук мотора: приехала Люси.

— Вот и моя кузина, — сказала Жанна.

Это была ее первая невымученная фраза за долгие недели.

— Тогда я пошла, — с облегчением сказала акушерка. — Зайду утром, часов в десять.

— Прекрасно, — прошептала Жанна, обессиленно откидываясь на подушки.

Она слышала смутные голоса в холле внизу и поняла, что Люси приехала со своим мужем Жаком. Собственно, этого и следовало ожидать: одна она ни за что бы не решилась преодолеть ночью несколько темных кварталов, пусть даже и на машине. Они бесконечно долго возились на кухне, что-то отодвигали, о чем-то перешептывались. Жанне даже показалось, что снова хлопнула входная дверь, и она подумала, что Жак уехал. От этой мысли ей почему-то стало грустно, но в этот момент дверь в спальню наконец открылась.

— Ну, как ты? — спросила Люси, входя в комнату с целой грудой свертков в руках. — Прости, что мы задержались, но Жак сегодня так замотался со своими делами...

— Все в порядке, — слабо улыбнулась Жанна. — Спасибо, что приехали. Жак не очень ворчал, что тебе придется возиться со мной?

— Конечно, нет, — пожала плечами Люси. — Ты же знаешь, он всегда делает так, как я прошу.

Это было правдой: радостная готовность Жака исполнять желания и даже прихоти жены всегда была поводом для шуток всех их знакомых и друзей. Хотя внешний вид Жака отнюдь не располагал к шуткам: огромный и мрачный мужчина мог скорее внушить чувство страха. Но этот суровый исполин безро-

потно нес свои брачные цепи и даже, кажется, находил в этом определенное удовольствие. Внешность так часто бывает обманчива!

Люси тем временем скинула пальто прямо на кресло и, приговаривая что-то насчет чудовищной жары в комнате, начала распаковывать свои бесчисленные свертки. Жанна поняла, что там — вещи маленького сына Люси: кофточки, носочки, чепчики...

— Посмотри, какая прелесть! — сказала Люси, разворачивая крохотное вязаное пальтишко из кремовой шерсти с голубыми пуговками. — Как я рада, что его снова кто-то сможет носить!

Жанна устало улыбнулась в ответ и положила пальтишко рядом с собой. Люси тем временем, по-видимому, набралась смелости, чтобы задать вертевшийся у нее на языке вопрос:

— А что Марк? Будем ему звонить?

— Зачем? — пожала плечами Жанна, ощущая какое-то смутное раздражение, смешанное с беспокойством.

Вряд ли она могла сказать, что именно вызвало это чувство. В ближайшие несколько дней она могла вообще ни о чем не беспокоиться, а там видно будет. К тому же, зная Люси, можно было быть абсолютно уверенной в том, что она никогда больше не произнесет имени Марка, бывшего мужа Жанны, ушедшего, забытого, вычеркнутого из памяти и из жизни.

Внизу снова послышался какой-то шум, Жанне даже показалось, что Жак с кем-то разговаривает, а потом щелкнул замок входной двери. Акушерка зачем-то вернулась? Ведь не может же это быть...

В этот момент появился Жак, который нес бутылку шампанского. Он — что было для него совсем нехарактерно, — посмотрел Жанне прямо в глаза и тихо произнес:

— Это подарок. Если хочешь, можем выпить за твое здоровье.

— Спасибо, — улыбнулась Жанна. — Акушерка возвращается, да?

— Да, она забыла зонт, а на улице настоящая метель. Открыть шампанское?

Жанна кивнула, и Люси отправилась за бокалами. Пробка выскочила с легким хлопком, малышка зашевелилась и застонала во сне, а Жанна почувствовала, что сама сейчас заплачет. Она склонилась над ребенком, чтобы скрыть эти внезапно подступившие слезы. В этот момент вернулась Люси, и Жак ловко разлил по бокалам искрящийся напиток.

— За тебя, — сказал он. — И за новую жизнь.

Холодный, суховатый привкус шампанского не понравился Жанне и она слабо покачала головой в ответ на предложение Жака выпить еще:

— О, нет, мне достаточно, пейте сами.

За новую жизнь... На смену одной жизни приходит другая, и так до бесконечности. Так какая разница, когда уходить из этого мира, а когда в него приходиться? И начало, и конец предопределены кем-то всеведущим.

Жак и Люси молча допили шампанское. Они вообще мало разговаривали друг с другом, а Жанна слишком устала, чтобы поддерживать светскую беседу. Снег за окном продолжал падать, она закрыла глаза и подумала: наверное, это и есть абсолютное счастье, когда ничего не хочется, даже думать, когда нет ни желаний, ни страдания, ни предчувствий...

Жанна глубоко вздохнула и почти мгновенно уснула.

Она проснулась от голодного плача ребенка, когда было уже совсем светло. Жанна взяла дочурку на руки, начала кормить ее и только тут заметила, что Люси спит в кресле, приоткрыв рот и слегка посапывая. Люси выглядела старше своих двадцати восьми лет, и Жанне это почему-то стало неприятно, как если бы она вдруг увидела со стороны саму себя. Хотя — ничего странного. Разница в возрасте у нее с Люси была всего две недели.

Жанна в который уж раз подумала, что их матери проявили удивительную выдержку и рассудительность, сознательно посвящая свою жизнь будущим детям. Для поколения Жанны и Люси это было чем-то странным, глупым, даже пошлым, если угодно.

Впрочем, сама Жанна отличалась скорее равнодушием к вопросам предохранения, и крохотный ребенок у ее груди был живым свидетельством этого равнодушия. Девочка сосала с той же легкостью, с какой появилась на свет, избавляя мать от лишних страданий, тем более, что Жанна была очень хрупкого телосложения и должна была бы сильно мучиться во время родов. Этого не произошло. Более того, и молока оказалось вполне достаточно, что тоже можно было считать очередным чудом.

Люси внезапно проснулась, провела рукой по лицу, как бы возвращая ему привычные дневные очертания, и спросила:

— Ну, как ты?

— Прекрасно, — отозвалась Жанна. — С ребенком тоже все в порядке. Удивительно умная малышка, она так старательно завтракает...

— А не рано еще ее кормить? — спросила Люси, приглаживая свои короткие каштановые волосы.

— Нормально. Она была такая голодная.

— Ты, должно быть, тоже умираешь от голода. Пойду приготовлю чай. Господи, здесь так жарко, что хочется раздеться догола!

— Не поможет, — заметила Жанна. — Моя постель совершенно промокла от пота, я просто плаваю в ней. Акушерка была вчера сменить простыни.

— Главное, что все остальное прошло хорошо, — заметила Люси с вопросительным оттенком.

Жанна кивнула и на некоторое время замолчала. Потом спросила:

— Во сколько ушел Жак?

— Около трех. Он бы остался, но с утра у него какие-то дела. Ничего, я побуду здесь до вечера, а потом он за мной придет.

Жанна не стала спрашивать, удобно ли это, хотя приличия и требовали от нее именно этого вопроса.

— Так я заварю чай? — снова спросила Люси. — Или ты хочешь кофе?

— Все равно.

— Хочешь чего-нибудь поесть? Может быть, тост?

— Ничего не нужно. Мне больно...

— Нужно принять таблетку, — безапелляционно заявила Люси и отправилась ставить чайник.

Когда пришла акушерка, то первым делом стала взвешивать ребенка: накануне она забыла это сделать. Девочка смешно барахталась в полотняном мешке, прикрепленном к безмену, но у Жанны это зрелище вызвало неприятные ассоциации с котятками, которых собираются утопить, и она была рада, что все быстро закончилось.

— Сегодня я была еще у одной роженицы, — сообщила акушерка. — Эта мамаша решила окрестить свою девочку Белоснежкой, снег-то все падает и падает. А ребенок у нее — черный.

Она залилась смехом, но Жанна, как ни старалась, не смогла выдавить из себя даже намек на улыбку.

— А как вы назовете вашу крошку? — поинтересовалась акушерка.

— Не знаю. Может быть, Виолой.

— Очень мило!

— Нет, наверное, Бьянкой. Да, именно так. Скажите, а мне уже можно вставать?

Акушерка посмотрела на нее и хитро прищурилась.

— Вы у себя дома, мадам, не так ли? Так вот, я должна вам сказать, что нужно оставаться в постели не меньше суток, но ведь я сейчас уйду, правда?

— Не забудьте зонт, чтобы не пришлось возвращаться, как вчера, — стараясь быть любезной, произнесла Жанна.

Акушерка посмотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— Зонт, мадам? Я никогда не ношу зонт зимой.

Когда акушерка ушла, Жанна вылезла из постели, подошла к окну и увидела выбеленные снегом крыши Парижа и сказочно красивое дерево возле своего дома. Такие деревья она видела лишь однажды, в Альпах, и в ней слабо шевельнулось то ощущение красоты и чистоты, которое она испытала тогда. Шевельнулось и заглохло. Там, в Альпах, рядом со снегом были цветы и зелень, а здесь — серые городские стены.

Она подумала, что нужно было бы спуститься на кухню и проверить, все ли там в порядке, но тут же почувствовала огром-

ную усталость и непреодолимое отвращение. Да и присутствие Люси ее смущало.

Жанна снова забралась в постель и провела там в полудреме весь день. Люси работала. Она редактировала какую-то книгу, и Жанна иногда просыпалась от звука переворачиваемой страницы, а потом снова засыпала. Но когда начало темнеть, она почувствовала некоторые угрызения совести.

— Тебе, наверное, пора домой? — виновато спросила она. — Я уже почти в порядке.

— Скоро поеду, — отозвалась Люси. — Как только приедет Жак, чтобы сменить меня тут...

— Не надо! — сказала Жанна резче, чем ей хотелось бы. — Со мной все будет хорошо. Пусть он просто отвезет тебя домой.

— Но должен же здесь кто-то побыть первое время, — нерешительно возразила Люси. — Ведь еще и суток не прошло...

— Жаку это вряд ли понравится.

— Еще как понравится! — отрезала Люси, которая всегда становилась очень категоричной, если дело касалось ее супруга. — Возьмет с собой какую-нибудь книгу, только и всего.

— А про себя будет ругать меня, — упрямо сказала Жанна. — Я это почувствую и тоже начну нервничать. Лучше мне остаться одной.

— Всем время от времени нужно побыть в одиночестве, — философски заметила Люси, собирая свою работу. — Но есть моменты — рождение, смерть, болезнь, — когда это неразумно.

— Никогда не стремилась быть разумной! — отпарировала Жанна.

— Ты слишком уж носишься со своим одиночеством, — сказала Люси. — Ты им просто испорчена. И подумать только...

Она недоговорила и поторопилась выйти из комнаты, поскольку сама испугалась такого интимного замечания со своей стороны. За двадцать с лишним лет дружбы с Жанной она ни разу еще не позволила себе ничего подобного. Но с другой стороны, никогда они еще не оказывались в таких обстоятельствах, как на этот раз.

В пять часов вечера приехал Жак и привез коробку с салатом из кулинарии.

— А вот и наш ужин, — сообщил он Жанне.

— Прекрасно, — отозвалась та, ненавидя себя за неумение по-настоящему выразить благодарность.

Точнее, за то, что испытывала замешательство и неловкость из-за того, что ее одиночество нарушено, а она вынуждена играть роль беспомощного инвалида и от кого-то зависеть. Впрочем, и Жак явно чувствовал себя не в своей тарелке. Жанна внезапно испытала чувство острой паники и была рада, что Люси и Жак вышли из комнаты: в одиночестве ей было значительно легче справиться с собой и своими нервами.

Потом она покормила дочку, убаюкала ее и лежала, наблюдая, как часовая стрелка медленно ползет по циферблату. Еще несколько часов — и можно будет провалиться в благословенный сон...

— Я больна, — прошептала Жанна, стараясь прогнать тревогу. — Это просто такая болезнь. Мне все почудилось...

Но она прекрасно знала, что никакой болезни тут не было.

— У тебя все в порядке? — спросил ее Жак, возникая в двери спальни.

— Конечно, — вымученно улыбнулась она. — Что со мной может случиться? К тому же я уже совсем оправилась...

— Люди не должны быть одни, — заметил Жак, прислонясь к притолоке. — Это неправильно. Я здесь для того, чтобы поддерживать тебя.

— Можно подумать, тебе больше нечего делать, — язвительно заметила Жанна.

Но Жак не захотел с ней спорить, просто отрицательно покачал головой. Тут пришла акушерка, не та, которая была утром, а другая, ее помощница. Она приняла Жака за мужа Жанны, отца новорожденной, и обращалась к нему соответственно, а он и не думал ее поправлять. Возможно, ему просто было лень распутывать этот клубок недоразумений. Жанна подумала, что такой человек, в принципе, может даже жениться на ком угодно, лишь бы не вступать в лишние дискуссии и выяснение отношений.

Когда акушерка ушла, а ребенок заснул, Жанна открыла книгу и попыталась сосредоточиться на чтении. И тут же услышала шаги Жака: он поднимался вверх. Жанна внутренне вся сжалась — именно этого она больше всего и боялась: вынужденного общения, но заставила себя слегка улыбнуться. Жак принес с собой бутылку виски и сифон с содовой водой, и на сей раз не остановился в дверях, а сел в большое кресло возле кровати.

— Можно посидеть с тобой?

— Конечно, — ответила Жанна с вымученной улыбкой. — Только я хотела бы почитать...

— Нет проблем. Люблю смотреть на читающих людей. Выпьем?

— Боюсь, мне не стоит.

— Ну и ладно.

Она упрямо не поднимала глаз от книги, но через несколько минут Жак снова нарушил молчание:

— Внизу холодно, поэтому я пришел сюда.

— Да, все отопительные приборы перенесли сюда, чтобы малышка не замерзла. Но можно переставить электрический камин в гостиную. Здесь и без того жарко.

— Очень жарко. Но мне это нравится.

— Ну, так оставайся.

Жак и не думал уходить. Когда минут через десять она украдкой посмотрела на него, то увидела, что он сидит в кресле с таким видом, будто занят чем-то необыкновенно важным. Получилось это вполне убедительно.

— Пойду приготовить ужин, — вдруг заявил Жак.

Жанна кивнула:

— Очень мило с твоей стороны. А я, пожалуй, пойду в ванную.

— А ходить тебе не трудно?

— Вовсе нет, — отозвалась она, запахивая халат. — Еще немного побаливает, но это пустяки.

— Я могу тебя отнести.

— Право, не стоит.

— Ну, я мог бы поддержать тебя, для страховки. Я просто обязан это сделать.

Жанна выскользнула из кровати и тут же увидела яркое пятно крови на простыне. Она быстро прикрыла его покрывалом, машинально отметив, что следы крови на полу стали уже почти неразличимы.

— Дать тебе тапочки? — спросил Жак.

Она посмотрела на свои ноги: узкие, белые ступни на голубом ковре, — и покачала головой:

— Не стоит.

Он провел ее по коридору до ванны и попросил:

— Не запирай дверь. Мало ли что может случиться...

— Не буду, — согласилась Жанна.

Она с наслаждением умылась, почистила зубы и подумала, как прекрасно будет завтра принять ванну. Она хорошо помнила то наслаждение, которое испытала, принимая ванну после первых родов. Теплая вода, обволакивающая снова ставшее стройным тело, плоский живот, запах ароматической соли...

И как хорошо, что внизу нет отопления. Пройдет еще несколько дней, она останется совсем одна, и тогда... Внезапно ей пришло в голову, что можно было бы попросить Жака помочь ей. Почему-то ей показалось, что он справится с этой деликатной миссией так же равнодушно и непринужденно, как с заваркой чая. Почему бы и нет? Ведь не выдаст же он ее, в самом деле. А если выдаст? И потом ведь придется прикасаться к... Ну, к этому...

Тогда, в больнице, санитарка, которая помогала ей принять ванну, сказала:

— Наверное, мечтаете сделать прическу? Все матери стремятся посетить парикмахерскую, как только выйдут отсюда.

Жанна тогда вежливо улыбнулась, а про себя подумала, что за всю жизнь была в парикмахерской не больше пяти раз. Ей трудно было понять женщин, для которых прическа — самое главное дело после рождения ребенка. Сама она не любила при-

косновение чужих рук к своим волосам, она вообще не любила чужих прикосновений. Не любила чужих...

Почему она такая? Почему не способна испытывать чувства, свойственные всем нормальным женщинам? Жанна посмотрела на себя в зеркало: обычное лицо обычной женщины. Что же в ней не так?

Причесавшись, Жанна почувствовала себя совсем хорошо и даже перестала испытывать чувство вины перед Жаком за то, что ему приходится тратить на нее столько времени. Ну, проведет он рядом с ней вечер — ничего страшного не случится. Потерпит, с ума уж точно не сойдет, особенно с бутылкой виски под рукой. Это была редкая, блаженная минута душевного равновесия.

Когда она вернулась в спальню, поднос с ужином уже стоял возле кровати, а ребенок мирно спал в колыбельке возле окна. Жанна вдруг почувствовала зверский аппетит и, усевшись поудобнее в кровати, поднесла ко рту первый кусок, как вдруг страшная боль буквально пронзила ее, и она невольно застонала.

— Что случилось? — вскочил с кресла Жак.

— Пустяки, просто немного заболело...

— Люси после родов чувствовала себя просто отвратительно.

— Это неправильно, — заметила Жанна, снова принимаясь за еду. — Пережить такие муки во время родов, да еще потом мучиться. Хотя первый ребенок достался мне очень легко, словно я показала какой-то фокус...

— Такие фокусы многие показывают, — заметил Жак, как-то странно оживившись.

Какое-то время они оба молча ели, потом она испытала неловкость и включила радио. Читали стихи.

— Кстати, недавно передавали твое стихотворение, — заметил Жак.

— Правда? — переспросила она, не веря своим ушам.

Значит, она кому-то хоть немного интересна? Значит, Жак вспомнил о ней, когда услышал по радио ее стихи, вспомнил, чем она занималась и до сих пор иногда занимается. А ведь ей казалось, что он не помнит даже ее имени, настолько мало она его интересуется.

— Правда, — абсолютно серьезно подтвердил он. — Стихотворение про аэропорт...

— Про аэровокзал, — машинально поправила она его, подавшись своей мании быть точной в мельчайших деталях.

— Ну да, конечно! Но я не люблю такие места. Когда я сажусь в самолет, то просто умираю от страха.

— Это старое стихотворение. Сейчас я уже не пишу.

— Разве? — равнодушно спросил он, и она почувствовала себя в своей тарелке.

Никто никому не нужен, никто никому не интересен. Так и должно быть. Ужин они закончили в молчании, и Жанна

снова взялась за книгу. Терпение ее постепенно начало иссякать: Жак по-прежнему сидел в кресле, абсолютно ничего не делая и глядя на огонь в газовом камине. А ведь Люси говорила, что он захватит с собой какую-то работу. Наверное, письма, которые надо написать, или чеки, или счета, которые необходимо проверить. Да мало ли чем может заняться деловой мужчина!

К счастью, в гостиной зазвонил телефон, и Жак вышел из спальни. По его тону Жанна поняла, что он разговаривает с ее матерью. Когда Жак вернулся, это подтвердила его ироничная улыбка.

— Я сказал, что с тобой все в порядке, — сообщил он.

— Спасибо, — отозвалась она, чувствуя, что они становятся как бы сообщниками, заговорщиками, что он стал как-то ближе к ней.

Это напугало ее, она зарылась как можно глубже в постель, подчеркивая свою хрупкость, болезненность, беспомощность. Но постель была скомканной и влажной, Жанне стало неприятно и тут Жак произнес, словно читая ее мысли:

— Хочешь, я перестелю тебе постель?

— Это было бы неплохо, — прошептала чуть слышно Жанна, — но тебе не стоит этого делать.

— Почему?

— Она ужасна... Отвратительна... Кровь... Не хочу, чтобы ты это видел.

— Я видел в своей жизни много вещей похуже, — усмехнулся Жак. — И я совершенно не боюсь крови. Особенно чужой.

Но Жанна затрясла головой, выражая свой категорический протест. И тут же почувствовала себя значительно лучше, потому что не должна была притворяться, а могла быть естественной. В этот момент в дверь внизу постучали: звонок давным-давно вышел из строя.

Это была Люси. Жак ушел, Жанна покормила ребенка и с наслаждением вытянулась в постели, которую поправила кузина. Люси на сей раз провела ночь не в кресле, а в кровати Лори. Наутро Жанна почувствовала, что соскучилась по сыну и попросила Люси позвонить матери, чтобы та привезла ребенка. Но мать согласилась сделать это только к концу недели, а Жанна уже устала от эмоций, поэтому не стала настаивать на своем. Честно говоря, меньше всего на свете ей сейчас хотелось видеть собственную мать.

Люси провела у Жанны большую часть дня: ходила в магазин за продуктами и в прачечную — отдать в стирку пеленки. Денег с собой она не взяла, у нее вообще практически никогда не было денег, и Жанна дала ей несколько купюр из толстой пачки, лежавшей в комод. Она не любила и не умела тратить деньги, но они у нее всегда были, а Люси, наоборот, деньги любила, но вечно сидела без гроша в кармане.

Задержалась она и на вечер, а Жанна испытала странное облегчение от того, что рядом с ней была двоюродная сестра, а не малознакомый, в сущности, мужчина. Она даже хотела откровенно поговорить с Люси, но что-то удержало ее буквально в последнюю секунду.

На утро следующего дня Жанна настолько окрепла, что смогла спуститься вместе с Люси вниз, на кухню. Та поразила ее затхлостью и запущенностью, хотя ничего особенно в ней не изменилось: те же пятна были на кухонном столе еще месяц тому назад, пол был так же усыпан крошками, вот разве что пыли на полках стало больше. И пахло на кухне пылью, да еще чуть-чуть подгоревшим хлебом.

Жанна сидела на стуле и бездумно наблюдала, как Люси укладывает ломтики хлеба в тостер. Не поворачиваясь, та вдруг спросила:

— Марк звонил?

— Нет, — ответила Жанна. — Не думаю, чтобы он вообще когда-нибудь позвонил.

Для нее это было пределом откровенности, но Люси, казалось, ничуть не удивилась.

— Для тебя ведь так лучше? — спросила она, выкладывая на тарелку горячие тосты.

— Конечно.

— Зачем только люди женятся? — поинтересовалась Люси, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Понятия не имею, — таким же бесцветным тоном отозвалась Жанна. — Люди в жизни совершают так много странных поступков...

— Цепочка случайностей, — заметила Люси, намазывая масло на хлеб.

— Да, лучше бы были хоть какие-то причины...

— Неужели? Предпочитаю думать, что вообще никаких причин не существует. Ни для чего. А мы все — просто жертвы случайных совпадений.

— Были бы причины — тогда бы и были жертвы, — рассудительно сказала Жанна. — Я ранена, значит, я истекаю кровью. Я человек, значит, я страдаю.

— Строго говоря, это все не причины, — заметила Люси. — Может быть, повод. Во всяком случае, у Марка хотя бы есть деньги. Что же касается жертв...

В этот момент наверху пронзительно заплакал ребенок. Обе молодые женщины переглянулись: ребенок помешал им договорить что-то важное, но, наверное, время для этого разговора еще не пришло. Жанна отправилась наверх кормить дочку.

Весь день Жанна тщетно пыталась уговорить Люси не оставаться на ночь, потому что чувствовала себя почти хорошо. И еще потому, что все время думала о том прерванном разговоре на

кухне и боялась его продолжения. И ей действительно хотелось остаться одной и кое-что проверить.

Бесполезно: вечером приехал Жак, чтобы сменить жену. На сей раз он действительно захватил с собой какую-то работу, поэтому Жанна испытывала в его присутствии куда меньше неловкости, чем раньше. Для себя она решила, что Жак, наверное, не имеет ничего против такого времяпрепровождения, иначе он отказался бы потратить на нее еще один вечер.

Все было, как и в первый раз: кормление ребенка, поход в ванную, ужин на подносе и бутылка виски рядом с креслом Жака, но Жанна уже чувствовала не раздражение и робость, а какое-то очарование привычки, какой-то намек на близость. На сей раз она разрешила ему оправить постель: белье утром поменяли, а в свежем не было ничего шокирующего. Лежа в теплой, взбитой постели, она сказала:

— Спасибо, все просто замечательно.

Он тепло улыбнулся ей в ответ и снова уткнулся в свои бумаги. Исподтишка наблюдая за ним, она пыталась понять, что так пугало и отталкивало ее прежде во внешности Жака. Орлиные черты его лица? Или бесцветные глаза? Теперь она уже не понимала. Жак был блондином, с намечавшейся проседью на висках, сын был его точной копией, ничего не унаследовав от Люси. Но ведь была же какая-то черта! Или просто она слышала слишком много сплетен о Жаке, как об опасном человеке?

Скорее всего, это были именно сплетни. Мужчина, который пил виски и курил возле ее камина, не мог быть опасен. Впрочем, и о ней самой когда-то ходили странные слухи, ее считали роковой женщиной — и что же? Она лежит одна, беспомощная, ослабевшая, безобидная, никому не интересная.

С Жаком в этот раз они говорили еще меньше, чем накануне. Спустила какое-то время Жанна заснула прямо над книгой и проснулась от голодного плача малышки. Было темно, она на ощупь взяла ребенка и приложила его к груди, и только тут заметила в слабых отсветах камина, что Жак по-прежнему сидит в кресле напротив кровати. Он не шелохнулся, не переменял позы, но она чувствовала, что он не спит, а смотрит на нее.

— Прости, я не знала, что ты здесь, — прошептала Жанна. — Мне показалось, что вернулась Люси...

— Пустяки, — отозвался он.

— Ты мог бы лечь в кровать Лори...

— Обязательно. Просто я думал, что тебе может понадобиться моя помощь...

— В чем?

— Не знаю. Попить. Помочь с ребенком.

— Ничего не нужно. Я уже сама могу справиться. Не нужно сидеть около меня всю ночь без сна...

— Я видел, как ты заснула.

Жанна не знала, что ответить, поэтому промолчала. Потом сказала:

— Не мог бы ты положить эти мокрые пеленки в ванную?

— Разумеется! — немедленно откликнулся он. — Вот видишь, я и пригодился...

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотала она. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал он.

На следующее утро пришла Люси, немного помогла и отправилась домой, оставив Жанне холодный ужин в спальне. Впервые после родов ей предстояло ночевать одной. Она подумала, что в любом случае ее положение куда лучше, чем было у той женщины в хижине на Аляске: по крайней мере, в доме был телефон. Правда, у той женщины не было тайны... Но нынче вечером и с тайной так или иначе будет покончено.

Она была готова к одиночеству, так что стук в дверь напугал ее. На негнущихся ногах она спустилась вниз и обнаружила, что пришел... Жак. Она испытала такое облегчение, что даже не пыталась его скрыть.

— Прости, я вытащил тебя из кровати, — сказал Жак вместо приветствия.

— Я никого не ждала, — машинально ответила она.

— Я не собирался приходить, но, по-моему, тебе не следует пока оставаться одной. Иди, ложись, тебе вредно стоять здесь на холоде.

Но она не могла шевельнуться и только с испугом смотрела то на Жака, то на лестницу, по которой он предлагал ей подняться.

— Хочешь, я отнесу тебя наверх? — предложил он.

Испуг помог ей обрести силы и, цепляясь за перила, она кое-как добралась до спальни. Юркнула в постель и сжалась там, пытаясь унять дрожь во всем теле.

— Прости, я напугал тебя, — снова извинился он.

— Люси не говорила, что ты собираешься прийти. Я подумала, что это...

Она недоговорила, но Жак, похоже, все понял.

— Ты не в претензии, что я пришел? — мягко спросил он.

— Вовсе нет, — ответила она и удивилась той не свойственной ей покорности, которая прозвучала в ее голосе. — Я рада...

— Я захватил с собой книгу, — сообщил Жак, снимая пиджак и усаживаясь в кресло.

— А как же работа? — спросила Жанна, чувствуя, как медленно согреваются ее озябшие ноги. — Закончилась?

— Работа? — искренне удивился он. — А-а, ты о прошлом вчере! Нет, я никогда не работаю.

— А зачем же было делать вид?

— Только для тебя, — искренне ответил он.

— Зачем? — пожала плечами Жанна. — Я, кстати, не слишком в это поверила.

— А мне это и не было нужно. Просто ты хотела, чтобы я занялся работой, вот я и занялся...

— Видимостью работы, — закончила за него Жанна. — Понятно. А книга — тоже камуфляж?

— Нет, книги я читаю.

Он показал ей обложку. Это был роман Эмиля Золя "Тереза Ракен", Жанна обрадовалась, что читала эту книгу: это протягивало между ними тонкую нить взаимопонимания.

— Довольно грустное чтение, — заметила она и рассмеялась. — Впрочем, и у меня не веселее.

Жанна читала роман Андре Жида "Узкая дверь". По реакции Жака она не поняла, читал он этот роман или просто одобряет ее выбор.

— Я хотела тебя кое о чем попросить, — неожиданно для себя самой сказала она. — В кладовке на кухне, по-моему, завелась крыса. Она так шумела... Ты не посмотришь?

— В кладовке?

— Ах да, ты же не знаешь. Там, за старым сундуком, есть дверца, оклеенная обоями. За ней кладовка.

Жак послушно встал и отправился вниз, а она, сжавшись в комок, ждала... Чего? Она не знала. Снова раздалась шаги Жака и в дверях возникла его массивная фигура.

— Там нет крысы, — сообщил он спокойно. — Или она затаилась. Но если я услышу ее сегодня ночью, то пойду и прибую. Не бойся. Господи, ты совсем белая!

— Это, наверное, от слабости, — пролепетала Жанна.

Конечно, там не было крысы! Но там должен был быть... Значит, ей действительно все померещилось, у нее начинались роды, она плохо соображала... А кровь на полу? Возможно, и это не имеет никакого отношения к ее фантазиям.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Жак.

И она улыбнулась ему медленной, успокоенной улыбкой:

— Теперь — в полном порядке.

Позже он принес ей чашку чая, слишком крепкого на ее вкус, но она выпила все с удовольствием. А потом она заснула, но на сей раз сон не был для нее убежищем от докучливого соседа и не спасением от мрачных воспоминаний, ей просто захотелось спать и она отдалась во власть этого чувства.

Когда ночью она проснулась, чтобы покормить ребенка, Жак сидел в темноте. Забирая мокрые пеленки в ванную, он тихо сказал:

— Видишь, я уже сам знаю, что нужно делать.

Он пришел и на следующий вечер, хотя забегавшая днем Люси ни словом не обмолвилась о возможном визите мужа. Жанна уже не нервничала, она спокойно открыла дверь, не испытывая никакого замешательства или смущения.

Он приготовил яичницу, заварил чай, потом прочел несколько страниц в своей книге. Жак непрерывно курил, воздух в ком-

нате стал совсем спертым, пахло не только табаком, но и молоком, духами и мокрой тканью.

Годы спустя, ощущая хотя бы один из этих запахов, Жанна почти теряла сознание от нахлынувших воспоминаний.

Как-то, оторвавшись от книги, Жак сказал:

— Здесь так хорошо, так жарко... Мне нравится.

— Это вредно, когда так жарко, — попробовала возразить Жанна.

— Потому-то мне и нравится.

— Потому, что вредно? — удивилась Жанна.

— А тебе нравится только то, что полезно? — с легкой иронией спросил Жак.

Жанна не нашлась, что ответить. Было так жарко, что она сидела в постели в одной тонкой рубашке с голыми плечами и руками, а Жак расстегнул рубашку и закатал рукава до локтей. Время от времени Жанна бросала взгляд на руки Жака и удивлялась, что не испытывает и тени прежней неловкости и смущения. Наоборот, присутствие Жака было ей приятно. А он сидел и... ждал?

— Мне очень нравится твоя квартира, — как ни в чем не бывало продолжил он. — Она такая... такая... Как разношенные шлепанцы.

— Здесь жуткий беспорядок, — слабо запротестовала Жанна. — Люси, наверное, ужасно чувствует себя здесь, в такой полойке.

— Достаточно того, что наш дом практически стерилен, — заметил Жак с еле уловимой ноткой горечи в голосе. — Если мне приходит охота выкурить сигарету, я должен держать пепельницу, иначе ее моментально уберут и вымоют. И так во всем.

Жанна подумала, что Марк вечно пилил ее именно из-за беспорядка в квартире. Что ему-то как раз понравилась бы манера Люси все убирать и чистить. По идее, Люси должна была бы выйти за Марка — богатого и аккуратного. А он достался Жанне. Как глупо!

Жанне было трудно заснуть после целого дня безделья, но она боялась как-то нарушить неожиданно сложившийся ритм совместных вечеров с Жаком. Она укладывалась спать в одно и то же время, потом роняла книгу на пол и изображала глубокий, ровный сон. Жак вставал и гасил свет возле ее постели. Но в один из вечеров он этого не сделал, просто стоял и смотрел на нее, как бы спящую. Потом отошел и встал у противоположной стены. Жанна услышала его тихий-тихий голос:

— Ты не спишь.

— Не сплю, — так же тихо ответила она, не шелохнувшись.

Наступила тишина, потом Жак сказал, уже не понижая голоса:

— Я хочу лежать в твоей кровати.

Она знала, что он скажет именно это.

— Тогда ложись, — просто ответила она.

— Можно?

— Конечно.

Но он медлил, словно боялся поверить в ее щедрость. От его неожиданной нерешительности у нее на глаза навернулись слезы, тогда Жак подошел, сел на край кровати и взял руку Жанны.

— Понимаешь... — сказал он.

— Конечно, — снова сказала она, словно отвечая на недосказанную фразу.

Они встретились глазами — впервые за семь лет их знакомства-родства. Потом Жанна отвернулась, а он погасил свет, разделся и кровать заскрипела под его тяжестью. Спустя мгновение Жак сказал:

— Я зажгу свет. Мне нужно видеть твое лицо.

И Жанна покорно кивнула в ответ, словно он мог видеть это в темноте.

Он смотрел на нее, лежавшую с закрытыми глазами, так, словно видел впервые. Потом осторожно, точно боясь сломать, провел пальцами по ее щеке и шее, погладил волосы... Жанна лежала на боку, в той позе, в которой обычно засыпала, и Жак положил руку ей на плечо жестом собственника и защитника одновременно. Тяжелая рука странным образом освободила Жанну от бесполезной легкости одиночества, она открыла глаза и как-то по-новому посмотрела на давно знакомый до мелочей потолок спальни, на все его трещины, облупившуюся штукатурку, пятна. Потом она сказала:

— А ведь я могу сейчас уснуть.

— Спи, — отозвался он чуть более резко, чем ей хотелось бы, а затем повторил уже мягче: — Конечно, спи.

И Жанна точно провалилась в сон. Потом она удивилась тому, с какой легкостью заснула, словно выполняла данный ей приказ. Она знала, что эти первые минуты взаимного узнавания никогда уже не вернуться, но все равно не могла противиться, подчинилась и понимала, что так теперь будет всегда.

Когда Жанна утром проснулась от плача ребенка, Жак крепко спал, и его не разбудило даже то, что ей пришлось встать с кровати и начать кормить дочку. В глубине души Жанна обрадовалась возможности спокойно рассмотреть его лицо. Жак лежал на боку, глубоко дышал и казался таким далеким, таким посторонним...

Он выглядел очень мощным и был почти седой. В тридцать с небольшим лет! Жанна робко протянула руку и прикоснулась к его спине. Тепло, точнее, жар его тела точно обжег ее: она меньше удивилась бы, если бы он оказался холодным, как лед. По-

том она вдруг устыдилась, что он может застать ее за таким некрасивым занятием, как подглядывание исподтишка и, уложив в кроватку задремавшего ребенка, юркнула в постель. Ей пришла в голову странная мысль: она своим любопытством может все погубить, как погубила себя Психея, подглядывавшая за спящим Амуром...

Они проснулись чуть ли не в одну и ту же секунду — по крайней мере, Жанне так показалось. Он повернулся к ней, хотел прижать ее к себе, но сдержался и только взял ее за руку. Нестественность их близости становилась почти невыносимой для обоих.

— Я спал всю ночь в твоей постели, — произнес наконец Жак.

— Тебе понравилось?

— Если бы ты прогнала меня, я бы умер.

— Какие глупости! Это неправда.

— Это правда, Жанна, — сказал он совершенно серьезно. — Я бы не стал этого говорить, если бы это не было правдой. А теперь, пожалуйста, прикоснись ко мне.

— Я не могу, — полуиспуганно, полукокетливо отозвалась Жанна.

— Можешь, — тихо сказал он.

И она снова подчинилась этому голосу. Протянула руку и тронула его за горячее, обтянутое тонкой рубашкой плечо. Он резко вздрогнул, потом рассмеялся.

— Ничего не получится, — тоже весело отозвалась Жанна. — Ну, просто совершенно ничего.

Она не могла себе представить, что этот человек, которого она вроде бы знала столько лет, сейчас стал ей удивительно близок. Как могла она даже не прикоснуться к нему ни разу за все эти годы? Почему хотя бы не попыталась это сделать?

— А то, что я здесь, тебя не напрягает? — спросил он, будто прочитал ее мысли.

— Ничуть.

В подтверждение своих слов она встала, взяла из кроватки ребенка и, спустив рубашку с плеча, дала девочке грудь.

— Уверен, что ты пришла в ужас от моей просьбы, — продолжал он настаивать. — Но при твоей доброте и мягкости просто не решилась отказать...

— Как я могла отказать? — просто спросила она.

— Ты удивительная женщина. А в этой комнате, в ней просто как в раю. Я не мог оторваться от тебя. Притворялся, что прихожу ухаживать за тобой, ну, как сиделка. И боялся, что ты меня прогонишь. Я целыми днями думал о тебе, о том, как мне хорошо было бы рядом с тобой в этой постели. Мечтал, что ты позволишь мне до тебя дотронуться. Когда я в первый раз сидел в этом кресле и смотрел на тебя спящую... Это глупо, понимаю, но я почувствовал, что ты — моя...

— Ты шутишь, — пролепетала Жанна.

— Я совершенно серьезен, — возразил он. — Ты очень красивая. Я понимал это еще тогда, когда не любил тебя. Но теперь мне кажется, что я всегда тебя любил.

Жанна задрожала, взволнованная и растроганная той смелостью, с какой он бросался в бездонный омут страсти. Ей почудилось, что темные воды нежности и доверия сомкнулись над ними, навсегда отрезав от сухой и холодной земли, где любви давно не было.

— Я люблю тебя, люблю, — сказал Жак.

Она и не думала, что когда-нибудь снова услышит эти слова.

— Ты просто не понимаешь, что говоришь, — возразила она, но в ее голосе явственно прозвучали кокетливые нотки.

— Ты очень красивая, — повторил он.

Она недоверчиво улыбнулась, но в глубине души знала, что он прав: она действительно была красива, красива по-настоящему. Всегда ее красота была угрозой для окружающих и тяжким грузом для нее самой. Она как бы старалась уберечь от нее других, добровольно замкнулась в уединении, отрицала очевидное. Но теперь все это осталось в прошлом, она снова была самой собой, и могла называть вещи своими именами, могла наслаждаться силой своей красоты.

— Ты ведь не оставишь меня? — обеспокоенно спросил Жак. — Не прогонишь? Не уйдешь?

— Куда я пойду? Я прикована к этой комнате, к этой кровати.

— Правильно. Ты должна быть здесь, ты не сможешь уйти, правда? Ты дождешься меня?

— Конечно, дождусь, — устало ответила Жанна.

Боже мой, а что ей еще оставалось делать? Как всегда, терпеливо ждать.

— Ты моя пленница, — заявил он уже совершенно другим, успокоенным тоном. — Но если будешь себя хорошо вести, я стану ухаживать за тобой, как за королевой, приносить тебе еду, чай, книги...

Она улыбнулась ему нарочито медленной, пленительной улыбкой:

— Но потом ты освободишь меня?

— Конечно. Когда придет время, я освобожу тебя.

— Спасибо, — прошептала она и заплакала.

Это были не горькие, неудержимые слезы, а тихие и теплые. Их капли медленно ползли по ее щекам, а она сказала, вспоминая недавнее прошлое:

— Я заплакала, когда ты принес мне шампанское.

— Я видел, — сказал Жак. — Именно тогда я тебя и полюбил, когда увидел, что ты плачешь.

...Много позже, снова вспоминая этот эпизод, он добавил:

— Когда я увидел твои слезы, я понял, что мы будем вместе, что ты станешь моею...

Когда позже пришла Люси, Жанна старалась не глядеть ей в глаза, но она вообще редко смотрела кому-нибудь в глаза, так что кухня ничего не заметила и не заподозрила. К тому же она сама была так сдержанна, с таким уважением относилась к личной свободе других, что никогда не унизилась бы до каких-то расспросов. Имя Жака ни разу не было названо ни ею, ни Жанной. И обе они сохраняли это негласное соглашение, этот "заговор молчания" довольно долго... пока ситуация не вышла из-под контроля окончательно.

Жак стал приходить к ней каждый вечер, и она очень быстро подчинилась жизни в этом ритме, понимая, что все закончится очень плохо, потому что такие отношения не могут привести ни к чему хорошему. Жанна стала бояться самых невероятных вещей: ей представлялось, что Жак может попасть в аварию и погибнуть до того, как они станут по-настоящему близки, что она может внезапно умереть от кровотечения и погresti их под собой. Она уже не могла выносить его отсутствия даже когда он просто выходил из комнаты, чтобы заварить чай или приготовить ужин. А когда его не было в доме, она лежала, глядя на невыносимо медленно ползущие по циферблату стрелки часов, замирая при каждом звуке с улицы.

Ее удивляло, что и Жак испытывает почти те же самые чувства, но облегчение, которое он испытывал, увидев ее снова, было слишком красноречивым. А она, к тому же, не была готова к предельно откровенным отношениям с другим человеком, к таким отношениям, когда не нужно совершенно ничего скрывать друг от друга и можно делиться самыми безумными мыслями и переживаниями. Всю жизнь она только и делала, что сдерживала себя, скрывала свои истинные мысли, свои страхи, и вот теперь ей не нужно было этого делать.

Жак ухаживал за нею так, словно она была инвалидом, да в какой-то степени это и соответствовало действительности. И по этой модели строились их странные, ни на что не похожие любовные отношения, их собственный эротический ритуал. Ночью они лежали рядом в кровати, но физическое состояние Жанны отгораживало их друг от друга более надежно, чем сказочный меч Тристана или вполне реальная деревянная доска, которую особо благочестивые квакеры кладут между собой в недели поста. Жанна, недосыгаемая, словно Спящая Красавица, становилась Жаку все ближе и ближе. Взявшись за руки, они подолгу разговаривали, и это добровольное испытание укрепляло их чувство прочнее, чем что бы то ни было другое.

На восьмой день мать Жанны привезла Лори. Жанна так привыкла лгать матери, что ей не составило ни малейшего труда выдумать уважительную причину отсутствия мужа. Правда

последнего месяца была так ужасна, что говорить ее не было возможности.

— Марк уехал в Марсель на два дня, у него концерт, — безмятежно сообщила она, насыпая заварку в фарфоровый чайник. — Просил поблагодарить тебя за то, что ты взяла к себе Лори и очень сожалел, что не сможет с тобой встретиться.

— Не за что, — ответила ее мать. — Мы чудесно провели время вдвоем, правда, Лори?

Мальчик прижался к ногам матери и неуверенно улыбнулся.

— Малышка очаровательна, ты не находишь? — осведомилась Жанна, заметив, что мать внимательно рассматривает толстый слой пыли, покрывающий кухонные полки, грязную плиту и невытую посуду в раковине.

— Замечательная малышка, — наконец отозвалась она.

И Жанна в тысячный, наверное, раз подумала, что надо бы извиниться за такую запущенную кухню, сказать какие-то обязательные в таких случаях слова. Но ей казалось, что после этого неизбежно будет скандал: мать и так с трудом мирится с ее неряшливостью, она всегда пыталась заставить ее быть аккуратной. Так пусть уж лучше все будет по-прежнему, иначе придется что-то менять, начинать приводить дом в порядок, а об этом Жанна даже думать сейчас не могла без содрогания.

— Какое милое растение, — внезапно сказала мать, глядя на засохший сучок в цветочном горшке, который сиротливо притулился на кухонном подоконнике.

Жанна никак не могла решиться его выбросить: на сучке сохранилась пара зеленых черешков, доказывавших, что цветок еще жив. Но и не поливала уже несколько месяцев, потому что это потребовало бы от нее чрезмерных усилий.

— Правда, милое? — переспросила Жанна и внезапно развеялась.

Это и впрямь было смешно: нарочито избегать неприятных разговоров о запущенном доме, о распавшемся браке, о засохшем цветке. Ложь и недомолвки — вот самый приятный стиль общения даже между близкими родственниками.

— Почему ты решила назвать девочку Бьянкой? — перевела разговор на другую тему мать.

— Потому что шел снег, — совершенно серьезно ответила Жанна. — И еще потому, что мне показалось забавным дать такое имя.

— А вот твой отец хотел бы, чтобы внучку назвали Жюли, — сухо заметила мать.

— Понимаю. Но на самом деле имя выбрал Марк.

Еще одна ложь, еще один грех. Но так действительно легче жить.

— Здесь какой-то странный запах, — вдруг заявила мать, и Жанна медленно похолодела.

Как она могла забыть о том, что великолепное обоняние всегда было скромной гордостью этой женщины! А если Жак по каким-то причинам сказал неправду? Сейчас все раскроется.

Мать подошла к сундуку, стоявшему возле стены, и неодобрительно сказала:

— По-моему, ты хранишь в нем грязное белье. И, насколько я тебя знаю, не первый год. Столько сил я положила на то, чтобы приучить тебя к аккуратности...

Жанна привычно отключилась и подумала, что худшего, слава Богу, все-таки не произошло. Сундук остался на месте. А белье... В конце концов, оно может полежать еще какое-то время.

Когда мать, наконец, уехала, Жанна взяла чашку и обильно полила цветок. Лори серьезно следил за ней.

— Думаешь, я его убила? — спросила Жанна, присев на корточки перед сыном. — Он умирал от жажды, а я дала ему воды. Можно умереть от такого шока, правда? Но вообще-то убивать не страшно, поверь мне. Страшно бояться убить.

Мальчик промолчал.

Иногда ей казалось, что причина краха ее интимной жизни — в неумении сочетать духовную и физическую близость. Она не могла понять, как люди умудряются преодолевать подобные препятствия. Физическая сторона брака внушала ей отвращение, она с радостью забеременела в первый раз, поскольку это давало ей желанную передышку. А когда "отсрочка" закончилась, ее отношения с мужем стали стремительно ухудшаться: новая беременность уже ничего не могла исправить.

И вот теперь, сидя в приемной у врача, она понимала, что ее отношения с Жаком вот-вот должны перейти в новую фазу, причем зависит это от результатов осмотра. А ничего более унижительного, чем эта процедура в гинекологическом кресле, она и вообразить себе не могла. Тем не менее, приходилось терпеть: терпят же все остальные женщины. И не просто терпят — спокойно ждут своей очереди, листают журналы, жуют резинку. Точно ожидают начала сеанса в кинотеатре!

Домой она почти бежала: ей была невыносима мысль о том, что Жак ждет ее там, в пыльной, душной, неубранной квартире. Еще издали она увидела его в окне: он стоял с малышкой на руках. Ждал...

— Как ты долго! — сказал он вместо приветствия. — Я волновался.

— Прости, так получилось...

— Что сказал врач?

— Сказал, что все в порядке.

— Я и не сомневался.

— А я сомневалась. То есть боялась... Ну, ты понимаешь.

Он понимал. Он прекрасно понимал ее даже тогда, когда она молчала. А так случалось все чаще и чаще. Вот и в этот вечер им нечего было сказать друг другу, они дожидались последнего

кормления Бьянки. Жанна шила, и тишину в доме нарушал лишь звук иглы, протыкавшей материю.

— Почему ты сидишь со мной? — внезапно спросила Жанна. — Почему остаешься на ночь? Почему так долго ждал меня?

Любой другой лишь пожал бы плечами: такие вопросы не требовали ответа. Но Жак ответил:

— Потому, что ты такая замечательная. И еще потому, что я тебя люблю.

— Это не ново, — кокетливо возразила она.

— Мне кажется, что ново, — серьезно ответил он.

Поднимаясь наверх, чтобы накормить ребенка, Жанна подумала о том, что она слишком спокойна. Нельзя быть такой безмятежной после всего, что она перенесла, нельзя улыбаться, храня в душе такую тайну, нельзя брать на руки невинного ребенка... Она вообще не имела права давать кому бы то ни было жизнь после того, как...

Жак вошел в комнату и она тут же забыла все свои страхи. Теперь она боялась другого: предстоящего им испытания близостью. Точнее, она боялась, что ее холодность, неумелость испортят те прекрасные и чистые отношения, которые успели сложиться между ними...

Несколько часов спустя, ошеломленная и опустошенная, она лежала рядом с Жаком, пытаясь унять сумасшедшее биение сердца. Испытанное ею было слишком новым, слишком острым, слишком сильным...

— Ты совсем не сделал мне больно, — с изумлением прошептала она.

— Как я мог? Я так люблю тебя.

— И я — тебя, — выдохнула она, уже засыпая. — И я так люблю тебя...

Конечно, я рассказала не всю правду, да и как мне решиться это сделать? Оправдания моим поступкам найти невозможно, но я не хочу, чтобы меня судили слишком строго. Не хочу, чтобы меня судили вообще! И ведь я не солгала, просто кое о чем умолчала.

Я хотела Жака и я его получила. Но все было не так просто. Да и что может быть простым в таком чувстве, как любовь? Я могла сознаться только в своем безумном страхе потерять любимого. Я боялась, что он может умереть. Потому что я знала: это возможно.

Конечно, я могла бы подробнее рассказать и о моих чувствах к новорожденной дочери. Но не считаю удобным смешивать чувства к ребенку от одного мужчины с любовью к другому. Да, для меня не слишком важно, кто отец ребенка, главное — материнский инстинкт, который заставляет женщин одинаково относиться ко всем своим детям. Но мне приятно было видеть, как Жак держал малышку на руках: тем самым он как будто подтверждал свою любовь ко мне.

А Люси? Может показаться странным, но мы с Жаком никогда не говорили о ней, даже не упоминали ее имени. Я даже готова была поверить в то, что Люси оставалась в неведении о моих отношениях с ее мужем. Мне было абсолютно неинтересно, как он объясняет ей свои постоянные отлучки. Иногда ночью я вспоминала о своей кухне, чтобы... тут же забыть о ней. У меня были мои дети, был Жак, остальным не было места даже в моих мыслях.

Примерно так же обстояло дело и с Марком, моим мужем. Кому-то могло показаться, что я должна непрерывно думать о нем, но это было не так. Он исчез — и я забыла о нем, и о том, что для этого сделала.

Может показаться, что я люблю одиночество, купаюсь в нем, наслаждаюсь им. И это неверно. Я не дура и не сумасшедшая, чтобы любить это состояние, наоборот, оно приводит меня в ужас, но... Но я никогда ничего не делала, чтобы избежать одиночества. И впредь не собираюсь.

Понять меня, пожалуй, могла бы только Люси: так много внутреннего сходства было между нами. Наверное, я и полюбила Жака потому, что она любила его. Понимаю, что звучит это нелепо и даже кощунственно, но это так. И вообще, Жак — это проявление ко мне Божьей милости, незаслуженной милости.

Родители не поняли бы меня никогда, даже если бы я попыталась с ними объяснить. Ничего удивительного — мы были слишком разными людьми, я с детства ощущала свою чужеродность в их мире. Я научилась притворяться такой же, как они, и это помогло мне дожить до замужества. А вот с мужем притворяться уже было невозможно: человека, с которым делишь постель, обмануть очень трудно. Вот я и избавилась от мужа, иначе он выдал бы мою тайну всем, рассказал бы, что я — обманщица и лгунья. А мои дети еще слишком малы, чтобы понимать и судить меня.

В нашей семье никогда не было разводов. Узнай родители о том, что я намерена развестись с мужем — их хватил бы удар. А теперь они постепенно привыкнут к тому, что Марка нет рядом со мной, что он исчез, испарился, ушел из моей жизни. Я стану свободной, а слово "развод" никто и не произнесет. Да, когда крысу загоняют в угол, она находит самые невероятные способы вывернуться. Вот и я нашла.

Жак понял меня сразу, с первого взгляда. Понял и принял такую, какой я была на самом деле. И я не смогла сопротивляться ему, его чувству, его рукам и его губам. Конечно, я поступила безнравственно. Но, в конце концов, что такое нравственность? Только система поступков, придуманная самими людьми. Каждый человек вправе создать свою собственную мораль и поступать в соответствии с нею. Только не каждый на это решается — по самым разным причинам.

Жак ведь был моим родственником, а не посторонним мужчиной, с которым знакомишься в кино или на вечеринке. Я присутствовала на их свадьбе, а еще до этого была в курсе всех семейных пересудов относительно жениха Люси. По материнской линии он происходил из очень известной и уважаемой норвежской семьи, его мать была хороша собой, отменно воспитана и одалась с большим вкусом, а в нашей семье этого никто не умел.

Отец Жака был парфюмером и возглавлял очень известную фирму. Странный, молчаливый, маленький человечек, никогда и никуда не выезжавший вместе с супругой. Жак был их единственным ребенком и, пожалуй, единственным связующим звеном для этой пары. Больших денег там не было, но семья всегда жила на широкую ногу. Вначале эти странности пугали родителей Люси (да и моих тоже), потом все как-то привыкли.

Наша семья гордилась знаменитыми предками: адмиралом, адвокатом, даже одним епископом. Еще одним пунктом тайной семейной гордости были душевнобольные: по одному помещанному в каждом поколении. Но все это было давно, в прошлом, а мой отец был просто директором скромной частной школы в Лиможе, кстати, не слишком умным и интеллектуальным. Мою мать все считали очаровательной женщиной, но я-то знала, насколько лицемерной и лживой она была на самом деле.

— Неважно, что на тебе надето, важно, что ты за человек, — любила повторять мать, бешено завидуя обновкам своих знакомых.

— Любовь и брак редко идут рука об руку, такие счастливые семьи, как наша — исключение, — говорила она, физически не переносившая моего отца.

— Ты совершенно не умеешь развлекаться, — замечала она, когда я бесцельно бродила в праздники по дому.

А я не могла никого пригласить к себе в гости, потому что отец доводил моих друзей до слез своими злыми шутками. Он и меня доводил, пока я не научилась парировать его "остроты".

— Не могу представить себе, как можно отдавать предпочтение кому-то перед своим ребенком, — говорила мать в моем присутствии, отлично зная, что фактически отреклась от меня после рождения, посвятив себя так называемым "светским обязанностям".

Моих родителей связывала взаимная стойкая неприязнь, я не любила мать и ненавидела отца. Отношения с ними у меня были, мягко говоря, натянутыми. Никогда у меня не было ничего общего с моей семьей. А Жак часами сидел в будуаре своей матери, примерял ее украшения, пользовался ее духами и косметикой, слушал ее бесконечные разговоры по телефону. Два мира, два уклада, две морали... Но мы с Жаком понимали друг дру-

га даже без слов. И все-таки бесконечно рассказывали друг другу о своем детстве.

Сначала мы были очень осторожны и говорили только об очень далеком прошлом. Но оба мы молча вспоминали и наше общее прошлое, когда мы уже знали друг друга, но еще не были вместе. Например, один рождественский вечер, когда вся наша семья собралась почти в полном составе. Люси пришла с Жаком и их ребенком, я — с Марком, тогда еще не мужем, а моим женихом. Меня тогда поразило, как спокойно и непринужденно сидел Жак в кресле в углу комнаты: казалось, он мог провести так долгие часы. Я-то никогда не могла сохранять неподвижность, мне все время необходимо двигаться, что-то перебить, к чему-то притрагиваться. А он просто сидел и курил.

Я даже и не догадывалась тогда, что он — такой же притворщик, как и я. Что он только терпел эту фальшивую семейную идиллию, не желая нарушить ее каким-то словом или даже движением. А вот Марк никак не мог вписаться ни в общество, ни даже в атмосферу нашей гостиной: он был чужаком и даже не пытался это как-то замаскировать.

Когда тема обязательного среднего образования была исчерпана, моя мать и Люси принялись обсуждать прислугу и сетовать на то, как она избаловалась в последние годы. Мне было нестерпимо скучно, но я не знала, как поступить. А Жак просто встал и отправился на кухню — мыть посуду. И все сочли это совершенно естественным. Люси, конечно же, пошла за ним, а я осталась одна. Как всегда!

На следующий день был рождественский обед. Жак кормил ребенка, сидевшего на высоком стульчике. Тогда меня мало занимали дети, но даже я обратила внимание на исключительную заботу Жака о малыше. Я часто думала об этом, когда уже ждала своего первенца. Наверное, я даже подражала потом Жаку, только не осознавала этого. Но у кого другого я могла научиться кормить маленького ребенка с ложечки?

Думаю, я полюбила Жака потому, что в нем было все то, чего недоставало мне. А еще за то, что в нем было все то, что было и во мне тоже. А теперь я продолжаю рассказ о той, другой, женщине, которой я хотела бы быть, но так и не стала.

Через два месяца после рождения дочери Жанна впервые вышла из дома. Не к врачу или за покупками, а просто погулять. Она, Жак и двое детей отправились в Люксембургский сад.

— На следующей неделе поедем за город, — сказал Жак.

— Как скажешь, — отозвалась Жанна, переполненная ощущением нежности и теплоты.

— Люблю тебя, — шепнул он, прикасаясь губами к ее уху.

Она верила каждому его слову и не задавала себе свой вечный вопрос: действительно ли человек так думает или просто хочет быть вежливым и милым.

На следующей неделе они действительно поехали кататься на машине и по тому, как Жак открывал дверцу, помогал Жанне усесться и усадить детей, она поняла, насколько для него был важен этот ритуал: усадить свою женщину в свою машину.

— Поедем в Булонский лес? — спросил он, заводя мотор. — Или в Версаль?

— Куда хочешь, — с улыбкой ответила она.

— Тогда в лес, — решил он. — Пока еще рано ездить слишком далеко, ты не совсем еще здорова. В Версаль поедем в другой раз.

— Замечательно, — снова улыбнулась она.

Про себя же подумала, что Жак удивительно точно выбирает слова и тон для разговора с нею. Он единственный человек на свете, который ее не раздражает и не смущает, единственный, кто сумел найти к ней правильный подход.

Она едва замечала дорогу, потому что смотрела только на Жака, точнее, на его руки, уверенно державшие руль. И в первый раз подумала о том, насколько же ее отношения с Жаком отличаются от тех, которые были у нее с Марком. Марк говорил ей: "Жди меня", — и уходил. На несколько часов, дней, недель. В конце концов ей надоело умирать с каждым расставанием, и она оттолкнула Марка, столкнула его в небытие. А Жака она могла бы ждать вечность, хотя он ее об этом не просил.

Они гуляли под деревьями Булонского леса. Почки только-только начали набухать, в траве пробивались подснежники, в воздухе пахло весной. Жанна везла дочку в коляске, а Жак вел Лори за руку. Со стороны они производили впечатление счастливой семьи, и встречные ласково улыбались им.

— Уже почти весна, — заметил Жак, когда они подошли к озеру.

— Да.

— А ты будешь еще любить меня, когда наступит лето?

— Конечно.

— Летом мы с детьми поедем отдыхать за границу. Хочешь?

— Хочу.

Но про себя она подумала, что вряд ли это произойдет. Вряд ли их любовь проживет так долго, так невероятно долго — несколько месяцев.

На обратном пути Жак включил радио и машину заполнил голос... Марка. Он пел песню о любви и эта песня внезапно создала между ними незримое, но осязаемое препятствие. Жанна не сделала попытки выключить радио, она только прошептала:

— Как легко любить незнакомца...

Они никогда не говорили о Марке, не произносили его имени, и на сей раз Жак ничего не сказал, но Жанну охватило чувство паники, как будто бестелесный голос ее мужа воскресил все бывшие кошмары. Она заплакала.

- Что с тобой? — спросил Жак.
— Кажется, я умираю, — ответила она.
— Не думаю. Впрочем, если хочешь, я тебя убью...
— И никогда не смогу быть с тобой.
— Сможешь.
— Я порочная и сумасшедшая женщина.
— Это меня не интересует и не волнует.
— Правда?
— Конечно. Я не вижу твоего сумасшествия, не могу его потрогать или попробовать, так почему оно должно меня волновать?

— Ты чудный, — сказала Жанна, успокаиваясь. — Мне так хорошо с тобой.

И она, сделав над собой усилие, выбросила из головы Марка, его голос, и ту смутную угрозу, которую в нем ощутила. Все это не имело совершенно никакого значения, пока они с Жаком любили друг друга.

Все это ложь! Я даже не могу правдиво описать нашу прогулку. Жак был моим — это единственная правда, а все остальное — выдумки, фантазии, клубок лжи. Я любила его! Но я суеверно считала, что правдивый рассказ о моей любви может убить ее. Нет, не так! Начав говорить правду, я должна была бы рассказать ее и о Марке, а это было выше моих сил. И все-таки попробую начать.

Я вышла за Марка потому, что думала обрести с ним спокойствие. Он был музыкантом, играл на гитаре и пел песни собственного сочинения. Он был невероятно талантлив, а рядом с талантом спокойствие исключается по определению. Зато и деньги у него были, что отнюдь не всегда сопутствует таланту. Но на них мне было наплевать.

Мы познакомились с ним после концерта, в котором он принимал участие, и на который мне совсем не хотелось идти. В толпе я бы его не заметила, но на сцене он привлек мое внимание какой-то хрупкостью и незащищенностью (не слишком удачные качества для мужчины, кстати). А вот голос, казалось, принадлежал совсем другому человеку: зрелому мужчине, твердо стоящему на ногах... Любовь с первого взгляда? Нет. Я бы это назвала "любовью с первых звуков". Господи, я была так молода, мне едва исполнилось двадцать лет!

Я перепутала человека с певцом, я влюбилась в певца, я выходила замуж не за Марка, а за его голос и его песни. А в песнях люди умирают, чтобы снова воскреснуть — и так из вечера в вечер. Наяву все оказалось куда более прозаичным. Все — в том числе, и убийство.

После концерта был маленький прием за кулисами: вот тут-то нас с Марком и познакомили, точнее, свели. Скорее всего, это было неизбежно: мы оба выглядели на этом сборище совершенно чужими и потерянными. К тому же мне действи-

тельно понравилось его пение, а он был мне за это благодарен. Так благодарен, что пригласил сначала на прогулку, потом — на ужин, а потом и к алтарю. Какая ерунда порой определяет человеческие судьбы!

Марк был на три года старше меня, но давно уже самостоятельно зарабатывал себе на жизнь. Сейчас мне трудно сказать, чем он так расположил меня к себе: наверное, тем, что умел хорошо слушать, а я никогда не считала себя блестящей собеседницей и смущалась от малейшего признака невнимания. В общем, все просто. Проще не бывает.

Наш роман завязался как-то сам собой: Марк присылал мне билеты на свои выступления, я ходила на них, а после концерта мы где-нибудь ужинали. Я уже жила в Париже, работала, но лишних денег у меня не было, поэтому дорогие рестораны и не менее дорогие подарки были мне приятны. Но не более того. Житейская проза нас мало волновала. Для нас главным было духовное общение, и мы оба получали его с избытком.

Да, я ввела Марка в заблуждение. Мне было с ним так легко и удобно, что темные стороны моего характера ни разу не проявились. Марк считал, что проводит время с милой, доброй, уравновешенной девушкой. Так что через год мы обручились: он подарил мне кольцо с рубином в окружении маленьких бриллиантов, но ни разу не сделал попытки лечь со мной в постель. Тогда это меня радовало, хотя должно было насторожить: в некоторых случаях мужчина обязан проявлять решительность и инициативу. Впрочем, я была девственницей, — это многое объясняет.

Мой отец подарил нам на свадьбу деньги — их как раз хватило на первый взнос за квартиру. Правда, я и выбирала из самых дешевых: несуразное, двухэтажное пристанище, с сырой гостиной и запущенной кухней на первом этаже, и огромной, но слишком уютной спальней — на втором. Я говорила, что мой муж — музыкант, и два этажа нам просто необходимы из-за звукоизоляции. Знали бы мои родственники и знакомые, насколько мало я смыслю в совместном проживании и в совместной жизни вообще! Но, ко всему прочему, я не хотела тратить деньги Марка на свой дом.

Странная все-таки вещь — брак. Я просто подчинилась общепринятым нормам, заглушая в себе паническое предчувствие непоправимого несчастья. С таким же успехом я могла положить голову на плаху или прыгнуть с Эйфелевой башни. Но никто не подсказал мне, что я совершаю сумасшедший поступок, о котором буду жалеть. Никто не предупредил меня об ужасе интимной жизни и деторождения. Только пройдя через все, я поняла, во что угодила по своему легкомыслию и неопытности.

Тем не менее, моя семейная жизнь началась. Марк запирался в гостиной и часами репетировал там или уходил из дома —

на выступления или куда-то еще, я точно не знала. Я же сразу после свадьбы оставила работу младшего редактора в издательстве и не пыталась найти другую, хотя это было вполне возможно. До замужества я писала стихи, причем неплохие — некоторые из них были даже опубликованы. Но я находила какое-то странное удовлетворение в абсолютном безделье.

Но плохо было даже не это. Самым скверным оказалось то, что Марку я была в общем-то не нужна. Я хочу сказать, что ему вообще не была нужна женщина, он вполне довольствовался своей музыкой. Если он кого-то и мог пожелать, то, похоже, это был представитель одного с ним пола. А я была настолько наивна, что не замечала очевидного.

Разумеется, в крахе нашего брака была немалая доля моей вины. Я была плохой женой, потому что умела только радоваться профессиональным успехам мужа. А он в это не верил, он считал, что я ненавижу его творчество и завидую его славе. Бывало, что он врывается в комнату, где я мирно пила кофе и листала журналы, и кричал, что я — завистливая, неблагодарная тварь, которая ничего не понимает в настоящем искусстве. А потом я же оказывалась виновата в том, что он сорвал голос, пока орал на меня. Замкнутый круг...

А ведь мне действительно нравилась его музыка, его пение. Я даже не обижалась, когда он устраивал скандалы из-за Лори: ребенок мешал ему работать. Да, Лори был капризным мальчиком, часто плакал, но я старалась его успокоить, старалась, чтобы в доме было тихо. Иногда мне это удавалось, чаще — нет. Но и это стало одной из причин краха моего супружества...

В общем-то, Марк был доволен тем, что у него родился сын, и неплохо ладил с мальчуганом. Но он слишком часто отсутствовал, чувствовал себя виноватым, и перекладывал свои ощущения на меня: утверждал, что я втайне злюсь за то, что вынуждена сидеть дома, одна с ребенком, не работать, не общаться с другими людьми. Иногда он даже кричал, что понимает, почему я его ненавижу. Что ж, это звучало достаточно убедительно, чтобы в конце концов и я в это поверила.

Правда, я продолжала писать стихи: плохие и хорошие, страстные и равнодушные, и только это занятие как-то связывало меня не столько с внешним миром, сколько с моим прошлым. В конце концов рифмы — это неплохой способ сделать отчаяние и разочарование чем-то более или менее терпимым. Но порой я неделями ожидала прихода вдохновения — всегда внезапного — и это ожидание, пожалуй, было самым мучительным испытанием в моей жизни.

Когда я сказала Жаку, что больше не пишу стихи, я солгала. Зачем? Возможно, для того, чтобы вызвать к себе сочувствие. А возможно, потому, что не могла признаться: до того, как Марк исчез из моей жизни, я непрерывно писала стихи. Почти

до самого рождения Бьянки. Признаться в этом значило бы нарушить тот образ одинокой, брошенной жертвы, который привлек ко мне Жака. А после того, как ко мне пришел Жак, я не написала ни строчки. Я не умею писать о счастье и тем более — о радостях интимной любви. Я могу рифмовать только боль, страдание и одиночество: возможно, поэтому я так и дорожила всегда этими чувствами.

Марк не бросил меня. Конечно, ему смертельно надоело то, что я не занималась домом и хозяйством, могла часами сидеть и бессмысленно смотреть в стену или в окно, была совершенно бесчувственной в постели. Я начала убивать его тем, что постоянно ходила в старых, бесформенных свитерах и рваных чулках, нечесаная и неумытая. Тем, что вздрагивала и сжималась от одного его прикосновения. Тем, что не хотела его.

И все-таки он долго терпел. До того вечера, когда моя вторая беременность уже подходила к концу. Марк вернулся домой довольно поздно, и я притворилась, что сплю: чтобы не разговаривать с ним. Я это делала достаточно часто, но на сей раз он не пожелал потакать моим прихотям.

— Ты ведь не спишь? — спросил он, заходя в спальню.

— Который час? — спросила я вместо ответа.

Тогда он схватил меня за руку, рывком вытащил из кровати и ударил по лицу. Я отшатнулась к стене, но он удержал меня и принялся бить головой об эту самую стену, выкрикивая:

— Ты отобрала у меня все! Ты разрушила мою душу! Ты сломала мне жизнь! Я изменил тебе!

Я поняла, что это — правда. Он выпустил меня и я... Я всегда знала, что сильнее его — и морально, и физически. И, в отличие от него, я не боялась насилия.

Утром я увидела, что все мое тело в синяках. Но это уже были пустяки, которые никто не заметил. Особенно после родов. А все так привыкли, что Марк постоянно уезжает на гастроли или концерты, что скрыть его отсутствие мне было еще легче, чем спрятать синяки.

Я не испытывала вины за то, что сделала. Но мне было неприятно, что я заставила Марка прибегнуть к насилию, что я ожесточила его, спровоцировала на вспышку. Все могло бы продолжаться бесконечно долго: я привыкла к нашим странным отношениям и находила в них даже определенную прелесть. Но Марка они явно стали тяготить. Но поскольку мы оба всегда притворялись перед окружающими счастливой семейной парой, наш брак навсегда остался таким же прочным и незыблемым... для других.

Пожалуй, я чувствовала вину только перед Люси. Она всегда была мне ближе, чем была бы даже родная сестра. Странно, но она, кажется, не унаследовала никаких "милых" семейных черт, типа буйного помешательства или склонности к суициду. А у нас в роду и того, и другого хватало с избытком.

С Люси все всегда было спокойно, хотя бы потому, что я находилась под ее сильным влиянием. Люси, в отличие от меня, была очень женственной и элегантной, следила за собой. Но я знала, что и ее волнует мнение окружающих. Разница заключалась лишь в том, что Люси старалась быть такой, как все, но не считала себя вправе рассчитывать на чье-то расположение, а я упрямо пыталась остаться сама собой и в то же время расстраивалась, что могу кому-то не понравиться.

Самое интересное заключалось в том, что мы с Люси почти не разговаривали, хотя дружили всю жизнь. Мы слишком уважали мнение друг друга, чтобы затевать какие-то споры, а высказывать вслух одинаковое мнение казалось нам глупым и бессмысленным занятием.

Несмотря на это, я многое знала о жизни Люси, почти все. Например, знала, что она стала интересоваться мальчиками чуть ли не с одиннадцати лет, а в шестнадцать лет она переспала с добрым десятком молодых людей. При этом ухитрялась выглядеть чуть ли не более скромной и невинной, чем я — убежденная девственница. Но после первого же года, проведенного нами в Сорбонне, о Люси заговорили, как о роковой женщине, походя разбивающей мужские сердца. Претенденты на руку и сердце так и вились вокруг нее, но она вовсе не торопилась под венец. Во всяком случае, очень умело создавала такое впечатление.

Я тайне завидовала ей: мне казалось непорядочным удерживать возле себя людей, к которым ничего не испытываешь, подавать напрасные надежды... Теперь я понимаю, что просто никогда не умела флиртовать и кокетничать. Впрочем, я и сейчас этому не научилась. Не дано. А может быть, я просто ждала, когда Люси выберет кого-нибудь окончательно, и тогда я отберу у нее ее выигрыш, потому что это будет само Совершенство.

Так и получилось в конечном итоге. Когда она познакомила меня с Жаком, тогда уже — ее женихом, я испытала укол в сердце. Укол самолюбия. "Вот что бывает, — сказала я себе, — когда долго ищешь, выбираешь, отвергаешь и снова ищешь. Тогда ты получаешь самое лучшее". Но ребенок Люси и Жака родился через семь месяцев после свадьбы и я засомневалась в безусловной расчитанности этого союза. Всего лишь брак по необходимости, вынужденный брак, ничего из ряда вон выходящего в этом не было, и завидовать было нечему.

Нет, мне было чему завидовать! Люси с Жаком поселились в крошечной вилле в Сен-Клу, где все было безупречно, аккуратно и не очень уютно. Думаю, потому я и остановила свой выбор на теперешнем моем жилище, что оно было полной противоположностью той вилле. Они никогда никуда не выходили, вечера напролет смотрели вместе телевизор — и были счастли-

вы. Во всем этом для меня было что-то завораживающе-мистическое.

Люси изумительно готовила, а у меня на это занятие никогда не хватало терпения, я предпочитала сварить рис или макароны, чтобы не возиться с картофельными очистками. А вид окровавленного мяса вообще вызывал у меня отвращение. Самое же интересное заключалось в том, что Жак был совершенно равнодушен к еде и всему на свете предпочитал хлеб с сыром. И все равно они были идеальной парой. Как и мы с Марком... в глазах окружающих.

Первое время после замужества я тоже пыталась готовить, даже доставала какие-то замысловатые кулинарные рецепты. Но мне это быстро надоело, и мы с Марком окончательно перешли на бутерброды и консервы. Он так редко бывал дома, что его мало волновали бытовые вопросы, меня — тем более. Иногда он вдруг привозил домой пакеты с изысканными продуктами, но все это так или иначе портилось и оказывалось в мусорном ведре. Я ела только то, что покупала сама — хлеб, сыр, иногда — фрукты. Как и Жак...

Между прочим, в первую проведенную у меня ночь Жак читал "Терезу Ракен" — историю о двух любовниках, решивших убить законного мужа. Нам не придется это делать, чтобы свободно предаваться любви. Но, быть может, это приблизит ее конец, ведь страсть так часто оказывается замешанной на каком-нибудь преступлении...

Она бесконечно ждала: его прихода, телефонного звонка, звука его машины на улице перед домом. Если он опаздывал, она становилась у окна, прижавшись лбом к стеклу, и до боли в глазах вглядывалась в перспективу улицы. Она прислушивалась ко всем звукам в доме, чтобы не пропустить телефонный звонок. Она понимала, что ведет себя ненормально, но ничего не могла с собой поделать.

Она успокаивалась только во время их встреч, но — ненадолго, потому что встречи не могли длиться вечно. Она прятала его носовые платки и вдыхала их запах, чтобы воскресить в памяти самые сладкие минуты, таскала его зажигалки и пустые пачки от сигарет, суеверно полагая, что создает тем самым какую-то связь между собой и возлюбленным даже когда он отсутствует.

Самой страшной пыткой были его опоздания, а он почти всегда опаздывал. У нее начинали дрожать колени, тряслись руки, пересыхало во рту, секунды текли бесконечно. Но хлопала дверца машины, затормозившей у подъезда, и все мгновенно превращалось в свою противоположность.

Она почти никогда не задавала ему никаких вопросов. Им вообще было не о чем разговаривать друг с другом: они понимали друг друга без слов. Да и о чем она могла спросить? Догадывается ли Люси о чем-нибудь? Что он собирается делать в будущем?

Почему он не на работе, как все нормальные люди? Она боялась, что любой вопрос нарушит сложный и мучительный ритуал их взаимоотношений, и она потеряет Жака навсегда. Поэтому она молчала. И все-таки однажды она нарушила ритуал.

— Почему ты не работаешь?

— Чтобы быть с тобой, — немедленно последовал ответ.

— Это не причина.

— Это одна из причин. Просто всю работу выполняет мой компаньон. Таковы условия нашего с ним сотрудничества.

— Но это нечестно.

— Еще как честно! Мы именно так с ним и договаривались.

— Но почему ты тратишь на меня столько времени?

— От скуки, — нежно ответил он. — Видишь ли, мне просто больше нечем заняться. Абсолютно нечем.

И она поняла, что это было правдой. Поняла и не обиделась. Она тоже жила только их встречами, а в промежутках — вялая и невыспавшаяся, — бродила по квартире, и все валялось у нее из рук. Вечером она падала на кровать и мгновенно засыпала: Жаку приходилось трясти ее, как куклу, чтобы разбудить. Но его она хотела еще больше, чем хотела спать.

— Ударь меня, — просила она его, лежа с закрытыми глазами. — Сделай мне больно, сделай что-нибудь, чтобы я проснулась.

Но иногда у нее не было сил даже проснуться окончательно...

Усталость и желание — они отгораживали ее от действительности какой-то стеклянной стеной. Она вспоминала Жака, его руки, его губы — и волнение охватывало ее горячей волной, причудливо переплетаясь с усталостью. Достучаться до нее через эту стену из внешнего мира мог только Лори, потому что малышка продолжала находиться как бы внутри нее. Во всяком случае — в пределах стеклянной стены.

Лори было три года, поэтому Жанна боялась, что мальчик будет скучать по отцу и задавать ей массу вопросов. Этого не случилось: Лори как бы не заметил исчезновения Марка. Впрочем, и присутствие Жака не вызвало у него недоумения. Их добровольное заключение не тяготило мальчугана: он часами играл в кубики в углу комнаты или просто сидел, глядя в окно. Совсем как она, его мать...

Их разговоры с Жаком временами напоминали диалоги театра абсурда. Они могли долго и серьезно обсуждать вопрос, стоит ли класть хлеб в хлебницу, чтобы он не черствел, или лучше «оставить его умирать естественной смертью», то есть черстветь на столе. Иногда они часами играли с Лори в детское домино с картинками. И все это было неотъемлемой частью их любви друг к другу, все это находилось внутри стеклянной стены, куда посторонним не было доступа.

Иногда она почти жалела о том времени бездумной отрешенности и бесчувственности, которое она переживала до поя-

вления Жака в ее спальне. Жалела тогда, когда они — и Жак, и Марк — лежали рядом с ней, по обе стороны от нее, один живой и близкий, но все-таки недосыгаемый, второй — бесплотный и неосязаемый, но до жути реальный. Жанна понимала, что это — симптомы тяжелой депрессии, возможно даже, душевного заболевания, но она почти наслаждалась ими. И если бы ей предложили спасительное средство, успокоительное, исцеляющее лекарство, которое помогло бы ей вернуться в реальную жизнь, она бы отказалась. Реальной для нее была только боль, все остальное не имело никакого значения.

Но даже тогда я понимала: это не может продолжаться бесконечно. Я спаслась от несчастного брака, но заплатила за это слишком дорогую цену, чтобы стать счастливой. И за Жака я ухватилась, как утопающий за ветку, не задумываясь над тем, что с ним будет.

Нет, неправда! Я любила Жака, любила так, что на какое-то время даже перестала думать вообще, просто плыла по течению, захлебываясь и снова выныривая, но не делая никаких попыток выбраться на твердую землю. Позже я поняла, что природа сыграла со мной злую шутку: я просто-напросто попала в сексуальную зависимость от Жака, пристрастилась к нему, как наркоманы — к своему зелью. Но все это я поняла слишком поздно. Не зря говорят, что любовь слепа, банальность этой истины не умаляет ее справедливости.

Героини старых любовных романов попадали во всевозможные передряги, но всегда сберегали свою честь, они барахтались в тех же бурных потоках, но выплывали. Мы же, современные, воспитанные на теориях Фрейда женщины, обречены утонуть в самом начале. Я еще сравнительно долго продержалась на плаву.

В конце лета Жак уехал с семьей в Довиль — отдыхать. Я знала, что это обязательно произойдет, но решительно не могла себе представить жизни без него. Это произошло, и я не переставала удивляться тому, что такая в сущности простая вещь, как трехнедельное отсутствие мужчины может причинить мне так много страданий. Марк, помнится, пропал месяцами, — и я только радовалась своему одиночеству. Теперь оно меня угнетало. Хотя о каком одиночестве может идти речь, если нужно заботиться о двух маленьких детях?

Мое одиночество меня убивало. Мне было безразлично, что мы с Жаком никогда не будем полностью принадлежать друг другу, но меня, как ножом, резала мысль о том, что долгие, долгие дни мы будем физически далеко друг от друга. А перед самым их отъездом мне вдруг позвонила Люси.

— Ты могла бы поехать с нами, — сказала она после нескольких общих вежливых фраз. — Как ты тут справишься одна?

— Все будет прекрасно, — заверила я ее как можно более непринужденно. — А на будущий год я, наверное, действительно поеду с вами на море.

— Я пришлю тебе открытку, — сказала Люси и положила трубку.

Мне показалось: она о чем-то догадывается, даже что-то знает. Или... Или она знала все? Скорее всего, знала, в том числе и о моих переживаниях по поводу отъезда Жака. Иначе, зачем ей вообще было звонить?

На следующий день они уехали. Вечером я посмотрела на географическую карту Франции, увидела, как далеко от меня оказался Жак, и мне стало дурно. Потом я посмотрела карту Европы: на ней Довиль был почти рядом с Парижем. Я немного успокоилась и стала думать о том, чем сейчас занят Жак. Ревновала ли я его к Люси? Сомневаюсь.

На кухне у меня висел очень красивый календарь с замками Луары. По числам месяца можно было двигать красный пластмассовый квадратик, чтобы отмечать текущий день. Было пятое число, а вернуться они должны были двадцать второго. Я сосчитала дни: получилось восемнадцать. Тогда я решила, что день их отъезда и день приезда не считаются: один уже почти прошел, а в другой Жак обязательно позвонит или придет ко мне, как только окажется в Париже. Разлука сократилась на два дня, что позволило мне относительно спокойно заснуть.

На следующее утро я прежде всего передвинула квадратик, и это простое действие принесло мне странное облегчение. Но в результате я помешалась на времени. Считала часы, оставшиеся до возвращения Жака, умножала их на число минут, а потом вела обратный отсчет, наблюдая за бегущей стрелкой на часах. Даже во сне я видела календарь.

На пятый день я получила открытку от Жака с видом на море и корабликами. Он писал:

“Здесь умер Шелли, моя любимая, но я не последую за ним. Я вернусь, и мы поедem вместе куда-нибудь на север. Если ты еще не забыла меня, конечно”.

Это немудреное послание — первое письмо Жака ко мне — я перечитывала тысячи раз, немножко отвлекаясь от своих бесконечных подсчетов. Но это помогло ненадолго: два дня спустя, стоя в кухне возле раковины, я обнаружила, что пространство вокруг меня сжимается и чернеет, а стрелки часов не двигаются. На меня навалилось чувство невыносимого, животного ужаса, мне хотелось закричать, завывать, разбить что-нибудь, чтобы взорвать этот мрак и безмолвие. К счастью, заплакала малышка, и это вывело меня из ступора.

На следующий день я пересилила себя и повела детей на прогулку. Именно повела: мысль о том, что нужно будет куда-то

ехать, внушала мне страх. Я и выходить-то из дома лишний раз боялась, но понимала, что любой мой страх будет несравним с тем ужасом, который я пережила накануне. Конечно, почти у всех людей есть навязчивые страхи, фобии, но все их более или менее успешно скрывают. Придется и мне сделать над собой усилие.

Пройдя по улице несколько сотен метров, я почувствовала себя значительно лучше: словно узник, вышедший на свободу. В августе Париж почти пуст, но и это было к лучшему, тем более что я никогда не боялась жары. Бьянка спала в коляске, Лори семенил рядом со мной, и мне удалось на некоторое время забыть о Жаке. А когда мы добрались до небольшого сквера и я уехала на скамейку в тени платана, то почувствовала себя просто прекрасно. На воздухе время не имеет никакого значения. Почти никакого.

Когда мы вернулись домой, то в почтовом ящике я нашла еще одну открытку с видом на гавань. Жак писал:

“Мы с тобой поедem на север и будем там страдать вместе, любимая. Здесь слишком хорошая погода”.

Я подумала, что эта открытка — награда за мое хорошее поведение и мысленно пообещала себе гулять с детьми каждый день. Конечно, я не выполнила это обещание, но все равно дни стали проходить быстрее и гораздо менее мучительно. Однажды утром я с изумлением обнаружила, что до возвращения Жака осталось не более суток. И тут меня снова затрясло.

Впрочем, моя нервозность имела и вполне конкретную причину: как раз накануне я услышала по радио о сильном пожаре в одном из отелей Довиля. Я не знала, в каком именно остановились Люси и Жак, но предполагала худшее. Так что сутки прошли просто ужасно, а в девять часов вечера Жак позвонил мне из автомата. И все прошло.

Для меня важно было не столько услышать его голос, сколько понять, что Жак снова в Париже, в нескольких километрах от меня, и что завтра мы с ним увидимся. Я попросила его быть осторожнее, а он засмеялся и сказал, что уж если ему удалось уцелеть на пожаре... И тут я поняла, как все взаимосвязано и одновременно иллюзорно в этом мире.

Жак действительно приехал на следующее утро в обещанное время. Жанна боялась, что он как-то изменится, что ее любовь станет меньше или исчезнет вообще, что мир станет другим. Но ничего не изменилось: Жак взял ее за руку и это прикосновение волшебным образом восстановило их прежнюю связь.

— Я так много думал о тебе, — сказал он, переступив вслед за ней порог кухни. — По несколько раз в день представлял, как ты сидишь тут, бледная и хорошенькая, и грустишь обо мне. И даже не хочешь выйти на воздух.

— А что мне там делать?

— Я бы хотел запереть тебя здесь... Нет, лучше спрятать тебя под каким-нибудь камнем и быть абсолютно уверенным в том, что ты никуда не денешься.

— Ты жесток, — усмехнулась она.

— Возможно. Но тебе запрещается без меня покидать этот дом. Ты должна сидеть и ждать меня, грустить обо мне, тосковать. Надеюсь, ты грустила обо мне?

— О Господи! — рассмеялась Жанна. — Я так грустила о тебе, что даже для тебя это было бы чересчур.

— Никогда! — быстро отозвался он. — Я хочу, чтобы обо мне тосковали до безумия. Это именно то, что мне нужно.

— Это сумасшествие?

— Да-да, именно сумасшествие. Я хочу, чтобы без меня обо мне сходили с ума.

— Именно этим я и занималась, — вздохнула Жанна. — Как приятно получать то, что хочешь, правда?

— Но ведь этого и ждешь, — возразил Жак, легко проводя рукой по ее волосам. — Иначе зачем ждать?

Он привез с собой бутылку красного вина и корзину фруктов. Они пили прямо в кухне, а Лори играл возле них с обычным своим непроницаемым видом.

— Я бы хотел, чтобы поскорее наступила ночь, — произнес вдруг Жак.

И Жанна, которая никогда никому не задавала никаких вопросов, вдруг с изумлением услышала свой голос:

— Ты останешься?

— Разумеется. Неужели я могу бросить тебя?

— Ты бросил. На несколько долгих недель.

— Это не считается, — небрежно отмахнулся он и вдруг спросил: — Хочешь уехать со мной?

— Конечно. А куда?

— В Норвегию.

— Почему в Норвегию?

— Это — страна моих предков, страна моей души. Мне кажется, там мы с тобой лучше пойдем друг друга. И потом мне нужно туда по делу, так что все прекрасно устраивается. Мы могли бы остановиться в доме моего деда...

— Ты сошел с ума, — слабо запротестовала она. — И это стоит больших денег...

— Вовсе нет. Дети, конечно, поедут с нами, а тебя я представлю деду как Люси. Он ее сто лет не видел и, конечно, ничего не заподозрит.

— Только напишет твоей матери, а она...

— Он пишет моей матери раз в год — на Рождество, — отмахнулся Жак. — К Рождеству он все забудет, к тому же письмо будет по-норвежски, а мама уже почти забыла этот язык.

У него был готов ответ на все ее возражения. Несколько дней они только и делали, что обсуждали предстоящее путешествие.

Жанна воспринимала эти разговоры как любовную игру, потому что даже представить себе не могла две недели, проведенные бок о бок с Жаком вдали от дома. Это было совершенно нереально, несбыточно, чем-то вроде волшебной сказки.

— Конечно, я поеду с тобой, — отвечала она на его прямой вопрос. — Куда ты, туда и я, как же иначе?

— И в Австралию поехала бы?

— И в Австралию.

— Это было бы так чудесно: лечь спать с тобой и просыпаться возле тебя. Последнее время нам это редко удается. Ты бы этого хотела?

— Конечно, — отвечала Жанна, нежно глядя на него. — Именно этого я бы и хотела больше всего на свете.

Это было невероятно: он действительно собирался куда-то ехать со мной! Я, наконец, осознала, что Жак вполне серьезен. Он заставил меня продлить давным-давно просроченный заграничный паспорт, а потом показал билеты на поезд до Гавра и на пароход до Бергена. Это уже была не фантазия, а абсолютная реальность, воплощенная в кусочках картона с цифрами. Двенадцатого октября поезд, на следующий день — пароход. А с реальностью я бороться не умею.

К тому же детям только полезно будет сменить обстановку: не я ли совсем недавно размышляла о том, что не имею никакого права запереть их вместе с собой в пустом доме? Тем не менее, до последнего момента я ждала, что Жак засмеется и скажет: я пошутил, любимая, все будет, как прежде, ты никогда и никуда не выйдешь из этого дома, да и денег у меня нет. Но этого не произошло. В назначенный вечер накануне отъезда Жак приехал ко мне.

Мы как раз изучали в очередной раз карту Норвегии, когда зазвонил телефон. Меня будто что-то кольнуло, на секунду я подумала, что это звонит Марк. Но в действительности все оказалось еще хуже: это звонила Люси.

— Привет, — сказала она бесцветным голосом. — Давненько мы с тобой не общались. Как дела?

— Все хорошо, — осторожно ответила я, гадая, что ей известно. — А как ты?

— Нормально. Только очень устала. Но теперь я, слава Богу, одна: Жак уехал в Норвегию. А я, наверное, выберу время, чтобы тебя навестить...

— Уехал — куда? — тупо переспросила я.

— В Норвегию. Выдумал себе там какое-то дурацкое дело, наверное, врет, как всегда. Господи, он такой идиот, ты себе не представляешь! Обо всем должна заботиться я сама. А он занят только своими фантастическими проектами, которые не приносят ни сентима. И если бы не я...

Она продолжала в том же духе, невольно отвечая на те мои вопросы, которые я никогда не решилась бы задать Жаку. Кое о

чем я догадывалась, но предпочитала не задумываться над этим. Люси методично разрушала созданную нами идиллию. А главное — она не знала о том, что Жак изменяет ей со мною. Я-то думала, что она все знает и все чувствует. Получалось, что мы с Жаком совершили банальнейшую вещь на свете: адюльтер. И если... Если он обманул Люси, значит, и меня может обмануть? Или — уже обманул?

— Так я заеду к тебе на днях? — закончила Люси свои жалобы. — Мы так давно не виделись.

— Мне никого сейчас не хочется видеть, — отозвалась я, чувствуя, как внутри нарастает паника.

— Вот как? — с ноткой обиды переспросила Люси.

Она обиделась не на меня, а на то, что сделала ложный шаг, поступилась той деликатностью, которой всегда гордилась, вторглась на частную территорию.

— Ты же понимаешь меня, — подчеркнула я. — Ты-то, конечно, понимаешь.

— Безусловно, — сказала она, вновь обретая почву под ногами. — Тогда позвони мне, когда захочешь.

— Обязательно, — согласилась я, зная, что опасность ее визита миновала, что теперь она не позвонит, пока я не сделаю шаг ей навстречу.

Ночью я долго не могла заснуть, а под утро услышала внизу шаги. Сначала я подумала, что это Лори, который иногда ходил во сне по дому, но потом поняла, что это — шаги взрослого человека. И даже не удивилась, когда в дверях спальни появился Марк. Он стоял и смотрел на нас: на Жака, который крепко спал, и на меня, притворяющуюся спящей. Просто стоял и смотрел. А потом ушел, внизу хлопнула дверь и раздался звон разбитого стекла. Я даже не встала посмотреть, что случилось: мгновенно провалилась в сон.

Утром обнаружилось, что разбито окно в гостиной. Жак предположил, что какой-то пьянчужка бросил камень, и я поспешила согласиться с ним.

— Странно, что я ничего не слышал, — добавил Жак. — Ни звука. А ты?

Я только покачала головой: говорить у меня не было сил. Мы кое-как собрали осколки и забили окно фанерой. В конце концов, даже если кто-то и заберется в дом в наше отсутствие, пожить ему будет нечем, у меня нет ничего ценного. Так что я не испытывала ни малейшего беспокойства, когда запирала входную дверь, ведь с таким же успехом я могла оставить ее распахнутой настежь.

Кому из них в последний момент пришлось в голову ехать в Гавр не поездом, а на новой машине Жака? Теперь это уже невозможно было вспомнить. Но они поехали на новом темно-сером "Рено", который еще пах свежей краской и кожей. Жак вел машину крайне осторожно: он вез детей и ни на минуту не забы-

вал об этом. Радио мурлыкало модные мелодии, как раз запел Джо Дассен. "Люксембургский сад" — они оба любили эту песню, она сопровождала их любовь.

Жанна повернулась к Жаку и нежно улыбнулась ему. Он не ответил: как раз в этот момент он обгонял какую-то древнюю колымагу, старый, обшарпанный грузовик. И тут раздался взрыв...

Я поняла, что мы все погибаем. Машину подбросило в воздух, словно от лобового столкновения. Я увидела, как руль, точно живой, выскользнул из рук Жака. Это потом выяснилось, что с грузовика упал кирпич, попал прямо под переднее колесо нашей машины, оно лопнуло, "Рено" потерял управление, вильнул и врезался в дерево на обочине дороги.

Задняя часть машины уцелела, а нас с Жаком выбросило через передние дверцы на землю. Не знаю, сколько времени я пролежала с закрытыми глазами: меня привели в себя истошные крики детей. Значит, я не умерла, подумала я, и тут же ощутила странное чувство обманутых ожиданий. Знаю, я сумасшедшая, но в тот момент меня действительно больше всего занимала мысль о том, что смерть прошла рядом со мной, но не удостоила меня своим выбором.

Я знала, что Жак погиб, чувствовала это, но не могла заставить себя посмотреть в ту сторону, где он лежал. Ему повезло гораздо больше, чем мне, и это была обычная несправедливость, с которой я сталкивалась всю свою жизнь. Никогда, никогда не получала я того, чего хотела, только то, что мне было не нужно, то, что мне навязывали. Теперь я поняла истинный смысл ночного визита Марка: он хотел предупредить, предостеречь меня, а я ничего не поняла. Как всегда.

Тут я услышала сигнал приближающейся машины "Скорой помощи" и обнаружила, что вокруг места аварии уже скопилось несколько автомобилей, а возле нашей машины толпятся люди. Я заставила себя посмотреть туда, где лежал Жак, а потом спросила в пустоту:

— Он мертв, правда?

— Вам повезло, мадам, он жив!

Жака унесли на носилках в карету "Скорой помощи", я собрала вещи, разбросанные по дороге, запихала их в свой чемодан. Откуда-то взявшийся полицейский спрашивал меня о страховке, но я не понимала ни слова и посоветовала ему самому поискать в машине нужные бумаги. Лори плакал, малышка заливалась слезами на руках у какой-то женщины, а мне в тот момент казалось самым важным аккуратно уложить детские вещи в испачканный и порванный чемодан. И потом, как-то сразу я оказалась рядом с Жаком в "Скорой помощи". Точнее, не рядом с Жаком, а с носилками, на которых лежал какой-то незнакомец.

Не помню, когда я вынула бумажник из кармана Жака. Но ведь мне были нужны деньги! Тогда я не подумала об этом, все случилось как-то помимо моей воли. Возможно, на моем месте так поступил бы всякий. А возможно, и нет.

В приемном покое, когда Жака увезли куда-то в недра больницы, полиция учинила мне настоящий допрос. Не как жертве аварии, а чуть ли не как ее виновнице. Конечно, мне следовало устроить им грандиозный скандал, но на меня нашло какое-то затмение, и я лишь кротко отвечала на все вопросы, даже на те, которые были, с моей точки зрения, не совсем уместны.

Причин для недовольства полиции было три: обнаруженная в нашей машине разбитая бутылка виски, то, что сама машина была новой и очень дорогой, и неосторожная манера Жака водить машину. Не могла же я им сказать, что Жак всегда водит машину на грани дозволенного! Не могла же признаться в том, что понятия не имею, откуда у моего "мужа" деньги на роскошное авто. А виски... Я помнила, как Жак сказал, что это — единственная ценная вещь в доме, и глупо оставлять ее вора.

В конце концов, все разъяснилось. Работавшие на месте аварии полицейские обнаружили злосчастный кирпич и следы нашей забуксовавшей машины. Но положение Жака было по-прежнему неопределенным, и мне с детьми пришлось остаться в гостинице небольшого городка рядом с больницей.

И все-таки прежде всего я нашла способ уединиться, чтобы изучить содержимое бумажника Жака. Результат меня потряс: там было около пятидесяти тысяч франков. Целое состояние! Во всяком случае, мне никогда не приходилось держать в руках такую сумму.

Теперь я могла позволить себе заказать лучший номер в гостинице и вообще без страха смотреть в ближайшее будущее. В свое будущее, естественно, потому что у Жака, судя по скупым репликам медицинского персонала, было крайне мало шансов остаться в живых: голова, пробитая в двух местах, сломанные рука, ребра, таз. Конечно, оставалась надежда, но...

Когда я с детьми приехала на такси в гостиницу, то как-то сразу почувствовала себя в безопасности. Это был один из тех небольших отелей, где все дышит надежностью и комфортом, хотя и нет этих новомодных удобств. Чистые, толстые ковры, чистое постельное белье, старинная, массивная мебель... Это был именно такой дом, в котором я хотела бы жить, но которого у меня никогда не будет.

Ночью, ворочаясь на широченной двуспальной кровати, я думала, как мне выйти из сложившегося положения. Позвонить Люси? Немыслимо: сразу откроется вся наша с Жаком не слишком красивая история. Две недели Люси не будет беспокоиться, даже если не получит от Жака никаких вестей, а потом? А если он умрет? Сейчас все принимают меня за его жену, но похороны — это слишком серьезно, тайное неизбежно ста-

нет явным. И я даже не смогу оплакать его: меня с омерзением отшвырнут в сторону настоящие родственники.

Такие пары, как мы с Жаком, должны уходить из жизни одновременно. Иначе возникает слишком много серьезных, неразрешимых проблем, которые не описываются в любовных романах. Мы бы погибли — и я не ломала бы себе сейчас голову над тем, как мне оправдаться перед Люси. Я не задумывалась бы над тем, кого бы Жак предпочел увидеть, очнувшись: законную жену или любовницу? На все эти вопросы я не находила ответа и... перестала их себе задавать. Самое простое действие — это абсолютное бездействие. Течение жизни само вынесет тебя или утащит на дно. Третьего не дано.

К счастью, был мертвый сезон (вот дурацкий каламбур!), и служащие почти пустого отеля привязались к Лори и Бьянке. Горничные помогали мне, присматривая за детьми в те часы, когда я навещала Жака. Портье охотно развлекали Лори. Мир вовсе не так жесток и равнодушен, как мне казалось еще совсем недавно, а в недолгом общении с другими людьми есть своя прелесть. Вот только ежевечерние визиты в больницу к Жаку становились все более и более тяжелыми.

Жак все еще был в коме и лежал в отдельной палате, опутанный всевозможными трубками и проводами. Я разговаривала с ним, словно он мог слышать меня, а потом, в слезах, уходила в гостиницу. В больнице мне отдали одежду Жака, и в первую ночь я надела его голубую рубашку в пятнах засохшей крови. Это был мой последний любовный обряд — из длинной череды тех, которые мы совершали вместе с Жаком. Это опять была кровь — я никуда не могла от нее деться.

Невозможно описать то, что я чувствовала в те долгие дни. Я столько лет провела в добровольном заключении, столько лет ничего не делала — и вдруг оказалась вовлеченной в самую гущу драматических событий. Меня словно кто-то толкнул в самое настоящее преступление, а я молчаливо подчинилась невидимому насилию.

Смерть, убийство... Они настигли меня, хотя я всегда предпочитала роль жертвы. Впрочем, я ведь выжила, погибли Марк и Жак. Один потому, что я его не хотела, другой потому, что я слишком хотела его. Фактически я убила их обоих — теперь, пожалуй, можно в этом признаться.

Она могла бы избежать бессонных ночей и мучительных раздумий о прошлом, настоящем и будущем: врачи настоятельно рекомендовали ей принимать снотворное и успокоительное. Но Жанна, словно в виде искупления, решила до дна испить эту горькую чашу: смерть и исчезновение любви. Она понимала, что любовь не будет длиться вечно, и хотела испытать все ее проявления, последние судороги, агонию — какой бы мучительной она ни оказалась. Сохранять верность мертвому она даже и не думала: верность нужна живым, мертвым совершенно безраз-

лично, что чувствуют оставленные ими навсегда люди, как ведут себя, о чем мечтают.

В конце концов, любовь не имеет того значения, которое принято ей придавать: это всего лишь одна из разновидностей помешательства. Особая форма душевного заболевания. Жак, к тому же, умирал слишком медленно, и это придавало печали о нем оттенок какой-то рутины. А то, что связывало их с Жаком, начинало казаться нелепым и даже смешным. Клятвы, прикосновения, объятия, ожидание, пустые разговоры, автомобильные поездки... Кому все это было нужно? Во что они так безрассудно играли?

Играли?! В мозгу Жанны словно вспыхнул яркий свет, и она поняла, что их роман был всего лишь имитацией подлинного чувства. Кукольные страсти в запущенном кукольном доме. И ради этого они поставили под угрозу свои жизни и жизнь детей? Стоило ли платить такую цену за несколько поцелуев? Как она вообще могла довериться этому незнакомцу?

Возможно, она сама станет для Жака чужой, если только он когда-нибудь очнется. Жанна вспоминала все, что ей приходилось слышать или читать об утрате памяти после мозговой травмы, о том, что люди, долго пролежавшие в коме, подчас не узнавали самых близких людей или просто впадали в детство, плакали и звали маму. Жак тоже может очнуться и позвать маму, а когда над ним склонится лицо Жанны... Нет, лучше оставить его сейчас, забыть все прежде, чем он ничего не вспомнит.

А что, собственно, вспоминать? Семь месяцев, когда он урывками бывал с нею? Уж скорее он вспомнит те семь лет, которые прожил с Люси. Ее ласки, ее заботу, а не те мимолетные минуты физического наслаждения, которые связывали его с Жанной. Впрочем, кто знает? Прожила же она несколько лет с Марком, но воспоминания о нем вызывают в ней лишь раздражение и досаду. Воспоминания о муже, отце ее детей.

Воспоминания... Жанна вспомнила, как из раны на голове Жака капала кровь, пачкая брезент носилок, и ее замутило. Даже если он выживет и не забудет ее, это зрелище его крови никогда не сотрется из ее памяти. Придется звонить Люси, а потом сделать над собой усилие, вернуться в Париж и попытаться продолжать жить. Ради детей. Для нее самой жизнь потеряла всякий смысл.

Жанна решительно встала с постели и отправилась в ванную. Ей нужно было заснуть, чтобы утром со свежей головой начать осуществление своего плана. Она проглотила две таблетки снотворного и запила их прямо из-под крана теплой, отдающей хлоркой водой. Потом снова легла, ожидая, что сон обрушится на нее, как снежная лавина. Но ничего не произошло, только мысли приняли гораздо более четкое направление.

“А вдруг он никогда не любил меня, а просто пожалел? Одну, большую, в огромной, запущенной квартире. Почему я никогда ни о чем его не спрашивала, даже ни разу не постаралась взглянуть на содержимое его бумажника? Ведь и после аварии я лишь пересчитала деньги, а там есть еще какие-то документы, записки. Что если...”

Жанна и сама не знала, что рассчитывала найти в этом большом бумажнике из мягкой черной кожи. Сердце ее отчаянно билось, когда она перебирала счета, квитанции, визитные карточки, клочки бумаги с какими-то телефонами. Но нашла она только свою фотографию двухлетней давности, на которой она неестественно улыбалась, держа на руках совсем маленького Лори. К фотографии был приколот листочек, на котором почерком Жака было написано:

“Любимая! Когда я уехал от тебя вчера, я так и не осмелился сказать тебе, что мы с Люси...”

Жанна уронила бумажник на колени и отчаянно зарыдала.

Я думала, что справлюсь с собой и воспоминаниями. Я гнала от себя картины прошлого и заставляла себя любить настоящую. Но оно не было реальным — мое настоящее — оно было куда более призрачным, чем мое прошлое. А прошлое вновь настигло меня: Жак хранил это дурацкое фото, на котором я была сама на себя не похожа, да еще черновик своего первого письма ко мне. Какие еще доказательства были нужны? Он любил меня, хотел признаться в том, что его связывало с Люси, хотел быть искренним, а я собиралась его предать. Господи, да я уже предала его!

Я ведь почти обрадовалась, когда подумала, что он погиб в аварии. Погиб — значит, все кончено, наш роман умер вместе с ним, не будет ни серой рутины, ни привыкания, ни ссор. Останется только романтика воспоминаний о том, как мы любили друг друга.

Когда мы обрели друг друга, то оба страдали от одиночества. Мы погибали от него — вот почему мы так осторожно сближались, боясь сделать неловкое движение и нарушить хрупкое равновесие взаимопонимания. Авария разбила все вдребезги, а у меня не было сил и смелости начать все сначала.

Удивительно, но в этот самый вечер, когда я мысленно почти простилась с Жаком, к нему начало возвращаться сознание. Я сочла это знаком свыше: пусть Жак никогда уже не будет моим, лишь бы он выжил. И когда я коснулась его бледной, холодной руки, мне показалось, что она слабо шевельнулась в ответ. Тогда я решила позвонить Люси и признаться во всем: в обмане, разбитой машине, присвоенных и частично потраченных деньгах Жака. Но мне не пришлось пересиливать себя: Люси позвонила сама.

Меня позвали к телефону в холле гостиницы, причем позвали моим настоящим именем, то есть попросили мадемуазель

Жанну Белиз. Я так испугалась, что с трудом удержалась на ногах: мне показалось, что это звонок с того света. Но на другом конце провода была Люси.

— Мадам Ренар? — спросила она и повторила с издевкой: — Мадам Ренар! Я желаю и тебе, и ему сдохнуть. Жаль, что вы оба не погибли. Мне было бы намного проще.

И она повесила трубку. Я не могла поверить своим ушам: столько злобы, ненависти и страсти было в обычно бесцветном голосе моей кузины. И эта последняя фраза! Она, конечно, ошиблась, она хотела сказать "горше": ведь ее обманули и муж, и кузина, то есть я. Нет, у нее просто помутился рассудок от ярости. Не могла же она знать, что я... Этого никто не мог знать!

Впрочем, мое смятение быстро прошло. Более того, я была уверена, что Люси просто погорячилась, и что это — только начало нашего с ней разговора. Поэтому я не стала далеко отходить от телефона, а села в кресло в холле. И действительно, Люси перезвонила через пять минут.

— Прости меня, — сказала она уже своим обычным голосом. — Пожалуйста, прости. Я не хотела тебя обидеть.

— Ничего страшного, — вежливо ответила я.

Наступило долгое молчание. Такое долгое, что я не выдержала и спросила:

— Как ты нас нашла?

— Позвонил тот человек из Норвегии... Он очень удивился, что Жак давно должен был приехать, а его все нет. И еще больше удивился, что разговаривает с его женой, которая должна быть с ним. Ну, а дальше все было просто. Я позвонила в полицию, потом в больницу, а там мне сказали, где тебя искать.

Действительно, проще не бывает!

— Что тебе сказали о Жаке? — поинтересовалась я.

— Что он выкарабкается.

— Похоже на то.

— Не будешь возражать, если я приеду?

— Как я могу возражать?

— Собственно говоря, я уже приехала. Звоню с вокзала.

— Заказать тебе номер?

— Если можно. Я сейчас возьму такси.

От вокзала до гостиницы было так близко, что я успела только договориться с дежурной администраторшей о комнате для Люси, как открылась стеклянная входная дверь, и моя кузина собственной персоной появилась в холле. Мы не поздоровались, она только спросила:

— Что у тебя с лицом?

— Ничего, — ответила я. — Знаешь, номер я заказала на свое имя.

— Понятно, — кивнула Люси. — Значит, мне придется писать и твой адрес?

— Мне же пришлось написать твой, — туманно отозвалась я.

— Странно все-таки, — заметила Люси, заполняя листок для приезжих. — По-твоему, в этом есть смысл?

— Безусловно, — заверила я ее.

Не было смысла только в том, что я заказала для нее отдельный номер. Все равно мы всю ночь провели в моем, без сна, с бутылкой виски, которую Люси купила в гостиничном баре. В эту ночь я узнала о давнем, изматывающем конфликте между Люси и Жаком. Внешняя гармония между ними была лишь умелым камуфляжем.

— Он безумно ревнив, — жаловалась Люси. — Ты же знаешь, я вышла за него уже не девушкой, и он прекрасно об этом знал. А вот я у него — первая женщина. Можешь представить себе, как это “весело” — муж-ребенок, который не умеет ничего в постели. Он умел только делать детей и хотел, чтобы я их рожала — одного за другим. А я ненавижу роды, устаю от детей, да и Жака я уже просто не выношу. К тому же у меня есть любовник...

Нечто вроде этого можно было предположить, зная Люси! Мне стало понятно, почему Жака так тянуло ко мне: он был моим вторым мужчиной, а если не считать Марка, то вообще первым. И я любила рожать детей, я вообще люблю детей. От каких мелочей порой зависят человеческие судьбы!

— Но все это так утомительно, — продолжала Люси. — Правда, люди неизбежно надоедают друг другу... Если не успевают до этого умереть.

Интересная мысль! Самое интересное в ней было то, что я сама именно так и думала. Все-таки у нас с Люси куда больше сходства, чем может показаться на первый взгляд.

— Я собиралась сама звонить тебе, — перевела я разговор на другую тему.

— Как долго ты собираешься пробыть здесь? — в свою очередь сменила тему Люси.

— Пока деньги не кончатся, — отозвалась я, не подумав.

— А ты знаешь, что машина не была застрахована?

— Меня это должно волновать?

— По-моему, тебя вообще ничего не волнует.

“А что так волнует тебя? — подумала я. — Только не состояние Жака и не наша с ним связь. Кажется, больше всего тебя занимает вопрос о деньгах. Только почему? Логичнее было бы мне этим интересоваться: я не работаю”.

На следующее утро, еще до завтрака, я повела Люси посмотреть на машину, точнее, на то, что от нее осталось. Люси увидела грудку искореженного металла и явственно вздрогнула. Впрочем, возможно, она просто озябла. За завтраком в гостинице она вдруг сказала:

— Знаешь, я всегда боялась аварий. Поэтому терпеть не могла, когда Жак занимался машинами. Правда, сначала мне это даже нравилось, но потом стало раздражать. Как и все в нем. А вообще мне кажется, что и ему все это уже надоело, он занимался машинами просто от нечего делать, потому что, если честно, вообще ничего делать не умел. И не хотел.

Я подумала, что она говорит о Жаке так, как если бы он погиб в той аварии и уже похоронен. Так могла бы говорить женщина, потерявшая нелюбимого мужа. Вдова, но отнюдь не безутешная. Или мы с Люси так часто размышляли о смерти, представляли ее себе, думали о последствиях гибели того или иного человека, что перестали замечать абсолютную неестественность этого процесса?

Вечером мы пошли к Жаку в больницу. При виде мужа Люси испытала настоящий шок, я же, напротив, сочла, что Жак выглядит куда лучше, чем два дня тому назад. Я ждала Люси в коридоре, около палаты, и думала, что худшее, кажется, позади, что вдвоем с ней мы сумеем справиться с тем, что невозможно вынести в одиночку. Она вышла, немного постояла молча рядом со мной и вдруг сказала:

— Знаешь, я говорила с Марком. Он хочет забрать у тебя детей.

Жанна решила, что лучше ей вообще никогда и никуда не уезжать из этого городка. Можно снять комнату: это выйдет намного дешевле, чем гостиничный номер. Связаться с издателями, снова начать писать стихи, получать за это деньги. В конце концов, можно добиться пособия по безработице — тысячи людей как-то живут, вообще не имея денег. Но, думая обо всем этом бессонной ночью, она понимала, что просто обманывает сама себя. В ушах рефреном отдавалась странная фраза Люси: “Знаешь, я говорила с Марком...”

Как она могла говорить с ним? Неужели пережитое так повлияло на ее рассудок? Жанна считала, что убила Марка, убила в тот вечер, когда он начал избивать ее. Она оттолкнула его с такой силой, что он не удержался на ногах и ударился затылком о притолоку. Она помнила, как вытащила его странно тяжелое тело из спальни и стащила вниз по лестнице, в кухню. Там был огромный стенной шкаф, почти чулан, куда никто никогда не заглядывал. Прежние хозяева оклеили дверь в него теми же обоями, что и стены, так что обнаружить эту дверь было непросто. А Жанна еще придвинула к ней сундук, куда бросала грязное белье...

А может быть, он выжил и выбрался оттуда? Значит, он действительно приходил в ту ночь, когда она лежала без сна рядом с Жаком. Это он разбил окно в гостиной. Ей ничего не померещилось — это было. И теперь он хочет забрать у нее детей! Обвинить ее в попытке убийства и лишить материнских прав. Это ведь так просто...

“Впрочем, у меня всегда останутся стихи. Их можно сочинять, где угодно, даже в тюремной камере. К смертной казни меня не приговорят, ведь Марк остался жив. А к одиночному заключению мне не привыкать: я прожила в добровольном заточении семь лет. Проживу еще столько же”.

Потом она подумала, что Люси просто захотела ее напугать, вот и придумала, что видела Марка. Она ведь считает, как и все, что Марк уехал куда-то на гастроли. Это часто бывало, все привыкли к его отлучкам. Конечно, Люси просто хотела ее напугать, заставить отказаться от Жака.

С этой мыслью Жанна, наконец, уснула.

На следующий день Жак окончательно пришел в себя и стал узнавать окружающих. Его ни капельки не удивило то, что около его постели оказались и я, и Люси, он, по-видимому, не испытывал и тени замешательства. Иногда я спрашивала себя, не забыл ли он то, что между нами было, и не воспринимает ли меня просто как кузину своей жены. Но у Люси, по-видимому, сложилось совсем другое мнение, потому что пару дней спустя она сказала мне:

— *Завтра я уеду. Мне давно пора на работу, да и сына нельзя так надолго бросать на моих родителей. А Жака оставляю тебе. С меня довольно. С меня более, чем довольно.*

— *Как тебе будет угодно, — ответила я, бессознательно радуясь тому, что кто-то принял решение и мне остается только согласиться с ним.*

Меньше всего на свете я люблю принимать какие-то решения. Плыть по течению — это самое правильное и приятное, что может быть в жизни.

Люси уехала, а я пересчитала свою наличность и поняла, что больше не могу жить в гостинице: счет за две недели оказался поистине астрономическим. Хорошо еще, что Люси уладила все финансовые вопросы с больницей, хотя я не могла понять, на какие деньги. А Жаку предстояло провести в больнице не меньше месяца, и этот срок я с детьми вполне могла прожить в меблированной комнате. Тем более, что мне лично было решительно все равно, где жить.

Жак выздоравливал, но из его памяти абсолютно стерлась вся наша поездка. Наверное, так было лучше для него, а я радовалась уже тому, что он узнал меня. Но говорил он только о больнице и о своем самочувствии, так что мне было трудно даже изображать заинтересованность. Мне было просто скучно слушать о том, что он ел на завтрак, как трудно ему было накануне сидеть, и что сказал врач при обходе.

Но через несколько дней Жак и обрадовал, и напугал меня одновременно. Я пришла, как обычно, и увидела странное выражение его лица. Он смотрел на меня так, будто только что разглядел и узнал, а потом сказал очень внятно:

— Любимая... Любимая, ты должна сказать мне правду. С детьми все в порядке? Лори и Бьянка не пострадали? Они ведь были на заднем сиденье машины...

Я сказала, что с детьми все в порядке, и тогда Жак заплакал, прижавшись лицом к моей руке и вздрагивая всем телом. Сквозь слезы он говорил что-то о моей невероятной доброте, о том, что я никогда не обвинила бы его в несчастье с детьми, что я лучше всех на свете... Мне было и приятно это слышать, и неловко.

— Ты не виноват в аварии, — сказала я, когда он немного успокоился. — В ней никто не виноват, это был просто несчастный случай. Тот самый кирпич, который когда-то падает.

Жаку повезло, просто невероятно повезло: он выкарабкался из того положения, из которого мало кто выбирается. Главным для меня было то, что память у него практически не пострадала. Наверное, я скорее примирилась бы с каким-нибудь физическим уродством, мне легче было бы жить с калекой, чем с человеком, который забыл часть своей жизни. Точнее, часть своей жизни, проведенную со мной. Остальное он, наверное, и сам не очень хотел вспоминать.

Жак так трогательно заботился о моих детях, что я лишь долгое время спустя осознала: о своем сыне он и не вспомнил. Оставил его с Люси, и даже ни разу не спросил у меня, все ли в порядке в его собственной семье. Тогда же я задала себе вопрос: а что если и меня он так же оставит где-то позади, как балласт? Ведь это так естественно — забывать о тех, кого больше не любишь. И не любить тех, кого забыл или забываешь.

И все-таки тогда, в больнице, мы были счастливы. Мы подолгу разговаривали ни о чем, совсем как в начале нашего романа. Новым было только то, что изредка мы в своих разговорах упоминали Люси, как если бы авария разрешила нам говорить о настоящей жене Жака. Но упоминали вскользь, между прочим, потому что Люси сама отказалась от борьбы и уехала, оставив Жака мне. И еще потому, что Жак знал: у Люси есть другой мужчина.

Это не могло продолжаться долго, оба они все прекрасно понимали. Настал день, когда Люси приехала за Жаком и увезла его в Париж. Жанна простилась с ними отрешенно-любезно, как если бы они были просто компаньонами по отпуску. А через несколько дней она собрала детей и тоже вернулась в Париж.

Это было странное возвращение. Пока такси везло их с вокзала Сен-Лазар, Жанна глядела в окно и не узнавала знакомые улицы. Ей казалось, что она приехала из-за границы, где провела в изгнании несколько лет. И она даже удивилась тому, что ее дом стоял на прежнем месте, а квартира была почти в прежнем состоянии, только еще более пыльная и запущенная.

Жанна подумала, что теперь она просто должна привести квартиру в идеальное состояние. Только так она сможет обрес-

ти почву под ногами, только таким образом ей удастся заполнить предстоящие долгие-долгие пустые дни, а ночами она будет спать, чувствуя обыкновенную человеческую усталость. И начать нужно со стенного шкафа, чтобы избавиться от Марка. Или от его призрака. В любом случае, нужно было начинать жизнь с чистого листа, а для этого нужно было вычистить квартиру.

Она отодвинула сундук от стены и открыла дверцу шкафа.

Пустота — вот что было за дверью. Пыльная, темная пустота. И я, кажется, знала, что так и будет. Мне слишком хотелось поверить в то, что я способна убить человека. Нет, не так: мне слишком хотелось избавиться от Марка, уничтожить его. И я поверила в свои фантазии. Поверила так, что захотела уничтожить физические следы вымышленного преступления.

Что, собственно, трагического произошло в моей жизни? Тусклое детство, неудачный брак, огромная лень... Я была вполне здорова и нормальна, но вечно притворялась слабой, беспомощной и слегка сумасшедшей. Для чего? Чтобы меня пожалели? Но мне не нужна была жалость. Чтобы меня любили? Слабых и сумасшедших не любят. Тогда зачем? Наверное, чтобы оправдать свой эгоизм.

Теперь я ясно вижу, что выбрала для этого слишком сложный путь. Не нужно было выходить замуж, рожать детей, соблазнять чужого мужа и ехать с ним куда-то. Но Бог почему-то наказал за все это Жака, а не меня. Или меня он наказал более изощренно? Дал вкушать сладость разделенной физической любви, а потом отнял ее. Не знаю. В любом случае, я заслужила наказание хотя бы потому, что не сделала ни малейшей попытки избежать его.

Но я не была наказана! То есть была, но по-другому. Жак выздоровел и тут же приехал ко мне, но я уже не была прежней Жанной. И квартира изменилась до неузнаваемости, потому что я не только сделала генеральную уборку, но и пригласила мастеров, которые преобразили мое жилье. Жак раскритиковал все: слишком белые рамы и двери, слишком нарядные стены, слишком блестящие полы. Ему не понравилась новая кухня, которую я расширила за счет стенного шкафа и обставила новым пластиковым гарнитуром "под дуб". Наконец, ему не понравилось то, что я не только снова начала писать стихи, а еще и публиковала их, и к тому же встречалась со своими коллегами — писателями, поэтами, литературными критиками. С детьми теперь была няня, а я постриглась, привела в порядок руки и стала пользоваться косметикой.

Забавно, но деньги на все это принес цикл стихов, которые я написала, когда думала, что Жак умирает, что он вот-вот отойдет в мир иной. Я с удовольствием читаю критические статьи о моем творчестве, в которых до небес превозносятся

“искренность и пронзительность стона разбитого сердца молодой женщины в цикле стихов “Утрата”. Сердце у меня не разбилось, а стихи пишутся уже как бы сами собой, не нуждаясь в каких-то реальных событиях и героях. Горечь потери острее всего выражают те, кто ее на самом деле не испытывают, настоящая утрата порождает безмолвие.

Кстати, Жак назвал мой цикл “Утрата” “омерзительным и циничным духовным стриптизом”, “выворачиванием души на потеху толпе”. Но он вообще равнодушен к поэзии и более или менее разбирается только в машинах, так что его мнение меня мало тронуло. Стихи принесли мне финансовую независимость, а остальное — сплошные условности, из которых, в принципе, и состоит нормальная жизнь. К тому же я считаю, что рифмовать свои чувства ничуть не более безнравственно, чем спать с кухиной своей жены.

Именно это я ему и сказала однажды. Мы лежали в кровати и лениво обменивались колкостями, на которые ни он, ни я не обращали внимания. Но на сей раз я, по-видимому, перешла границы дозволенного, потому что он вдруг ответил:

— А убить мужа, по-твоему, ничего не значит? Имей в виду: Люси мне все рассказала.

Я даже не поняла сначала, о каком муже идет речь, и лишь через несколько минут до меня дошло, что он имеет в виду Марка. И перед моими глазами вновь всплыла та ужасная картина: я затаскиваю бесчувственное тело с окровавленной головой в стенной шкаф и припираю дверцу сундуком. После этого видения в моей памяти всегда зиял черный провал — до самых родов, я никак не могла припомнить, сколько времени прошло между двумя событиями, и что я в это время делала. Но тут я с ослепительной ясностью поняла, что они следовали одно за другим, что я успела только дойти до телефона и позвонить.

Я позвонила тогда акушерке и Люси. Люси! Она ведь приехала тогда, была у меня в квартире, что-то готовила на кухне. Увидела она труп Марка? Вряд ли. Тогда откуда она могла что-то знать?

— Все дело в том, что Люси давно меня не любит, — сказал Жак, точно отвечая на мой незаданный вопрос. — У нее начался роман, я хотел с ней развестись, но тут нам пришлось ехать к тебе, и мы обнаружили в шкафу Марка. Между прочим, любовника моей жены, а не только твоего мужа. Люси вывезла его оттуда, понятия не имею, куда. А мне неплохо заплатили за молчание.

— Когда ты был в больнице, она сказала мне, что видела Марка, — прошептала я. — Значит, это правда. Все это время она была с ним, а мы с тобой поехали путешествовать на деньги моего мужа. И ты мне ничего не сказал...

— Никак не мог решиться, — ответил Жак, прикуривая сигарету. — Она всегда его хотела, его или его деньги, и она его по-

лучила. Они бы только обрадовались, если бы мы оба разбились: никаких хлопот с двумя разводами. Потому-то Люси и взбеленная, когда узнала, что мы живы. А я не мог отказаться от возможности съездить с тобой отдохнуть. У меня не было другого выбора, ты же знаешь, я нищий, как и ты. И согласишься, в конце концов все оказалось лучше для нас всех: ты считала, что никого не обманываешь, мы с Люси соблюдаем видимость супружеского союза, Марк крутит с ней роман, да еще и платит за все. Все очень просто.

Действительно, проще просто не бывает.

“Если бы я тонула, то не стала бы делать никаких попыток выплыть: глупо спорить с судьбой”.

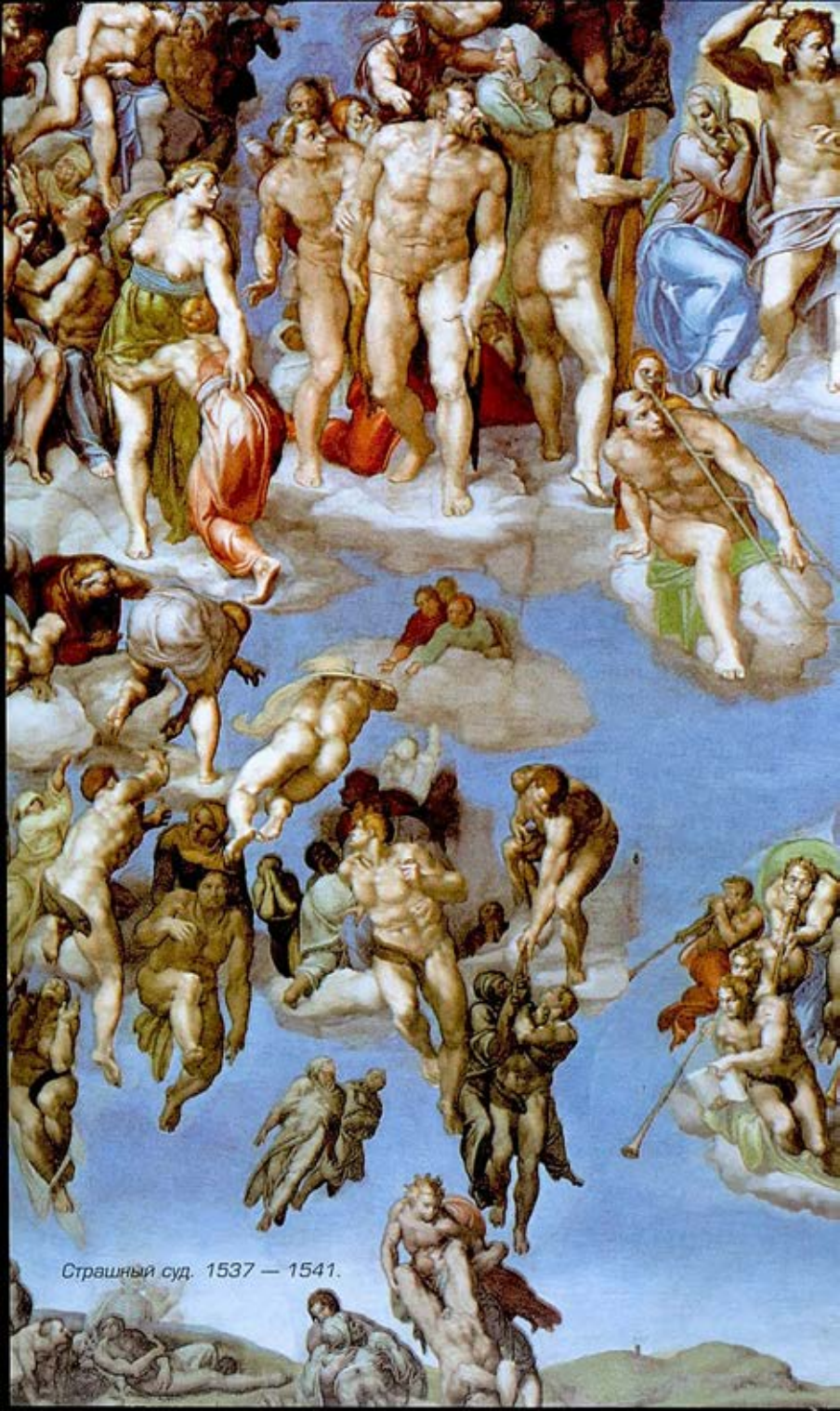
Именно эту фразу она сказала ему однажды ночью, а он, как обычно, пропустил все мимо ушей. Впрочем, она и не рассчитывала привлечь его внимание: она вообще сказала, не подумав, так — размышления вслух, поток сознания. Но сама эту фразу почему-то запомнила.

А теперь вот вспомнила. Теперь, когда она лежала в той же кровати одна, обессиленная и опухшая от слез. Вспомнила, потому что не испытывала ни малейшего желания что-то исправить, что-то объяснить, договорить, кого-то вернуть или вернуться самой. Если честно, она не испытывала никаких физических страданий: только слезы лились как бы сами по себе. И это состояние было хуже любой агонии, в том числе и той, через которую проходит утопающий.

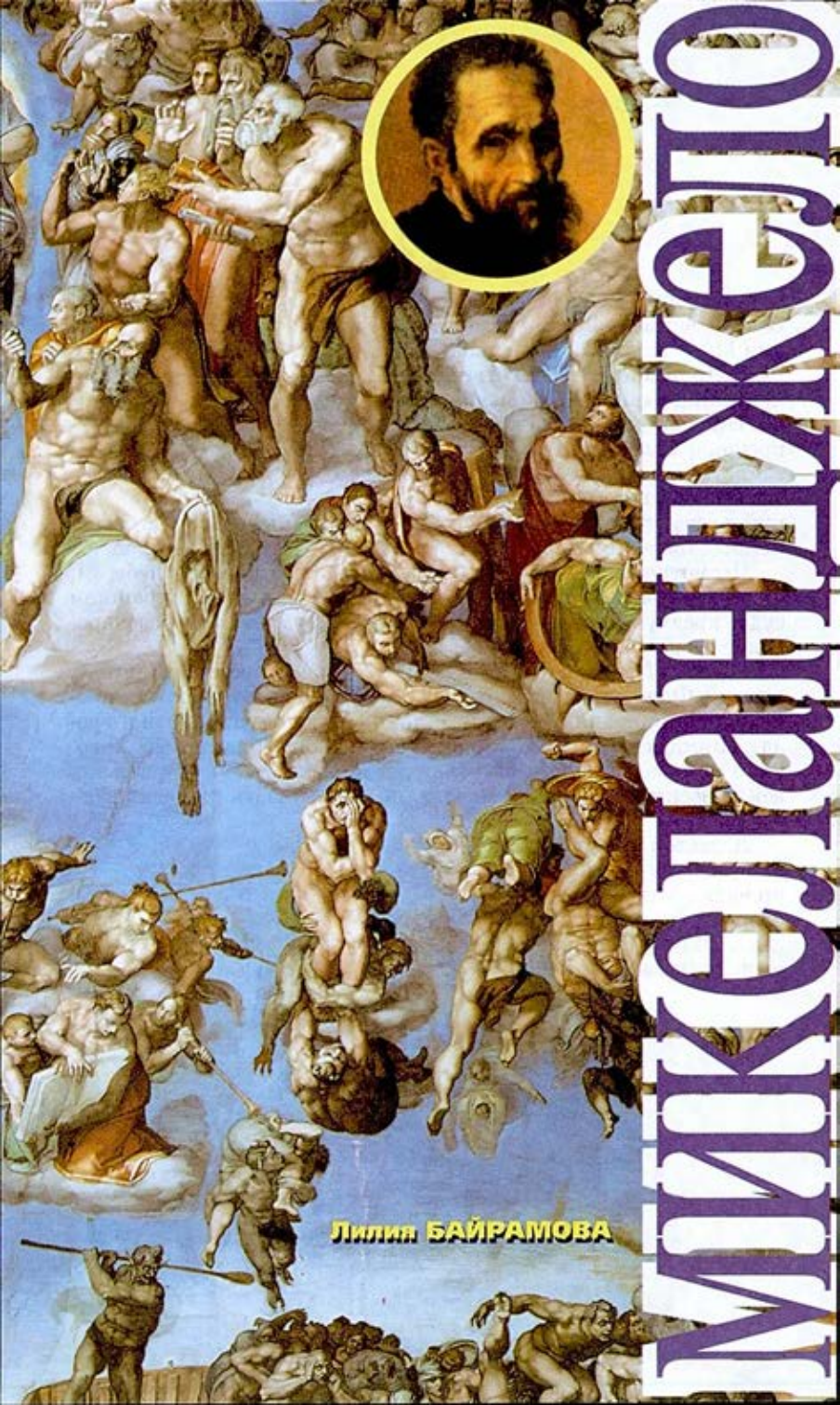
Собственно говоря, вся ее жизнь была пронизана этой идеей: пусть будет то, чему суждено исполниться. Она никогда не делала никаких попыток что-то изменить или куда-то повернуть — просто плыла по течению. Или опускалась на дно... как это было сейчас.

В одиночестве.

Перевод с французского
Виктории МУРАШОВОЙ.

Страшный суд. 1537 — 1541.

МЖКЕТАНДЖЕТО

Лилия БАЙРАМОВА

Е

сли бы
сегодня

возник вопрос, кто из великих художников Возрождения — Леонардо да Винчи, Рафаэль или Микеланджело понятней, родней и ближе всего нам по духу, то ответ был бы, пожалуй, единственным — конечно, Микеланджело. Ни светлая и какая-то уж слишком безупречная, холодноватая ясность Рафаэля, ни таинственные глубины Леонардова гения не вызывают в нас столько волнений, переживаний и сочувствия, как трагические, напряженные и всегда беспокойные творения Микеланджело.

Несмотря на весь его титанизм и яростный порыв к небесам, уже в его сумеречной капелле Медичи и грандиозном “Страшном суде” предчувствуется грядущее смятение, усталость и разочарование современного человека.

Родился Микеланджело 6 марта 1475 года в местечке Капрезе, рядом с Флоренцией, где отец его — Лодовико Буанаротти, происходивший, по-видимому, из старинного и когда-то знатного рода, занимал скромную должность управляющего замком. У Лодовико помимо старшего Микеланджело было еще четверо сыновей, а воспитывала детей мачеха, поскольку мать их очень рано умерла.

Достаток семьи был довольно скудный, и энергичный Лодовико пытался приспособить детей к шерстяному и шелковому делу. Лишь Микеланджело, как самого спо-

собного и одаренного, отдали во флорентийскую школу. Однако учеником он оказался неважным — арифметике и чистописанию предпочитал свободное рисование. И вот одна характерная и очень любопытная деталь: «Отец и дядя *невзлюбили* его за это и часто *жестоко* наказывали: они *ненавидели* живописцев и считали позором, что из их семьи выйдет живописец».

Можно представить, какое нелегкое семейное давление пришлось выдержать несчастному Микеланджело, прежде чем отец отправил его в мастер-

скую известного флорентийского художника Доменико Гирландайо. Зато талант подростка там сразу заметили. Впоследствии поговаривали, что Гирландайо даже завидовал своему юному подмастерью, во всяком случае, для этого были все основания. Однажды Микеланджело выхватил лист бумаги у своего товарища, на котором тот аккуратно перерисовывал фигуру Гирландайо, и толстым пером очертил эту фигуру гораздо более красиво и изящно. В другой раз, в отсутствие учителя, Микеланджело сделал такой мастерский и точный этюд интерьера, что изумленный Гирландайо только развел руками. «Да, — сказал он, — этот знает больше меня».

К пятнадцати годам у Микеланджело уже сложилась прочная репутация отличного рисовальщика, который может профессионально копировать любые, даже самые мастерские рисунки. А когда Лоренцо Великолепный попросил у Гирландайо прислать для его новой художе-

Гробицы Медичи. (Фрагмент). 1524 — 1531.

ственной школы несколько способных учеников, неудивительно, что в их число попал и Буанаротти. Неслыханная удача: из трудного и несчастливого детства с недалеким и упрямым отцом, из рутинной мастерской Гирландайо он попал в райский сад, которым заправлял тогда всемогущий Медичи. Искусство, поэзия, философия, разговоры о Петрарке и Данте — все здесь возвышало чуткую душу. И среди этого духовного великолепия, где все дышало искусством, Лоренцо, бывший сам отличным поэтом, замыслил создать скульптурную школу во главе с Вертольдо, учеником Донателло.

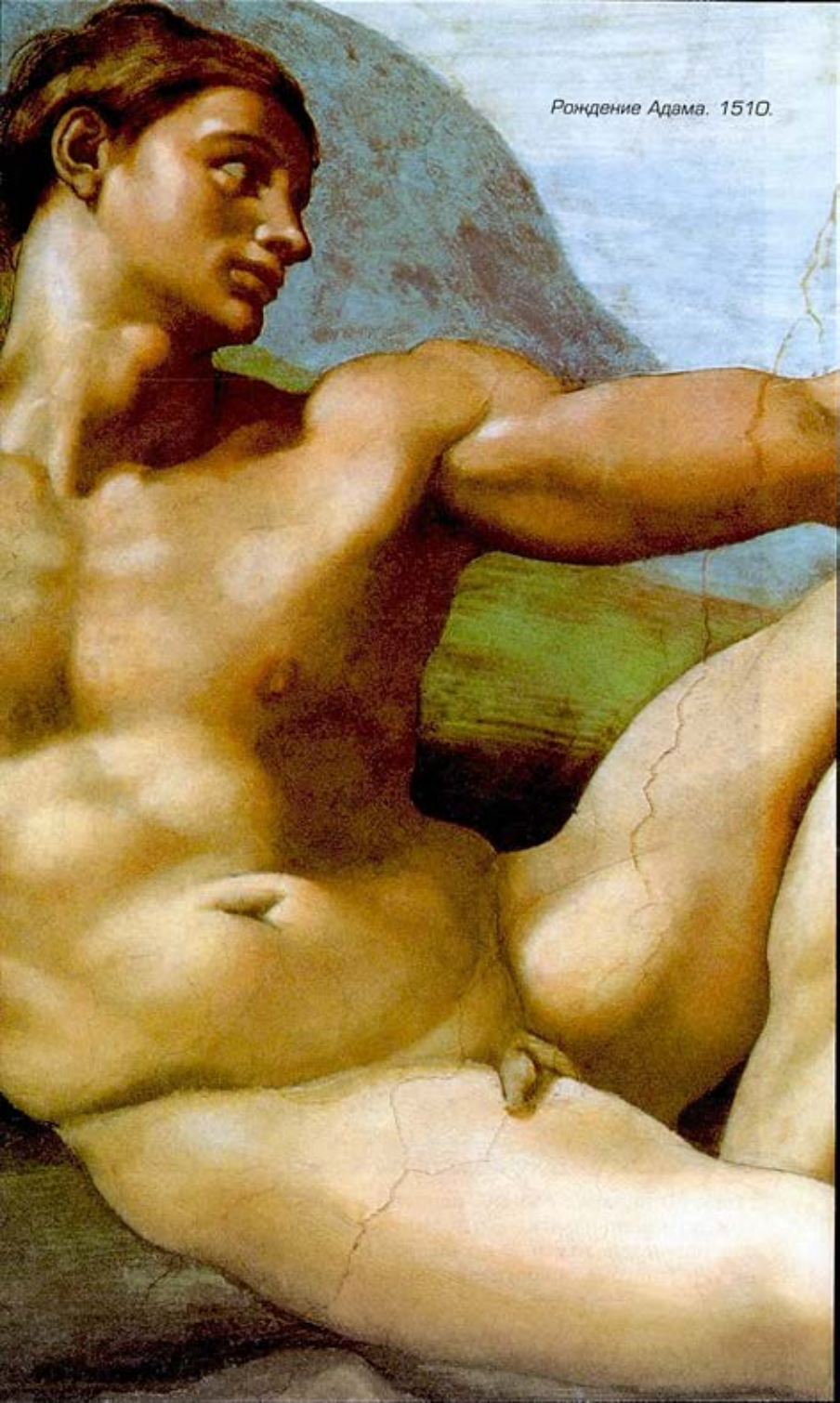
Новая жизнь так увлекла Микеланджело, что уже через несколько дней он вдохновенно копировал из мрамора античную голову фавна. И хотя раньше никогда не работал с мрамором, его подделка настолько удалась, что Лоренцо пришел в изумление и с тех пор с особенной симпатией относился к подростку. Отец же, прослышав, что сын мечтает стать просто “каменщиком”, устроил грандиозный скандал. Умному Лоренцо стоило больших усилий “умаслить” его и оставить Микеланджело у себя.

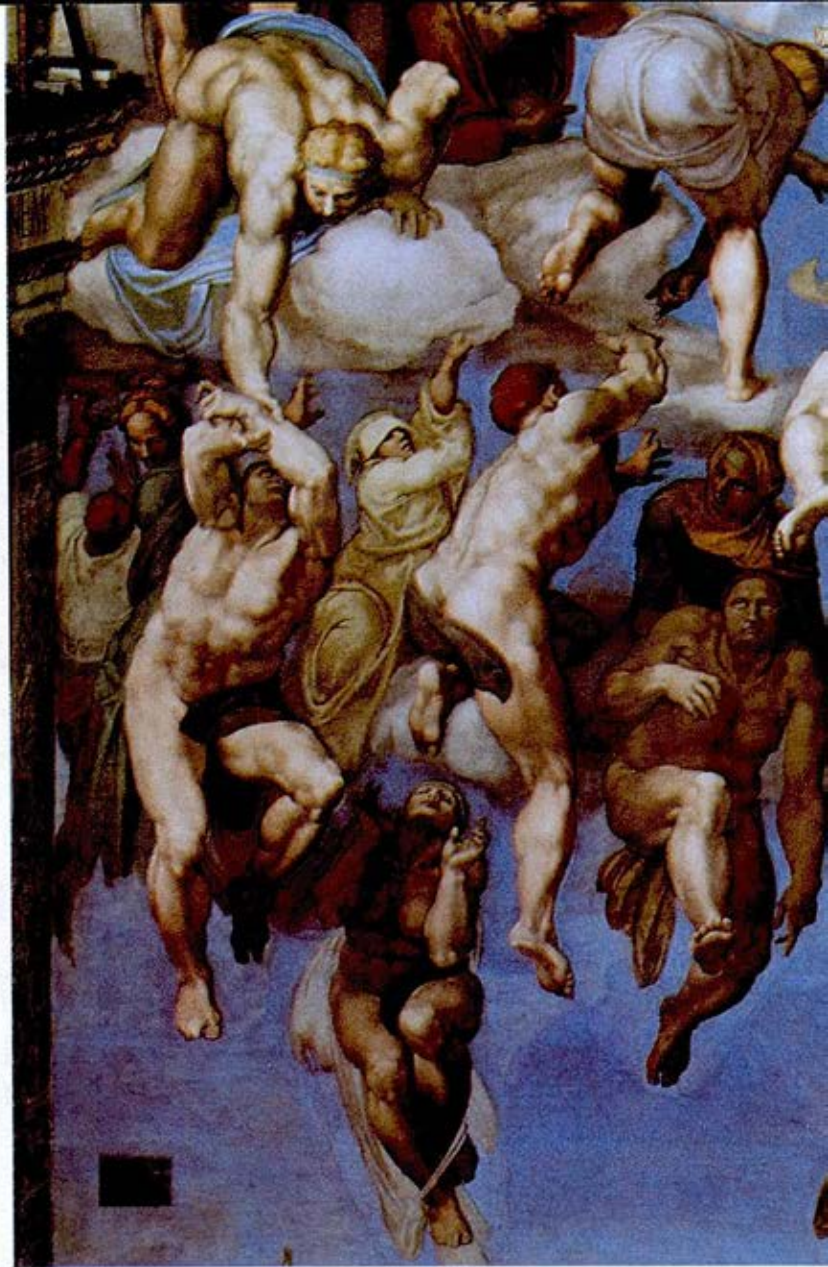
С тех пор юный вундеркинд поселился в доме Лоренцо. Ласковый правитель Флоренции отвел ему комнату в своем роскошном дворце, сажал за один стол с собой и своими детьми и ввел в тесный кружок флорентийских интеллектуалов. Огромный мир раскрывал перед ним свои духовные горизонты.

И Микеланджело изо всех сил старался ему соответствовать. За два года работы он сделал три мраморных рельефа, из которых два — “Мадонна у лестницы” и “Битва кентавров” — сохранились. Обе вещи восхищают своей взрослой уверенно-

Рождение Адама. 1510.

стью: Микеланджело так искусно и ловко обращается с мрамором, то нежно и мягко его полируя, доводя почти до живописного совершенства, то смело дробя его бешеным резцом, что, кажется, он уже много лет работает только с этим трудным материалом.

Страшный суд. (Фрагмент). 1537 — 1541.

Однако еще в юные годы стал проявляться его скверный характер: угловатый, резкий и заносчивый, он имел “привычку издеваться над всеми”. Однажды один приятель не выдержал и, “стиснув руку, так сильно хватил Микеланджело кулаком по но-

Святое Семейство с младенцем св. Иоанном. 1506 — 1508.

су”, что у того “хрустнули под кулаком кость и хрящ носовые, как если бы это была трубочка с взбитыми сливками”, и эта детская метка осталась у художника до конца жизни.

А в 1492 году недолгое счастье Микеланджело рухнуло. Неожиданно умер его покровитель Лоренцо Медичи. Недоучившись, Микеланджело возвратился домой и, чтобы как-то занять себя, а заодно и усовершенствовать свои знания о человеческом теле, начал препарировать трупы в монастыре Сан Спирито. Говорят, что длительное общение с трупами “настолько ему испортило желудок, что ни еда, ни питье уже не шли ему впрок”, но зато он так досконально изучил человека, что готов был написать подробное пособие по анатомии.

Во Флоренции его ожидало любопытное приключение. Как-то мастерски сделав фигуру “Спящего амура”, Микеланджело показал ее знатоку, и тот заметил, что если ее немного подержать в земле, она будет выглядеть совсем как античная. Микеланджело умело загрязнил ее, а затем отправил в Рим, где за 30 дукатов ее купил ловкий посредник, перепродав фигурку кардиналу Риарио уже за 200 дукатов, выдав за античную редкость.

Впрочем, кардинал, почуяв неладное, отправил своего агента во Флоренцию, и тот вскоре вышел на Микеланджело, предложив флорентийцу отправиться с ним в Рим и получить причитающуюся разницу в деньгах. Так Микеланджело впервые очутился в “вечном городе”.

В Риме по протекции римского банкира Якопо Галло он выполнил несколько статуй, одна из которых сделала его имя известным. Это знаменитая теперь на весь мир “Пьета” (“Оплакивание”). Микеланджело работал над скульптурой больше года, но когда, наконец, перенес ее в капеллу старого собора св. Петра, то услышал, как какие-то ломбардцы рассказывали, будто ее сделал их местный мастер. Той же ночью он прокрался в собор и горделиво вырезал на перевязи мадонны свое длинное имя. Так оно и красуется по сей день у нее на груди.

Между тем сама скульптура действительно замечательна. Молодой Микеланджело, которому исполнилось всего 24 года, показал виртуозное владение материалом. Под его твердой уверенной рукой неподатливый камень словно изменил своей жесткой природе и стал пластичен и мягок, как воск. Усталое тело измученного Христа еле держится на коленях скорбящей Богоматери. Мы видим, как безжизненно опали его руки, как откинулась красивая мертвая голова, и как отяжелело и страшно обвисло худоцавое тело.

Вскоре его верный поклонник Якопо Галло раздобыл ему следующий заказ во Флоренции, и Микеланджело вновь вернулся домой. Заказ на пятнадцать статуй пришелся ему явно не по вкусу, зато громадная глыба мрамора, бесхозно лежавшая в Попечительстве флорентийского собора, вызвала в нем вдохновение. Гигантский кусок мрамора, уже однажды подпорченный неким без-

вестным скульптором, время от времени предлагался художникам, но все они дружно отказывались. Последним “отказником” был великий Леонардо, и это обстоятельство решило все дело, когда попечительство обратилось с тем же предложением к Микеланджело. Пospить с первым художником Италии — затея соблазнительная.

И Микеланджело энергично взялся за работу. Ему предстояла чрезвычайно сложная техническая работа — с математической точностью вписать будущую скульптуру в длинный кусок камня, да еще местами испорченный. Микеланджело вылепил точную восковую модель, а затем стал переносить своего Давида в камень. Когда через полгода заказчики заглянули к нему в мастерскую, то так восхитились увиденным, что решили увеличить его гонорар втрое. А еще через два года гигантский Давид уже блистал своей красотой. Задача, на которую не мог решиться ни один ваятель, блестяще разрешилась Буанаротти: его огромный атлет не потребовал ни грамма лишнего камня, лишь на его спине не хватало нескольких миллиметров до полной округлости, да на тмени остались следы чужого резца.

После долгих споров гигант решили установить на площади Синьории перед Палаццо Веккьо. Соорудили специальную повозку, в которой статуя свободно висела на веревках, а все сооружение четыре дня тащили сорок крепких молодцов.

Когда фигуру “окончательно укрепили на месте, Микеланджело снял с нее покрывало, и, по правде, — пишет Вазари, — она отняла славу у всех статуй, современных и античных, греческих и римских”. Нашелся лишь один “знаток” — гонфалоньер Пьеро Содерини, у которого хватило духу слегка ее покритиковать. Нос Давида, видите ли, оказался ему слишком велик, однако остроумный Микеланджело залез на мостки, присыпал нос пылью и сделал вид, что подтачивает его резцом, после чего важный зритель остался очень доволен.

Создание прекрасной статуи стало событием не только для крошечной Флоренции, но и для всего человечества. Никогда ни прежде, ни потом оно не отливало себе памятника в столь совершенных и могущественных формах. Все дерзновение, вся вера, вся победительная сила человека были явлены в этом могучем атлете. Лаконичными и предельно сдержанными средствами — поворотом гордой головы, некоторым напряжением всей фигуры, но главное — взглядом, презрительно сжатым ртом, Микеланджело удалось создать впечатление устрашающей, сокрушительной силы.

Между тем Микеланджело, казалось, не ведал усталости. Во время и сразу после окончания “Давида” он делает несколько мраморных вещей, пишет живописное тондо и с энтузиазмом принимается за громадный картон, заказанный гонфалоньером Содерини. Содерини задумал украсить зал во дворце Синьории двумя гигантскими фресками, которые поручил двум лучшим

Ливийская Сивилла. 1511.

художникам — Леонардо и Микеланджело. Ну, мог ли гордый флорентиец, у которого кровь закипала при одном упоминании имени Леонардо, отказаться от такой блестящей затеи! Как хотелось доказать всем, и прежде всего самому Леонардо, что в искусстве нет равных Микеланджело.

Кажется, он искал любой повод, чтобы уязвить Леонардо. Рассказывают, однажды Микеланджело проходил мимо церкви Санта Тринита и встретил великого художника, тот, на свою беду, простодушно попросил его разъяснить трудное место из Данте. Однако вечно мнительному Микеланджело показалось, что Леонардо издевается над ним, и затеял скандал: “Объясняй сам, — кричал он на всю площадь, — раз ты сделал модель “Коня”, ничего не сумел закончить и в таком положении позорно бросил работу”. “Затем, — добавляет Вазари, — он повернулся и ушел, а Леонардо остался стоять, весь красный от его слов”.

Так или иначе, но Микеланджело весь “кипел”, желая начать великое состязание. 31 октября 1504 года купили картон, 28 февраля 1505 года он получил аванс и приступил к росписи, а 5 марта папа Юлий II срочно вызвал его в Рим.

Отныне и до конца жизни Микеланджело больше не принадлежит себе: планы, намерения и мечты каждый раз будут грубо разбиваться о прихоти и желания пап, совершенно равнодушных к его личному мнению. На этот раз Юлий II, наслышанный о великих способностях молодого скульптора, решил озадачить его строительством собственной гробницы. Микеланджело, привыкший всегда думать с размахом, предложил папе грандиозный проект открытой со всех сторон гробницы, которую предполагал украсить более сорока скульптурами.

Поначалу все складывалось как будто неплохо: проект одобрили, папа пребывал в восторге. Воодушевленный Микеланджело отправился в Каррару, чтобы привезти оттуда груды белого снежного мрамора. Восемь долгих месяцев он провозился в Карраре, питаясь только хлебом и собственными фантазиями. И однажды в припадке иступленного вдохновения ему захотелось прославить себя на века и высечь из скалы огромного великана, который бы виделся со всех сторон проходящим в море кораблям.

В конце концов усталый, измученный, но окрыленный, он возвратился в Рим, где заполнил мрамором едва ли не целую площадь, заперся у себя в мастерской и приступил к работе. Пожалуй, через несколько лет тяжелого, каторжного труда из-под его щедрой руки вышло бы сооружение, достойное древнего Рима. Однако все сложилось иначе. Архитектор Браманте, который страшно завидовал Микеланджело и опасался, что тот раскроет его денежные махинации, нашептал папе на ухо, что строить гробницу при жизни — дурная примета. И папа — поверил. Прежняя симпатия к Микеланджело сменилась барственным равнодушием. Он пытался получить свои деньги хотя бы за пе-

ревозку мрамора, но перед ним закрылись двери папского дворца.

Оскорбленный, взбешенный и растоптанный Микеланджело бросает все и бежит во Флоренцию. Папа посылает за ним пять гонцов, те настигают его, однако скульптор дерзко отвечает, что “просит прощения, но возвращаться не собирается, ибо папа прогнал его, как последнего негодяя”. Дважды Юлий II присылал грозные требования во Флоренцию с тем, чтобы Микеланджело немедленно вернулся, но лишь на третий его просьбу уважили.

За это время, то есть за те семь месяцев, что Микеланджело просидел во Флоренции, он и написал свой знаменитый картон для городской синьории — “Битва при Кашине”. Увы, судьба его сложилась так же несчастливо, как и картона великого конкурента: они погибли, так и не претворившись в прекрасные фрески. Хотя Бенвенуто Челлини оценивал эту работу чрезвычайно высоко, утверждая, что Микеланджело “уже ни разу не поднялся до этого уровня и наполовину его талант никогда уже не достигал силы этих первых опытов”.

Действительно, сразу же после окончания работы над картоном во Флоренцию началось паломничество художников, желающих посмотреть на великое чудо, а позднее художники разорвали его на части и унесли с собой. Сейчас известны только гравюры да несколько старых копий с отдельных фрагментов картона, но все они дают чрезвычайно слабое впечатление об этой работе.

Завершить же труды над, быть может, самой гениальной фреской Микеланджело помешал все тот же капризно-изменчивый папа. Он вызвал его к себе в Болонью и приказал отлить свою собственную бронзовую статую. Больше года скульптор трудился над фигурой, хотя раньше никогда не работал с бронзой, да и вряд ли ему было так уж приятно изображать своего вздорного и деспотичного заказчика. В 1508 году ее установили на фронте собора, а через три года, когда город восстал против папы, изваяние сбросили на землю и раскололи. Заклятый враг Юлия, герцог Дэсте, отлил из ее лома пушку и демонстративно назвал в честь папы — “Джулия”.

Таким образом, несколько лет напряженной, сумасшедшей работы художник потратил совершенно впустую, ни одна из грандиозных фантазий и идей так и не увидела зрителя. Гробница Юлия II стала “крестом” и трагедией всей его жизни, “Битва при Кашине” сохранилась лишь в памяти современников, а из статуи Юлия II стреляли по иноземным солдатам...

В 1508 году папа снова вызывает Микеланджело к себе в Рим. Ему не хотелось с ним расставаться, и на этот раз он поручил расписать художнику потолок огромной Сикстинской капеллы. Но “Микеланджело, который никогда еще не писал красками и знал, что роспись свода дело трудное, всячески старался уклониться от

этой работы". Однако, "видя упорство папы", который "чуть не вышел из себя", Микеланджело приступил к работе.

Неслыханный и единственный в своем роде подвиг — взяться за роспись, не имея навыков во фресковой живописи, будучи по призванию скульптором да к тому же сделать все в невероятно трудных физических условиях. Но он справился и с этой задачей. Более четырех лет терпеливо "ползал" по потолку и пядь за пядью заполнял его своими дивными грезами.

Работая, он, как всегда, совершенно забывал обо всех житейских неудобствах. Сохранилось весьма любопытное послание его отца, в котором тот заботливо советует сыну: "Особенное внимание обращай на голову, держи ее в умеренном тепле и *никогда не мойся*". Судя по всему, Микеланджело неукоснительно следовал отцовским советам. Несмотря на очень высокие заработки, практически ничего на себя не тратил. Кажется, у него вообще не было нормальных, человеческих потребностей кроме потребности в работе. Спал на грязной подстилке вместе с тремя подмастерьями, питался "не для удовольствия, а по необходимости... В это время он чаще довольствовался куском хлеба, который ел, не переставая работать".

В таких условиях работал Микеланджело. Время от времени его подгонял и нетерпеливый, капризный папа. "Когда же ты кончишь?" — теребил он, а скульптор в ответ мычал: "Когда смогу".

Наконец все леса убрали, и роскошный потолок открылся зрителям. "Что-то бедновато", — пожаловался папа Микеланджело. "Так ведь святые люди презирали богатство", — резонно заметил художник. Чтобы соединить все сюжеты и фигуры в единое целое, Микеланджело придумал остроумное решение: придал всему своду характер огромного античного храма — с пилястрами, цоколями, колоннами и консолями. Получилось очень нарядно и не рассыпалось на части. В самой середине потолка, во всю длину, Микеланджело пустил библейские сцены, начиная с бесхитростного опьянения Ноя и кончая космическим сотворением мира. Самой знаменитой, совершенной и прямо-таки революционной по замыслу является, пожалуй, сцена сотворения Адама. Никогда прежде художники не представляли себе этот акт столь смело, неожиданно и новаторски. Микеланджело вывел Адама из интимных кущ эдемского сада на космические, вселенские просторы и сделал его соучастником творения Божьего. Замечателен символический жест, соединяющий первого человека с Богом. Здесь не столько мистика, сколько дружеское содружество старшего с младшим. Бог создал себе товарища по "работе" и принял его в свою компанию. Кажется, ни один человек в мире не разговаривал с Богом столь уверенно и на равных, как это сделал Микеланджело в Сикстинской капелле. А как восхитительны огромные фигуры пророков и сивилл, ко-

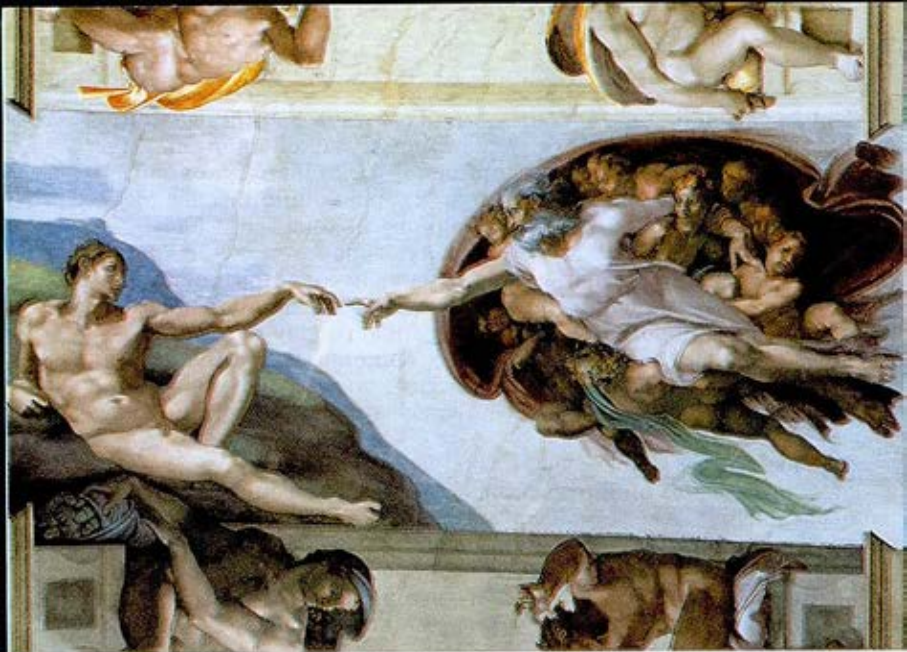
торых рассадил он в боковых нишах читать старинные книги! Громадное мужеподобное тело старой кумской сивиллы, мускулистая, сильная спина ливийской. Сколько духовной силы, красоты, величия, мощи в их роскошной телесности, сколько аристократизма, природного изящества и благородства в изумительных позах, жестах, поворотах головы и ног! Чего стоит одна гениальная фигура великолепного печального старца — пророка Иеремии, который с неподражаемым изяществом положил красивую старую голову на ладонь. “О, поистине счастлив век наш! — восторженно восклицал Джорджо Вазари, описывая эту восхитительную работу. — Итак, благодарите небо и старайтесь во всем подражать Микеланджело”.

Увы, несмотря на все восторги и восхищения талантом Микеланджело, заказчики относились к его работам с поразительной небрежностью и легкомыслием. Почти ни один его вдохновенный труд, за редким исключением, не был доведен им до конца — и все по вине пап-заказчиков. Обладая резким и крайне независимым характером, большой волей и внешней свободой, Микеланджело был так же уязвим и беззащитен, как и многие художники последующих поколений.

Один папа сменял другого, менялись их вкусы, капризы, привязанности, проходило время, но неизменным оставалось одно — все они требовали работы Микеланджело. За долгую и трудную жизнь художника сменилось семь пап, и каждый из них урвал кусочек его таланта, сил и фантазии. Нет ничего утомительней, чем читать историю его отношений, так называемых “творческих контактов” с папами. Едва закончив расписывать огромный потолок (тоже, кстати, оказавшийся незавершенным из-за папского нетерпения), Микеланджело неохотно, но по настоянию наследников Юлия II, возвращается к уже подзабытой гробнице. Несколько лет тяжелого упорного труда, почти готовы его великолепные “Моисей” и два знаменитых раба — восставший и умирающий, — как новый папа Лев X отвлекает его на новую постройку.

И снова скульптор возится с мрамором, ломает его в гористой местности Пьетрасанте. Несколько лучших лет, оторванных от работы — в грязи, в каменоломнях, он вкалывал, словно простой рабочий. Три с половиной года неблагоприятного каторжного труда — и опять все впустую! Интриги бездушных поставщиков и коллег-художников сделали свое черное дело: контракт и на эту работу, в конце концов, расторгли.

Но вот Лев X умирает, вслед за ним уходит из жизни и папа-голландец Адриан VI, и на римской сцене появляется Медичи, принявший имя Климента VII. И снова художнику пришлось обслуживать потребности этого семейства. На сей раз Климент VII задумал создать величественную гробницу в память почивших предков, и как ни отказывался, ни отговаривался Микеландже-

ло, ссылаясь на свое архитектурное невежество, его обязали взяться за работу.

Профессиональный скульптор, никогда не имевший дело со строительными работами, он садится за эскизы и чертежи, и спустя несколько лет появляется новое здание капеллы Медичи, чей купол и фонарь вызвали восторги современников. Дальше дело оставалось за интерьером и самими гробницами.

Несколько лет он трудился над этой, теперь известной всему миру, капеллой, прежде чем Флоренцию постигла жестокая катастрофа. Но еще ранее, 7 мая 1527 года, французскими войсками был взят и в течение нескольких дней разграблен Рим. Едва ужасная весть докатилась до стен Флоренции, как горожане восстали и в очередной раз изгнали Медичи. В городе восстановилась республика. Климент, считавший Флоренцию своей родовой вотчиной, быстро созвал войска коалиции — Испании и Германии — и двинул их на беспомощный город. Началось открытое военное противостояние и знаменитая семимесячная осада Флоренции.

Замечательна реакция Микеланджело на эти катастрофические события. Работая на папу и обслуживая Медичи, он, тем не менее, не покинул город, как того требовал Климент, а остался в нем воевать. Военная коллегия восставших назначила его заведовать всеми укреплениями города, и скульптор энергично принялся за дело. Вместе с горожанами он отважно работал на укреплениях, не боясь подставлять себя вражескому огню, как вдруг, узнав о готовящейся измене, бежал в Венецию. Пересидев там некоторое время и успокоившись, возвра-

щается во Флоренцию, где приступает снова к своим обязанностям.

В августе 1530 года истощенная и обессиленная Флоренция все-таки пала, армия коалиции вступила в город, и начался кровавый террор. Папа беспощадно мстил всем протестантам, и Микеланджело вынужден был спасаться в колокольне какой-то неизвестной церквушки. Наконец гнев папы утих, он вызвал к себе мятежного скульптора, и тот смиренно продолжил работу над капеллой Медичи.

К концу работы над капеллой Микеланджело окончательно переселяется в Рим, где с приходом к власти нового папы его ждет очередная грандиозная эпопея. Ему уже шестьдесят лет. Он пытается честно выполнить свои обязательства перед наследниками Юлия II и закончить, наконец, его гробницу. Однако новый папа — Павел III — его снова торопит, ему не терпится заказать художнику что-нибудь колоссальное, например, расписать алтарную стену все в той же Сикстинской капелле.

И снова напрасны все объяснения, отказы и жалобы Микеланджело. "Тридцать лет я лелеял это желание, — кричал ему Павел III, — и даже теперь, сделавшись папою, я не могу его удовлетворить!" Пришлось скульптору вновь становиться живописцем. Шесть лет труда он положил на создание фрески "Страшный суд" в Сикстинской капелле. Работа была физически тяжелой, перед самым ее окончанием пожилой художник свалился с лесов и повредил ногу. Неудача так вывела его из себя, что он заперся дома и долго никого к себе не впускал.

Рождение Адама. (Фрагмент). 1510.

Несмотря на то, что фреска делалась на известный христианский сюжет, Микеланджело с присущей ему смелостью и свободой писал всех действующих лиц, включая самого Христа и Божью мать — абсолютно обнаженными. Но времена изменились: прежний либерализм и свобода взглядов сменились консервативным представлением о церковной живописи.

Как-то в мастерскую Микеланджело заглянул посмотреть на его работу сам папа вместе с церемониймейстером. Того создание художника просто шокировало. “Полное бесстыдство, — проворчал он, — изображать в столь священном месте столько голых людей, которые, не стыдясь, показывают свои срамные части; такое произведение годится для бань и кабаков, а не для папской капеллы”. Микеланджело не преминул отомстить критику, изобразив его в аду в виде Миноса в компании дьяволов, но в дальнейшем фреску все же пришлось подправить. Уже в самом конце жизни художника, по указанию папы Павла IV, все обнаженные места святых ловко задрапировали. Живописца, который занимался этой неблагодарной работой, римляне в насмешку прозвали Исподнишником.

Но даже и в таком, покалеченном, виде фреска производит сильное впечатление. словно глухие раскаты подземных толчков слышатся в ее страшных апокалиптических сценах. Какая-то нечеловеческая сила расходится от поднятой руки исполина Христа и корежит и давит сотни несчастных. “Dies ire” — День гнева. Нет, не ласкового, кроткого Христа изобразил здесь художник, а грозного судию, который пришел карать мир огнем и мечом — и слышен “скрежет зубовой”.

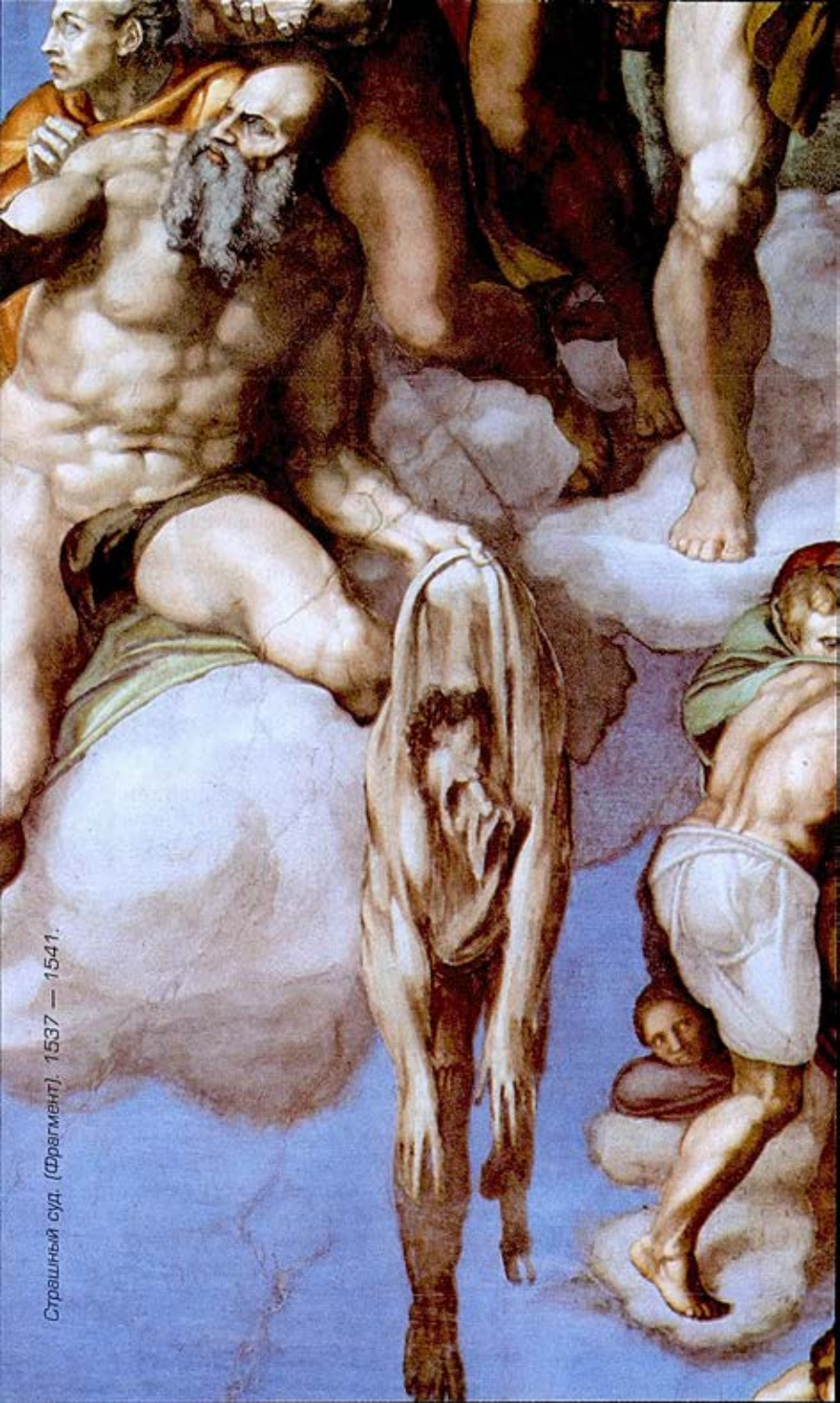
Какая огромная разница со светлым и радужным потолком, с изображенной там дружбой человека и Бога. Нет, не стал человек властелином мира, не дотянулся, не смог, обжег крылья в горячем полете...

Микеланджело закончил роспись алтарной стены, когда ему было уже 66 лет, но это не последняя его работа. Павел III пожелал отдать ему стены новой Паолинской капеллы. Несчастный художник! “Лучше было бы для меня, — писал он кому-то в письме, — если бы в молодые годы я стал делать спички: я не переживал бы теперь таких мук”.

Микеланджело работал над фресками для Паолинской капеллы семь лет. Работал трудно, с перерывами: уже сказывался почтенный возраст, болезни. Когда он кончил их, ему исполнилось семьдесят пять. А параллельно сдал заказчику злосчастную гробницу Юлия II. Увы, от прежнего великолепного замысла осталась лишь величественная и вдохновенная фигура Моисея.

Нелегко приходилось в эти годы Микеланджело. Он старел, слабели его силы, уходили из жизни немногие близкие люди.

Страшный суд. (Фрагмент). 1537 — 1541.

Умница, аристократка и поэтесса Виттория Колонна, с которой он так любил разговаривать о Боге, о Данте и обмениваться стихами. Луиджи дель Риччо. Остался один-единственный Томмазо Кавальери — красивый, тонкий и порядочный человек, адресат многих стихотворений художника: и еще стихи, которые беспорядочно рождались на рисунках и случайных клочках бумажек...

Последней заботой художника в поздние годы стало строительство грандиозного римского Собора св. Петра, довершить которое ему поручил папа Павел III. Но даже в этой, совершенно чуждой ему области, он успел оставить несколько шедевров. Не считая знаменитой капеллы Медичи, которая вся от начала и до конца была сделана по его собственному проекту, за ним числятся такие чудесные вещи, как проект первой в Европе публичной библиотеки, так называемой Лауренцианы во Флоренции, с изумительным по красоте интерьером; окончание палаццо Фарнезе и, наконец, гениальная перестройка холма Капитолия. Этой красивой площадью Рим тоже обязан Микеланджело.

И еще — Собор св. Петра, постройка которого тянулась соток лет. Именно благодаря честности, добросовестности и художническому чутью Микеланджело собор приобрел тот чудесный величественный вид, который он имеет сейчас. До последнего вздоха он заботился о нем и безжалостно сражался с многочисленными проходимцами. "Право же, не грех держать в напряжении нескольких хапуг, которые ждут не дождутся, чтобы я поскорее уехал", — писал он Вазари в возрасте 79 лет.

Его долгая старость стала достойным завершением его трудной и подвижнической жизни. Несмотря на одиночество, потери и неизбежное одряхление организма, его мысль работала так же напряженно и деятельно, как в молодости. Запершись в своем скромном римском доме, он изливал свое сердце на бумаге:

*Уж чужа смерть, хоть и не зная срока,
Я вижу: жизнь все убыстряет шаг,
Но телу еще жалко плотских благ,
Душе же смерть желаннее порока.*

А по ночам, когда мучила бессонница, он по-прежнему постукивал своим неизменным резцом. "Положение во гроб" было последней работой, которую он предназначал в качестве собственно го надгробия.

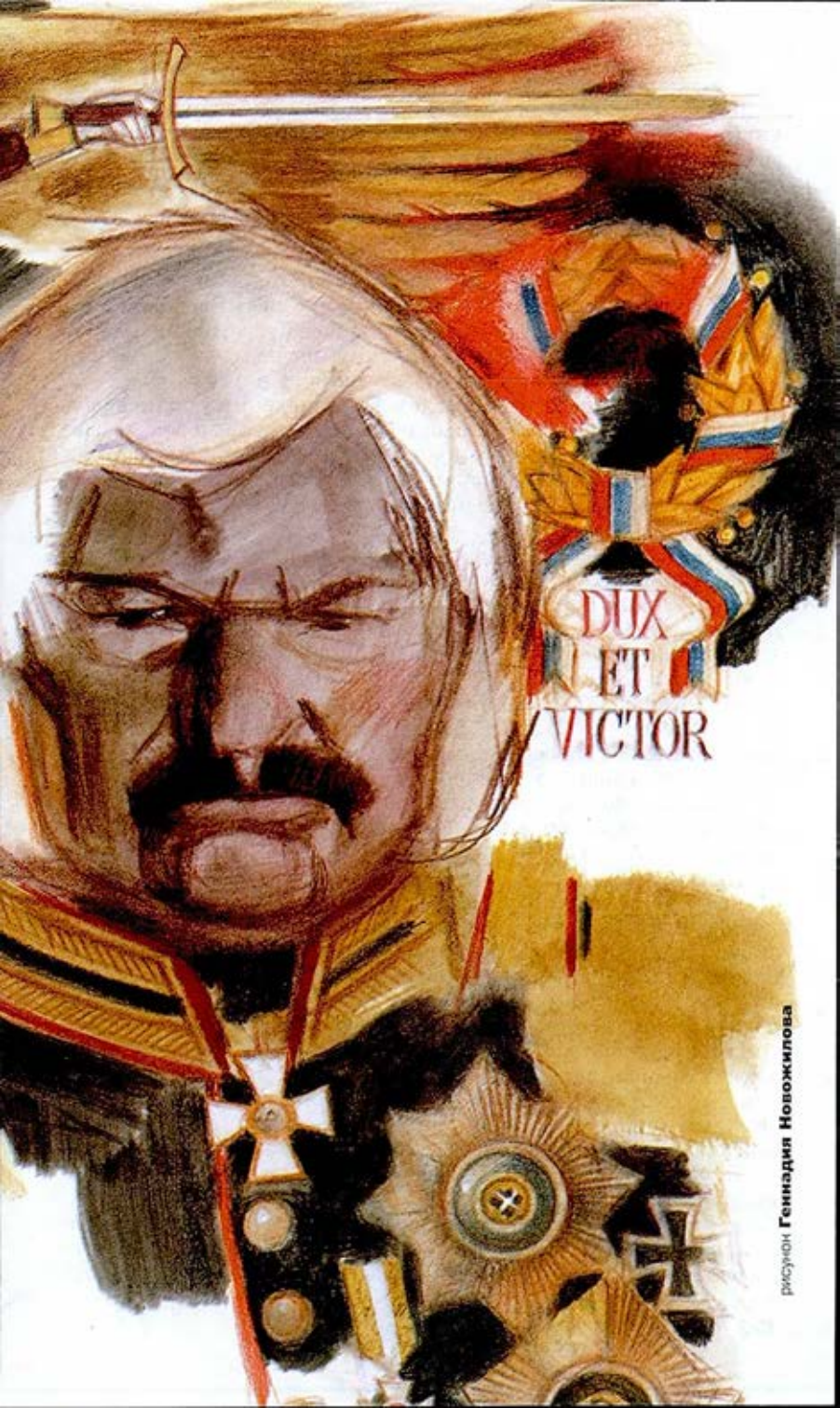
Умер Микеланджело в 1564 году, не дотянув всего нескольких месяцев до девяноста лет, окруженный почтительным вниманием и уважением как высшей власти, так и рядовых современников. Став последним из могикан, последним из блистательной плеяды титанов Высокого Возрождения.

ВЫЖ КАК СЮЛЯ

Любовь РУСЕВА

DUX
ET
VICTOR

рисунок Геннадия Новожилова

После одной из своих очередных побед Ермолов по требованию императора Николая I приезжает в Петербург. Войдя во дворец, он видит в зале группу офицеров, разговаривающих по-французски. Алексей Петрович, язык которого был таким же острым, как и его сабля, обратился к ним:

— Господа, кто из вас знает по-русски? Доложите государю, что Ермолов прибыл.

Император принял героя в своем кабинете, расспросил о делах на Кавказе, поинтересовался подробностями последних побед и в конце беседы, изъявляя монаршее благоволение, спросил Ермолова, какую он хочет получить награду.

— Произведите меня, Ваше величество, в немцы.

В этом ответе был весь Ермолов. Прославленный полководец страстно любил Отечество, был известным острословом, и особенно не жаловал иностранцев. Не все, однако, были столь снисходительны, как император, к шуткам генерала, его злословие создало ему немало врагов, что во многом и определило его судьбу.

Ученик Суворова и правая рука Кутузова во время Отечественной войны, Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года. Отец его, помещик Орловской губернии, был председателем гражданской палаты, а затем управлял канцелярией генерал-прокурора графа Самойлова. Мать будущего героя, Мария Денисовна Давыдова, приходилась родной теткой известного партизана-поэта Дениса Давыдова. Мария Денисовна отличалась чрезвычайным остроумием и резкостью выражений. По словам современника, она до глубокой старости была "бичом всех гордецов, взяточников, пролазов всякого рода, занимавших почетные места в провинциальной администрации". Оба сына Ермоловых с молоком матери впитали склонность к остроумию, и Алексей Петрович был в этом отношении почти беспощаден.

Грамоте Алексея обучал его тезка, дворовый человек барина. Для завершения образования родители привезли сына в Москву. Особая атмосфера Белокаменной сформировала характер будущей славы Отечества. Биограф Ермолова Николай Дубровин писал о значении Первопрестольной в воспитании молодого поколения: "...Москва была всегда русским городом в самом обширном значении этого слова. Молодое поколение получало хотя и необширное научное образование, но воспитывалось так, что охотно несло свою жизнь и знания на пользу Родины. Отечественная война показала, что в состоянии была сделать Москва для России в трудную годину испытаний".

Неудивительно, что именно здесь Ермолов почувствовал неподкупную любовь к Родине и уважение к заслугам старших. Гостеприимная Москва сделала его радушным хозяином, приучила к острому слову и при случае к едкой насмешке. С этими качествами 15-летний юноша явился в Петербург в чине сер-

жанта Преображенского полка, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение полувека.

1 января 1791 года его переводят капитаном в Нижегородский драгунский полк, шефом которого являлся граф Самойлов, а командиром 20-летний Николай Раевский, будущий герой войны 1812 года. Ермолов отправился в Молдавию, где стоял тогда полк, но оставался там недолго, поскольку был назначен адъютантом к графу Самойлову.

Северная столица встретила молодого адъютанта с распростертыми объятиями. Наделенный красивой внешностью, необыкновенной физической силой и замечательным ростом, Ермолов обращал на себя всеобщее внимание. Большая голова с лежащими в беспорядке волосами, пронизательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Кстати, на льва он походил и в глубокой старости, что отмечали все, кто о нем писал.

Остроумный, находчивый Алексей Петрович был желанным гостем в высшем обществе, но праздность и светские удовольствия не удовлетворяли энергичного юношу. По его просьбе в 1793 году он был зачислен в артиллерийский шляхетский корпус, где с жаром принялся за изучение военных наук. Выбор самого опасного в те времена рода войск лучше всего характеризует этого безумно храброго человека.

Восстание в Польше 1794 года оторвало Алексея Петровича от учебы, и он отправляется в армию Суворова. При штурме Праги Ермолов командовал шестью орудиями и получил из рук самого Александра Васильевича свой первый Георгиевский крест. В следующем году молодой офицер был отправлен в Италию, где, прикомандированный к главному штабу австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Через два года он возвращается в Россию и сразу же отправляется в персидский поход графа Зубова.

Репутация отличного боевого офицера сулила Ермолову блестящее будущее, но обстоятельства сложились несколько иначе. По донесению смоленского губернатора арестовали Каховского, брата Ермолова по матери, а заодно с ним взяли и Алексея Петровича, которого посадили сначала в Петропавловскую крепость, а затем отправили в Кострому. В этом древнем городе на Волге он подружился с другим изгнанником — Платовым, впоследствии графом и знаменитым атаманом войска Донского. Несмотря на разность характеров, они остались друзьями на всю жизнь.

В Костроме опальный Ермолов все свободное время занимался самообразованием, в том числе, изучил латинский язык. В изгнании он оставался до восшествия на престол императора Александра I. Приехав в Петербург, Алексей Петрович не сразу был принят на службу и более двух месяцев ежедневно являлся в военную коллегию, "наскучив, — как он выражался, — всему миру секретарей и писцов". Задержка с принятием на

службу объяснялась тем, что в военном ведомстве долго не могли найти формулярный список Ермолова. Наконец в июне 1801 года Ермолов получил назначение в 8-й артиллерийский полк командовать ротой, расположенной в Вильно. Он деятельно занялся службой. В приезд императора Алексей Петрович обратил на себя его внимание и получил благодарность “за скорую стрельбу и проворство движений”.

Наступившая эпоха наполеоновских войн представила возможность Ермолову, участвовавшему во всех кампаниях, выдвинуться в число лучших русских офицеров. Но самую большую популярность и известность принес ему 1812 год. В Отечественную войну характер, способности и сила воли Ермолова развернулись во всем величии. В кратчайший срок он достиг звания начальника дивизии, был начальником штаба армии, потом начальником всей артиллерии и, наконец, командиром гвардейского корпуса.

Пройдя воинскую школу под руководством Суворова и Кутузова, владея даром слова, который увлекал солдат и офицеров, Ермолов внушал к себе неограниченное доверие.

— Напрасно француз порет горячку, — говорили солдаты, — Ермолов за себя постоит.

Судьба полководца является ярким примером того, как всеобщая любовь народа не всегда совпадает с официальным признанием. Бесстрашный рыцарь, ставший любимцем войск и кумиром молодых офицеров, редко упоминался в реляциях и доносениях, тем не менее, слава о нем гремела по Руси.

Насколько Ермолова любила армия, настолько его недолюбливало командование, прежде всего за его язык, неудержимый до колкости. Сам Ермолов осознавал этот свой недостаток. “Главкомандующий, — говорил он, — часто терпеливо выслушивал мое возражение, но я заметил, что он часто удивлялся, как я, дожив до лет моих, не перестал быть Кандидом”. Характеризуя в начале войны штаб Барклая, Ермолов говорил: “здесь все немцы, один русский да и тот Безродный”.

Наступал самый величественный день Отечественной войны. Наполеон не переставал впоследствии повторять, что “Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, что Французы показали себя достойными победы, а Русские заслужили быть непобедимыми”.

Великий полководец верно охарактеризовал две армии и два народа, волею судьбы ставшие друг против друга на Бородинском поле. Участник битвы унтер-офицер Тихонов уважительно отозвался о достойном противнике: “Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь и ядра идет смело, против кавалерии держится браво, а в стрелках ему равного не сыщешь. А на штыки, нет, не горазд. И колет он зря, не по-нашему: тычет

* Имелся в виду генерал-майор Василий Кириллович Безродный.

тебя в руку или в ногу, а то бросит ружье и норовит с тобою вручную схватиться. Храбр он, да уж очень нежен”.

Наступило знаменитое утро 26 августа. На рассвете французской армии зачитали прокламацию их кумира: “Солдаты! Вот сражение, которого мы так желали! Отныне победа зависит от вас; она нам необходима; она доставит нам изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество. Ведите себя как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, и пусть самое отдаленное потомство с гордостью помянет ваше поведение в этот день. Пусть скажут о вас: “Он был в этом великом сражении под стенами Москвы”. В ответ раздались дружные восклицания солдат:

— Будь покоен: сего дня все мы клялись победить, и победим!

В этот исторический момент, когда решалась судьба Отечества, русский человек проявил себя во всем блеске своего величия. Армия представляла единый организм, офицеры вдохновляли солдат, солдаты — офицеров. И несть числа подвигам, совершенным не только отдельными воинами, но и целыми полками.

Но даже и на этом фоне невиданного всеобщего героизма и вдохновения Ермолов сумел отличиться. С детства знаем мы про подвиг Раевского, знаем, что самое жаркое место на поле была его батарея, которую противник дорогой ценой захватил. Но Алексею Петровичу удалось вырвать из рук противника взятую им батарею Раевского.

Кутузов посылал его туда, где горячее всего. Окруженный своим штабом, главнокомандующий смотрел с высоты на отступление французов. Глядя с восхищением на Ермолова, который, по выражению современника, как гнев небесный, мчался за неприятелем, фельдмаршал не без удовольствия указал на него окружающим.

— Этому орлу я еще полета не даю.

Ценил Алексея Петровича и император, который одно время был с ним очень дружен. Охлаждение Александра I произойдет позже, когда он заподозрит Ермолова одним из членов тайного общества.

В 1815 году Аракчеев говорил императору Александру I: “Армия наша... нуждается в хорошем военном министре: я могу указать Вашему Величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе и не лишнего деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все, но Ваше Величество вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми; но

его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали”.

1817 год стал знаменательным в жизни Алексея Петровича — он был, наконец, призван к самостоятельной деятельности и мог развернуть свои силы и способности. Император, ценя высокие качества Ермолова, назначает его главнокомандующим на Кавказ. Назначение это вполне удовлетворяло самолюбию Ермолова. “Достиг я моей цели, — пишет он в одном письме, — и мог ли я предвидеть, что таково будет по службе моей назначение?”

Значительные территориальные приобретения, сделанные Россией по Гюлистанскому трактату 1813 года, требовали энергичной деятельности по устройству вновь присоединенного края и сохранения дружественных отношений с Персией, вынужденной уступить часть своих владений. Александр I согласился возратить соседу часть потерянного и предоставил решение этого вопроса Ермолову, которого он послал в Персию. Зная заносчивость персиян и характер Ермолова, государь советовал ему строго следовать персидскому этикету. “В азиатском церемониале, — писал император Ермолову, — заключается много таких вещей, которые по своей необыкновенности часто кажутся для европейцев неприличными; в таковых случаях будьте вообще сговорчивы, ибо не трудно различить то, что относится просто к обычаям, от таких вещей, кои можно почесть за унижение”.

Боевой генерал проявил в этой поездке блестящие дипломатические способности, но, тем не менее, остался самим собой. Несмотря на то, что Ермолов не спешил следовать совету императора и не стал сговорчивым, он вышел победителем на поле дипломатического сражения. Прежде всего в Тавризе Ермолов столкнулся с красными чулками, без которых не обходилась ни одна аудиенция у наследника. По обычаю в комнату наследника персидского престола нельзя было входить в сапогах. Обувь снимали и надевали красные чулки. Этикету этому беспрекословно следовали все послы европейских держав, но Алексей Петрович уперся и ни за что не соглашался надевать чулки. Ему заметили, что еще недавно посланный Наполеоном генерал Гардан исполнил это требование.

— После красного колпака вольности, — ответил Ермолов, — ему не трудно было надевать и красные чулки.

Видя несговорчивость русского посла, но в то же время не желая нарушать установившийся придворный этикет, Аббас-Мирза решил принять посла не в своих апартаментах, а во внутреннем дворе дома на каменном помосте. Посольству пришлось пройти несколько узких и темных коридоров и грязных дворов. При приближении к месту аудиенции шедшие впереди церемониймейстеры и адъютанты принца начали постепенно снимать свои туфли и кланяться почти до земли.

— Не останавливаясь, — рассказывал Ермолов, — продолжили мы идти далее. На середине двора они догнали нас и опять начали поклоны, но уже не столь продолжительные, ибо, сняв туфли, нет уже обыкновения снимать что-либо.

Аудиенция заключалась в простой передаче грамоты, в которой император Александр I выражал желание сохранить дружбу с Персией. После этого визита Ермолов торопился покинуть Тавриз, чтобы как можно скорее представиться шаху в Тегеране. Но его задерживали на каждом шагу. Не зная, какие полномочия даны русскому послу, персидское правительство оказалось в затруднительном положении. Все еще надеясь вернуть хотя бы часть потерянных владений, тегеранский двор подсылал к Ермолову разных лиц, чтобы выведать мысли посла. В конце концов персы заключили, что Россия не согласится ни на какие уступки, и перестали задерживать посла. Ермолову предложили отправиться в Султаню, древнюю столицу Персии, где с наступлением жары шах проводил лето. “По изъявлении вам множества препятствий, — писал визирь Садри-Азам Ермолову, — и по отправлении о вашем благополучии тысячи молитв, я рукою искренности снимаю фату с ланиты красавицы цели. После долгого приключения ока надежды к дороге ожидания, я денно и ночью не переставал мечтать о радостном с вами свидании, как вдруг пришла благая весть о приближающемся блаженстве вашего присутствия”.

Прибыв в Султаню в начале июля, Алексей Петрович до 20 числа ожидал там шаха, потом в течение целой недели переговаривался о церемониале. Первая аудиенция состоялась только 31 июля. Через несколько дней шаху поднесли подарки, причем “убежище мира и средоточение вселенной” был особенно поражен хрустальными вещами и огромных размеров зеркалами. Долго и неподвижно всматривался шах в свое отражение, сиявшее в глубине волшебного трюмо многочисленными алмазами и бриллиантами. “Но вот как бы очнувшись, он думал, было, обратиться к другим вещам, но как-то неведомая сила снова приковала его к месту. Прошло несколько минут, наконец, преодолевая себя, шах сделал легкое движение в сторону... и очарование самим собою исчезло”.

— Мне было несравненно легче, — произнес султан, — приобрести миллионы, чем этот подарок русского венценосца, который не променяю ни на какие сокровища в мире.

Подметив слабую сторону “убежища мира и средоточения вселенной”, Ермолов при помощи лести нашел ключ к его сердцу: “...не раз случалось, — писал он Закревскому, — что я, хваляя редкие и высокие качества шаха и уверяя, сколько я ему предан и тронут его совершенствами, призывал слезу на мои глаза и так таял от умиления. На другой день только и го-

ворено было обо мне, что не было такого человека под солнцем. После чего не смел никто говорить против меня, и я с министрами поступал самовластным образом”.

В результате шах помирился с мыслью о невозможности возвратить и пяди уступленной по трактату земли и обещал назначить комиссию для разграничения территорий. Алексей Петрович покинул Персию и 10 октября возвратился в Тифлис.

Ермолов представил императору план действий на Кавказе, который был одобрен, и с 1818 года начинается ряд военных операций в Чечне, Дагестане и на Кубани, сопровождавшихся постройкой новых крепостей. Ермолов сумел с весьма незначительными силами держать в страхе всю Чечню и Дагестан. Горцы боялись даже взгляда главнокомандующего, который во время гнева был необыкновенно суров. Они говорили о Ермолове, что горы дрожат от его гнева, а взор его рассекает, как молния.

Гражданское управление краем обнаружило в Ермолове выдающегося администратора и государственного деятеля. Познакомившись с краем, он прежде всего обратил внимание на защиту жителей Кавказской линии. Саму линию Ермолов перенес на более удобную и здоровую местность. Генерал значительно улучшил Военно-грузинскую дорогу. Он поощрял торговлю и промышленность, благодаря чему выросло благосостояние края. Организованы были лечебные учреждения при местных минеральных водах. Алексей Петрович привлек на службу за Кавказом даровитых и образованных людей. Он присоединил к русским владениям Абхазию, Карабахское и Ширванское ханства.

Российское господство в Закавказье возрастало по мере уничтожения ханской власти и введения русского управления. Для этой цели Ермолов пользовался каждым предлогом. Так, когда 24 июля 1819 года скончался Исмаил хан Шекинский, он, не обращая внимания на наследников, объявил, что ханство уничтожается и отныне будет называться Шекинской областью. Уничтожение Шекинского ханства стало громовым ударом для всех остальных ханов.

19 августа 1820 года бежал за границу хан Ширванский Мустафа, разоблаченный в связях с Персией и ханами, поднявшими оружие против русских войск. Его уход был столь поспешным, что он не успел взять с собой двух дочерей. Ермолов объявил жителям, что Мустафа лишен навсегда ханского достоинства, и территория принимается в российское управление. Примеру хана Ширванского последовал и хан Карабахский, который 21 ноября 1822 года также бежал в Персию. Власть хана в Карабахе была объявлена уничтоженной.

“Обозрев прелестные наши мусульманские области, — писал Ермолов, — сказать откровенно могу, что восхищался мыс-

лю, сколько введение в них управления российского послужит в короткое время их улучшению. Введение нашего управления есть дело, мне нераздельно принадлежащее, и меня утешает польза, правительству принесенная”.

В этом отношении заслуга Ермолова действительно велика: удалив ханов, он ввел единство в управление и сплотил разрозненные ханства в одно целое, нераздельно связанное с составом империи.

За десятилетнее управление Кавказом, при непрерывных военных действиях с горцами, сопряженных с невероятными трудностями, Алексею Петровичу приходилось постоянно бороться с разными злоупотреблениями, оплошностями и нерадивостью как военного, так и гражданского ведомств. Ермолов стоял на страже русских государственных интересов в еще враждебной к России стране, а эти интересы из-за недобросовестности чиновников зачастую серьезно страдали. В таких случаях главнокомандующий не церемонился с подчиненными. С нерадивыми он расправлялся совсем уж по-патриархальному. Алексей Петрович приглашал провинившегося в кабинет, где “беседовал” с ним с глазу на глаз. На манер петровской дубинки он пускал в ход нагайку, которая гуляла по спине и по плечам приглашенного. Когда же генерал находил достаточным внушение, то, отпуская своего гостя при раскрытой двери кабинета, завершал беседу самыми ласковыми словами, так что все видели, как дружески расставался главнокомандующий с выходящим от него.

Тех, кто изведал ермоловскую нагайку, Алексей Петрович называл своими крестниками, и эта кличка оставалась за ним навсегда. Некоторые из них впоследствии дослужились до генеральских чинов и, когда приезжали к Ермолову в Москву, тот неизменно встречал их словами: “А, мой крестник пожаловал!”

Одним из таких крестников оказался казачий майор, заведовавший аванпостной службой в одном из ермоловских походов против горцев. Он был хорошим смелым офицером, но, что называется, с ленцой, и очень не любил ночные разъезды, предпочитая спокойно спать в походной своей постели, а утром, являясь к генералу, делал ему доклад наобум. Алексей Петрович все это замечал и, наконец, решил его проучить. Призвав майора как-то вечером к себе в палатку, генерал долго говорил с ним о расположении пикетов. Отдав приказания на предстоящую ночь, он велел офицеру явиться утром с подробным отчетом. Майор заверил генерала, что все будет в точности исполнено. Однако Ермолов не поверил ему и нанес ночной визит в палатку. Алексей Петрович нащупал в темноте спящего лентяя, всыпал ему нагайкой штук пятьдесят горячих, причем тот даже не пикнул, а через несколько минут после ухода генерала майор летел уже осматривать пикеты. При утреннем докладе

он в мельчайших подробностях обрисовал картину. Ермолов внимательно выслушал, поблагодарил за исполнительность и добродушно прибавил:

— У тебя, братец, денщик ужасная скотина! Ночью я думал, что найду тебя еще здесь, и пошел к тебе в палатку, и что же: представь себе, что этот негодяй забрался в твою постель и дрыхнет в ней! Ну и задал же я ему за то баню, будет меня теперь помнить. Ты, братец, смотри за ним хорошенько, такого гуся нельзя баловать!

Майор от души поблагодарил генерала за такое о нем попечение.

1826 год явился переломным в жизни и службе Ермолова. Тегеранский двор неприязненно смотрел на его деятельность на Кавказе, к тому же значительно усилилось в Персии и английское влияние. Фехт-Али-шах, поощряемый английскими дипломатами, мечтал о реванше, надеясь добиться восстановления персидского владычества на землях, лежащих к северу от Аракса. Его наследник Аббас-Мирза, управляющий пограничной областью, сосредоточил на русской границе крупные вооруженные силы, готовясь к вторжению в Закавказье.

Видя все это, Алексей Петрович настойчиво требовал присылки на Кавказ новых войск, но его опасениям долго не верили. Встревоженный военными приготовлениями персидского шаха Николай I направил в Тегеран одного из своих любимцев — князя Меншикова, но миссия не удалась, и в 1826 году Аббас-Мирза во главе 60-тысячной армии перешел Аракс и двинулся в глубь Закавказья. Численность войска у Ермолова составляла 10 тысяч человек. Вторжение вызвало мятеж мусульманского населения. Наши войска очутились в трудном положении и не могли действовать с желаемым успехом.

На пути армии Аббас-Мирзы лежал небольшой городок Шуша. Там, в старинной крепости, построенной на высокой скале, находилось всего 1300 русских солдат. Целых 48 дней героические защитники города сковывали главные силы врага. Отчаявшись овладеть крепостью, которую доблестно защищал полковник Реут, Аббас-Мирза снял осаду и двинулся через Ганджу на Тифлис, но время было упущено. Ермолов собрал силы и нанес поражение персидскому авангарду, а неделю спустя он полностью разгромил главные силы Аббас-Мирзы в окрестностях Ганджи. Сам шахский наследник едва спасся от плена, ускакав за Аракс.

Неутешительные известия с Кавказа вызвали неудовольствие Николая I Ермоловым. Император послал в Грузию (как бы в помощь Ермолову) генерал-адъютанта Паскевича, которому поручил доносить обо всем. Самолюбивому главнокомандующему это пришлось не по нраву, и между генералами вспыхнула распря, которую не смог прекратить и специально послан-

ный для того Дибич. Оскорбленный недоверием Ермолов подает в отставку, которая была принята. Боевой генерал остается не у дел и поселяется сначала в Орле, затем в Москве, где становится настоящей достопримечательностью.

Алексей Петрович любил поэзию и говорил, что “поэты суть гордость нации”. Он глубоко переживал, узнав о ранней смерти Лермонтова: “Уж я бы не спустил этому Мартынову! Если б я был на Кавказе, я бы спровадил его. Там есть такие дела, что можно послать, да, вынувши часы, считать, чрез сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а таких людей, каков Лермонтов, не скоро дожждаться!”

Только в лихую годину, когда уже шла Крымская война, Россия вспоминает о своем любимце. В феврале 1855 года был обнародован манифест о сборе государственного ополчения. Сразу же общий голос москвичей нарек Ермолова начальником московского ополчения. По этому поводу московский военный генерал-губернатор граф Закревский предупредил генерала, что это избрание едва ли будет приятно государю. “Благодарю вас покорнейше, — ответил ему Ермолов, — за сообщения мнения вашего по предмету настоящих выборов, и со всею искренностью отвечаю вам. Не знаю, можно ли избрать меня по носимому мною званию; но если я буду удостоен избрания московского дворянства, я не должен уклониться от службы наравне с каждым дворянином, не имея перед лицом закона никаких особенных прав и не давая места суждению, еще менее негодования, если б даже не утвержден был в звании начальника губернского ополчения, в какое я могу быть избранным. Легче всего могут найтись люди способнейшие и находящиеся в бездействии. Двадцать четыре года вышедши из службы по приказанию, я не был употреблен на службу деятельную, а теперь нимало не удивляюсь и не приму к сердцу, если, как и прежде, не признан буду за годного. Впрочем, благодарю Бога, я доволен совершенно моим положением, ничего не желаю и, конечно, искать не буду. Вот моя исповедь почтеннейшему графу, и никому другому не скажу иначе”.

Опального генерала избрали начальником ополчения одновременно в четырех губерниях: Петербургской, Московской, Калужской и Смоленской. 15 февраля в собрании московского дворянства Ермолов был единогласно избран в начальники московского ополчения, что вызвало общий восторг: зал оглашался криками: “ура!” Дамы, находившиеся на хорах, кричали, хлопали, махали платками. Некоторые тотчас поскакали к Ермолову с поздравлениями.

В тот же день, 15 февраля, графиня Ростопчина прислала к нему стихи:

*Народный голос – голос Бога,
Он громко ныне вопиет:
Вставай Ермолов: Русь зовет!
Тебе знакома ведь дорога...
Вставай! Честь русского народа
Его врагам припомяни,
И пусть двенадцатого года
Великие вернутся дни!*

На это Ермолов ответил также стихами:

*...Вы помянули год восстанья,
Дни нашей славы, дивный век,
Когда, услыша глас призванья,
Явился русский человек...
Вы правы, может, там забыли...
Но наш не позабыл народ,
Когда Москву мы хоронили,
Двенадцатый свершился год!*

Недолго был Ермолов в ополчении. По положению об этом войске при начальнике губернского ополчения назначен был только один адъютант. Бывшему главнокомандующему это казалось недостаточным и он попросил определить к нему еще хоть одного адъютанта. Военный министр не умел доложить так, чтобы ничтожное желание старого героя было исполнено, и в своем официальном ответе заявил, что просьба его признана излишнею.

Алексея Петровича это задело, и он поступил так же круто и неловко, как поступили с ним. “Точно, — писал он, — сам я, размыслив о деле, вижу, что просил излишнего; а это показывает, что я уже стар, сделался неразумен: прошу – чего не должно, поступаю – как не следует”. Письмо свое он заключил просьбой уволить его, как неспособного, “от начальствования над ополчением”.

Ермолов тотчас был уволен. Оставляя должность начальника, он объявил 29 мая 1855 года приказ по московскому ополчению: “По всеподданнейшему докладу о тяжкой и не безопасной моей болезни, его императорское величество всемилостивейше соизволил уволить меня от исполнения должности начальника московского ополчения. Удостоенный благоволения и доверенности дворянства нескольких губерний, с горестью принимаю я невозможность исполнения обязанности дворянина, и не менее прискорбно мне, что я не могу иметь честь быть сотрудником гг. начальников дружин и гг. офицеров государственного подвижного ополчения Московской губернии. О чем я сообщая к их сведению”.

Скончался Проконсул Кавказа 11 апреля 1861 года. ■

Юрий КОБРИН

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Проходит ночь и наступает утро;
начать жизнь сызнова дадим обет.
Очистим чувства, как от пыли утварь,
забытую в чулане с давних лет.
Очистим чувства от житейской скверны,
возвысимся над смутой суеты,
в ней ложь — летальной раковой каверны! —
отцам и детям оскверняет рты.
Пора, пора сознаться в пораженьи,
чтоб отыскать пути сердец к сердцам,
страдающим и страждущим от жженья
успехов мнимых, головокруженья...
Неужто это не под силу нам,
свершившим то, что грезилось и снилось
и явью стало в вихрях бытия?!
Такая мощь в стране, такая сила,
что аллилуйщику ль душить меня?..
Как нас учили и как нас лечили,
как проверяли на излом и хруст!
Что заслужили, то и получили...
Возвысимся ж до очищенья чувств!
Готовы защищать свои устои,
готовы, отступив, пойти вперед;
смиренчество великого Толстого
с великой яростью в душе живет.
И с малолетства к донорству готовясь,
снесем и самый непосильный груз,
но вот загадка, вот что мучит совесть
и рвется из отверстых губ иль уст:
— Ответьте честно,
без уловки то есть,
готовы ль мы к переливанью чувств?..

* * *

На самом склоне века мы живем...
Его ровесники весьма-весьма почтенны,
и мы все реже песни их поем —
все чаще новым отдается предпочтенье.

На склоне века видится ясней,
взор пристальней становится и строже,
и человек относится честней
к тому, как этот век его был прожит.

На склоне века чувствуешь острее
непоправимость сделанных ошибок,
которые не делают мудрей,
но помогают сделать верный выбор.

*На склоне века, к гордости своей,
мы видим край родной таким могучим,
что правота его стократ сильнее
всех аксиом, что ежедневно учим.*

*На склоне века не одни живем...
И, понимая прошлого значение,
его подвергнем заново прочтенью,
когда с днем будущим останемся вдвоем.*

*На склоне века в свой верховный час,
когда содеянное подытожим,
так ясно осознаем: мы — лишь часть
Отчизны той, что в мире нет дороже.*

ДВА БЕРЕГА

*...да, предстоит воде, земле остыть;
продрогший грач на борозде молчит.
Соединяют зыбкие мосты
два берега, как плоть и дух — врачи.
Вот ртутный столбик замер на нуле,
жизнь свечечкою теплится во мгле...
Пульсируют над миром провода,
но в забытьи ночные города.*

*А ты не спи. Земную колыбель
сам раскачай сильнее, не робей!
Беспомощность отринь. Твоя беда
в движении исчезнет без следа.
И для чего тогда тебе врачи?
Ты с плотью дух огнем соедини.
...взломают лед горячие ручьи,
над бороздой закружатся грачи.
И станут пламенем зеленым — дни
от заморозков озими лечить.*

ЗРЕЛОСТЬ

*Меняю образ жизни на бегу.
И легкие по-юношески чисты.
Еще за горизонтом скрыта пристань,
где легкое прости сорвется с губ.*

*Зачем же в памяти сегодня берегу
трагедию охрипшего солиста,
застывшего, как дерево без листьев,
в тишайший день на голом берегу?..*

*Что одиночество с собой привносит в мысли:
злой шепоток, оваций прошлых гул,
последний шаг к спасительным кулисам?*

Меняю образ жизни на бегу,
вступая в круг софитов серебристый.
Теперь солгать никак я не смогу.

ТАЙНА РОЗЫ

П. Везину

На валу у Никитских ворот
в мастерской мой приятель живет.
Тайной розы он занят с утра,
смотрит в темень глухого двора.
А с обломка корявой доски
стружки выются точь-в-точь лепестки.
На доске он рисует портрет
неизвестной. Знакомый сюжет...
В карандашном наброске — грехи;
отпустить их нам могут стихи!
Сучковата, дуплиста доска,
черный грифель сжимает рука.
Чье лицо ты рисуешь, поэт,
в чьих глазах полутень, полусвет?
...в полумгле, в полусне вечера...
Что случилось с тобою вчера?
— Колдовал я любимой портрет,
облик скрыт был от всех толщей лет.
Колдовал, заклинал, был нелеп,
на мгновение, Юрий, ослеп!
Но прорвался снопом сквозь дупло
свет, изгнавший из комнаты зло.
Расцвели на обломке доски
розы выстраданной лепестки.

ГОВОРИ

На веранде фонарь горит,
бьется бабочек стая в стекло.
Ты не спи, до зари говори,
как со мною тебе повезло.

Говори мне такие слова,
чтоб — завистникам всем назло! —
не седела моя голова,
не дрожало в руке весло.

Слышишь ясный в ночи прибор?
Говори со мной, как волна,
говори, как луч голубой,
как огромная тишина...

Говори мне такие слова,
чтоб солома чернеющих крыш
ожила, как под ливнем трава.
Говори! Ты не слушаешь.
Спишь...

рисунок **Алексея Остроменіцкого**

Алексей АТЕЕВ

СЕРИЯ

Глава 1

Лифт хрюкнул, издал почти человеческий вздох, заурчал и остановился. До сих пор Суворов считал, что подобные реликты грузоподъемной техники в Москве не сохранились, но оказалось, ошибся. Оглядев себя в мутном, покрытом сеткой склеротических морщин, зеркале, зачем-то пригладил и без того идеально лежащие волосы, со скрежетом раздвинул предохранительную решетку и вышел. На одной из дверей разглядел прилепленную скотчем визитную карточку с единственным словом "Вектор". Кажется, ему сюда.

За древним, покрытым рваной клеенкой письменным столом сидел плотный брюнет лет тридцати с небольшим и читал иллюстрированный журнал в пестрой обложке. Внешность молодца резко контрастировала с окружающим убожеством. Костюм, стоивший даже на первый взгляд не меньше тысячи долларов, на мизинце левой руки — бриллиантовый перстень, камень которого из-за свой величины казался фальшивым, хотя, скорее всего, был настоящим. От брюнета за версту несло бешеными деньгами и криминалом.

— Суворов? — не здороваясь, поинтересовался брюнет. — Наслышаны о вас. Говорят, профессионал. Мы и сами — профессионалы, поэтому уважаем себе подобных. Так вот... — Он сделал паузу, достал небольшой золотой портсигар и, закурив, пустил клуб голубоватого дыма в сторону Суворова. — Нужно найти одного господинчика. — Брюнет вытащил из ящика стола кожаную папку и небрежно толкнул ее в сторону Суворова. — Здесь все сведения. Ознакомитесь... потом. Вознаграждение или, как выражаются интеллигенты, гонорар. — Поверх папки положил пухлый конверт. — Три тысячи баксов, как и договаривались с посредником, плюс тысяча — на накладные расходы. Если нужно, дадим еще, конечно, при обосновании. Сроку вам — неделя. Нас устроят любые результаты.

— Что значит, любые? — поинтересовался Суворов.

— Жив ли он... мертв... — Брюнет затушил сигарету прямо о край стола и бросил ее в угол. — Короче, любые сведения.

— Как с вами связаться?

— Да, связь... — Молодец достал из внутреннего кармана пиджака точно такую же визитную карточку, как на двери. Сейчас на ней имелся длинный ряд чисел, видимо, номер сотового телефона. — Звонить только в крайнем случае. Но через неделю, то есть в следующий понедельник, свяжитесь с нами обязательно. — Он поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул руку. Ладонь у него оказалась жесткой, как у землекопа.

"Фольксваген-пассат" влился в уличный поток в "час пик". Медленно двигаясь по крайней полосе, Суворов в такт джазовой мелодии Чика Кориа постукивал пальцами по рулевой колонке. В голове вертелись обстоятельства только что состоявшейся

встречи. Кто, собственно, такой его работодатель? Похож на кавказца, хотя по-русски говорит правильно, без акцента. Очень уверен в себе. И что из этого следует? Да ничего. Сейчас подобных ребят — тысячи, если не сотни тысяч. Почему принимал его в подобной халупе? Видимо, пытался сохранить инкогнито, хотя непонятно для чего. Если он действительно навел справки о Суворове, то знает — это бесполезно. Что означает слово “Вектор”? Название фирмы? Условный пароль? В принципе сегодняшняя встреча мало чем отличалась от десятков подобных. И парень ничем особым не отличался. Разве только весьма немногословен. Кого же ему предстоит разыскать?

На площади Восстания “фольксваген” попал в пробку. Вдобавок начался дождь, и методичная работа дворников нагоняла сонную одурь. Заглянуть, что ли, в папку? Обычно Суворов старался не спешить, но сейчас делать было совершенно нечего, неизвестно, сколько придется вязнуть в пробке: может, десять минут, а может, час.

На первой странице было отпечатано: РАЙСКИЙ Юрий Карлович, г. р. 1957; м. р. г. Москва. В настоящее время проживает по адресу: ул. Кропоткинская... Почему Кропоткинская, а не Пречистенка? — недоуменно подумал Суворов, ведь улице давно вернули ее исконное название.

В папке имелся и снимок: групповое цветное фото — трое мужчин и две женщины сидят за богато сервированным столом. В голову одного упиралась нарисованная фломастером жирная черная стрелка, а рядом тем же фломастером выведено: “Райский”. Суворов присмотрелся. Обычный мужик средних лет. Улыбается во весь рот, да и как тут не улыбаться, при такой жратве и выпивке. Другое лицо на снимке привлекло его внимание. Мужчина постарше остальных, осанистый... Благородная седина, лицо крупной лепки, улыбка снисходительная, как у знающего себе цену человека. Похож на ученого — профессора или даже академика. Вот только нос, как у боксера. Интересно, бывают академики с перебитыми носами? Этого человека Суворов определенно где-то встречал. Вот только где? Память у него профессиональная, но в данный момент он никак не мог вспомнить.

Сзади настойчиво засигналили. Суворов встрепенулся, нажал на акселератор, и машина двинулась вперед.

Тут нужно поподробнее рассказать о следопыте. Кто он? Откуда? И чем, собственно, занимается?

Александр Васильевич Суворов, полный тезка прославленно-го полководца, поступил сначала в училище связи, по окончании был распределен на службу в одно секретное подразделение, находящееся в ведомстве ГРУ и занимавшееся системами теле-радио коммуникаций. Служба была интересной, не пыльной, а, главное, связанной с заграничными командировками. Однако за граница

и оказалась тем камешком, о который споткнулся бравый связист-разведчик. Нет, он не продавал государственных секретов, не стал изменником Родины. Попался Суворов на самой обыденной контрабанде, не он первый — не он последний. Иные тащили вагонами, но Александр Васильевич о других вспоминать не стал, будучи человеком осмотрительным. Кто его заложил, он наверняка не знал, но имел все основания подозревать сослуживца и ближайшего приятеля, к которому вскоре ушла его красавица-жена, хотя ради нее все, собственно, и было затеяно. Погорел, как говорится, на мякине. Впрочем, опять же следуя пословице: не было счастья, да несчастье помогло.

Начались всяческие реформы и перестройки, в результате которых некогда великая империя развалилась в одночасье, а в армии и вовсе начался бардак и бедлам. Суворов некоторое время никак не мог сориентироваться и потому прозябал. Проживал он на доставшейся от родителей жилплощади и зарабатывал на жизнь разной несущественной ерундой, одно время даже работал в кооперативе, чинившем бытовую электронику. Но вскоре наступили такие времена, когда его знания и квалификация оказались как раз к месту. Перво-наперво стоит заметить, что Суворов был большим специалистом по части всяческих подслушивающих устройств, разного рода жучков, глушилок, микрокамер и прочей дряни, отравляющей существование честным бизнесменам и их скучающим женам. Сокровенные тайны фирм, как, впрочем, и альковные секреты, он расщелкивал как орехи.

Первое время Суворов сотрудничал с одной из частных охранных фирм. Фирма занималась чем придется: непосредственно охраной перевозимых грузов и важных персон. Разведкой и контрразведкой, слежкой и борьбой с рэкетирами, работали в ней, в основном, такие же, как и Суворов, бывшие сотрудники КГБ и ГРУ. Первое время все шло довольно гладко. Конкурентов оказалось немного, а заказчиков, напротив, достаточно.

Однажды, поздней осенью девяносто третьего года, серым сыкатным утром в офис агентства ворвались спецназовцы. Впрочем, что это именно спецназ, выяснилось позднее, а в тот момент находившиеся в помещении, в их числе и Суворов, решили, что подверглись бандитскому налету. Нападающие вмиг смели попытавшуюся оказать сопротивление охрану, положили всех присутствующих на пол, нещадно раздавая удары ногами и прикладами автоматов тем, кто пытался “качать права”. И Суворов получил несколько крепких пинков под ребра. В довершение какой-то детина в камуфляже наступил грязным сапогом на его голову.

Бывшие майоры и подполковники грозных спецслужб, выпускники Академии Генштаба, валяясь на затоптанном паркете, пытались уворачиваться от ударов, словно какие-нибудь “азеры” с Тишинского рынка. Их держали в таком состоянии до

вольно долго — часа полтора, перетряхнули все бумаги, открыли, а частью взломали большинство сейфов, изъяли картотеки и кассеты с видеозаписями. Потом явилось некое высокое начальство, конфликт вроде бы был улажен. Но Суворов решил оставить службу в агентстве, справедливо посчитав, что от подобных инцидентов не застрахован и в дальнейшем. Выйти в одиночное плавание его заставила гордыня, но очень скоро он понял: такой вид деятельности и спокойнее, и доходнее. Он несколько расширил границы своей деятельности и не только устанавливал прослушивающую или записывающую аппаратуру, но и непосредственно вел слежку за фигурантом или занимался поиском заказанного лица. Какая участь ожидает человека вследствие его розысков, Суворова не интересовало. Его дело — вычислить фигуранта и предоставить сведения заказчику. Действовал профессионал по следующему принципу: с помощью посредника, своего старого знакомого, которого называл диспетчером, он находил клиента. Дальше работал самостоятельно. Диспетчеру доверял почти на сто процентов, поскольку тому было известно: в случае неприятностей с заказчиком ответственность должен нести диспетчер. К тому же двадцать пять процентов от суммы вознаграждения являлись неплохим стимулом для него. Суворов не хватался за первое попавшееся дело. Одна, максимум две работы в месяц, этого вполне хватало на безбедное существование...

Глава 2

Почти в то же самое время, когда происходили вышеописанные события, Иосиф Семенович Дамкер собирался в дальнюю дорогу, да не куда-нибудь, а в саму Америку! Сборы выражались в том, что Иосиф Семенович потерянно бродил по комнатам своей достаточно просторной квартиры, находившейся в одном из переулков московского центра, хватал то одну, то другую деталь собственного туалета, внимательно осматривал ее и со стоном отбрасывал. Время от времени он выглядывал из распахнутого окна во двор, в тоске обозревал окрестности и вновь бросался в дебри своей обители. Ехать в заокеанское государство страшно не хотелось. Между тем, у Дамкера все выездные документы давным-давно были готовы, в загранпаспорте проставлена гостевая виза, а билет на самолет авиакомпании «Финэйр» лежал в серванте поверх того же загранпаспорта. День вылета стремительно приближался. И хотя он отправлялся всего-навсего в гости, предчувствие, которое никогда его не подводило, подсказывало — назад возврата нет. Основания для поездки, безусловно, имелись, да еще какие! Его единственный сын Лева, уехавший в страну обетованную лет десять назад, настойчиво просил, нет, даже требовал, чтобы отец наконец отбросил колебания и прибыл посмотреть на внуков. А внуков Дамкеру хотелось увидеть больше всего на свете. Сын оплатил билет и расходы, связанные с поездкой. Звонил каждый день, то умоляя, то ругаясь... Нако-

нец Дамкер сдался. И вот теперь, когда до вылета оставались считанные дни, он вновь заколебался. Может, все-таки не ездить?

В прихожей задребезжал телефон.

Сын, решил Дамкер, сейчас опять начнет подбадривать и требовать. Не подойду! Но потом сообразил: звонки-то обычные, не междугородные. Значит, это не Лева.

— Изя, — услышал он в трубке знакомый голос. Конечно, Капитолина, его давнишняя приятельница, а некогда и больше, чем приятельница. — Изя? — вопросительно произнесла Капитолина. — Ты где?

— Да тут, тут! — раздраженно произнес Дамкер.

— А чего молчишь?

— Не молчу я!

— Изя, у меня несчастье, — трагическим голосом сообщила Капитолина.

— Что опять случилось?

— Юрка пропал.

— Куда пропал?

— Если бы я знала! Нет его дома ... Уже больше недели.

— Загулял, наверное. Дело молодое...

— Какое молодое?! Что ты мелешь?! Юрку не знаешь?

— погоди, Капитолина Ивановна. — Дамкер сбавил тон, почувствовав, что дело действительно неладно. — Может, лучше зайдешь и расскажешь все толком?

— Хорошо, — молниеносно согласилась Капитолина, — сейчас буду.

Жила она неподалеку и частенько заскакивала к Дамкеру скрасить его, да и свое одиночество. Как и Иосиф Семенович, Капитолина всю жизнь работала портнихой, да и теперь постоянно шла на дому, поэтому в средствах была не стеснена, но вот ее сынок, Юра, вызывал у Дамкера чувство недоумения. Взрослый, казалось бы, мужик, а инфантилен, как подросток. Женился раза три, но каждый брак продолжался от силы год. Мать справила ему приличную квартиру и вообще регулярно подкидывала деньжонок, а он, видимо, воспринимал это как должное.

Мысли о Юрке Райском немного отвлекли Дамкера от собственных проблем. Размышляя о Капином сыне, он постепенно перенес мысли на саму Капу, стал вспоминать о перипетиях их романа.

Звонок в дверь оторвал Дамкера от приятных воспоминаний. Он поплелся открывать. Конечно же, Капитолина. Наскоро чмокнула в щеку бывшего любовника и привычно осмотрелась.

— Все тот же бардак у тебя, Изя.

— Собираюсь в дальний путь, — оправдываясь, произнес тот и тут же обрушился на гостью в притворном гневе: — А тебе какое дело, несчастная?

— Значит, едешь? Ну и правильно! Хоть на внуков наглядись. Мне Господь не дал... — Она тяжело вздохнула. — Хотя иной раз думаю: может, лучше от детей подальше жить? Не знаешь о них, и на душе спокойно.

— Так что с Юрой? — прерывая философствования, поинтересовался Дамкер.

— Если бы я знала, не бегала бы к тебе. Дней шесть его уже не видела. Можешь себе представить? А ведь обычно каждый день по два-три раза видимся, то в магазин для него схожу, то просто приду прибраться. Он вроде тебя — такой же неряха...

— Может, уехал куда? Юра, насколько я помню, любит путешествовать. Рванул в Испанию или на Кипр. Время самое подходящее.

— Какая там Испания! Неужели мне не сказал бы! Такого отродясь не бывало. Он, извини за выражение, в уборную отправится, и то сообщит. Одно слово — мамсик. Не зря его до сих пор знакомые так величают. Никуда без моего разрешения он уехать не мог. Исключено!

— Так куда же делся? Ты ведь все его дела знаешь.

— Если бы! Он только на первый взгляд такой открытый, а вообще, особенно в последнее время, о делах слова не вытянешь. Правда, и деньги у него с недавних пор вновь завелись, а ведь после этого августа проклятого бедствовал натуральным образом. Короче, дома его нет, я каждый день захожу почту вынимать, — и ни записки, ни телефонного звонка.

— Может, в милицию обратиться? — предложил Дамкер. — Сейчас время, сама знаешь, какое. Мало ли...

— Ни в коем случае! — Капитолина так разволновалась, что даже руками замаяхала. — Он меня несколько раз предупреждал: если, мол, что-нибудь со мной случится, никуда не бегай...

— Как же это понимать? — удивленно спросил Дамкер. — Он, что же, боялся кого?

— Особого страха я не замечала. — Капитолина пожалала плечами. — Осторожность... Мне кажется, он занимался чем-то противозаконным. Но, как, где?! Целыми днями сидел за своим чертовым компьютером... Никто к нему не ходил... Ума не приложу!

— Что же ты намерена делать?

— Вот к тебе пришла за советом.

— Остается ждать...

— А если не дождусь?

По нынешним временам такое вполне возможно, подумал про себя Дамкер, но вслух говорить не стал. Он поднялся с кушетки, подошел к окну. Двор был по-прежнему пуст, лишь какой-то парень стоял у дверей гастрономовской подсобки, явно чего-то дожидаясь. Дамкер подслеповато пригляделся. Парнишка оказался ему знакомым. Конечно, Толька из соседнего подъезда... Работал в милиции, выгнали за что-то... Теперь перебива-

ется случайными заработками. Дамкер знал его с детства. Хороший парнишка, вежливый... Нынче вежливых мало осталось. Тут в голову пришла неожиданная идея. Он обернулся к Капитолине:

— Послушай, а если нанять человека?

— Какого еще человека? — удивленно спросила Капа.

— Ну, чтобы твоего Юру поискал. Не милиционера, конечно...

— Ты, Изя, похоже, на старости лет рехнулся. — Капа pokrутила пальцем у виска. — Частного детектива, что ли? Знаешь, сколько это стоит? Мне как-то Маруся — соседка рассказывала про своего муженька, который в какой-то охранной фирме работает. Заколачивают они — будь здоров!

— Зачем тебе частный детектив? Сама же говорила, Юра просил ни с кем не связываться. Я тебе найду обычного паренька. Заводского, так сказать.

— На кой черт мне заводской? Какой от него толк? К тому же, все равно деньги давать придется.

— Давай так сделаем, уплачу за услуги я, мой тебе подарок на прощание.

Капитолина, поджав губы, что-то обдумывала.

— Сомневаюсь я... — с легким раздражением произнесла она. — Кого ты можешь найти? Что ему скажешь?

— Да ты сама все объяснишь. И потом, вспомни свои собственные слова. А если не дождешься? Тут хоть кто-то заниматься будет. Не тебе же по Москве шляться, разыскивая его. Решайся!

— И где, интересно, этот парень?

— Сейчас. — Дамкер подошел к окну, выглянул. Толя до сих пор мялся у дверей подсобки. — Анатолий! — позвал он.

Парень закрутил головой, увидел Дамкера.

— Чего, дядя Изя?

— Загляни, разговор есть! — прокричал Дамкер.

Парень неуверенно затоптался на месте, глянул на дверь подсобки, потом вновь на Дамкера.

— Зачем?

— Поднимись, узнаешь.

Ровно через час Толя, вообще-то его звали Анатолий Бенов, вышел из подъезда в совершенной растерянности. Только что ему предложили работу, пусть временную, но, во всяком случае, оплачиваемую. В кармане куртки лежала сто долларовая купюра, и Толе казалось — от нее исходит явственное тепло. Сто баксов вручил Дамкер, после того как получил согласие заняться розысками какого-то Юрия Райского. В данный момент Толя был готов разыскивать кого угодно, хоть самого Мавроди, лишь бы за это платили. Вот уже полгода он, лишившись работы, перебивался случайными заработками, в основном в качестве грузчика в различных магазинах или на рынках, хотя осо-

бого дохода это занятие не приносило. А до этого Толя служил милиционером в чине сержанта и потерял службу исключительно по собственной глупости, повздорив с начальником отделения.

Сейчас он был весьма озадачен: как искать не известного ему человека, где, а главное, с чего начинать? Пожилая, приятной наружности женщина, мать разыскиваемого, дала ему адрес. Потерявшийся Райский жил на Пречистенке. Пройтись по квартирам дома, попробовать расспросить соседей? Но будут ли с ним говорить? Скорее всего, нет. С какой стати? Тогда откуда же добыть информацию? Мать исчезнувшего ничего толком не знала: где работает, чем конкретно занимается? Старик Дамкер и вовсе не в курсе происходящего. Он, как понял Толя, просто хотел помочь своей знакомой. Наверное, проще было бы сразу же отказаться и не морочить людям головы. Однако деньги... Толя крайне нуждался в средствах, а сто долларов на улице не валяются...

Глава 3

Времени у него лишь неделя, значит, нужно начать поиски незамедлительно. Суворов взглянул на часы, почти семь вечера. Или отложить до утра? Лучше повнимательнее ознакомиться с досье на этого Райского. Возможно, удастся прочесть нечто между строк. Он вновь перелистал несколько напечатанных на принтере страниц. Странное, однако, досье. Сообщаются привычки, наклонности, даже весьма интимные, но нигде нет ни строчки о том, чем же все-таки занимался Райский. Может, начать с жен? Лучшее всего с последней. Третья жена Райского, в досье указано, что ее зовут Маргарита, проживает в районе Сельхозакадемии, туда езды минут двадцать.

Обычный панельный дом, подъезд с исписанными стенами, дверь, конечно, стальная, но не из дорогих. Суворов позвонил.

Долго никто не открывал, хотя за дверью слышался собачий лай, наконец детский голос спросил:

— Кто там?

— Мама дома?

— Сейчас собаку уберу. — За дверью послышалась возня, потом щелкнул замок. На пороге стоял мальчик лет десяти.

— Так вам кого?

— Маму твою.

— Заходите.

Суворов переступил порог, а мальчик открыл дверь в ванную комнату и крикнул:

— Ма, к тебе!

— Пускай разуваается и проходит.

Суворов вошел в комнату.

— Садитесь. — Мальчик указал на диван-кровать с потертой обивкой, и Суворов послушно сел.

— Вы кто? — В комнату, наконец, вошла хозяйка. Довольно высокая брюнетка лет тридцати с небольшим, волосы после купания закутаны полотенцем, но отдельные пряди выбились наружу, глаза черные, беспокойные, нос с горбинкой, лицо миловидное, но несколько увядшее. Дама была одета в простенький, кое-как застегнутый ситцевый халат. Она вопросительно уставилась на незнакомца.

Суворов представился и сообщил:

— Я, собственно, насчет вашего мужа, — сообщил Суворов.

— Какого мужа? — недоуменно поинтересовалась женщина, и визитер понял: в мужьях тут, видимо, недостатка не испытывали.

— Райского.

— Юры? А что такое?

— Видите ли, он мне должен некую сумму, и я никак не могу его разыскать. А деньги очень нужны... Вот я и пришел...

— В надежде, что я верну его долг? — насмешливо спросила женщина. — Весьма проблематично. Если успели заметить, мы не купаемся в роскоши. К тому же Юру я не видела уже с месяц, и ничем вам помочь не могу.

— Так где же мне его искать?

— А я откуда знаю? Сходите к его мамаше... Кстати, ее благосостояние значительно лучше, чем наше. Знаете, где она живет? Могу адресок нарисовать...

— Да общался я с ней... Она тоже ничего не знает. А вы даже не предполагаете, где он может обитать? — Суворов решил перейти на слегка игривый тон. По личному опыту он знал: нет ничего лучше для завоевания доверия у женщин.

— Ума не приложу. Разве только...

— Что?

— Да нет... вряд ли он там.

— Где именно?

— Имеется один дружок... Юрка несколько раз меня к нему возил. Как говорится, коренной его. Тоже на компьютерах помешан... за городом живет... Адреса не знаю. Показать могу.

— Так можно съездить.

— А вы на машине?

— Естественно. Давайте так, Маргарита. Если вы поможете мне его найти, я вам выдам, как нынче выражаются, бонус.

— Что-что?

— Премию, другими словами.

— И какова же будет премия?

— А сколько вас устроит?

— Это зависит от того, сумеете ли вы завоевать расположение дамы. И давайте перейдем на "ты". Договорились? Вот и отлично. Я тебя Сашей буду называть. Не возражаешь? Тогда так. Сейчас после душа обсохну, перекушу немного. С работы только пришла... А там и двинемся.

— Может, не стоит? Устала, наверное? — Суворов был несколько обескуражен такой прытью. Его разбирали сомнения, а не придумала ли эта бойкая бабенка друга за городом в надежде подцепить его, Суворова, на крючок. Хотя проверить все равно нужно.

Но дамочка, видимо, уже приняла решение и отступать не собиралась.

— Ты сиди тут, — по-хозяйски распорядилась она, — а я на кухню.

Суворов взглянул на часы. Стрелка “Роллекса” дошла почти до десяти. Поздновато для визитов, не лучше ли перенести на завтра? Он поднялся и проследовал на кухню вслед за Маргаритой.

— Может, отложим?

— Как это отложим? Да разве поздно? Ты посмотри — на улице совершенно светло. Ведь июнь... А этот парень, его Рудиком зовут, он в любое время гостей принимает. Только бутылку нужно взять...

Точно заманивает, решил Суворов. Да ладно, посмотрим.

— Неплохая у тебя тачка, — отметила Рита, садясь в машину.

— Стараемся поддерживать престиж, — в тон ответил Суворов.

— А “мерседес” лучше!

— По коню и телега... Ехать-то куда?

— Да относительно недалеко, в сторону Мытищ.

— Он в Мытищах живет?

— Не доезжая — вправо, я покажу... На даче... Папаша у него какой-то шишкой был, вот дачу и оставил... даже с телефоном. Правда, она на вид неказистая, обветшала малость. Но место хорошее, лес, и все такое... пруды опять же... Для пикников лучше не придумаешь.

— Одни пикники у тебя на уме, как я вижу, — грубовато заметил Суворов.

— Ты вроде жалеешь, что со мной связался, — с напускной обидой отозвалась Рита. — Можно и не ездить...

Но Суворов не стал вступать в пререкания и тронул машину с места.

— Зачем же все-таки Юрка у тебя деньги занял? — вновь начала расспросы Рита.

— Не знаю. Сказал, вроде компьютер новый купить хочет. Якобы, супер.

— Это на него похоже... вовсе помешался на электронике. Лучше бы мебелишку приобрел, халупу свою обставил. А то, веришь ли, присесть некуда. Кругом книжки да разное электронное барахло.

— Ты же говоришь: у него деньги случаются...

— И немалые. Во всяком случае, по моим меркам. Сегодня есть, завтра нет...

— Куда же деваает?

— Да кто ж его знает! На цапки компьютерные, небось, тра-тит. За границу любит ездить, питается в ресторанах...

— За границу, говоришь...

— Ага. Пару раз меня с собой брал... В Грецию, и в эту, как ее... Испанию!

— Но ведь ты с ним не живешь?

— Вообще-то, мы в разводе. Но даже когда замужем была, вместе мы не жили. Ночевала иной раз у него. А так все больше в собственной квартире. Борьку не бросишь. А там для ребенка не место, среди хлама этого... Со свекровью, опять же, отношения не заладились. Предыдущих жен Юркиных, как я поняла, тоже она выжила. Ладно, чего рассказывать, было и прошло.

— Так вы и сейчас видите?

— Ну да. Райский, в общем-то, парень неплохой, не жадный. Деньжат подкидывает, когда они у него есть... Останови у киоска, я бутылку куплю и закусить...

Суворов дал ей деньги, и вскоре Рита вернулась с пакетом в руках.

Машина наконец выехала за город. Замелькали дачные постройки, крошечные прудики, непонятные сооружения не то промышленного, не то военного назначения. Начинало смеркаться. Небеса порозовели, края облаков пылали, словно обведенные неоновым контуром. В распахнутые окна врывались ароматы лета.

— Хорошо! — потянувшись, воскликнула Рита. — Люблю по вечерам на машине кататься.

— А Райский тебя часто катал?

— Какое там... У него собственной тачки не имелось. На кой она ему... Но иногда нанимал, и мчались мы, куда глаза глядят. Чаще всего они глядели именно туда, куда сейчас едем.

— Чем он все-таки занимается, твой Райский? Вот говоришь: деньги у него водятся. Откуда? Он, что, с криминалом связан?

— Может, и с криминалом. О работе никогда не говорил. Ясно было только одно: помогал ему в деле компьютер. А как, в этом не разбираюсь.

— Ходили к нему заказчики?

— Я лично никого не видела. Звонили часто. Он всегда сам брал трубку, но из разговоров нельзя было понять, что к чему. А вообще, ты слишком много вопросов задаешь...

Уже достаточно стемнело. Суворов включил фары, и машина медленно двинулась по кочковатой колее. Было не похоже, что здесь часто ездили. Еще сильнее запахло травами, болотом, ночной свежестью. К этим ароматам примешивался горьковатый привкус горящего где-то костра.

— Твой дружок посреди леса живет?

— Нет, в дачном поселке, но дом стоит на отшибе, и подъехать удобнее с этой стороны. Да вот, собственно, и он.

Суворов глянул вперед, но ничего не увидел. Машина прошла еще немного и уткнулась в высоченный забор, в котором имелась небольшая калитка.

— Так, — сказал Суворов, — приехали! А дальше что?

— Пойдем в дом.

— Думаешь, нас ждут?

— Здесь по-простому, без церемоний... К тому же, раз прибыли, деваться некуда.

Суворов вслед за Ритой вышел из машины и толкнул калитку, издавшую болезненный стон. Темная громада здания выросла перед ними. Против ожиданий, дом оказался значительно больше, чем он себе представлял, или, возможно, тьма увеличивала размеры. Над входом горела тусклая лампочка, при ее свете можно было различить высокое крыльцо, кусок двора с валяющимся среди зарослей бурьяна непонятным хламом.

В одном из окон дома горел свет, и данное обстоятельство несколько успокаивало: хозяин дома, значит, не зря ехали.

Рита уверенно поднялась на крыльцо, отворила незапертую дверь и, обернувшись, призывно махнула рукой: мол, следуй за мной. Не слишком ли самоуверенно ведет себя эта странноватая дамочка? Суворов прошмыгнул в распахнутую дверь. Довольно просторная прихожая, освещенная люминесцентной лампой, оказалась донельзя загроможденной допотопными вешалками, на которых болтались невероятных фасонов плащи и пальто, висевшие здесь, должно быть, не один десяток лет и выглядевшие, словно театральная бутафория. Столь же бутафорски смотрелись и огромные лосиные рога, на отростках которых покоилось несколько головных уборов, тоже довольно нелепого вида. Суворов заметил, что его спутница куда-то пропала. Он недоуменно покрутил головой, отворил дверь и очутился в полной темноте.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул он во тьму, но ответа не получил. — Рита! — позвал вновь, но и на этот раз никто не откликнулся. Все происходящее выглядело довольно нелепо. Куда делась эта идиотка? Суворов решительно двинулся вперед, наткнулся на невидимую преграду, должно быть, стул, с грохотом уронил его, чертыхнулся, потер ушибленное колено и вновь остановился. Тут он вспомнил: ведь в кармане имеется фонарик, небольшой, но достаточно мощный.

Луч вырвал из мрака угол стола, покрытого плюшевой скатертью, потом переместился на столь же архаичный диван с мутным зеркалом и полочкой на спинке. На полочке покоились семь мраморных слоников, якобы приносящих счастье. Подобных слоников Суворов последний раз созерцал лет тридцать назад. Кроме всего прочего, в комнате имелись два облезлых шифоньера, кресло-качалка и громадная люстра, подобная тем, что неко-

гда украшали интерьеры ресторанов средней руки. Несмотря на обилие антиквариата, в комнате, видимо, давным-давно никто не обитал, поскольку пахло только пылью и сухим деревом. Суворов решил вернуться на исходную позицию и снова очутился в прихожей. За другой дверью оказался длинный темный коридор, в конце которого брезжил слабый свет. Он двинулся туда. Коридор был необычно длинным и почему-то извилистым. Наконец он закончился просторной комнатой. Обстановка здесь выглядела значительно проще, чем в первой, и состояла из большой, небрежно заправленной никелированной кровати и огромного письменного стола, заваленного бумагами и книгами. Кроме того, на столе стоял компьютер с принтером и прочие электронные штучки. Освещала спартанское убранство комнаты настольная лампа. Но в комнате тоже никого не было. Ситуация начинала надоедать. Суворов присел на стоящее перед столом вертящееся кресло. Компьютер был включен, на дисплее вспыхивали и гасли звезды.

— Есть кто дома? — заорал он во весь голос.

— Чего ты кричишь? — услышал Суворов за спиной и обернулся. Рита стояла в дверях и насмешливо улыбалась.

— А где хозяин?

— Я и сама хотела бы знать. Все обшарила, нигде нет. Свет горит... Значит, дома. Только кричать не надо.

— Почему не надо? Что, собственно, происходит? Мы сюда зачем приехали? Или забыла? Я хочу найти твоего бывшего мужа... Время позднее...

— погоди, не таракти! — бесцеремонно оборвала его Рита. — Найдется он... Куда спешить, давай-ка лучше выпьем.

— Вот уж не собираюсь! — разозлился Суворов. — И тебе не дам, пока хозяина не разыщешь.

Возможно, строгий тон произвел впечатление, а может, даме просто необходим был собутыльник, но она безропотно двинулась на поиски. Через некоторое время внутри дома послышался грохот, словно со стены свалилось жестяное корыто, потом раздалось невнятное бурчание, и Рита появилась вновь. Выглядела она несколько помятой. Суворов понял — похоже, уже приложилась к бутылке.

— Нашла?

— Ну чего ты орешь? Не наша! Тут столько дряни по углам наставлено, и темень к тому же...

— А говорила с кем?

— Да ни с кем я не говорила! Никого тут нет!

— Как нет! Ты же утверждала, что есть. Рудик этот твой... Где он? Компьютер включен... И свет... Значит, в доме прячется.

— Зачем ему прятаться? Он нормальный мужик, не такой зануда, как ты. Пошел, может, погулять... Вернется рано или поздно...

— Поздно! Именно поздно! Кончай придуриваться, пошли!

Рита неохотно поднялась с кровати, на которую успела улечься. Ухватившись за рукав куртки Суворова, она потащила следом. Они двигались по каким-то коридорам, заглядывали в темные комнаты и чуланы. Дом казался бесконечным. Время от времени Суворов выкрикивал: "Есть кто-нибудь?" Все было бесполезно.

— Нужно возвращаться, — наконец сказал он. — Искать больше не имеет смысла, никого тут нет!

— Постой! — Рита дернула его за рукав. — Чуешь, что-то варится? У него на кухне... Давай посмотрим.

Действительно, Суворов явственно уловил запах варящегося мяса. На кухне, как и всюду, было темно, лишь пламя газовой горелки освещало небольшой участок плиты. Луч фонарика заметался по стенам, наткнулся на выключатель. Вспыхнул свет. На плите стояла большая кастрюля, в которой кипело какое-то варево.

— Ну и что? — рявкнул Суворов.

— Как что? А это?

— Что это? Варится суп или, не знаю... холодец... Нам-то какое дело! Варится и пусть варится!

— Нет, погоди! — Рита подошла к плите, подняла крышку. — Что, интересно, он готовит, не пойму. Иди-ка сюда...

Суворов нехотя приблизился и заглянул в кастрюлю. В ней плавала некая масса. Рита взяла со стола нож и ткнула в содержимое. Непонятный предмет медленно повернулся, и Суворов увидел, что в кастрюле варится человеческая голова.

— Ой! — взвизгнула Рита. — Ой, ой, ой!

Белые сварившиеся глаза бессмысленно уставились на Суворова. От головы поднимался пар. Разинутый в крике мертвый рот хлопнул, и голова вновь погрузилась в бульон. Видавший виды Суворов несколько опешил от неожиданности, такого поворота событий он никак не ожидал. С минуту он в изумлении взирал на кастрюлю с ужасным содержимым, потом обернулся к своей спутнице. Бледная как мел, та судорожно зевала. Потом ее вырвало. От всего увиденного желудок Суворова тоже подпрыгнул вверх, но ему удалось преодолеть рвотный спазм. Он глубоко втянул воздух, перевел дыхание и только после этого строго обратился к Рите:

— Чья это голова?

Рита издала бессмысленное мычание, потом выдохнула:

— Пойдем отсюда на воздух.

— Сейчас пойдем. Скажи сначала, кому принадлежит голова?

— Я не знаю...

— Рудику?

— Отстань!

— А может, Райскому?

— Ради Бога...

— Мне нужно знать! Посмотри еще раз!

— Ни за что на свете! Можешь убивать, но больше нет сил глядеть на этот ужас!

Суворов понял, что уговаривать бесполезно.

— Иди на улицу, но сначала выпей немного, должно полегчать.

Рита молча замотала головой и медленно вышла из кухни. Суворов вновь подошел к плите, зачем-то выключил газ, жидкость в кастрюле перестала булькать. Запах от бульона шел вполне съедобный. Суворов сплюнул, потом, преодолевая отвращение, с помощью ножа и половника извлек голову и положил ее на стол. Пар поднимался над головой, слипшиеся волосы полностью закрывали низкий лоб. Голова была аккуратно, видимо, чем-то очень острым, отделена от тела. На вид жертве было лет тридцать-тридцать пять. Суворов попытался вспомнить черты лица Райского. В данной ситуации это плохо удалось, однако, похоже, голова принадлежит другому человеку. Кому? Хозяину дома? Как бы заставить Риту вернуться на кухню и опознать убитого? Впрочем, какая разница, кто перед ним. Главное, не Райский, а там пускай разбираются те, кому полагается по должности. Однако все происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Суворов вновь взглянул на голову, соображая, что делать дальше. Потом вернул страшный предмет в кастрюлю, валявшейся тут же тряпкой вытер рукоятку ножа и ручку половника и пошел прочь.

На дворе стояла глубокая ночь. Рядом прокричал филин. Суворов усмехнулся — весьма подходящая декорация для ужасика.

— Эй ты! — крикнул он. — Как там тебя... Маргарита! Куда запропастилась? Иди сюда!

От угла дома отделилась тень и нерешительно двинулась к Суворову.

— Поедем скорее домой, — попросила женщина.

— Как это поедем?! — стараясь говорить как можно строже, произнес Суворов. — В доме совершено преступление, да не какое-нибудь, а тягчайшее. Я вызову милицию, а ты пока карась... Прибудут органы — разберутся! Мы с тобой — свидетели. А значит, придется дожидаться. Сама же меня сюда затащила...

— Я тебя умоляю, поедем!

— А если нас вычислят? Ты тут неоднократно бывала, да и сейчас оставила отпечатки пальцев, хотя бы вот на дверной ручке. Нынче сыскари ушлые, вигом раскопают. А там... Могут обвинить в соучастии, а то и виновниками изобразить. С них станется! Так что лучше подождать милицию. Коли уж вяпались, не стоит и дальше вести себя по-глупому. Будем ждать.

— Послушай, давай исчезнем. Найдут-не найдут — там видно будет. Если ты увезешь меня отсюда, я все расскажу... что про Юрку знаю. Чем он на самом деле занимался.

— Точно?

— Сыном клянусь... Борькой... Пожалуйста, поехали!

— Ладно, будь по-твоему. Только потом не обижайся, и на меня не сваливай, мол, первый побежал. Иди, садись.

Рита бегом бросилась со двора. Суворов помедлил, ему очень хотелось вернуться и обыскать дом по-настоящему. Он чувствовал, место действительно очень интересное, сулящее много неожиданностей. Однако осторожность подсказывала: беги отсюда как можно быстрее. Так он и сделал. Машина почему-то долго не желала заводиться, хотя обычно включалась с пол-оборота ключа. Наконец мотор заработал. Суворов кое-как развернулся и рванул вперед.

Начинало светать, ключья тумана висели над дорогой, и следопыту казалось, вот сейчас из утренней мглы выйдет нечто невыразимо ужасное, и его, Суворова, участь будет предрешена. Странствия и потрясения давали себя знать. Он едва держал голову, поминутно встряхивая ею, гоня наваливающийся сон. Рита и вовсе спала, привалившись к стеклу и не обращая внимания на толчки. Губы ее были полураскрыты, струйка слюны стекала из уголка рта. Она похрапывала и время от времени смешно морщила нос.

Суворов понял, что вот-вот уснет. Он остановил машину, вышел из нее, немного побегал, зачерпнул из придорожной канавы, пахнувшей соляжкой, воду и кое-как умылся. Сон на время отступил. Теперь главное — без приключений добраться до кровати, подумал он и вновь завел двигатель.

Глава 4

Оставим пока Суворова отсыпаться после ночных приключений и вернемся к Толе Бенову, которому также было поручено разыскать пропавшего Райского.

Получив часть гонорара за поиски, он некоторое время пребывал в недоумении, но позже решил отметить свое приобщение к когорте великих сыщиков. Сотня баксов была разменяна на рубли. Ноги сами понесли к ближайшей забегаловке, где он в одиночестве выпил кружку светлого пива, но очень скоро повстречал двух приятелей и продолжил возлияния в компании уже более крепкими напитками.

Расставшись с сотоварищами, Толя присел на скамейку в сквере и принялся обдумывать ход дальнейших действий. Выходило все весьма просто: нужно пойти по адресу, где обитал исчезнувший, опросить соседей по лестничной площадке, пенсионеров возле подъезда, словом, свидетелей. Глядишь, события и прояснятся. Он двинулся на задание. До Пречистенки было не особенно далеко, и Толя решил не пользоваться общественным транспортом, а малость прогуляться и, заодно, освежиться. Очередная кружка пива подняла его настроение до невозможных высот. Жизнь наполнилась неведомым доселе смыслом, июньское утро блистало в каждом бутылочном осколке, в каждой вы-

сыхающей на глазах луже. Толя ускорил шаг и скоро подошел к нужному дому.

Строение, возведенное, по-видимому, в конце пятидесятых, ничем особенным не выделялось, разве только тем, что находилось в глубине дворов. Толя достал из кармана бумажку с адресом и вошел в подъезд, прохладный и сумрачный, словно пещера. Вот и нужная дверь. Он некоторое время постоял перед ней, размышляя, как себя вести дальше, потом нажал на кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры послышались мелодичные трели. Толя прислушался — тишина! Он вновь бессмысленно вдавил палец в эбонитовый кружок.

Рядом щелкнул замок, соседняя дверь распахнулась, на пороге появился мужчина неопределенных лет в застиранной черной майке и спортивных штанах с малиновыми генеральскими лампасами.

— Чего надо? — несколько грубовато поинтересовался он.

— А тебе какое дело? — не растерялся Толя.

Гражданин оглядел Толю с ног до головы, видимо, прикидывая соотношение сил, а также социальный статус нахала. Почуввав своего, подобрел, лицо обмякло, в глазах собачья тоска сменилась надеждой.

— Ты кто?

— В гости пришел, — сообщил Толя почти доброжелательно.

— К Юрке, что ли?

— Ну!

— Что-то я тебя ни разу не видел.

— Мамаша его послала...

— Капитолина Ивановна?

— Она. Давно не видела, волнуется... Я, понимаешь, племянник... В гости вот пожаловал... из Костромы.

— Ага. Въехал! Юркин племяш, что ли?

— Его двоюродный брат... Приехал вот тетку повидать, она и говорит: смотайся к брату, навести, а то давно не звонит. Вот и явился.

— Понятно. А что, племяш, может, мы того...

— А чего желаете?

Мужчина разинул рот в немом изумлении, потом поднял заплавленные глазки к небесам, словно вознося неслышимую молитву.

— Чего?! Водяры если... Нет! Тяжело будет. Винца? Может, портвешка? Ты как?

— А мотор не заклинит?

— Нет, братан! — вскричал мужчина. — Прорвемся! Давай вина! Сейчас оденусь, сгоняем...

— Да не стоит суетиться, я сам схожу.

— Нет, браток, так не полагается... — Мужчина распахнул дверь своей квартиры на всю возможную ширину. — Давай хоть познакомимся. Шурик!

- Анатолий.
— Толян! Рад, рад... Умираю, понимаешь.
— Так сиди, сбегаю.
— Нет, не полагается... Покаждем вместе.

Новый знакомый поспешно оделся, и, подталкивая Толю в спину, покинул квартиру.

Толя купил три бутылки недорогого портвейна, справедливо предчувствуя, что двух окажется недостаточно, и они вернулись в обитель Шурика — двухкомнатную квартирку, обстановка которой свидетельствовала, что женская нога если и ступает здесь, то весьма нерегулярно. Человеку, чьи страдания пытался облегчить Толя, на вид можно было дать лет сорок пять. По всему чувствовалась его принадлежность к могучей кучке российских рок-деятелей. Как потом выяснилось, в какой-то там группе барабанил на ударнике. Стены увешаны плакатами и фотографиями рок-музыкантов с дарственными надписями.

Шурик сходил на кухню, принес два залапанных стакана и две конфетки и поспешно разлил портвейн.

— За взаимовыручку, — пробормотал он скороговоркой и не чокаясь выхлестал свой стакан.

— Я тебя выручил, помоги и ты мне. С Райским... как его отыскать? — поинтересовался Толя.

— Юрку-то? Странно, что его нет дома. Обычно днями безвылазно торчал. Все с этим компьютером. Поверишь ли, сутками за ним мог сидеть. Правда, время от времени отъезжал... В основном, за границу. Но если уехал, я бы знал, он мне всегда сообщал о своих отлучках.

— А может, он у бабы? — предположил Толя.

— У бабы? Юрка? Чушь! Он по дамской линии не больно... Правда, три раза женат был... Хотя, может, ты и прав. Время от времени он навещает своих жен. С первой я не знаком, последнюю видел всего несколько раз, а вторую знаю неплохо. Так вот, Юрка чаще всего к ней навещается.

— А она что за человек?

— Трудно сказать. Непонятная для меня личность. Иногда кажется — чокнутая, а иной раз — вполне нормальная тетка. Звать ее Алевтина — Аля. Почему они разбежались, не знаю. А чокнутая потому, что разной чертовщиной увлекается. Знаешь, сейчас модно верить во всякую чушь... пришельцы, общение с Космосом, медитации разные... Словом, бред! Вот и Алевтина повернута на этих вывертах. Колдовство, черная магия... Ну, ты понимаешь... А так, ничего бабенка, справная.

Толя поморщился:

— При чем тут черная магия? Мне нужно найти Райского — кровь из носу! И я его найду! Ты знаешь, где живет Алевтина?

Шурик развел руками:

— Увы, мой новый друг, увы. Зато я знаю, где она трудится. В кукольном театре работает...

— На Садово-Самотечной?

— Да нет... Маленький такой театрик. Прямо крошечный.

— Где он находится?

— Сам не отыщешь.

— Ну понятно, — саркастически заметил Толя. — Теперь ты у меня будешь вроде розыскной собаки. С особо развитым нюхом. Где театр?

— Нужно ехать по Филевской линии. На Багратионовской сойти и двигаться в сторону Горбушки. Пройдешь Горбушку, не помню, как улица называется... Вот там и находится театрик этот... В подвале.

— Где уверенность, что мы ее застанем? Может, дамочка дома сидит?

— Полную уверенность может дать только страховой полис, — изрек Шурик, демонстрируя некоторую начитанность. — Она в театре день-деньской околачивается, а, бывает, и по ночам. Куколок мастерит. Алевтина — мастер по изготовлению марионеток. Специальность, понимаешь, такая. Много странных профессий на свете, — хрипло пропел Шурик. — Короче, если хочешь ее найти, без меня не обойдешься. Решай, командир. А я пока еще малость хлебну, чего добру пропадать.

До места добирались примерно час. День поблек. Сверкающий глянец, которым отливал каждый листок, каждая жестянка из-под пива, куда-то пропал. Настроение тоже переместилось к отметке "пасмурно". Было ли тому причиной присутствие полупьяного барабанщика или следствие принятия некоторого количества дрянного портвейна, собственно, не имело никакого значения.

— Я в разных там ведьм не верю, — разглагольствовал барабанщик в вагоне метро. — Однако Алька явно из этой породы. Имеется в ней нечто. А от Юрки она сама ушла. Почему — не знаю, но факт остается фактом. Он ей ни в чем не перечил, можно сказать, на руках носил. Но, правда, потом, когда ушла, не шибко расстраивался. Общаться ведь продолжали... Что их связывало, никогда не понимал...

Пока шли от остановки метро, барабанщик несколько примок и только часто протяжно вздыхал, точно больная собака. Очевидно, его мучила жажда.

Через некоторое время они очутились перед неприметным входом в торце огромного здания. Весьма скромная, чуть ли не самодельная табличка гласила: "Театр марионеток "Коломбина". На дверях висел солидный амбарный замок. Тут же имелось написанное от руки объявление: "Театр уехал на гастроли в Потьму".

— Прибыли, — сообщил барабанщик. — Открывай портвейн.

— Какой, к чертовой матери, портвейн? — разъярился Толя. — Ты что, не видишь, закрыто! Куда привел? Где твоя ведьма?!

— Не ори, — осадил его Шурик. — Будет тебе и ведьма, будут и чудеса... Замок здесь висит для отмазки. Внутри обязательно кто-нибудь есть.

— Да как же туда попасть? — Толя подергал замок. — Ломать, что ли?

— Ничего ломать не нужно, — спокойно заметил Шурик. — Просто имеется еще один вход, которым пользуются знающие люди. Пойдем!

Они завернули за угол. Толя увидел сверкающий фасад огромного универсама и покосился на своего спутника: куда это он, интересно, ведет? Барабанщик уверенно вошел в универсам, проследовал через почти пустой зал, шмыгнул в какую-то неприметную дверцу. Все происходило без разговоров, в несколько повышенном темпе. Толя старался не отставать. Они спустились по лестнице и оказались в просторном зале, видимо, на складе. Людей почему-то не наблюдалось. Барабанщик проследовал через зал и свернул в узкий полутемный коридор. Он шел так быстро и уверенно, что невольно создавалось впечатление — мужик бывал здесь не один раз. Дальше барабанщик повел себя еще более странно. Он остановился перед металлической дверью с массивной никелированной ручкой, какие бывают у промышленных холодильников. Толя напрягся. Похоже, его дурачат. Шурик распахнул дверь, за которой действительно оказался холодильник.

— Ты куда меня привел? — заорал Толя. Но барабанщик не стал ничего объяснять, лишь таинственно махнул рукой, призывая идти за собой.

В холодильнике, как и следовало ожидать, стоял лютый холод. Из рта вырывался пар. При скудном освещении можно было разобрать висевшие на крюках ряды мясных туш. Если сейчас выкинет какой-нибудь трюк, на ходу раздумывал Толя, набью ему морду, и дело с концом. Пройдя через холодильник, они оказались в узком предбанничке, где стояла лишь одинокая кушетка.

— Передохнем, — неожиданно заговорил Шурик и уселся на кушетку.

— Объясни, где мы находимся? — проявил любознательность Толя.

— Как где? Куда шли.

— Я не просил отвести меня в магазин!

— Почему ты все время орешь? Нервный, что ли? Мы шли в кукольный театр, так он и находится за этой дверью. Задний проход, неужели никогда не слышал?

— Никогда не слышал, чтобы в театр ходили через магазины, тем более через холодильники.

— Ничего удивительного. Хозяин магазина, по совместительству, владелец театра, или, как сейчас выражаются, спонсор. Он, видишь ли, большой ценитель кукольного искусства, вот и помогает... чем может. Помещение выделил, реквизит кое-какой приобрел.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же рассказывал: бываю здесь иной раз. К Алевтине в гости захожу, она меня и посвятила в обстоятельства.

— Ты, вроде, дрожишь?

— Замерз в холодильнике. Сейчас самый раз выпить. И место подходящее.

— Мы же договорились, пока не увижу Алевтину, бутылку не дам. Где она?

— Ну раз ты настаиваешь, пошли.

Дверь скрипнула, Толя осторожно ступил следом за барабанщиком, и они оказались в небольшом зале с рядами кресел и сценой. Несмотря на малые размеры зала, его убранство выглядело богато, даже роскошно: кресла обтянуты материалом под бархат, стены отделаны тоже чем-то подобным, ноги утопали в мягком ковре, и Толе невольно захотелось разуться. Но самое сильное впечатление производил занавес. На черном полотнище выткан желтый круг, видимо, символизировавший ночное светило, который перечеркивал силуэт летучей мыши. Исполнено на редкость искусно — луна, казалось, излучала сияние, а нетопырь едва заметно трепетал крыльями. Подобную иллюзию, наверное, создавал слабый поток воздуха, чуть колебавший занавес. Выглядело все довольно мрачно. Впечатление усиливало цветное решение интерьера зала: кроваво-красные стены и фиолетовые кресла.

— Ну как? — спросил барабанщик. — Впечатляет?

— Н-да! Здорово! Только как-то жутко.

Они поднялись на сцену и двинулись за кулисы. Еще несколько десятков шагов, барабанщик толкнул новую дверь, и Толя наконец-то обнаружил во мраке живого человека. За большим столом, заваленным лоскутами разноцветной материи, кусками поролона, пластика, коробками с красками и пластилином, сидела женщина и что-то мастерила.

— Вот она, Алевтина! — торжествующе воскликнул Шурик.

Женщина подняла голову и без особого любопытства взглянула на прибывших, а Толя, в свою очередь, принялся изучать внешность таинственной жены Райского. Рыжеватая блондинка с круглым, усеянным веснушками лицом, вздернутым носом и большими серыми глазами. Ее можно было бы назвать миловидной, но рыжие ресницы делали лицо несколько глуповатым. Женщине на беглый взгляд было лет тридцать, а возможно, и несколько меньше. Ничего зловещего Толя в ней не обнаружил — обычная женщина, каких на улице пруд пруди.

— Вам чего, ребята? — спросила она безо всякого интереса.

— Пришли вот... — с непонятной Толе робостью промолвил Шурик.

— Это я вижу. Зачем?

— Товарищ вот... — барабанщик кивнул на Толю, — хотел тебя увидеть.

— Очень интересно. С какой целью? — Алевтина посмотрела на парня. Взгляд холодный, но спокойный. Ни неприязни, ни угрозы в нем не читалось. — Присаживайтесь, коли пришли. Так зачем же я вам нужна?

— Юрку он разыскивает, — объяснил Шурик.

— Юру? — В глазах Алевтины мелькнуло любопытство. — Для чего он вам?

— Меня попросили отыскать его.

— Интересно, кто?

— Мой сосед, некий Дамкер... По просьбе матери Райского. Она, понимаете ли, беспокоится. Сына нет дома уже около недели. Ее тоже можно понять.

— Понять можно кого угодно, — туманно выразилась Алевтина. — А вы, что же, сыщик-профессионал или так... работаете ради спортивного интереса?

— Видите ли, — сдержанно пояснил Толя, — в настоящий момент я, как говорится, на мели. Дамкер предложил, я и согласился. Не бесплатно, конечно.

— Понятно.

— Откровенно говоря, это дело не по мне, — заторопился Толя, почувствовав, что говорит совершенно не то, да и тон какой-то заискивающий. — Но раз уж взялся...

— Ну да. А ты, значит, сразу потащил его сюда. — Алевтина перевела взгляд на Шурика.

— Так ты же сама... — Барабанщик совсем смутился и даже покраснел, что можно было определить лишь по ушам, поскольку бледное лицо плохо передавало смену чувств. Это "ты же сама..." насторожило Толю. И барабанщик понял, что ляпнул глупость. Он вскочил с табурета и попятился к двери.

— Сядь на место! — небрежно произнесла женщина. — Ладно, — вновь обратилась она к Толе. — Позвольте узнать, какую сумму вам посулил некий Дамкер?

Толя хотел возмутиться и сказать, что это их с Дамкером личное дело, но почему-то вымолвил совсем другое:

— Дал сто долларов, а потом, когда разыщу Райского, пообещал еще столько же.

— Сумма, прямо скажем, небольшая, хотя по нынешним временам для многих представляет интерес. Посидите пока. Я подумаю, как с вами поступить дальше.

Толя, как зачарованный, уставился на Алевтину, ожидая своей участи. Он весь находился во власти этой женщины. Как и почему подобное могло произойти, не поддавалось объяснению,

но факт оставался фактом, его воля оказалась полностью блокирована, причем разум четко осознавал данный факт, однако во все этому не противился.

— Вас как зовут? — неожиданно спросила Алевтина.

Толя назвал.

— Анатолий, значит... Вот что, Анатолий. Вы впутались в это дело совершенно случайно и посему заслуживаете снисхождения. Я вас, пожалуй, отпущу, но с одним условием — отныне никаких поисков. Забудьте о Райском. Что касается ваших отношений с нанимателем, этим Дамкером, советую пойти к нему, отказаться от выполнения заказа и вернуть задаток. Объяснять ничего не нужно. Скажите: мол, дело не по мне, и точка!

— Но я потратил часть суммы, — ввернул Толя.

— Это ваши проблемы. Конечно, Юрина матушка не успокоится, но это уж моя головная боль. Предупреждаю, повторная наша встреча может для вас, Анатолий, закончиться весьма плачевно. На этом будьте здоровы.

Дальше произошло нечто в высшей степени странное. Толя не помнил, как покинул таинственный кукольный вертеп, как шел к станции метро, да и вообще, очнулся он лишь в вагоне. Металлический голос сообщил: "Двери закрываются, следующая остановка — Китай-город".

Что же случилось, и как все объяснить? — недоумевал Толя. Он прекрасно помнил последние слова Алевтины, до мельчайших деталей мог восстановить в памяти обстановку и убранство кукольного театра, но как попал в вагон метрополитена, тем более, на совсем другую линию, начисто выпало из сознания. Толя осоловело потряс головой, потом, обнаружив, что держит в правой руке пакет с бутылкой портвейна, вовсе растерялся. Куда же делся его спутник, этот самый Шурик, почему не забрал столь вожделенное вино? Загадки, сплошные загадки. И самая главная: как получилось, что он не смог ничего возразить загадочной Алевтине. Она вела себя по отношению к нему вежливо, хотя в ее словах сквозила явная угроза. Почему он не должен искать Райского? Может, тот стал жертвой преступления, и эта парочка — виновники его исчезновения? Что же делать дальше? Пойти к Дамкеру, как советовала Алевтина, и отказаться? Но деньги-то частично потрачены! Допустим, он найдет искомую сумму и вернет задаток, но чем оправдается? Как будет смотреть в глаза хорошему человеку? Да и что Дамкер о нем подумает?

В Толе заговорило уязвленное самолюбие. Как же так получается? С ним обошлись, как с мальчишкой. И кто? Полоумная баба и алкоголик. Неужели он настолько слаб, что поддался на дешевые угрозы? Как же поступить? А если снова отправиться на Пречистенку, тряхнуть как следует этого Шурика и добиться от него правды?

До Пречистенки Толя добрался безо всяких приключений, обуреваемый одной лишь мыслью — разобраться с алкоголиком.

Провал в собственной памяти он объяснял жарой и выпитым. Бывает...

Вот и нужный дом. Толя вошел в подъезд, поднялся, позвонил сначала в дверь Райского в надежде, что тот вдруг объявится, потом подошел к двери барабанщика и прислушался. Тишина. Он нажал на кнопку. Звонок не работал. Толя забарабанил в дверь кулаком, а потом ногой.

— Ты чего, парень, бушуешь? — услышал он скрипучий голос за спиной и обернулся. Пожилая женщина с хозяйственной сумкой в руках недовольно смотрела на него.

— Хозяина мне нужно.

— Шурку, что ли?

— Его.

— Ну ты даешь, милоч! Вспомнил! Шурка-то полгода как помер!

— Как это, помер?!

— Да обыкновенно, как помирают... Пил крепко, вот и окочурился. Царствие ему небесное.

— Не может быть!

— Очень даже может.

— Я с ним сегодня виделся.

— Эге, — нараспев произнесла старуха, — так ты, видать, из таких же... Бедолага.

— Из каких это я? Ты что, старая, мелешь?

— Уж если кто и мелет, так не я. Видел он его! Допьются до чертиков! Говорю, в минувшем декабре схоронили. В квартире никто не живет. Нашлись какие-то родственники, они и наследовали жилье. Так что, парень, шел бы ты домой. — И старуха, укоризненно покивав, удалилась.

Голова у Толи неожиданно сильно закружилась, и он сел прямо на пол. Придя немного в себя, кое-как поднялся и, уж совсем ничего не соображая, поплелся прочь.

Глава 5

Суворов проснулся, как и предполагал, под вечер, как раз в то самое время, когда Толя маялся в вагоне метро. Он потянулся и сел на край кровати. Голова ныла, точно с перепоя, глаза слезились, вдобавок хотелось есть. В квартире было жарко. Суворов включил вентилятор и отправился в ванную. После контрастного душа вроде бы пришел в себя, во всяком случае, почувствовал некоторое облегчение. Голова почти перестала болеть, от липкого пота, казалось, покрывавшего все тело, не осталось и следа. Он прошлепал на кухню, растворил дверцу холодильника, придирчиво оглядел его забытые продуктами недра. Ничего особенного готовить не хотелось, и Суворов решил ограничиться привычным холостяцким блюдом — яичницей с ветчиной. Просто в приготовлении и вкусно.

После чашки крепкого сладкого кофе головная боль совсем исчезла, и Суворов даже повеселел слегка. Он вымыл за собой посуду, убрал со стола и пошел одеваться.

Рита встретила его как старого знакомого, да не просто знакомого — друга! Бросилась Суворову на шею и попыталась расцеловать.

— Какой ужас я пережила ночью! — тараторила она. — В этом жутком доме, и если бы не ты, я, наверное, умерла бы от страха! Знаешь, глаз не смогла сомкнуть, можно сказать, совсем не спала.

— А выглядишь довольно свежей, — заметил Суворов.

— Это потому, что я настоящая женщина, то есть всегда в форме, невзирая на обстоятельства.

Суворов хмыкнул и оглядел Риту с ног до головы.

— А сын где?

— Борьку я услала к бабушке.

— Зачем?

— Почему бы не поведать старушку. Она его любит, угостит чем-нибудь вкусеньким.

— Ладно, Рита, давай лучше о деле. Надо же все-таки найти твоего Райского.

— Можно к нему навеститься, у меня ключи есть от его квартиры.

Вот! — пронеслось в голове Суворова. — С этого нужно было и начинать. Лишь бы Рита не передумала.

— Что ж, съездим, — равнодушно бросил он. — А, может, лучше я один? Открою, посмотрю, что и как, а потом верну тебе ключи?

— Нет уж, дорогой! Только вместе, или вообще не поедем.

— Ладно, не будем спорить. Вместе, так вместе.

Дверь подъезда, в котором проживал Райский, оказалась самой обычной, без домофонов и кодовых замков, что само по себе вызывало удивление в столь престижном районе. На лестничной площадке стоял высокий молодец с всклокоченной шевелюрой и прямо из горлышка пил вино. Суворов внимательно посмотрел на парня. В подобной ситуации можно ожидать чего угодно, это он знал по собственному опыту, но парень не производил впечатления соглядатая, скорее, был похож на сумасшедшего: вытаращенные глаза дико уставились на Суворова и его спутницу. Похоже, парень хотел что-то сказать, но, видно, передумал. Когда Рита достала из сумочки ключи и принялась отпирать квартиру, парень, за которым Суворов продолжал наблюдать, подался в их сторону. Замок щелкнул, дверь отворилась, и они вошли в "райскую обитель", как иронически прокомментировал Суворов.

Обычная двухкомнатная квартира ничем особенным не отличалась, убранство ее действительно можно было бы назвать

убогим, если не принимать во внимание количество различной электроники, напиханной повсюду. Имелось также довольно много книг, расставленных на стеллажах и сваленных где придется. Взгляд Суворова скользнул по корешкам. Больше всего специальных изданий, связанных с компьютерной техникой.

— Обыск будешь проводить? — как бы невзначай поинтересовалась Рита.

— Неплохо бы.

— А что ищешь? Деньги?

Суворов взглянул на спутницу. В глазах ее читалась насмешка.

— Думаешь доллары найти? Маловероятно.

— И все-таки попытаюсь, если ты, конечно, не возражаешь.

— Чего уж... Раз пришли...

Рита ведет себя довольно странно, отметил Суворов. Разрешает обыск в отсутствие хозяина, а ведь она ему бывшая жена — и только. А если он сейчас заявится? Без всяких разговоров может привлечь к ответственности, и будет совершенно прав. Рита это прекрасно понимает, значит уверена — Райский внезапно не вернется, а раз так, знает больше, чем говорит.

Первым делом Суворов включил компьютер, но, как и предполагал, на экране появился знак ключа.

— Ты пароль, случайно, не помнишь? — спросил он у Риты.

— Какой пароль?

— Для входа в компьютер.

— Я в этом ничего не понимаю.

Неожиданно в дверь позвонили.

— Кого могло принести? — спросил Суворов, внимательно следя за выражением лица Риты.

— Сейчас узнаем, — спокойно ответила она и пошла открывать. На пороге стоял давешний парень с всклокоченными волосами.

— Вам чего? — спросила Рита.

— Извините, пожалуйста, а Райского можно увидеть? Это вы? — обратился парень к Суворову.

— Заходи, заходи, — вместо ответа произнес тот.

Дверь захлопнулась, и Толя, это, конечно, был он, с блаженной улыбкой уставился на Суворова.

— Это кто? — обратился Суворов к Рите.

— Понятия не имею.

— Ты зачем сюда пожаловал?

— Мне нужен Райский. А разве вы — не он?

— Всем нужен Райский. Тебе-то зачем?

— Это мое дело! Но если вы не Райский, почему находитесь в его квартире?

— Очень уж вы, молодой человек, любопытны, — издевательски проговорил Суворов, прикидывая, как могут развернуться со-

бытия в случае возможного единоборства. Похоже, парень не представляет особой опасности, но что, интересно, ему тут нужно?

В это мгновение чуткий нюх Суворова уловил чуть заметный запах гнили.

— Ты что, газ включила? — спросил он у Риты.

— Да нет...

— Запах чувствуешь?

Она повела носом:

— Возможно.

— И я чувствую, — заметил парень, — тухлятиной воняет.

Суворов бросился на кухню. Эта часть квартиры выглядела запущенной: стол, пара табуреток, холодильник — вот и вся обстановка. Но не скромное убранство кухни вызывало ощущение дискомфорта, а царивший в ней хаос. На столе стояли тарелки, содержимое которых не поддавалось идентификации, поскольку было покрыто шапками плесени. Только свернувшиеся, словно лепестки засохшего цветка, кусочки сыра да позеленевшие кружки колбасы отдаленно напоминали продукты питания. Имелась на столе и полупустая бутылка водки, а также два стакана. В раковине лежала гора грязной посуды. Тем не менее гнилостного запаха, который он почувствовал возле входной двери, почти не ощущалось.

— Глянь-ка сюда! — закричал парень.

Суворов метнулся на голос. Дверь в ванную комнату была отворена, и то, что он увидел, заставило желудок спазматически сжаться.

В ванне, наполненной водой, лежал труп мужчины. Находился он здесь, должно быть, не один день, лиловое тело покрыто пятнами, живот, расpiraемый газами, высылся над водой как гигантский поплавок. Глаза покойника были открыты и устремлены в потолок, губы раздвинуты в подобии ухмылки.

— Кто это? — Суворов повернулся к Рите.

— Райский, — тихо ответила она.

Парень, стоявший в дверях, вдруг издал утробное урчание и бросился вон.

— Точно Райский? — вновь спросил Суворов, но Рита не ответила. Лицо женщины приняло землистый оттенок, глаза неестественно блестели, крупные капли пота покрывали лоб и лицо.

Он вновь перевел взгляд на труп, и тут почудилось нечто, от чего мороз пробежал по коже. Ему показалось, труп чуть повернул голову в его сторону. Суворов присмотрелся — так и есть, вода пришла в движение. Глаза мертвеца пристально смотрели на него. Вода в ванне колыхнулась чуть сильнее, похоже, мертвец собирался подняться.

Суворов опрометью выбежал из квартиры. Пришел в себя только на улице и с изумлением заметил, что его спутники стоят рядом. Рита выглядела постаревшей на несколько лет и, похоже, полностью потеряла ориентацию в пространстве, потому что не-

престанно раскачивалась, словно пьяная. С парня, напротив, слетел весь хмель, волосы его, и раньше достаточно растрепанные, вовсе встали дыбом, глаза вылезли из орбит, он непрерывно икал.

Суворов молча залез в свой "фольксваген" и нисколько не удивился, видя, что и остальные делают то же самое. Рита уселась рядом, а парень — на заднее сиденье. Машина резко тронулась с места.

— Отвези меня домой, — еле слышно произнесла Рита.

Всю дорогу троица молчала, только парень тяжело дышал прямо в затылок Суворову, обдавая его перегаром, и, время от времени, чуть слышно всхлипывал. Когда машина подъехала к дому, где жила Рита, к ней, похоже, вернулось самообладание.

— Кажется, дверь в квартиру не закрыли, — довольно буднично сообщила она. — Слушай, Саша, съезди туда еще раз, посмотри...

— Чего там смотреть, все и так ясно. "Замочили" твоего бывшего муженька. Надо бы в милицию...

— Поступай как хочешь, но прошу, проверь.

Что именно нужно проверить, она не сказала, сунула в руку Суворову ключи, поспешно выскочила из машины и скрылась в подъезде. Суворов обернулся к парню:

— Тебя как звать?

— Анатолий.

— Вот что, Толя, давай рассказывай, зачем к Райскому явился?

— А вы зачем?

— Сначала ты. Только не темни, садись-ка рядом и выкладывай.

Парень пересел на переднее сиденье. На лице его читались противоречивые чувства: смятение, робость и недоверие.

— Да ты не бойся, — подбодрил Суворов. — Похоже, мы ненароком вляпались в одно и то же дерьмо. Так что, колись.

И Толя стал повествовать о своих похождениях. Хотя рассказывал он чрезвычайно сбивчиво, то забегая вперед, то возвращаясь назад, Суворов не перебивал, внимательно слушал, а вопросы начал задавать только после того, как Толя произнес: "Ну вот и все", и с шумом выдохнул воздух.

— Значит, ты утверждаешь, что уже побывал сегодня в злополучном доме?

— Ну!

— Не нукай, а отвечай по существу! Получается, ты общался с человеком, который полгода как умер. Каким же образом?

— Я бы и сам хотел узнать.

— А может, старуха тебя просто обманула?

— Зачем ей обманывать? К тому же, еще в кукольном театре я почувствовал: дело тут нечисто.

— Давай еще раз про театр, про женщину, как там ее звать, Алевтина, кажется?

— Ну чего толковать об одном и том же? Вы лучше расскажите, сами зачем туда пришли?

— Да за тем же, зачем и ты. Мне заказали разыскать Райского.

— А кто?

— Какая разница! Ты лучше скажи, что думаешь обо всем этом?

— Чего тут думать...

— Ну-ну?

— Не знаю я...

— Вот и я не знаю. — Суворов вздохнул. — Ладно, поедем, посмотрим... И все-таки, дорогой, постарайся четко вспомнить последовательность происходившего в театре.

Толя вновь принялся монотонно перечислять случившееся с ним за день. Суворов на этот раз не стеснялся перебивать, расспрашивал, что именно пили и сколько, как добирались до театра кукол? Помнит ли он, как очутился в метро?

За разговорами доехали до Пречистенки.

— Что ж, вперед! — Суворов кивнул на подъезд.

— Я туда больше не пойду!

— Как это не пойдешь? Нет, дорогой, так дела не делаются! А если там уже милиция? Что прикажешь мне говорить? А ты — свидетель, можешь подтвердить, что мы один раз здесь уже были... Заодно заглянем к твоему дружку-барабанщику. Ты же, насколько я понял, сам желал разобраться. Вот и разберемся вместе. Поверь, у меня есть опыт. Смелее! И не забудь, деньги, данные тебе добрым старичком, нужно отрабатывать. Святое дело! С заказчиком следует обращаться очень аккуратно.

Толя неохотно вылез из “фольксвагена” и поплелся следом за Суворовым. Вот и злополучная квартира. Двери, как и полагается, закрыты.

— Вот! — приободрился Толя. — Видите, все в порядке. Можно возвращаться.

— Погоди, я все-таки хочу взглянуть еще разок. Если ты такой нервный, можешь не смотреть, но зайти все же нужно. Кстати, не за этой ли дверью проживает... или проживал Шурик?

Толя удрученно кивнул.

— Ладно, немного погода заглянем и к нему. А пока нам сюда.

Замок щелкнул, они вошли. По правде говоря, нервы Суворова были напряжены. И хотя перед Толей он старался держаться уверенно и выглядеть спокойным, на самом же деле сердце его учащенно билось, а под ложечкой ощущалась неприятная тяжесть.

Первым делом Суворов принялся. Странно, разложением как будто не пахло.

— Посмотрим? — обратился он к Толе.

— Вы — сколько угодно, а меня увольте, я лучше в комнате посижу.

— Ну, как хочешь. — Суворов отворил дверь ванной комнаты и обомлел — здесь было пусто. — Иди сюда! — заорал он, забыв обо всякой осторожности. — Смотри!

— Ничего, — шепотом произнес ошарашенный Толя. — Уже успели убрать...

— Кто успел? Кто?! Прошло всего минут сорок, от силы, час. Даже если мы имеем дело со сверхпроворными личностями, запах-то куда делся? Следы! Тут уже сухо! Смотри! Ванной не пользовались по меньшей мере неделю. Видишь, кран подтекает, и полоска ржавчины ясно показывает, ее давным-давно не наполнили водой. Въезжаешь?

— Нет!

— И я не въезжаю, — растерянно произнес Суворов. — Ничего не пойму. Галлюцинация у нас, что ли? Но не может одна и та же быть сразу у трех человек?

— Колдовство...

— Ни в какое колдовство я не верю! Тут нечто другое. Ладно, давай сядем и подумаем. — Суворов аккуратно прикрыл дверь, заглянул на кухню, где ничего не изменилось, потом прошел в комнату.

— Не в этом ли обилии электроники кроется загадка?

— При чем тут электроника?

— Не знаю. Но ни в какое наваждение не верю. И вот что странно, подобное со мной уже было. И не далее как вчера, причем, в присутствии Риты. — И он вкратце рассказал о том, что с ними приключилось в таинственном доме.

— Вот и подтверждение! — воскликнул парень.

— Какое подтверждение?

— Что мы имеем дело со сверхъестественными силами.

— Или кто-то настойчиво пытается подвести нас к подобному выводу!

— Но зачем? Не проще ли выбрать какой-нибудь более правдоподобный путь?

— Ты прав. Все это слишком невероятно. Тогда какое возможно объяснение?

— Я же говорю...

— Чепуха! Не верю! Ладно, давай навестим твоего барабанщика.

— У нас же нет ключей...

— Зато есть отмычки. — Суворов извлек из барсетки несколько причудливого вида никелированных крючков. — Надо думать, замок там простенький. Пойдем, посмотрим.

— Но... Это же нарушение неприкосновенности чужого жилища... Взлом...

— Ничего мы ломать не будем. И потом... Неужели тебе не хочется разобраться во всей этой чертовщине?

— По правде, хочется больше всего на свете, но я боюсь увязнуть еще глубже. Что, похоже, и происходит.

— Твои опасения обоснованны, но теперь нас двое, а вдвоем пропадать веселей. Поэтому рискнем.

— А если увидят соседи?

— Даже если увидят, шум поднимать вряд ли будут. Во-первых, времена нынче суровые, проявишь инициативу — себе же во вред, а, во-вторых, сам же говорил: этот Шурик — пьянчуга, тащить у него нечего... Да, к тому же, если верить некоей старухе, он умер. Так что мы ничем не рискуем.

Доводы нового знакомого показались Толе довольно убедительными, и хотя его милицмейское прошлое призывало к осторожности, он решился. Крадучись, они вышли из квартиры. Суворов прислушался, в подъезде все было тихо. Он подошел к двери, за которой якобы обитал умерший, взглянул на замок, небрежно махнул ладонью, показывая: дело-то плевое. И действительно, потребовалась всего минута, и дверь распахнулась. В ноздри ударил спертый воздух нежилого помещения.

— Похоже, здесь действительно давно никто не живет, — задумчиво проговорил Суворов.

— Как это не живет? Только сегодня утром вино пили, бутылки должны остаться, стаканы... Голубенькие такие... Конфетками мы закусывали.

Они вошли в комнату. В ней царило запустение. На замызганном столе лежал слой пыли, бутылки и стаканы не имелось и в помине.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнес Толя. — Как же так?

Суворов разглядывал убранство комнаты. Обратил внимание на висящие на стенах плакаты рок-звезд.

— А они-то были? — он указал на плакаты.

— Да были, были! Я еще спросил, знает ли он этих ребят? Он подтвердил. Играл, говорит, с ними.

— Играл, говоришь? В такие же интересные игры, как и с тобой? Ладно. Стол тот?

— Во всяком случае, похожий.

— В обстановке ничего не изменилось?

— Как будто нет.

— Где же тогда бутылки? И почему пыли на столе полно, а следов, что за ним сидели и пили, никаких? Как ты это объясняешь?

Толя недоуменно развел руками.

— Хорошо, постараемся разобраться. — Суворов обвел комнату внимательным взглядом. — Давай начнем с пола. — Он нагнулся и присмотрелся. — Очень похоже, стол откуда-то принесен. Возможно, из соседней комнаты или кухни — кругом пыль, а вокруг ножек и от порога пол тщательно протерт.

Хотя потом, уже после уборки, присыпан пылью, но она явно отличается от той, что по углам. Хитро! Идем дальше. Приступаем к осмотру обстановки. Прямо скажем, твой друг-барабанщик, если он, конечно, тот, за кого себя выдает, жил не очень богато. В этом нет ничего удивительного, не на всех с небес сыплются лавровые венки и баксы. Плакаты явно висят здесь не один год, пожелтели, пожухли... По логике, музыкант должен иметь хотя бы плохонький магнитофон или проигрыватель. Таковой присутствует. Электрофон "Вега", вещь, по нынешним временам, реликтовая, почти антикварная. Пластинки... — Суворов перебрал стоящую рядом с проигрывателем пачку виниловых дисков, — тоже древность. В основном двадцатилетней давности производства фирмы "Мелодия". Книжки... Таковые отсутствуют. Очевидно, алкоголь и музыка полностью заполняли культурный вакуум данного индивида, не оставляя места для прочей ерунды. Одежда... — Суворов растворил древний платяной шкаф с мутным, расколотым пополам зеркалом. — Гардероб, конечно, весьма скуден, кое-какая джинсовая униформа, дубленка, или, скорее, полупубок из тех, что носят вохровцы. Питомник для моли. Обувка тоже соответствует... Что еще? — Он перевел взгляд на комод. На комод среди прочего хлама лежал здоровенный том в облезлом порыжевшем бархатном переплете. Суворов откинул верхнюю крышку. — Нечто вроде фотоархива. Начинается, естественно, с раннего детства твоего друга. Вот он сидит на горшке, внизу имеется надпись: "Первый вирзошник Шуры Доместикова". Видимо, это фамилия барабанщика. Вирзошник, насколько я знаю, на жаргоне лабухов — уборная. Так, дальше. Семья, родственники... Под каждой фотографией поясняющий текст. В общем-то, ничего любопытного. Так, а это что? Ничего себе. Смотри!

На фотографии была изображена похоронная церемония на кладбище. У открытого гроба стояли потрепанного вида мужчины, а ниже имелась надпись:

"Господина Шуру Доместикова провожают в последний путь.

Стучал всю жизнь на барабанах, а умер дома на диване.

Пред вами жертва суррогата и бестолкового медбрата".

— Почерк всюду один и тот же, — удивленно заметил Суворов. — Он, что же, сам себе эпитафию написал? Чепуха какая-то! Ты, Анатолий, приглядиись повнимательнее: этот ли человек пил с тобой портвейн, а потом завел в кукольный вертеп?

Толя долго таращился на фотографии.

— Вроде, он. В гробу, правда, лица не разберешь, а на остальных снимках он моложе, но похож, определенно похож.

— Где театр находится?

— Я же рассказывал... От Горбушки мы еще полчаса топали. Я тот район не знаю. Шли какими-то переулками, дворами... Помню только — домина шестнадцатизэтажный, внизу большу-

щий магазин, а в торце этот театрик. Только внутрь мы прошли через подсобки...

— Понятно. — Суворов взглянул на часы. — Время позднее. Пора по домам. Но в завершение еще несколько вопросов. Ты что собираешься делать дальше?

— В каком смысле?

— Будешь искать?

— Не знаю... Наверное, откажусь. Пойду к Дамкеру, расскажу, что и как. Он поймет. Старик хороший.

— А может, поработаем вместе?

— Вы это серьезно?

— А почему нет? Чувствую, дело сложное, канительное. Сроку у меня — неделя. Два дня уже прошло. Боюсь, не успею, а заказчик, похоже, серьезный. Поэтому для ускорения процесса готов привлечь тебя. Конечно, не бесплатно. Поделюсь, можешь не сомневаться. И в случае успеха дам значительно больше, чем твой Дамкер. Ваши с ним отношения — это твое дело. Я на долю не претендую. Так как?

— В общем-то, можно, — неуверенно произнес Толя, — хотя я не понимаю...

— Тогда так. Завтра отправишься к своему доброму Дамкеру и скажешь примерно следующее: "Ситуация весьма серьезная. Боюсь, Райский попал в беду. Отыскать его сложно — нужны дополнительные сведения". Пусть Дамкер нажмет на его мамашу, и та подробно расскажет о сынке, о его женах... Обо мне не упоминай. Как только переговоришь с мамашей, тут же звони по сотовому телефону. Вот номер. — Он протянул Толе визитную карточку. — И, смотри, не пей! На этом все. Пошли отсюда...

Глава 6

По некоему стечению обстоятельств как раз в этот момент на сцене появляется новый персонаж, чья деятельность придала всему действию совершенно иную окраску. Но все по порядку.

Валентин Никомедов был известен в многочисленных редакциях столичных изданий под прозвищем "Валюн", он не стремился стать "штатной единицей" даже самого крупнотиражного и престижного издания, предпочитая свободу. Газет в Москве десятки, и если подходить с умом, можно зашибать неплохую денгу, оставаясь при сем независимым. А со свободного художника какой спрос!

Валюн снимал однокомнатную квартиру в одном из спальных районов Москвы и вел нескудную холостую жизнь, хотя не то в Житомире, не то в Мелитополе у него имелись жена и ребенок. Был он легок в общении, нахрапист и не обидчив. Масса беспринципности плюс немного интеллекта — и можно ловить рыбку в мутной воде, что Валюн и делал.

Он проснулся от пиликанья пейджера, сонно протер глаза, глянул на экранчик... Только номер и краткое: "позвони". Но-

мер ничего ему не говорил. Валюн вставил дискету в компьютер и быстро разобрался, кто же его разыскивал. Он имел целый штат осведомителей, чьи имена и телефоны сохранял на специальной дискете, не доверяя записным книжкам. Саму же дискету тщательно прятал от посторонних глаз, поскольку на ней имелись десятки имен и номеров.

Номер звонившего по пейджеру на дискете имелся. Это был телефон паренька, работавшего санитаром в одном из моргов столицы. Звали его Саней. Время от времени он подкидывал Валюну дополнительную информацию о поступивших в его распоряжение примечательных трупах, например, убитых в ходе бандитских разборок или подстреленных киллерами. Парнишка достаточно надежен и не требователен, сотрудничал, можно сказать, ради спортивного интереса. Правда, когда Валюн попытался расспросить его о нравах, царящих среди низшего медперсонала моргов, об оплате целого ряда негласных услуг, Саня посмотрел на Валюна как на дурака.

— Э-э, нет, братан! — хмыкнув, кисло произнес он. — Мне работа, да и здоровье, дороже пары десятков баксов или бутылки вискаря. Данная тема закрыта, и не пытайся доставать меня. Кого другого — пожалуйста. Усек?

Валюн был человеком понятливым и не настаивал. Что, интересно, припас для него Саня на этот раз?

Он набрал номер телефона Сани и почти сразу же услышал его приветливый тенор:

— Чего надо?

Валюн назвалса.

— А-а, ты... Тут есть одна заморочка, как раз в твоем стиле.

— Выкладывай.

— Вокруг народу полно. Может, подъедешь? Базар лучше вести без свидетелей.

— Хорошо, — охотно согласился Валюн. — Через часок буду у тебя.

Его потрепанная "девятка" влилась в поток транспорта и довольно скоро доставила до места. Здесь, как всегда, царило нездоровое оживление. Подъезжали и уезжали катафалки. Непутешные родственники со скорбными лицами, на большинстве из которых, однако, читалось предчувствие скорого избавления от неприятной процедуры, понуро топтались возле выносимых гробов. Тут же сновали бойкие молодые люди с постными физиономиями, облаченные, несмотря на жару, в строгие черные костюмы, без стеснения подсакивавшие к скорбящим и предлагавшие свои услуги. Валюн равнодушно наблюдал за мелкой суетой и размышлял, как, наверное, веселятся покойники, если, конечно, имеют возможность видеть происходящее.

Появился Саня — упитанный молодой человек в белом халате, с круглым потным лицом, стриженный "под ноль".

— Здорово, — произнес он, небрежно протянув грязноватую ладонь, которую Валюн пожал с явной брезгливостью.

— Не морщись, не морщись, руки я мыл! Пиво есть?

— Откуда?

— Давай сгоняем. Жажда, понимаешь, замучила.

Валюн безропотно завел мотор. Надо, так надо.

— Ну, выкладывай, — потребовал он, направляя “девятку” к ближайшей торговой точке.

— А-а, да... Тут такая канитель... Понимаешь, трупак у нас пропал.

— Как пропал?!

— Хрен его знает. В этом и закавыка... Короче. Вчера, вернее, сегодня ночью, привезли мужика. Обычное дело. Менты обнаружили, вызвали труповозку... Как говорится, без признаков жизни. Чувак лет тридцати. Прикинут не хило, видно, что из крутых. Костюмчик фирмовый... от Кардена, или что-то в этом роде. Никаких повреждений на трупке нет. Сердце прихватило, или еще что... Карманы пустые, возможно, обобрали, правда, и обувь отсутствовала. Раздели его, положили на каталку и затолкали в угол. А когда через пару часов хватились, нету! Такой вот облом.

— Куда же он мог деться? — с искренним недоумением спросил Валюн.

Саня пожал плечами. Они подъехали к магазину. Саня выразительно посмотрел на Валюна, но ничего не сказал, однако все было понятно и без слов. Тот протянул медбрату пятидесятирублевку. Через пять минут Саня, отдуваясь, хлебал пиво прямо из пластикового баллона, а Валюн терпеливо ждал.

— Отлично! — прокомментировал свои действия Саня. — В самый раз пришлось...

— Давай дальше! — потребовал Валюн.

— Успеется, — ответил медбрат, — день длинный, после допью.

— Я не о пиве!

— А-а, про трупака... Загадочная история. Мы сначала решили, что его свои прибрали. Братки. Но вряд ли. Мы бы знали. Такое уже случалось. Обязательно бы подошли. А тут — никого.

— А он точно мертвый был?

Саня засмеялся:

— Думаешь, ошиблись? Пьяного подобрали? Нет, брат! Ручаюсь. Мертв на все сто.

— Какая же твоя версия?

— Даже и задумываться над этой канителью неохота. Чем больше мыслишь, тем хуже спишь. Может, ушел он...

— Чего?

— Нынче разное болтают, особо в последнее время.

— Ну, давай-давай, выкладывай!

— Ничего я не знаю, — неожиданно посуровел Саня. — Это твое дело расследованиями заниматься.

— Хорошо. А дальше как?

— Что дальше?

— Ну, с исчезновением. Вы сообщили в милицию, что труп пропал?

— Это дело начальства. Сообщат, наверное. С другой стороны, труп без документов, не опознан... Так что...

— И одежда пропала?

— Нет, почему... Одежда на месте.

— А можно на нее взглянуть?

— Подкинешь еще полтинник?

— Нет проблем.

— Я сейчас тебе его тряпки вынесу, — почему-то шепотом произнес Саня, когда они вернулись в морг. — Только постарайся просмотреть их побыстрее.

Медбрат убежал, а Валюн продолжал разглядывать мельтешащую перед моргом публику и одновременно раздумывал о только что услышанном. Из этого можно сделать конфетку, уйдет "на ура". Но нужны доказательства, иначе не поверят и будут совершенно правы.

Прибежал Саня со свертком под мышкой.

— Вот тряпки, — протянул он сверток Валюну.

— Поговорить еще нужно.

— Сейчас некогда. Вернись за вещами, тогда и потолкуем.

Валюн развернул сверток.

Вся экипировка тянет долларов на восемьсот. В кармане рубашки что-то прощупалось, и Валюн извлек пластиковую карточку — визитка какого-то ночного клуба или казино.

На одной стороне темно-серой, отливающей перламутром визитки было напечатано: "No Sfera Too", а ниже имелась эмблема — силуэт летучей мыши на фоне золотистой луны. На обратной стороне, под словами "Подпись владельца", стоял неразборчивый автограф. Значит, это все-таки визитная карточка некоего развлекательного заведения. Валюн был не большим специалистом по подобным местам, однако знал человека, который наверняка мог дать исчерпывающую информацию. Он достал сотовый телефон. Парень оказался на месте.

— Здорово, Петрович, как протекает светская жизнь? — Услышав, что на западном фронте без перемен, Валюн перешел к делу: — Ты такую контору знаешь, "No Sfera Too"? Пишется в три слова латинскими буквами, в последнем на конце два "о". Имеется эмблемка — летучая мышь на фоне луны, вроде, что-то мистическое. Визитка у меня в руках. Как не слышал? Ты? Нет, визитка на уровне. Не какой-нибудь самопал. Пластик и все такое, сама визитка серая. Узнаешь? А через сколько? Да, срочно!

Минут через двадцать вернулся Саня и спросил:

— Надыбал чего?

Валюн отрицательно покачал головой:

— Прикид неплохой, а так — пусто. Ты хоть опиши его.

— Покойника? Да я, собственно, и не видел. Не в мою смену это произошло, ночью, а я с утра заступил. Со слов, симпатичный парень, темноволосый... — Саня пожал плечами. — Да мы на них и не особенно смотрим. Трупак он и есть трупак. Чего его разглядывать? Режь да зашивай.

— А где его нашли?

— Опять же, прокол. Спроси чего полегче. Со всей Москвы везут... Это нужно в ментуру обратиться. Ладно, давай тряпки, я пошел. Делов выше крыши.

— Погоди минутку. Как ты все-таки объясняешь произошедшее?

— Почему я знаю! Объяснять — твое дело. Болтают, не первый случай за последнее время. Ну там всякие байки про оживших мертвецов — как в кино. Вроде кто-то занимается зомбированием. Но это всего лишь слухи. Ладно, бывай.

Некоторое время Валюн сидел задумавшись, обмозговывая слова Сани: "Кто-то занимается зомбированием". Интересный поворот. Зомби — в центре Москвы. Звучит классно! Если эту тему раскрутить, можно по-настоящему прославиться. Но нужны факты. Вскользь брошенная Санькой фраза о зомбировании подсказала тему будущего материала, а случай в морге должен стать его отправной точкой. Оставалось только найти консультанта, который бы посвятил Валюна во всю эту чертовщину, связанную с ожившими мертвецами и тому подобным бредом. Журналист порылся в памяти и обнаружил, что среди его знакомых такой человек имеется. Не долго думая, Валюн отправился к нему.

Мустафа Камирович Ахметов происходил из почти исчезнувшего племени московских дворников. Где-то в середине девятнадцатого столетия предок Мустафы Камировича прибыл в первопрестольную из города Касимова и по протекции своего земляка-старосты артели коновозчиков-гужевику пристроился махать метлой в доходные дома, принадлежащие купцам Найденовым. И сыны, и внуки касимовского татарина занимались тем же ремеслом. Ни революции, ни войны не смогли изменить уклада жизни семейства. Как были испокон веков Ахметовы московскими дворниками, так ими и оставались. И только Мустафа Камирович отступил от родового призвания. В пятидесятые годы закончил он Московский институт стали и сплавов, поработал на "Серпе и Молоте", потом двинул по научной части, защитил диссертацию, и до самой пенсии преподавал металловедение в одном из московских техникумов. Имелось у Мустафы Камировича хобби, которое он, выйдя на пенсию, довольно успешно превратил в источник существования. Всю жизнь Ахметов интересовался различными аномальными и потусторонними явлениями, собрал обширную коллекцию материалов по этим проблемам. Теперь же сам стал пописывать, занимательные его описания

охотно публиковали в периодической печати, в конце концов он даже издал книгу, посвященную “загадочным феноменам человека и Природы”, как говорилось в предисловии. Валюн познакомился с Ахметовым пару лет назад и время от времени общался с ним, справедливо полагая, что подобный человек когда-нибудь окажется полезным. Так оно и случилось.

Через час “девятка” Валюна остановилась перед воротами небольшого дома в одном из подмосковных дачных кооперативов. На стук долго не открывали. Наконец калитка скрипнула, и на пороге появился дородный седовласый татарин, облаченный в просторные семейные трусы и тубетейку. Некоторое время он подслеповато щурился на гостя, потом водрузил на тонкий с горбинкой нос очки с мощными линзами и наконец узнал Валюна. Особого восторга Мустафа Камирович не выразил, однако вежливая улыбка говорила, что посетителя примут.

— Здравствуйте, Мустафа Камирович, — с некоторым подострастием произнес Валюн.

— Салам, Валентин. С чем пожаловал?

— Хотелось бы побеседовать, — просительно заметил гость.

— Что ж, проходи.

Валюн двинулся вслед за хозяином. Тот провел его в просторную, увитую диким виноградом беседку, в которой стояли лужанка, покрытая ковром, и низкий столик с самоваром и чайными принадлежностями: пиалами и розетками с различными ваяниями.

— Чаю хочешь? — поинтересовался хозяин.

— В такую жару?

— Зеленый чай хорошо утоляет жажду, — со знанием дела сообщил Ахметов, — к тому же, прекрасно тонизирует.

— Раз так, то конечно...

Мустафа Камирович налил в расписную пиалу чай, протянул гостю.

— Итак, — заговорил он, с легкой усмешкой наблюдая, как Валюн с непривычки давится обжигающим напитком, — выкладывай...

— Хорошо вы тут устроились, — заметил Валюн, оглядывая окружающую обстановку, — в прохладе...

Хозяин кивнул, но промолчал.

— Да-с, — продолжил Валюн, — скажите, Мустафа Камирович, что вы знаете о зомбировании?

— Зачем тебе?

— Хочу написать материал.

— Тема уже несколько избита.

— То есть?

— Писали об этом все кому не лень.

— А я вот не писал.

— Что ж, лучше поздно, чем никогда, — хмыкнул Ахметов. — А почему вдруг именно о зомбировании?

— Есть кое-какие зацепки, — туманно заявил Валюн.

— Понятно. Ты, вообще, знаешь, кто такие зомби?

— Ожившие мертвецы, — бойко ответил Валюн. — Встречаются на Гаити.

— Правильно, только не совсем понятна твоя ирония. Коли собираешься писать материал, нужно относиться к вопросу более серьезно.

— Вы хотите сказать, они существуют на самом деле?

— Вот именно. Зомби — персонаж вудуистского фольклора. Согласно гаитянским поверьям, зомби — это мертвый человек или, более точно, лишенное души тело мертвого человека, который искусственным образом возвращен к жизни, обычно, с помощью магии. Все действия зомби являются механическими, как у робота. Поэтому живые люди, часто ведущие себя как автоматы, называются зомби, а приведение их в подобное состояние и есть зомбирование. Погоди минуту, сейчас я вернусь. — Ахметов ушел в дом и вскоре появился с книгой в руках. — Вот, послушай: “Будучи на первый взгляд сверхъестественной, “зомбификация” вуду имеет естественное объяснение... жертве давали сильный яд, обычно с пищей или через открытую рану. Жертва, получавшая это зелье, испытывала недомогание, головокружение, звон в ушах, что вскоре вызывало полную потерю чувствительности. После этого человек страдал от постоянного слюноотделения, потоотделения, головных болей и общей слабости. Кровяное давление и температура тела падали. Пульс становился частым и слабым. Затем у жертвы возникала задержка дыхания, после чего все тело прокрывалось синевой. Наступал полный паралич, и человек впадал в кому, по виду напоминая мертвого. Колдун извлекал тело из могилы и оживлял при помощи снадобья, получившего название “огурец зомби”. Утративший ориентацию, перепуганный и сломленный физический человек получал новое имя и становился рабом колдуна. Зомби нуждаются в минимальном пропитании. Говорится, однако, что они не могут употреблять соль, которая активизирует речевые способности, а также инстинкт, влекущий их назад к могилам”. Ну как, убедил?

Валюн пожал плечами:

— Допустим... Но это где-то там, далеко, в тропиках... Колдуны, “огурец зомби”... А у нас...

— Что у нас?

— Возможно ли, чтобы человек умер, а потом вдруг встал и покинул морг собственными ногами?

— Ты это о чем?

— Ладно, Мустафа Камилович, послушайте, что сегодня мне удалось выяснить. — И Валюн стал рассказывать о событиях в морге.

Ахметов слушал, не перебивая и ничем не выражая своих чувств, только поблескивающие глаза за толстыми стеклами очков выдавали его интерес к повествованию.

— И каково твое объяснение? — спросил он.

— Никакого. Я, собственно, к вам приехал именно за этим. Может, думаю, просветите.

— В последнее время о зомбировании много говорят и пишут, но, на мой взгляд, в девяносто девяти процентах это бредни психически неуравновешенных, а то и просто больных людей.

— А один процент?

— Возможно, за этим что-то стоит.

— Неужели?

— Еще в семидесятые годы на Запад просочились слухи: будто бы в СССР ведутся работы по психотропному воздействию на человека. Якобы специальные институты, подчиненные министерству обороны, разрабатывают методику воздействия на потенциального противника с целью лишить его воли, а, значит, и возможности сопротивляться. Методики, по сообщениям прессы, были разные: от использования высокочастотных генераторов до применения гипноза и психотропных препаратов. Слухи эти не нашли четкого подтверждения, однако, как известно, дыма без огня не бывает. К слову сказать, на Западе тоже велись подобные изыскания, этот факт, в отличие от нас, даже не отрицался. Но вот были ли достигнуты конкретные результаты, история умалчивает. Стопроцентных подтверждений не имеется. Хотя, безусловно, наработки наверняка имелись и у нас, и там. Так что в твоём рассказе нет ничего невероятного.

— Но кому это нужно?

— Да кому угодно. От спецслужб до разного рода шарлатанов, доморощенных колдунов и экстрасенсов. Сейчас с вашей журналистской подачи пресса публикует все что угодно, лишь бы читали. А публика верит... Во всяком случае, часть ее... Вот и ты... для чего пришел? Чтобы разузнать побольше и состряпать занимательный, щекочущий нервы рассказик.

— Я и не отрицаю.

— Вот именно! Но следует тебя предупредить, связываясь с подобной темой, ты, сам того не желая, влезает в крайне опасную ситуацию. Может, лучше не нужно?

— Да в какую ситуацию, Мустафа Камилович? О чем вы? Из морга пропал мужик... Всего-то делов! Найду его, разузнаю, что к чему... Не думаете же вы всерьез, что он был действительно мертв и вдруг ожил?

— Я думаю, не все здесь так просто, хотя, конечно, тебе виднее... Надеюсь, если удастся что-либо выяснить, проинформируешь меня.

— Нет проблем, — заявил Валюн и поднялся. — Хорошо тут у вас, прохладно и уютно, но нужно идти. Спасибо за консультацию.

Хозяин не стал провожать парня, он стоял в беседке и смотрел тому вслед.

Валюн сел в свою “девятку”, но заводить двигатель не торопился. Он обдумывал только что услышанное. Рассказ Ахметова был, конечно, занимательным, но ничего не прояснял. Конечно, факты, услышанные в беседке, можно использовать для антуража, но все равно нужно выяснить личность живого “мертвеца”. Значит, придется идти в таинственный ночной клуб с непроизносимым названием. Валюн вновь достал визитную карточку, найденную в кармане рубашки якобы умершего. “No Sfera Too”. Что, интересно, сие должно значить? Может, вернуться и спросить у старика, возможно, он знает? Нет, не стоит. Только время потеряешь. Нужно поскорее выяснить адрес этого заведения. И Валюн повернул ключ зажигания.

Глава 7

Суворов и Толя сидели в суворовском “фольксвагене”, стоявшем в переулке, неподалеку от толиного дома.

— А может, его замочили? — высказал предположение Толя.

— Может, и так. Но, опять же, в таком случае мне нужно знать: кто и зачем.

— А хоть как он выглядит? Ищем, ищем, а я его и в глаза не видел.

— Плохо, что не видел. Хреновый из тебя сыщик. А как выглядит, могу показать. На заднем сиденье лежит папка, передай, пожалуйста. Вот, смотри на здоровье. — Суворов протянул Толе фотографию. — Этот толстячок и есть Райский. Может, встречал?

Толя с минуту разглядывал снимок.

— Никак нет, — отрапортовал он по-солдатски.

Суворов протянул руку за фотографией, но Толя продолжал внимательно изучать лица.

— А вот тот мужик мне знаком, — сообщил он, ткнув грязноватым ногтем в лицо представительного седовласого мужчины.

— И мне... — машинально проговорил Суворов, но мгновенно спохватился. — А кто это?

— Ты же сказал, что знаешь его.

— Никак вспомнить не могу, где встречались. Так кто он такой?

Толя замаялся, он тоже не мог вспомнить имени человека с фотографии.

— Видел где-то...

— Вот и я тоже...

— Постой, постой... Да это тот самый...

— Кто?

— Волшебник... или фокусник... По телевизору его видел. Колдуном себя представляет...

— Опять нечистую силу вспомнил, — усмехнулся Суворов.

— Этот человек утверждает, что может оживлять мертвецов. Даже показывали... лежит голый мужик на каталке... Вдруг на-

чинает шевелиться. Сначала едва заметно. Потом рука дернулась... нога...

— Он что же, встал?

— Дальше не показали. Наверное.

— Чепуха!

— Да почему чепуха? Мы ведь сами были свидетелями... В квартире... В ванне...

— Послушай, дорогой! Ванная — это еще что, за день до этого я созерцал зрелище похуже. Помнишь? В кастрюле варится... отрезанная голова... И заметь, рядом со мной находилась Рита — третья жена таинственного Райского.

— Вы хотите сказать, потом никакой головы не было?

— Вот именно.

— Тогда как все объяснить?

— Если бы я знал... Скорее всего, использован гипноз или что-то в этом роде. А может, какая-то химия.

— Но зачем? Я не понимаю, кому потребовалось морочить нам головы и для чего?

— Ответ на этот вопрос, скорее всего, прояснил бы для нас истинное лицо Райского. Кто-то просто желает, чтобы мы прекратили поиски. Давай-ка разыщем его вторую жену. Как там ее?... Алевтину. Как мне кажется, нужно плясать именно отсюда.

— Да где же ее искать?

— В кукольном вертепчике, который ты так красочно описал.

— Но я не знаю адреса!

— Не беда. Попробуем выяснить. Как я понял, это где-то в Филях? Вот и поехали туда.

Машина тронулась и влилась в транспортный поток. Было три часа дня. Знойный день пылал в полную силу. Даже воробьи куда-то попрятались, и гнетущая тишина повисла над расплавленным асфальтом.

— Гроза собирается, — изрек Суворов.

— А где мы?

— В Филях, где же еще!

— Я ничего не помню. Надо бы спросить у кого-нибудь. А вот и подходящая малютка. — Толя указал на девочку, вынырнувшую из-за кустов с лохматой собачонкой на поводке.

Машина притормозила. Суворов вышел на тротуар и приблизился к девочке.

— Скажи нам, душенька, кукольный театр имеется в вашем районе?

— Дашь доллар, покажу, — без малейших раздумий заявила бойкая малышка.

— Однако! — изумился Суворов. — Вот она, нынешняя молодежь! Только нажива на уме. Что из такой соплихи вырастет?

— Что нужно, то и вырастет, — не растерялась девочка, — на себя лучше посмотрите. Так я пошла?

— А десять рублей тебя не устроит?

— Можно, — тут же согласилась девочка. — Давай...

Суворов со вздохом протянул ребенку купюру, ожидая продолжения.

— Это там...

— Нет уж, садись вместе со своим псом в машину и показывай.

Ребенок уверенно руководил движением, и довольно быстро они отыскивали нужный дом, что несколько удивленно подтвердил Толя. И вывеска и замок оказались на месте.

— Только он никогда не работает, — прокомментировала девочка, — мама говорила... Она хотела меня сюда сводить, но все время закрыто.

— Разберемся, — сказал Суворов, — за тем и приехали. Ну, будь здорова, надеюсь, вырастешь в хорошего человека, а меркантильность не помешает. Пошли, — скомандовал он Толе. Они остановились перед запертой дверью. — Театр марионеток "Коломбина", — вслух прочел Суворов. — Интересно, что это за Коломбина такая... Уехали на гастроли в Потьму? Ничего себе! Чуть какая-то!

— Почему же? — спросил Толя.

— Ты знаешь, где эта Потьма находится?

Толя пожал плечами.

— В Мордовии... Там кругом лагеря...

— Да какая разница.

— Ведь не пионерские же! Они, по-твоему, зекам кукольные представления отравились давать? Явная туфта. Ну ладно. Хотелось бы заглянуть во внутренности этой Коломбины.

— Простой раз мы шли через гастроном, — сообщил Толя. — Через какие-то подвалы...

— На этот раз пойдем другим путем. — Суворов присмотрелся к замку. — Ничего сложного, откроется в две секунды. Кстати, им время от времени пользуются, следов ржавчины не видеть. — Он вернулся к машине, принес оттуда связку ключей и стал выбирать подходящий.

— А если увидят? — неуверенно произнес Толя.

— Кто? До нас никому нет дела. Сейчас вообще люди стараются не обращать внимания на происходящее вокруг.

Замок щелкнул. Круто вниз во мрак уходили ступеньки. Потянуло холодом и сладковатым запахом. Суворов повел носом, поморщился:

— Странная вонь.

— Там внизу склады, холодильники...

— Разберемся, какие там холодильники. — Суворов достал из сумочки небольшой, но мощный фонарик и двинулся вперед.

Толя поплелся следом. Ему все больше казалось, что он совершает глупость, хотя и непонятно, какую именно. Ступеньки уперлись в дверь, отворив которую, они очутились в совершенно пустом помещении, слабо освещенном парой слабеньких электрических лампочек.

— Это, что ли, театр? — удивленно спросил Суворов, обернувшись к своему напарнику. — Убранство не блещет богатством, а ведь ты рассказывал про небывалую роскошь. Так где же она?

Толя недоуменно озирался.

— Не знаю, — смущенно промолвил он, — все было по высшему разряду. Может, мы не туда попали?

— Может, и не туда, — согласился Суворов. — Будем искать. Вон, в углу еще какая-то дверь имеется.

Но и за этой дверью их ждала все та же картина: голые бетонные стены, пустые пространства без намека на присутствие человека. Луч света вырвал из мрака обрывки газет на полу, какие-то измятые картонные ящики... Суворов вздохнул.

— Но я не обманываю! — закричал Толя.

— Спокойно. Не нужно орать. Не сомневаюсь в правдивости твоего рассказа. Вот только не верю, что ты видел именно то, что так живописно описал.

— Как же это может быть?

— Объяснить пока не могу, но чувствую, нас водят за нос, да еще как! Ладно, продолжаем поиски. Только прошу тебя, не говори, что бы ни увидел. Сохраняй спокойствие.

— А куда дальше?

— Вон еще дверь имеется. — Суворов потянул за ржавую железную скобу. — Прямо бункер фюрера! Но что это? Тут, похоже, следы обитания человека, хотя отнюдь не бархатные кресла...

— Холодильник, — чуть слышно пояснил Толя.

— Точно, склад мясопродуктов.

— Я, кажется, проходил здесь в прошлый раз, когда шел через подсобку магазина.

Внутренность холодильника была так же слабо освещена, как и остальные помещения. Электрический свет едва пробивался сквозь укутанные инеем сетки плафонов. Было очень холодно. Стены склада покрывал толстый слой изморози. Вдоль стен на крюках рядами висели едва различимые в сумраке мясные туши.

— Пойдем быстрее отсюда, — взмолился Толя. — Я совсем задул.

— Погоди, браток. Кажется, представление начинается. Глянь-ка сюда... — Луч фонарика уткнулся в одну из висящих на крюке туш, и Толя невольно вскрикнул. Перед ними находилась вовсе не освежеванная хрюшка, а человек, вернее то, что от него осталось после соответствующей обработки. Металлический крючок продет под лопатку, голова безжизненно свисает на грудь.

Толя застыл, скованный не холодом, а ужасом, который вызывало зрелище, открывшееся перед ним. Однако Суворов, похоже, не был напуган. Он приблизился к висящему труп и за волосы приподнял голову.

— Узнаешь?

— Ой, — выдохнул Толя, — барабанщик...

— Ага-ага...

Толя пригляделся повнимательнее. Перед ним точно висел несчастный Шура Доместиков, совсем недавно выступавший в роли провожатого.

— Не тот ли, который уже один раз якобы умер? — как бы между прочим поинтересовался Суворов. — Эпитафию мы с тобой еще видели в альбоме... как там... "пред вами жертва суррогата..."

— "... и бестолкового медбрата", — машинально закончил Толя.

— Точно. — Суворов ударил по плечу трупа ручкой фонарика. Раздался глухой звук, словно стучали по дереву. — Насквозь заморожен. Отлично.

Что уж тут отличного, Толя не понял. Больше всего в эту минуту ему хотелось убраться куда-нибудь подальше.

— А нет ли среди этого мясного ряда еще знакомцев? — Суворов как ни в чем не бывало двинулся вдоль страшного ряда. Толя остался на месте. Он старался не смотреть на труп барабанщика, однако время от времени невольно скашивал на него глаза и тут же отводил взгляд в сторону.

— Эй, Толяныч! — услышал он голос Суворова. — Давай-ка сюда!

— Зачем?

— Поспешай, браток, тут еще кое-что интересное обнаружилось. Причем, именно для тебя.

Парень нехотя поплелся вдоль туш. Суворов стоял возле одной и светил фонариком.

— Ну как тебе?

Подняв глаза, Толя ощутил неожиданную слабость в коленях и чуть не сел на ледяной пол. На крюке болтался... он сам! Ужас сковал парня. Глаза вылезли из орбит, затылок налился свинцом. Бессмысленно разевая рот, Толя таращился на свою копию, не в силах вымолвить ни слова. Его двойник оказался подвешен таким образом, что голова не лежала на груди, а находилась в вертикальном положении. Глаза несчастного были широко раскрыты и наполнены жизнью. Не страдание и боль излучали они, а откровенную насмешку. При этом тело повешенного оставалось совершенно неподвижным.

— Что скажешь? — спросил Суворов. — Смотри! — Он ухватил пояс джинсов мертвеца и дернул за него. Висящий даже не шелохнулся.

— Примерзли, — наконец изрек Толя.

— Какое примерзли! Идиот! — Суворов, видимо, начинал терять присущее ему самообладание. — Вот смотри! — Он извлек из кармана небольшой, но чрезвычайно острый складной нож и попытался разрезать на висящем одежду. Нож издавал звук, точно царапали по стеклу, но результатов не последовало. Одежда словно составляла одно целое с телом.

— Въехал?!

— Нет.

— Это иллюзия! Нет здесь трупов! Нам морочат голову, не пойму, каким образом, но совершенно очевидно. Жути напускают. Рассчитывают на слабонервных. Не на таких напали.

Лишь только были произнесены эти слова, как все вокруг пришло в движение. Вначале изменилось освещение. Едва мерцавшие лампочки-заморыши вдруг преобразились в ярчайшие прожекторы, залившие все вокруг ослепительным светом. Могильный холод тотчас пропал. В помещении заметно потеплело, а через несколько минут воцарилась настоящая жара.

— Может, пойдём отсюда? — неуверенно произнес Толя, вытирая потной ладонью мокрое лицо.

— Думаешь, поджарят?

— Не знаю я...

— Погоди, посмотрим, что дальше будет.

Жара становилась нестерпимой. Ослепительный свет померк, стены испускали слабое малиновое сияние. Новый приступ ужаса охватил Толю, не разбирая дороги, он бросился к выходу и рванул стальную дверь. Она не поддавалась. Толя упал на пол и, обхватив голову руками, стал ждать смерти. Он чувствовал, как отделяется мясо от костей, как закипает мозг... Сознание оставило его...

— Вставай, — вдруг услышал он и почувствовал осязаемый пинок под ребра. — Нашёл время валяться, все кончилось.

Толя поднялся с бетонного пола и огляделся. Рядом стоял Суворов и насмешливо смотрел на него. Ни мертвецов, ни раскаленных стен вокруг не наблюдалось. Перед Толей находился все тот же слабо освещенный пустой бетонный подвал.

— А где же... — недоуменно спросил он.

— Пойдем, — потянул его за руку Суворов.

Толя поплелся следом. Он вообще перестал что-либо понимать.

Они вошли в другое помещение. Похоже на заколдованный лабиринт, по которому можно скитаться до бесконечности. Вновь стал наползать страх. Шаги гулко отдавались в пустом пространстве. Молчание Суворова казалось Толе зловещим, но ничего другого не оставалось, как идти следом за напарником. Суворов отворил новую дверь, и Толя вскрикнул. Он тотчас узнал комнату, в которую они попали. По стенам стеллажи с куклами, стол завален лоскутами пестрых тканей, обрезками картона и папье-маше, а за столом сидит... Нет! Все не бесцветная

блондинка средних лет, которую, кажется, звали Аля, а древняя старуха с крючковатым носом, горбатая, страшная... вылитая ведьма.

— Вот здесь я был, — сообщил Толя, приглядываясь к бабке.

— Очень интересно, — отозвался Суворов. — Может, познакомишь...

Старуха подняла на вошедших глаза, нижняя губа отверзлась вниз, словно древний кошель, показались желтые клыки.

— Не видать вам его, — неожиданно изрекла старуха. Голос оказался хриплым и дребезжащим, именно так и должна говорить ведьма

— Кого? — спросил Суворов.

— Да того, кого вы ищете!

— А кого мы ищем?

— Вам виднее, ребятки. Только не сыскать его вам.

— Почему?

Неожиданно старуха оторвалась от своего стула и, взлетев, зависла над столом. Это зрелище оказалось настолько страшным, что Толя от ужаса заикал. Черное тряпье, в которое была облачена ведьма, колыхалось, раздуваемое непонятно откуда идущим сквозняком. В комнате вдруг сильно похолодало, как будто включили мощный кондиционер. Однако Суворов, видимо, не очень испугался новых трансформаций. Он схватил со стола большие портновские ножницы и что есть силы запустил в старуху. Железо звякнуло о железо. Ведьма исчезла. Суворов молча кивнул Толе, предлагая следовать за собой.

Как и сколько времени они выбирались из подвала, Толя так и не понял, но через некоторое время оба следопыта сидели в суворовском "фольксвагене".

— Н-да, — произнес Суворов, ни к кому конкретно не обращаясь. — Странны дела твои, Господи.

— Что это было? — хрипло спросил Толя.

— А ты как думаешь?

Толя промолчал.

Суворов пожал плечами:

— Возможно, гипноз, или нечто в этом роде... Однако я, по здравому разумению, делаю следующий вывод. Нас никто не пытался физически уничтожить, да и напугать можно было проще и эффективнее. Складывается такое впечатление, что мы действительно участники некоего спектакля. Кому это нужно и для чего, я не понимаю. На нас явно испытывали некие технологии. В другое время я бы, конечно, заинтересовался, но сейчас мне нужно во что бы то ни стало разыскать пресловутого Райского или хотя бы его следы. Не сомневаюсь, во всем происходящем он, конечно, замешан, но где найти концы? Прошло три дня, а я по сути ничего не узнал. Что делать дальше, куда направить поиски? Я не знаю. А ты?

— Фотография! — вдруг вспомнил Толя. — На которой он с какими-то людьми. Одного я как будто узнал.

— Да-да, — встрепнулся Суворов. — Ты говорил: по телевизору видел, колдун или фокусник. Нужно выяснить, кто он такой и какое отношение имеет к Райскому.

Глава 8

Почти в то же самое время вольный стрелок от журналистики Валентин Никомедов, он же Валюн, выяснил наконец адрес ночного клуба с непонятым названием "No Sfera Too". Далось это нелегко, а, главное, недешево. Вокруг загадочного досугово-го центра развели невероятную таинственность, что казалось в высшей степени странным, учитывая тягу подобных заведений к известности. Даже признанный специалист по значным местам Петрович не владел информацией на этот счет. Видимо, данное обстоятельство его очень задело. В конце концов он выяснил адрес. По словам Петровича, обошлось ему это в пятьдесят баксов. Валюн мысленно усомнился, но спорить не стал. Пятьдесят так пятьдесят.

Он потратил добрых два часа, разыскивая нужную улицу. Вот и номер дома. А где же ночной клуб? Ни вывески, ни ярко освещенных окон, за которыми мелькают тени и слышится оглушительная музыка.

Валюн припарковал машину, вышел. Обычная, без резьбы и украшений, дверь. На двери засветилась небольшая щель. Для чего? Скорее всего, туда нужно бросить визитку. Валюн так и поступил. Прошло несколько секунд, дверь мягко отъехала в сторону, и он шагнул через порог.

У входа мужчина средних лет, борцовской наружности внимательно оглядел прибывшего.

— Визитку верните, — стараясь вести себя как можно увереннее, потребовал Валюн.

— При выходе, — пробасил привратник.

Ну и ладно, решил про себя Валюн и осмотрелся.

Он, хотя и не часто, но бывал в подобных заведениях. Отличительной их особенностью являлась исступленно гремящая музыка, полумрак, прорезываемый лучами прожекторов и стрелами лазеров, пьяный гомон. К изумлению Валюна, ничего подобного здесь не наблюдалось. Музыка, правда, имелась, собственно, даже не музыка, а некий шумовой фон, напоминающий не то гул морского прибоя, не то шорохи ветра в верхушках сосен. Обстановка тоже вызвала недоумение. На первый взгляд, доминировал восточный стиль. На полах ковры, вместо столов и стульев низенькие пуфики, вычурные козетки. Полумрак присутствовал, но осветительные приборы были искусно спрятаны в складках драпировок. Пахло экзотическими ароматами неведомых курений.

Но стоило поднять голову, как картины, навеянные сказками Шехерезады, переходили в интерьер, более подходящий

промышленному предприятию или научной лаборатории. Валюн вначале решил, что помещение клуба переделано на скорую руку именно из какого-нибудь цеха, но, присмотревшись, понял — перед ним искусная стилизация.

Помещение ночного клуба представляло собой довольно большой круглый зал, как уже говорилось, обставленный в восточном стиле. По верху зала располагалась галерея, на которую вели две лестницы. По потолку шли какие-то трубы, выкрашенные яркой краской. Их переплетение создавало причудливый узор, напоминавший то ли схему метрополитена, то ли макет кровообращения кашалота. Кроме труб имелись щиты с циферблатами, индикаторами и другими приборами непонятного назначения, щиты, изготовленные, скорее всего, из полупрозрачного пластика, испускали слабое свечение, стрелки индикаторов чуть заметно подрагивали, и Валюн решил, что гул, который он первоначально принял за музыку, на самом деле шум работающего оборудования.

Народу присутствовало немного — человек двадцать-тридцать, причем публика опять же вызывала недоумение. Посетители были либо обкурены, либо медитировали. Друг с другом они почти не общались. Кто-то полулежал на козетке, некоторые с отсутствующим видом бродили из угла в угол, другие неподвижно застыли у стен.

Уж не на сборище ли умалишенных я попал? — с тревогой подумал Валюн. С одной стороны, его разбирало любопытство, с другой — привычная наглость куда-то исчезла, уступив место некоторой робости.

Появился официант, наряженный опереточным арабом, с подносом в руке. Он подходил к каждому из присутствующих, молча кланялся и протягивал поднос, предлагая напитки. Валюн взял фужер и пригубил жидкость. Напиток показался похожим на мартини с привкусом текилы, и он одним глотком опорожнил фужер. Несмотря на кажущуюся слабость, питье неожиданно ударило в ноги, и Валюн машинально присел на пуфик. В голове вдруг стало светло и искристо, словно она наполнилась хрустальным дымом. Видно, в напиток добавлен какой-то наркотик, сообразил Валюн.

Через полчаса официант появился вновь. На этот раз Валюн фужер не взял, опасаясь пропустить самое интересное, а в том, что программа мероприятия не ограничивалась коктейлями, он не сомневался. Не прошло и десяти минут, как раздались переливчатые звуки колокольчиков, и на середину зала вышел пожилой седобородый человек в просторных белых одеждах и чалме. Присутствующие проявили слабый интерес. Некоторые привстали, кто-то приблизился к седобородому.

— По традиции нашего клуба... — глубоким баритоном начал вещать седобородый, — мы припасли для вас нечто интересное. Нечто такое, что возбуждает и ужасает... Ничего подобного вы не

увидите нигде. Это зрелище только для посвященных, то есть для вас, истинных ценителей и знатоков магии и оккультизма. Встречайте, магистр черной магии господин Леонард!

Седобородый несколько раз хлопнул в ладоши — в ответ раздалась жидкие аплодисменты зрителей. Неожиданно посреди зала возник высокий худощавый человек, одетый во все черное. Вновь послышались нестройные хлопки.

— Вы уже имели счастье познакомиться с искусством господина Леонарда, — продолжал седобородый, — но сегодня он продемонстрирует вам... — тут седобородый сделал паузу и обвел присутствующих горящим взглядом — ... воскрешение из мертвых! — Баритон седобородого перешел в фальцет, и он вскинул руки над головой, словно взывая к некой высшей силе.

Послышался скрип. Маленький сгорбленный человечек, похожий на гнома, выкатил на середину зала каталку, на которой лежало обнаженное тело. Валюн присмотрелся. Это был мужчина лет тридцати, крепкого сложения.

— Подойдите сюда, — услышал Валюн и не сразу понял, что обращаются именно к нему.

— Да-да. Именно. Вы здесь новичок, и, как я заметил, относитесь к происходящему с некоторым скептицизмом. — Произнеся данную тираду, седобородый поманил Валюна к себе.

Тот приблизился.

— Вы, похоже, сомневаетесь, что перед вами труп? — обыденным голосом спросил Леонард.

Валюн слегка развел руками, не подтверждая, но и не опровергая подозрений в своем неверии.

— Тогда убедитесь сами. Дотроньтесь до него...

Перспектива щупать какого-то голого мужика не из приятных, но профессиональный интерес пересилил брезгливость. Валюн прикоснулся к бедру. Тело действительно оказалось холодным, как лед.

— Убедились?

Валюн пожал плечами.

— Значит, и теперь не верите? Тогда сделайте вот что. — В руках Леонарда появилось длинное острое шило. — Проткните ему сердце!

Валюн в изумлении уставился на Леонарда.

— Не бойтесь, ведь он мертвый.

— А если живой?

— Если проткну я, вы решите, что это трюк.

— Я могу, — заявил седобородый.

— Отпилите ему голову! — выкрикнул кто-то позади Валюна.

— Это лишнее, — спокойно заметил Леонард. — Вот, убедитесь, все подлинное. — Он протянул шило Валюну, который невольно взял в руки зловеющий предмет. Повертел шило в руках: на вид, вроде, настоящее, но кто их знает, этих фокусников.

— Давайте сюда, — сердито сказал седобородый. Видимо, он был недоволен поведением Валюна.

— Хорошо, я сам, — неожиданно согласился Валюн. — Попробую...

— Почему вы медлите? — строго спросил Леонард. — Не знаете, где находится сердце?

— А где?

Седобородый презрительно хмыкнул.

— Колите вот сюда, — показал Леонард.

Валюн размахнулся и всадил шило в труп. Рука дрогнула, острое уперлось в ребро, и Валюн непроизвольно отдернул руку.

— М-да! — прокомментировал седобородый.

— Ничего, — успокаивающе произнес Леонард. — Этого вполне достаточно. Ну, теперь убедились?

Валюн кивнул головой, подтверждая, что вполне убедился.

— А может, еще раз? — ехидно спросил седобородый.

Но Валюн уже отошел от каталки. Экспериментов с него достаточно. Он убедился — лежащий на каталке действительно мертв. Из раны не выкатилось ни капли крови, а сам укол не вызвал ни малейшего движения.

— Итак, скептик посрамлен, — насмешливо заметил седобородый. — Магистр, приступайте!

Свет в помещении совсем померк, зато откуда-то сверху прямо на каталку ударил ослепительный луч, отчего на распростертом теле рельефно обозначились каждый волосок, каждая складка.

Леонард склонился над трупом и стал делать над ним медленные пассы руками. При этом он что-то шептал себе под нос. Валюн смотрел во все глаза — ничего не происходило, труп оставался неподвижным. Так продолжалось минут пятнадцать.

Первые мгновения наблюдая за действием, Валюн испытывал томительное беспокойство, но, поскольку ничего не происходило, сумятица в голове улеглась и уступила место привычной иронии. Движения рук Леонарда напоминали взмахи крыл огромной черной курицы. Это сравнение мгновенно пришло в голову Валюну, и он ухмыльнулся. Похоже, его настроение разделяли и некоторые из присутствующих. Позади послышались приглушенные смешки. Однако Леонард не обращал внимания на реакцию посетителей, его смуглое лицо покрылось капельками пота, и стоявший довольно близко Валюн понял, что смуглость эта — результат наложенного грима. Теперь же от жары и интенсивных движений грим как бы съехал в сторону, и Валюну явственно почудилось, что под толстым слоем косметики скрывается совсем другое лицо. И не лицо, тоже маска, но совсем другого свойства, жуткая личина, принадлежность которой трудно обозначить.

Сформулировать свои ощущения Валюн в данный момент не смог, он только ощутил мгновенный озноб, почувствовав, как

покрывается пупырышками гусиной кожи. Это уже было не беспокойство, а приступ животного ужаса, какой испытываешь, скажем, когда на ночной улице перед тобой внезапно вырастает темная фигура. Валюн непроизвольно сглотнул, ему захотелось поскорее исчезнуть отсюда, но он стоял как вкопанный и наблюдал за действиями Леонарда.

— Мне мешают, — неожиданно прервав свои манипуляции, громко произнес Леонард. — Вот он!.. — и указал пальцем на Валюна.

По толпе зрителей пронесся легкий ропот.

— Молодой человек... — повернулся к Валюну седобородый, который все это время оставался рядом с Леонардом и внимательно наблюдал за происходящим. — Молодой человек, пойдете-ка со мной.

— Но я... но мне...

Рядом с Валюном выросла фигура привратника. Он сжал локоть правой руки журналиста, и тому ничего не оставалось, как последовать за седобородым. Его провели сквозь строй присутствующих, и Валюн услышал злое шипение, несшееся со всех сторон в его адрес.

Небольшая комнатка скорее напоминала кабинет следователя, а не офис хозяина ночного клуба. Сесть не предложили, просто привратник нажал на плечи, заставив Валюна рухнуть на стул.

— Вы, собственно, кто? — холодно спросил хозяин.

— А почему вы так со мной обращаетесь? — в свою очередь задал вопрос Валюн.

— Как к вам попала визитная карточка нашего клуба?

— Одолжил приятель.

— Как фамилия вашего приятеля?

— Это что, допрос?

— Именно. Мефодий!..

Привратник резким движением вывернул руку Валюна так, что тот взвыл от боли.

— Повторяю вопрос: где вы взяли визитку?

— У приятеля.

— Фамилия?

Валюн молчал.

— Мефодий...

На этот раз боль стала вовсе нестерпимой.

— Можете орать сколько угодно, — спокойно сообщил седобородый. — Здесь никто ничего не услышит. А правду вам все равно придется рассказать.

Валюн давно понял, что попал в неприятную историю. Такое с ним уже случалось, и опыт подсказывал: на грубость нужно отвечать наглостью. Авось, проскочит.

— Я журналист, — сообщил Валюн. — Веду независимое расследование, и в случае, если...

— Ваше удостоверение.

— Что я, дурак, идя в такой шалман, как ваш, таскать с собой удостоверение?

— Как вас зовут?

Валюн назвал.

Седобородый достал мобильный телефон.

— Такая фамилия тебе что-нибудь говорит? — поздоровавшись, спросил он у человека на другом конце линии. — Нет? Ясно. А вообще, о подобном человечке слышал? Понял, понял... Ладно, благодарю. Вас не знают, — убирая трубку, повернулся седобородый к Валюну.

— Так я стрингер, — отпарировал Валюн, — вольный стрелок...

Седобородый качнул головой, принимая это сообщение к сведению.

— Работаю исключительно на свой страх и риск, но по согласованию с редакциями. Обычно штатные сотрудники не решаются затрагивать слишком скользкие темы. А я не боюсь...

— Неужели? — иронически бросил седобородый. — Продолжайте, пожалуйста.

— В последнее время по Москве поползли зловещие слухи, — осмелел Валюн.

— Какие, например?

— Про зомбированных! Будто бы оживляют мертвецов и пускают их гулять по городу. Вы не хуже меня знаете, кто такие зомби... А может быть, и лучше.

— Это уж точно, — подтвердил седобородый не предвещавшим ничего хорошего тоном. — Где ты визитку взял, урод!

— Полегче с уродами! Из морга пропал труп. Говорят, сам ушел. А одежда его осталась. Ну, в кармане брюк и нашел визитку. Она положила начало журналистскому расследованию.

— А знаешь, что положит ему конец? Ты не в штате, и, похоже, даже не имеешь московской прописки, так что искать тебя не будут, мало ли что может случиться с вольным стрелком. Возможно, в свою очередь, его подстрелит кто-то более проворный. Так что, стрингер, пожалуй, превратим тебя в зомби. — Седобородый хохотнул. — Вот тогда узнаешь все, как говорится, изнутри. Ладно, если хочешь жить, иди себе и больше под ногами не путайся. Встречу тебя во второй раз, все кончится весьма печально. Будь здоров!

Валюн попытался что-то возразить, но слушать его больше не желали.

Мефодий крепко схватил его за руку, сжал ее так, что Валюн невольно вскрикнул, и потащил за собой. Они прошли темными коридорами и остановились перед дверью. Тут все и началось. Мефодий обрабатывал его недолго, но весьма профессионально. Бил очень больно, и когда экзекуция закончилась, и дверь рас-

творилась, почти потерявшего сознание Валюна вышвырнули на улицу.

Глава 9

— Если ты, как утверждаешь, видел этого человека по телевизору, то установить, кто он такой, элементарно, — сказал Суворов, страхивая с рубашки хлебные крошки. Напарники выпили, перекусили и теперь отдыхали. Происходило это все у обочины оживленной московской улицы. — Ты как, примешь участие в дальнейших поисках? Или домой тебя отвезти?

— Всегда готов! — отрапортовал Толя.

— Времени у нас немного, поэтому придется увеличить темп. Сейчас я позвоню, и если интересующий меня человек на месте, едем в Останкино. Нужно разобраться до конца с личностью на снимке рядом с Райским. Колдун он, как ты утверждаешь, или еще кто...

Разговор по телефону продолжался недолго. Суворов сообщил, что срочно нужна помощь в установлении одной личности и что это очень важно.

Почти совсем стемнело, когда "фольксваген" въехал на территорию Останкино и остановился перед одним из подъездов здания телецентра. Скоро оттуда вышел какой-то человек и направился к машине.

— Пересядь назад, — скомандовал Суворов Толе.

Человек подошел к машине, отворил дверцу и устроился рядом с Суворовым. Только тут Толя разобрал, что это женщина. Запахло терпкими духами, женщина поздоровалась и сразу же перешла к делу:

— Так что у вас?

— Нужно установить личность одного субъекта. Вот, взгляни. — Суворов достал фотографию и посветил на нее фонариком. — Вот этот. Говорят, не то колдун, не то экстрасенс...

Женщина с минуту разглядывала снимок.

— Да, знакомое лицо. Лично не общалась, но кое-какой информацией располагаю. Зовут его Леонардо... или Леонард. Не уверена, что это настоящее имя. Специалист по оккультизму. Представляется белым магом. О нем делала передачу... — Она назвала фамилию известной тележурналистки. — Скорее всего, материал заказной. Этот Леонард демонстрировал разные чудеса. Традиционный набор: общение с потусторонним миром, телепатия... Между прочим, пытался оживить мертвое тело. Хотя этот фрагмент не вошел в сюжет. Редактор был категорически против.

— А что, у него действительно получилось? — заинтересовался Суворов.

— Якобы, да. Дама, готовившая сюжет, была, по ее словам, просто в шоке. Говорит, своими глазами видела: вначале ше-

вельнулась рука, потом по телу как будто пробежал электрический разряд, и оно попыталось подняться. Но эксперимент не был доведен до конца.

— Почему?

— Якобы она страшно испугалась и попросила прекратить, мол, и так убедилась в его способностях.

— Не фокус ли?

— Я тоже засомневалась. Но она утверждает: стояла рядом, тщательно следила за действиями Леонарда.

— А где все происходило? Воскрешения эти?..

— У Леонарда имеется нечто вроде клуба. Именно там...

— А какой у клуба адрес?

— У меня где-то записано. Перезвонишь, я сообщу.

— Отлично. Еще подробности. Кто он? Откуда взялся? Биография...

— Ничего не известно. Темная личность. Поговаривают, раньше имел какое-то отношение к органам...

— Коллега, значит, — иронически произнес Суворов. — Мы все служили понемногу... Какая же у него настоящая фамилия?

— Я же сказала, никто не знает.

— Что ж, спасибо.

— Так я пошла?

— Как скоро тебе перезвонить?

— Минут через пятнадцать. Естественно, никакого разговора у нас не было.

— Само собой.

— Н-да, — заметил Суворов, когда женщина вышла. — Если это не мистификация, тогда что? И, тем не менее, хоть какой-то свет забрезжил. Имеется клуб... Сейчас узнаем адрес и туда.

— Да ведь поздно уже. Вряд ли там кто-то есть.

— Для темных дел ночь — самое подходящее время, — резонно возразил Суворов и достал мобильник...

Хотя и не без труда, искомый клуб все же был найден. Суворов припарковал машину напротив входа и, приказав Толе сидеть тихо, вышел на улицу. Толя наблюдал, как его напарник подошел к двери, покрутился возле нее, потом обошел фасад здания и завернул за угол. Его не было минут десять. Наконец он вернулся и сообщил Толе:

— Внутри определенно кто-то есть. Будем ждать.

— А может, пойдем туда?

— Кто нас пустит? Да и зачем? Наберись терпения.

— Если в этом клубе имеются люди, тогда где машины?

— Какие машины?

— На которых они приехали. Обычно возле ночных клубов столпотворение тачек, а тут — ни одной.

— Верное наблюдение. И обрати внимание, вокруг ни души. Почему?

— Так время же позднее...

В эту минуту клубная дверь широко распахнулась, и оттуда вылетел, грохнувшись на тротуар, какой-то человек.

— Тащи его сюда, — распорядился Суворов.

Толя подскочил к человеку и, схватив его за руку, молча потащил к "фольксвагену".

— Ой, больно! — взвыл неизвестный. — Отпустите! Что вы хотите со мной сделать?

— Не бойтесь, — успокоил Толя, — мы вам поможем.

— Оставьте меня, ради Бога! — продолжал кричать человек. — На помощь!

Подскочивший к ним Суворов зажал неизвестному рот и затолкал его в машину. Неизвестный забился в угол и тихо постанывал. Суворов направил на него луч фонарика. Перед ними находился совсем молодой парень, видимо, сильно избитый.

— Ты кто такой? — строго спросил Суворов.

— А вы?.. — задал в свою очередь вопрос молодой человек.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — еще строже произнес Суворов. — А то...

— А кто вас избил? — участливо поинтересовался Толя.

— Да эта сволочь! — плаксиво произнес Валюн. — Там, в клубе... Как его... Мефодий. А вы не из милиции?

— А если даже из милиции! — все с тем же металлом в голосе напирал Суворов. — Хотите нам что-либо сообщить?

— Я пришел сюда по заданию редакции... — неуверенно начал Валюн.

— Ага, журналист. В каком издании работаешь?

— А вы точно из милиции?

— Вот что, парень, ты, как я понимаю, попал в скверную историю. Мы не менты, но ведем самостоятельное расследование, связанное с заведением, из которого тебя только что с треском вышвырнули. Поэтому тебе лучше рассказать нам всю правду. Кто ты такой и как здесь оказался.

— Ну, если вы не с ними, тогда... — И Валюн, запинаясь, стал повествовать о своих приключениях. Постепенно речь его становилась более связной, он оживился и даже принялся жестикулировать.

— Бойко излагаешь, молодец, — одобрил Суворов. — Сразу видно профессионала. Сколько, ты говоришь, там было посетителей?

— Человек тридцать, а может, и больше.

— Интересно, на чем они сюда приехали? Перед ночными клубами обычно столпотворение транспорта, а тут ни одной машины. Ну, допустим, прибыли на такси, а назад как будет добираться? Непонятно! Ты посетителям хорошо разглядел?

— Да как сказать... не очень. Ни одной физиономии в памяти не осталось. Только двух запомнил... вернее, трех.

— Первый, конечно, Леонард?

— Да, который оживлял...

- Пожалуйста, взгляни. — Суворов сунул Валюну фотографию и фонарик. — Смотри внимательно. Узнаешь кого-нибудь?
- Вот он, Леонард! — Валюн ткнул пальцем в фотографию. — Только здесь выглядит проще.
- Выражайся точнее.
- На лице нет грима. А в клубе на нем, думаю, был парик. И вот этот парень мне вроде знаком.
- Какой парень, Райский?
- Не знаю его фамилии. Тот самый, который увел меня к себе в кабинет и допытывался: кто я и что... Вот только борода...
- Что, борода?
- У этого, как вы его назвали, Райского, имелась борода, на фотографии ее нет. Поэтому и выглядит он моложе.
- Уверен, что на снимке именно тот человек, который допрашивал тебя?
- Почти.
- Что значит, почти?
- Я же говорю, борода...
- Заладил с этой бородой! Впрочем, неважно. Если это действительно Райский, ты нам крепко помог, и я в долгу не останусь. Однако нужно убедиться наверняка.
- Пойдем в клуб? — спросил Толя у Суворова.
- Не стоит. Что мы там увидим? Очередные чудеса? Хватит, насмотрелись! К тому же, как я понял, у них имеется охрана... Будем ждать здесь. Ведь не просидят же они там всю ночь. Тебя как звать?
- Валентином, но чаще величают Валюном.
- Вот что, Валюн. Пока останешься с нами, а потом мы отвезем тебя домой. Устраивает? Все равно в данную минуту тебе некуда идти. Уже глубокая ночь, общественный транспорт не ходит, можешь вновь вляпаться в какую-нибудь историю.
- Кто все-таки вы такие?
- Я же сказал, ведем независимое расследование, разыскиваем Райского.
- Частные детективы?
- Вроде того. И не задавай ненужных вопросов!
- В салоне "фольксвагена" воцарилась тишина, время от времени нарушаемая болезненным кряхтением Валюна. Неожиданно на улице показался автомобиль. "Мерседес" остановился рядом с клубом, и почти тотчас его дверь распахнулась, оттуда вышли трое.
- Они! — выдохнул Валюн.
- Люди сели в автомобиль, и он резко рванул вперед.
- Что дальше? — спросил Толя.
- Естественно, за ними, — отозвался Суворов.
- Но ведь засекут слежку.
- Постараюсь, чтобы не засекали. — И он завел двигатель.

“Мерседес” маячил далеко впереди. Они ехали по довольно оживленной, несмотря на глубокую ночь, магистрали, так что преследование вряд ли было заметно.

Суворов внимательно вглядывался в дорогу.

— Похоже, они нас заметили, — недовольно проговорил он.

— Почему вы так решили? — спросил Толя.

— Резко сбавили скорость. Видишь, перестроились в крайний ряд. Теперь между нами ни одной машины. Ладно, рвем вперед. Тут трасса прямая, вряд ли куда-нибудь свернут. Я, кажется, знаю, куда они отправились. Есть одно местечко, уже приходилось там бывать.

Далековато, конечно, но ничего не попишешь. Машина неслась с такой скоростью, что у Толи захватило дух. Он взглянул на спидометр. Почти двести, ничего себе! Попадись на дороге яма...

— Спокойно, Толян, — сквозь зубы процедил Суворов, видимо, прочитав его мысли. — Еще немного, еще чуть-чуть...

— Уходят, — пискнул с заднего сидения Валюн.

“Мерседес” уже ушел вперед на порядочное расстояние. Стало ясно: догнать его не удастся, и Суворов сбавил скорость.

— Все равно я знаю, куда они направляются, — произнес он в пространство, словно оправдываясь. В это мгновение впереди что-то произошло.

— Смотрите! — заорал Толя.

Красные фонари резко вильнули вправо.

— Ого! — воскликнул Суворов, — Вот и доигрались!

— Где же они? — недоуменно произнес Толя.

— В поле улетели, — удовлетворенно объяснил Суворов. — То, что и нужно. — Он проехал еще немного и выключил двигатель. — Ну что ж, пойдем посмотрим, за кем это мы гнались.

Они вышли из машины, даже Валюн, крихтя, покинул заднее сиденье. Луч мощного суворовского фонаря выхватывал из мрака заросли бурьяна, лужи, сурчиные норы.

— Вон, видишь?

Толя вгляделся в темноту. “Мерседес” лежал на боку. Его широкие протекторы с налипшими комьями земли напоминали гигантские галоши, в лучах фонаря тускло поблескивал кузов. Следопыты приблизились. Пахло бензином, маслом и еще чем-то сладковатым, видимо, тормозной жидкостью.

— Все раскурочено, — заметил Суворов. — Ну-ка, посмотрим. — Он посветил сквозь стекло внутрь. — Н-да! Не зря говорят: тише едешь, дальше будешь. Нужно их вытащить оттуда. Возни много, но деваться некуда. — Он попытался открыть переднюю дверцу. — Заклинило... — Однако задняя дверь подавалась. — Похоже, все готовы, — констатировал он, освещая перекрученные тела. — Толя, помоги!

Первый извлеченный оказался, как сообщил Валюн, Мефодием.

— Тяжел, — заметил Суворов, — Этот, что ли, тебя бил? Радуйся, ты отомщен.

Труп следующего пассажира оказался крепко зажат сместившимися сиденьями. Сколько ни тянули за ноги, вытащить не удавалось.

— Я сейчас принесу монтировку, попытаемся открыть переднюю дверь. — Суворов убежал к машине.

— Кошмар! — произнес Валюн, освещая размозженную голову Мефодия. — Меня сейчас вырвет.

— Только этого не хватало. Потерпи.

Вернулся Суворов с монтировкой, и они с Толей налегли на переднюю дверь, та со скрежетом поддавалась. Рывком выдернули пассажира, он слабо застонал от боли.

— Да он живой! — Суворов осветил верхнюю часть туловища. — Райский?

Залитое кровью лицо с выбитым глазом с трудом поддавалось идентификации, и все же сомнений почти не было. Перед ними находился тот, кого они столь напряженно искали.

— Эй ты, пресса, давай сюда! И поторапливайся, не время прохлаждаться! Этот, что ли, тебя допрашивал?

Валюн, морщась и гримасничая, рассматривал пострадавшего.

— Не уверен, — наконец произнес он, — тот бородатый... А так вроде похож. В больницу везти нужно.

— В больницу ... — задумчиво повторил Суворов. — Вообще-то, конечно... Но это не входит в мои планы. Сейчас... — Он вновь скрылся, но почти тотчас же вернулся. В руках у него оказалась тряпка, смоченная водой. Суворов наклонился и стал протирать лицо пострадавшего. — Теперь смотри внимательно, — обратился он к Валюну. — Он?

— Да, — закивал журналист.

— Уверен?

— Почти.

— Опять почти! Толя?..

— Вроде, похож...

— Ладно. Тогда я его запечатлею для истории. — Сверкнула вспышка фотоаппарата. Суворов сделал несколько снимков. — Достаточно. Скоро рассветет, и машину будет хорошо видно с дороги. А нам светиться ни к чему. Конечно, нужно бы достать и остальных, но вряд ли получится. — Он вновь нагнулся и взял Райского за руку. — Пульс вроде прослушивается. — Достал мобильный телефон, набрал номер: — Милиция? Хочу сделать сообщение. На сорок восьмом километре произошла авария. Есть погибшие и раненый. Машина? "Мерседес". Да, "скорая" нужна... — И нажал кнопку отключения. — Минут через пятнадцать-двадцать сюда приедут, так что помощь ему окажут. Можете не волноваться. А нам пора сматываться.

Глава 10

Все складывалось, в общем-то, неплохо. Во всяком случае, пока. Теперь осталось только позвонить и доложить заказчику о результатах, подкрепив их снимками, сделанными на месте аварии. Непосредственная работа выполнена, а что случится с фигурантом дальше, его мало интересует. Так размышлял Суворов, попивая кофе на кухне собственной квартиры.

Он вернулся домой, когда утро было в полном разгаре, принял ванну и тут же лег спать, даже не позавтракав. Зато сейчас чувствует себя отлично, словно и не провел сутки на ногах.

Суворов взглянул на часы: почти четыре. Нужно ехать за снимками. А потом он наберет номер телефона, предъявит доказательства, получит гонорар и выкинет Райского из головы.

В фотоателье оказалось совсем пусто. Приемщица сунула ему пакет с фотографиями и вновь уткнулась в журнал. Суворов достал снимки, взглянул, и земля поплыла у него из-под ног: на глянцевої фотографии ничего не было! Нет, изображение, конечно, имелось. Кусок земли, трава, какой-то мусор... На самом краю фотографии чьи-то ноги в кроссовках... Трясущимися руками он стал лихорадочно перебирать остальные снимки. Та же картина! Ни малейших следов присутствия лежавшего на земле человека.

— Тут какая-то ошибка, — обратился он к приемщице.

— Что случилось?

— Это не мои снимки!

— Как это не ваши? — Она мельком взглянула на фотографии, потом на квитанцию. — Вы же Суворов?

Тот согласно кивнул.

— Тогда все правильно, уж не знаю, что вы снимали.

— Пакеты не перепутаны?

— Извините, у нас такого не бывает.

— Можно взглянуть на другие фотографии? Ну, которые напечатаны сегодня.

— Не полагается! А вы, гражданин, когда снимали, возможно, находились в подпитии? Поэтому у вас ничего и не получилось, — иронически заметила она. — И потом, ведь на снимках стоит время и дата съемки.

Суворов присмотрелся. Действительно! Все совпадало. Значит, произошедшая авария — очередная иллюзия?

— Бывает, — прокомментировала приемщица, — снимают одно, а на фотографии совсем другое. Вот позавчера...

Но Суворов не стал дожидаться рассказа о том, что случилось позавчера, и опрелью выскочил вон. Он стоял на тротуаре, сжимая в руках бесполезные теперь фотографии, и бессмысленно таращился на свой "фольксваген". Все рухнуло. Бессонная ночь, проведенная в компании двух олухов, дурацкие гонки неизвестно за кем. Да и был ли вообще проклятый "мерседес"? Что

он теперь скажет клиенту? Как будет отчитываться о проделанной работе?

В это мгновение зазвонил мобильник...

Вот и все. Они! Теперь не убежишь! Хотя можно и не отвечать.

Зуммер телефона пиликал и пиликал, надрывая душу. Суворов достал трубку, повертел ее в руках и в сердцах хотел швырнуть на асфальт под колеса проезжающего транспорта, но передумал и нажал кнопку. На том конце линии оказался вовсе не клиент, а Толя.

— Он нашелся! — проорал парень.

— Кто? — не понял Суворов.

— Да Райский же!

— Что ты такое плетешь?

И Толя, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, стал докладывать. А рассказал он вот что.

Разбудила его мать. Толя недовольно протер глаза и забурчал, мол, хочет спать, но мать сообщила: уже два раза приходил Дамкер и очень настойчиво просил, чтобы Толя пришел повидаться. Сказал, дело очень срочное.

Услышав про Дамкера, Толя вскочил с кровати и стал поспешно одеваться. Мысленно он уже прикидывал, как бы помягче сообщить старику, что Райский погиб, разбился на машине, и почти бегом направился в соседний подъезд. Открыли ему тотчас же. Увидев Толю, Дамкер расплылся в радостной улыбке.

— Наконец-то! — закричал он в преувеличенном восторге. — А мы тебя уж заждались.

Толя кисло взглянул на старика, предполагая, что его веселье очень скоро исчезнет. К тому же его насторожило слово "мы". И тут за спиной у Дамкера он разглядел мамашу Райского. Сейчас начнутся слезы, причитания... Толя сглотнул подступивший к горлу ком и попятился. Однако Дамкер крепко уцепился за рукав толстой рубашки и потащил его за собой в комнату.

— И как наши делишки? — сладким голосом поинтересовался он.

— Ну... — проямлил Толя, стараясь не смотреть на мамашу, — так-сяк...

— Чего ты ему голову морочишь своими делишками? — недовольно произнесла та. — Скажи просто: Юра нашелся. И все дела!

— Как нашелся? — Толя изумленно взглянул в ярко-голубые глаза старухи. — Ведь он же!..

— А так и нашелся, — продолжала та. — Позвонил сегодня утром и рассказал, что был за границей по какому-то срочному делу, связанному с его компьютерами. Выезжать нужно было безотлагательно, вот он и не предупредил. А позвонить раньше не мог, потому как там, где он находился, телефонные переговоры с Россией стоят очень дорого.

— А может, это не он?

— Как не он? Неужели я своего Юрку не узнаю? Его голос и словечки...

— И где же ваш сын сейчас находится?

— Да у Ритки своей...

— Молодой человек, вы честно заработали свои деньги. — С этими словами, Дамкер вручил Толе стодолларовую купюру, пожал ему руку и сердечно распрощался.

Окрыленный удачной концовкой, Толя выскочил на улицу и вспомнил про Суворова. Номер мобильного у него имелся, и он тут же позвонил из автомата. Вот, собственно, и все.

— Ты где находишься? — спокойно спросил Суворов, выслушав сбивчивый рассказ.

Толя назвал место.

— Жди. Я сейчас приеду.

Толю Суворов увидел еще издали. Парень стоял на краю тротуара и даже подпрыгивал от нетерпения. Суворов притормозил рядом.

— Садись.

Толя плюхнулся на переднее сиденье.

— Куда едем?

— Рита живет рядом с Сельхозакадемией. Вот к ней мы и отправимся.

“Фольксваген” остановился возле дома, но не у подъезда, где жила Рита, а поодаль.

— Нам сюда, — указал пальцем Суворов.

— Я в машине подожду.

— Нет, пойдешь со мной. Раз ты у меня в помощниках, то должен находиться рядом. Да и мало ли что может случиться, а ты паренек крепкий, в случае чего, поможешь. За мной!

На площадке третьего этажа они остановились. Суворов нажал кнопку звонка. В ответ послышался приглушенный собачий лай. Суворов чуть подождал, потом вновь надавил на кнопку.

— Никого, — заметил Толя. — Хозяева отсутствуют.

Суворов в сердцах пнул дверь. К их изумлению, она распахнулась.

— Начинается, — прокомментировал Суворов и шагнул через порог. Толя двинулся следом. У входа в комнату сидела овчарка. Увидев вошедших, она угрожающе зарычала.

— Тихо, Лорд, — успокаивающе произнес Суворов. — Свои. Где Рита?

Собака вдруг жалобно заскулила. Суворов осторожно обошел Лорда и заглянул в комнату. Риту он увидел сразу. Женщина лежала на диване напротив включенного телевизора и на появление Суворова никак не прореагировала.

— Эй! — позвал он. — Хозяйка! Хватит спать! — Подошел вплотную, дотронулся до плеча. Рука безвольно упала вниз.

— Что с ней? — испуганно спросил Толя.

— Сейчас разберемся. Пульс, кажется, отсутствует. Похоже, мертва.

— Опять гипноз?

Суворов огляделся.

— Не знаю. Давай искать дальше, тут где-то должен быть мальчишка, сын ее...

Они заглянули в соседнюю комнату, где никого не обнаружили, потом проследовали на кухню. Здесь царил полный разгром. На полу валялись кастрюли, осколки разбитой посуды, продукты.

— Искали что-то, — заметил Толя.

— Похоже. Гляди, и из холодильника все выкинули, даже решетки... Для чего, интересно?

Суворов открыл холодильник. Внутри, скорчившись, сидел мальчик. Собака, все это время неотступно следовавшая за ними, тоскливо завывала. Суворов вытащил мальчика, который тоже не подавал признаков жизни, и наскоро осмотрел его.

— Задушен, — констатировал он. — На шее четко видны следы пальцев.

— Кто же их?

— Погоди, сначала нужно убедиться, не водят ли нас опять за нос.

— Как?

— Да, действительно, как? Похоже, нас подставляют, — неожиданно заявил Суворов.

— То есть?

— Сейчас сюда нагрянет милиция, и мы влипим! Поэтому нужно как можно быстрее уходить подобру-поздорову.

— А как же эти?

— Им уже ничем не поможешь, они мертвы. Нет, как примитивно я купился. — Суворов бросился к выходу, но не тут-то было. Собака загородила входную дверь и грозно зарычала. Похоже, она собиралась броситься на пришельцев. Суворов отступил на шаг и опасливо посмотрел на ощеренные клыки. — Только этого нам не хватало!

— Сейчас бы пистолет... — пробормотал Толя.

— Какой пистолет! С ума сошел! Думай, думай...

Они вновь отступили на кухню. За окном послышался визг тормозов. Суворов и Толя одновременно выглянули на улицу. У подъезда остановился милицейский "форд".

— По нашу душу, — прокомментировал Суворов. — Ну, парень, держись. Сейчас нас вязать будут.

— Может, собака их не впустит?

— Конечно, не впустит! Войти может любой, а вот выйти... К тому же, у них пистолеты имеются.. Ладно, делай как я!

Неожиданно для Толи он схватил на руки тело ребенка и ринулся к двери. Собака неуверенно вильнула хвостом.

— Рядом! — заорал Суворов Лорду. — Дверь открывай! — обернулся он к Толе. Они выскочили на лестничную площадку. — За мной! — продолжал командовать Суворов, избегая на этаж выше. — Охраняй! — крикнул он собаке, прислоня мертвое тело к стене. Внизу уже слышались шаги поднимающихся милиционеров.

На последнем этаже была лестница, ведущая на чердак. Люк, на их счастье, оказался не на замке. Толя взлетел по лестнице вслед за своим наставником и очутился в чердачном полумраке.

— Люк за собой притвори, — на ходу бросил Суворов. — Да пошевеливайся!

Пробежав в темноте через чердак, они начали спускаться по другой лестнице и через пару минут оказались во дворе.

— Теперь главное — спокойствие, — сказал Суворов. — Веди себя естественно, как только выйдешь из подъезда, не озирайся, не суетись. Шагай прямо к машине и садись.

Толя шел след в след за Суворовым, стараясь не смотреть по сторонам, но глаза непроизвольно обращались к “форду”.

— Живей! — шипел впереди Суворов.

Наконец они сели в машину и тронулись с места.

— Кажется, пронесло, — облегченно вздохнул Толя.

— Ты думаешь? А если мы там наследили? Да и номер машины сидевшие перед подъездом бабки могли запомнить. Ты там ни за что не хватался?

— Не знаю... За дверь если...

— Вот-вот. Хотя, с другой стороны, чего раньше времени паниковать. Однако ловко они сработали. Хотели одним разом прихлопнуть двух зайцев. И бабенку, что, собственно, им удалось, и нас.

— Мальчишку жалко, — заметил Толя.

— Конечно, жалко! И пацана, и Риту... Все равно я не могу понять, что происходит? А может, это тоже... иллюзия? Хотя, не похоже. И собака вела себя вполне естественно.

— Что дальше делать-то?

— Мне кажется, нужно найти Валюна, с которым мы так весело провели минувшую ночь, и допросить его с пристрастием. Парень явно знает больше, чем говорит.

— И где его искать?

— Перед расставанием он оставил мне свои координаты. Сейчас позвоним...

Валюн откликнулся тотчас. Услышав, кто с ним говорит, он заметно поскущел, но от встречи не отказался.

— Я и сам хотел найти вас, — сообщил журналист. — Тут возникли новые обстоятельства. Подъезжайте, по телефону рассказывать не буду.

— Интересно, что за обстоятельства? — задумчиво произнес Суворов. — Ладно, двигаем к нему.

Глава 11

— Как я рад нашей встрече, — залебезил Валюн, даже не здороваясь.

— Мы тоже в восторге, — буркнул Суворов. — Давай, выкладывай...

— Погодите, нельзя же так сразу быка за рога.

— Можно, — недовольно сказал Суворов. — Нам некогда.

— Всем некогда. И у меня полно дел, однако я нашел для вас время.

— Повторяю, мы спешим.

— Куда деваться, раз вы такие нетерпеливые. Так вот, еще до визита в этот ненормальный клуб я встречался с одним человеком. Он, видите ли, специалист по всякого рода паранормальным явлениям. Короче, я у него время от времени консультируюсь. Сегодня он мне позвонил и сказал, что есть очень важная информация по интересующей меня теме. Пригласил приехать. Вот я и подумал: может, и вам будет интересно.

— И что мы от него услышим? Очередную глубокомысленную чушь? Хватит, надоело!

— Дело ваше, — обиделся Валюн.

— А-а, ладно! Поехали...

К специалисту по паранормальным явлениям прибыли, когда уже начинало смеркаться. Ахметов несколько удивился, узрев вместо одного Валюна сразу трех посетителей. Впрочем, встретил он гостей радушно, провел в садик, усадил и вопросительно взглянул на Валюна.

— Эти господа занимаются тем же вопросом, что и я, — сообщил журналист. — Познакомьтесь.

Суворов и Толя представились.

— Так что вас интересует?

— Я не газетчик, — сразу же сообщил Суворов, — а, так сказать, частный сыщик. Расследую обстоятельства пропажи одного субъекта. — Он вкратце обрисовал ситуацию. — Если ваши сведения меня устроят, готов их купить.

— Пятьсот долларов, — мгновенно отреагировал Ахметов.

— Однако! Но где гарантии, что информация мне пригодится?

— Это уж на ваше усмотрение. Человек, вижу, вы серьезный. Думаю, мы договоримся. Нет ли у вас фотографии разыскиваемого?

Суворов достал снимок, ткнул пальцем в лицо Райского.

Ахметов, надев очки, долго рассматривал фотографию, потом отрицательно качнул головой:

— Я его не знаю.

— Ну вот, — протянул Суворов.

— Но зато мне известен этот человек. — Ахметов указал на сидящего рядом с Райским.

— Уже кое-что, — хмыкнул Суворов.

— Рассказ будет долгим, и если вы готовы слушать...

— Готовы.

— Тогда, может, чайку с дороги?

— А не найдется ли у вас чего-нибудь перекусить? Мы весь день на ногах... — вставил Толя.

— Конечно, конечно, — улыбнулся Ахметов. — Я сейчас распоряджусь. — И ушел в дом.

— Ты, что, сюда жрать приехал? — недовольно произнес Суворов. — Хотя, за пятьсот долларов можно не церемониться.

Вернулся хозяин. В руке он нес обычную картонную папку.

— Обед сейчас принесут, — сказал он. — Так сумма гонорара вас устроит?

Суворов достал из кармана конверт с деньгами, отсчитал пять купюр, положил их на стол.

— Еще раз повторяю: если сведения помогут в расследовании, деньги ваши.

— Отлично. Приступаю. Как я понимаю, в ходе расследования вы столкнулись с различными аномальными явлениями.

— Еще с какими!

— Ну, например?

— Главным образом, с фантомами. То, что мы принимали за реальность, неожиданно оказывалось иллюзией. Чем происходящее объяснить, ума не приложу.

— Постараюсь вам помочь. Человек, изображенный на снимке, некий Леонов... — Ахметов заглянул в папку. — ...Павел Иванович. Некогда служил гэбистом, но давно вышел в отставку. Собственно, он не оперативник, а ученый. Работал в Киеве в одном из закрытых институтов и, в числе других, занимался разработками психотропного оружия. Возможно, вы слышали о психотропных генераторах?

Суворов кивнул.

— Тогда не нужно пояснять принцип их действия. Вам важен не физический аспект, а применение прибора на практике. С помощью высокочастотных магнитных колебаний можно проделывать самые невероятные штуки. Скажем, погрузить все население небольшого города в сон, или, напротив, создать агрессивную ситуацию. Короче, не только контролировать психику человека, а придавать его действиям определенную направленность. Возможно даже закачивание в мозг определенной информации. Высокочастотные генераторы можно использовать не только самостоятельно, но и в комплексе с компьютерной техникой. А на снимке — Леонов, теперь он известен как Леонард, выдает себя, ни больше ни меньше, за практикующего мага и занимается разной чертовщиной. Мистика нынче в моде. Многие власть имущие и просто состоятельные люди интересуются... Этим и пользуется Леонов-Леонард. Особенно он популярен в богемной среде. Внушает публике, будто способен воскрешать мертвых, забирать себе души, причем активно использует обряды и практику

гаитянского культа Вуду. Скажем, делается кукла, схожая с реальным индивидом, и Леонард заявляет, мол, переселил душу человека в куклу, и теперь он господин физического тела. Многие верят.

— Я присутствовал на подобном мероприятии! — закричал Валюн. — Там тоже оживляли мертвецов...

— Слышали, знаем... — оборвал его Суворов. — А потом вам набили физическое лицо и вышвырнули вон.

— Однако это еще не все, — продолжил Ахметов, не обращая внимания на реплики. — Дальнейшее и вовсе чистейший криминал. Поэтому я хочу, чтобы вы не разглашали источник информации. Подтверждений у меня, конечно, нет, но рассказывают весьма странные вещи. Например, возможно устранить человека безо всякой стрельбы или взрывов. Принцип следующий. Внушаются определенные мысли, скажем, о самоубийстве. Хотя, это наиболее примитивный вариант. В основном действуют значительно изощреннее. Вот молодой человек, — Ахметов указал на Валюна, — вчера рассказал мне историю про то, как из морга исчез труп. Вполне возможно, что это работа именно тех людей, которыми вы интересуетесь. Принцип тот же — зомбирование. Только на Гаити используются препараты растительного и животного происхождения, а в данном случае — высокочастотное излучение. Вначале человека доводят до такого состояния, когда налицо все признаки смерти. Потом выводят его из комы, но сознание субъекта полностью контролируется, воля парализована. И человек может выполнить любой приказ. Насколько я помню, среди вещей мнимого усопшего обнаружена членская карточка ночного клуба, который принадлежит Леонову. Вот вам и доказательство.

— Так вы хотите сказать, некто вначале умер, потом попал в морг, а оттуда самостоятельно ушел? — недоверчиво спросил Суворов.

— Сам ли он ушел, или ему помогли, не знаю, а в остальном именно так.

— Тогда почему нас сразу не зомбировали?

— Возможно, на вас отработываются какие-то новые методики, а возможно, с вами просто играют, не видя серьезных противников.

— Но, насколько я представляю, генератор психотропного излучения — довольно громоздкая штука...

— Первоначально так оно и было, но все совершенствуется, причем стремительными темпами. По моим сведениям, данное устройство нынче весьма миниатюрно. Да и принцип работы иной. Представьте, им можно управлять со спутника.

— То есть?

— Примерно так же, как телесигналом. На спутник, через компьютер, транслируется соответствующая программа, задаются координаты, куда именно нужно послать сигнал. На земле

имеется приемная антенна, ее можно установить где угодно, и, пожалуйста, создается нужная иллюзия реальности.

— Научная фантастика какая-то...

— Да нет. Реальность. Во всяком случае, публикации по данному вопросу появлялись в западной прессе. Понятно, что результаты опытов засекречены, но раз существует теоретическое обоснование, значит, было и практическое применение. В вашем случае, думаю, обошлись без спутников, но наверняка имело место нечто подобное. И еще. Взгляните. — Ахметов достал из папки несколько фотографий.

Суворов стал перебирать снимки: мужские и женские лица на них ничего ему не говорили. Тем временем Толя закончил трапезу, вытер рот грязноватым носовым платком и заглянул через плечо Суворова.

— Вот эта гражданочка мне знакома, — сообщил он.

— Которая?

Толя выбрал из пачки снимок женщины и потряс им в воздухе:

— Алевтина, жена Райского.

— О! Весьма примечательная личность, — улыбнулся Ахметов. — Настоящее имя — Алла Павловна Леонова. Возраст — тридцать три года. И что самое примечательное: она родная дочь Леонова — Леонарда.

— Вот даже как!

— Именно, мои друзья, именно. В свое время закончила психологический факультет МГУ. В конце восьмидесятых, еще будучи студенткой, заинтересовалась эзотерическими учениями. Думаю, ее больше всего интересуют конкретная власть над людьми. Несомненно, она работает в паре с отцом, хотя у того коммерческая жилка преобладает над духовным началом. Но повторяю, деньги для них — не цель, скорее, инструмент распространения влияния. Что касается Райского, который, как вы говорите, является ее мужем, то на этот счет мне ничего не известно. Не уверен, что она вообще замужем. Если этот человек — специалист по компьютерам, скорее всего, она использует его в своих целях. Ищите Аллу, и найдете Райского.

— И где же ее искать?

— Насколько я знаю, резиденция этой дамы — небольшой кукольный театр где-то в Филях.

— Мы там уже бывали! — воскликнул Толя.

— Именно, — поддержал его Суворов. — И такого насмотрелись, не приведи Господь.

Ахметов пожал плечами, но промолчал. Видимо, он хорошо представлял, какие зрелища наблюдали его гости.

— А позвольте спросить, откуда у вас столь подробная информация? — поинтересовался Суворов.

— Данная тема, так сказать, мой конек. Интересуюсь, знаете ли... Семейка Леоновых — не единственные люди в Москве, за-

нимающиеся подобной деятельностью. Есть и другие... маги и волшебники. Между ними существует определенная конкуренция. Возможно, вы находитесь между двух огней. Вы знаете своих нанимателей? Тех, кто поручил вам найти Райского?

Суворов отрицательно покачал головой.

— Если Райский действительно классный специалист, он нужен и тем, и другим, а, возможно, он и работает на две фирмы сразу. Может, он просто решил отойти от дел. Вариантов много. Ищите и обращайтесь. Ведь не бесплатно же вы его разыскиваете.

— Оно, конечно... — отозвался Суворов и поднялся.

— Полагаю, я честно заработал свои пятьсот долларов? — с чуть заметной иронией в голосе поинтересовался Ахметов.

Суворов взглянул на купюру, лежавшую на столе, и вдруг на его глазах она исчезла.

— И мы тоже кое-что умеем, — усмехнулся Ахметов. — В случае необходимости можете вновь обращаться за консультацией.

Распустив соратников по домам, Суворов решил передохнуть и поразмыслить над услышанным. А лучшего места отдыха, чем собственная квартира, для него не существовало. Есть особенно не хотелось, и он ограничился легкой закуской, соорудив пару бутербродов с сыром и ветчиной, но зато сварил крепчайший кофе, хотя понимал, ночью долго не сможет уснуть. Потом поставил на проигрыватель компакт-диск группы "Ventures" с работками классических вещей, улегся на диван и задумался. Рассказ Ахметова безусловно оказался очень интересным. Теперь многое начинало видеться в ином свете, но, тем не менее, ясности в происходящее не добавляло. Главное, он не мог понять собственную роль. Может, прав Ахметов, и ему, Суворову, действительно отводится роль подопытного кролика? Но почему именно ему?

В дверь неожиданно громко постучали.

Кого там несет, и почему не воспользовались звонком? Странно. Суворов взглянул на часы. Время позднее, для визитов не подходящее. Может, сосед-пьянчуга, время от времени кланчивший у него деньги на бутылку?

Суворов нехотя поднялся и пошел открывать. В глазок он разглядел двух совершенно незнакомых парней, а за их спинами человека в камуфляжной форме, в маске и с автоматом.

Все! Приехали! Бежать некуда!

— Вам кого? — осторожно спросил он.

— Да вас, вас! Открывайте! Вы — Суворов? — Один из пришедших сунул ему в лицо удостоверение. — Мы из ФСБ. Поедете с нами.

— Куда и зачем?

— Куда надо! И прошу лишних вопросов не задавать, для вашего же блага. Руки!

— Что значит, руки?

— Руки, я сказал! Не придуривайтесь, все вы понимаете. И прошу не дергаться, наши порядки вам известны.

— Позвольте как следует рассмотреть ваше удостоверение, — потребовал Суворов. Вместо удостоверения он получил тычок под ребра чугунным кулаком. С ним явно не собирались церемониться. Захлопнулась входная дверь, и его повели вниз, подталкивая в спину дулом автомата. У подъезда стояла черная "Волга".

— Грузись, дорогой, — хохотнул человек с автоматом. На голову Суворову набросили матерчатый мешок, и машина рванула с места.

Ехали долго, не меньше часа, а то и двух. Наконец остановились. Его грубо выволокли наружу и потащили куда-то. Суворов принюхался: тянуло ночной свежестью, запахами листвы. Неужели они за городом?

Его провели по каким-то гулким коридорам, потом, судя по звуку, отворилась дверь. Суворова ввели в комнату, усадили в кресло, расстегнули наручники, однако тут же широкими ремнями привязали руки к подлокотникам и только тогда стянули с головы мешок. Яркий свет резанул глаза, и Суворов невольно зажмурился. А когда вновь открыл глаза, увидел, что сидит перед большим обшарпанным письменным столом, и свет ярчайшей настольной лампы бьет ему прямо в лицо. Напротив, в тени, находился некий субъект, внешность которого различить было довольно трудно.

— Ваше имя, фамилия... — строго начал субъект.

— А вы кто?

— Отвечайте четко и ясно!

Суворов назвал.

— Частный детектив?

Суворов подтвердил и этот факт.

— И лицензия имеется?

— Естественно.

— Над чем сейчас работаете?

— Это мое личное дело. Информацию разглашать не имею права.

— Не будете отвечать?

— Не буду.

Субъект взял со стола пульт и нажал кнопку. Сильный удар тока пронзил все существо Суворова, тело его изогнулось в кресле, и он взвыл от боли.

— Это только начало, — прокомментировал свои действия субъект. — Следующий импульс будет намного болезненнее. Итак, продолжим нашу беседу. Чем в настоящее время занимаетесь?

— Разыскиваю одного человека.

— Фамилия?

— Райский.

— Кто он такой?

— Долго объяснять, да и не знаю я толком.

Субъект вновь потянулся к пульту.

— Честное слово, не знаю! — заорал Суворов. — Мне просто нужно найти его, и все!

Где-то в отдалении раздались приглушенные звуки, которые, однако, трудно с чем-либо спутать, поскольку они были ни чем иным, как автоматными очередями.

— Стреляют, — растерянно произнес субъект. — Стоит заняться делом, обязательно что-нибудь случается. — Он достал пистолет, дунул зачем-то в дуло и передернул затвор. Звуки стрельбы тем временем нарастали. Субъект покосился на Суворова.

— Пристрелить тебя, что ли? — тоскливо спросил он. — При попытке к бегству, скажем... — Он почесал пистолетом нос, потом направил ствол на Суворова. — Впрочем, успеется. Пойду гляну, что там... А ты сиди тихо!

Суворов остался в одиночестве. Автоматных очередей больше не слышалось, зато где-то совсем рядом грянул одиночный выстрел, и следом раздался приглушенный вскрик. Суворов дернул кистями рук, но привязан он был крепко. Оставалось только ждать. Но чего? Когда сюда ворвутся и всадят в него очередь? И, действительно, входная дверь скрипнула, но в комнату вошел не громила с автоматом, а пожилая женщина с ведром и тряпкой в руках, по виду обычная техничка. Не обращая никакого внимания на пленника, она прошептывала по комнате, что-то бормоча себе под нос.

— Что происходит? — закричал Суворов. — Почему стрельба?

Женщина молча брякнула ведром и стала вытирать стол, за которым только что сидел субъект.

— Где я нахожусь? — продолжал расспрашивать Суворов, но и на этот раз ответом было невнятное бормотание.

Тогда он решил изменить тактику.

— А вы меня не развяжете? Привязали, понимаете, какие-то странные товарищи, а сами ушли. Мне в туалет нужно... Освободите от пут, мамаша. В долгу не останусь

Женщина подошла вплотную к Суворову и пристально посмотрела ему в лицо. Потом, ни слова не говоря, расстегнула ремни на подлокотниках кресла и вновь взялась за тряпку.

— Спасибо, мамаша! — вскрикнул Суворов, протягивая сотенную купюру.

Женщина все так же молча приняла вознаграждение, и он бросился к выходу, но чуть не упал, споткнувшись о труп субъекта, лежавшего у порога. Рядом валялся пистолет. Суворов подобрал оружие и рванул по коридору. Погони не наблюдалось, и он решил осмотреться. Место показалось ему знакомым. Выкрашенные под мрамор облупившиеся стены, ободранные двери по

обеим сторонам коридора. Он тут явно когда-то уже бывал. И внезапно Суворов вспомнил. Да это же то самое здание, откуда все началось. Именно здесь он встретился с нанимателем, подсунившим ему скользкое дельце. Вот так номер! Нужно отсюда выбираться. Но куда идти?

— Вот он! — услышал Суворов у себя за спиной и оглянулся. Довольно далеко, на другом конце коридора, несколько человек указывали в его сторону. Раздалась автоматная очередь, пули зачиркали по потолку. Суворов сделал из подобранный пистолета несколько ответных выстрелов и вновь бросился вперед. Рванул первую попавшуюся на пути дверь и оказался на лестничной площадке. Однако лестничный марш вел почему-то только вверх. Выбирать не приходилось, и Суворов, перескакивая через ступеньки, побежал дальше. Лестница закончилась дверью. За ней вновь оказался слабо освещенный коридор с рядами дверей по обеим сторонам. Суворов не глядя толкнул первую попавшуюся...

Сколько он летел вниз? Две секунды, пять? Время вдруг растянулось, подобно резиновому жгуту, и он плавал в утренней дымке, словно бумажный голубь, пущенный бездумной детской рукой. Не было ни отчаяния, ни ужаса, только недоумение от случившегося и непонятное чувство удовлетворения, будто он получил то, чего давно желал. А некий металлический голос, вне пространства и времени и вне его сознания, монотонно повторял: "Сбой программы... Сбой программы..."

Глава 12

— Просыпайтесь, просыпайтесь, — услышал Суворов над самым ухом и открыл глаза. Он полулежал в глубоком удобном кресле, ноги покоились на специальной подставке. Над головой белый потолок, и стены тоже белые. Больница? Значит, он не умер? А ведь удар о землю был. Он хорошо запомнил его невероятную силу. Удар, а потом тьма.

Скосив глаза, Суворов увидел стоящую рядом женщину средних лет, в белом халате и шапочке, с лицом, усеянным веснушками. Точно, больница! Попробовал пошевелить руками, потом дернул ногой, конечности действовали. Странно, ничего не болит. Наверное, действие наркотических препаратов.

— Где я? — почему-то шепотом спросил он.

— Неужели не знаете?

Он отрицательно помотал головой.

— А день сегодня какой?

— 14 июня, понедельник.

— Как понедельник? Не может быть! Ведь именно в понедельник все и началось. — Суворов мысленно восстановил в памяти свою поездку на встречу с клиентом, она состоялась именно 14 июня. С того дня прошла почти неделя. Что за чушь горюдит эта веснушчатая дура? — Вы, по-моему, что-то путаете, — вслух

заметил он. — Сегодня никак не может быть понедельник. Я, конечно, упал с высоты, сильно ударился, возможно, вследствие этого частично потерял ориентацию, но все равно отчетливо помню...

— Погодите удивляться, — перебила его женщина. — Сейчас все узнаете, все вспомните... — Она вышла, и почти сразу же вместо нее появился довольно плотный сорокалетний мужчина, физиономия которого показалась Суворову смутно знакомой. Мужчина посмотрел на пациента и цокнул языком.

— Ну как, понравилось? — улыбаясь, спросил он.

— Что именно?

— Все случившееся с вами. Погони, приключения...

— Не понимаю. Что, собственно, мне должно было понравиться?

Мужчина задумчиво посмотрел на него и вздохнул.

— Моя фамилия — Райский, — неожиданно сообщил он. — А ваша?

Суворов напрягся. Вот, значит, кто перед ним. Теперь понятно, почему лицо кажется знакомым. Но как все объяснить? Столько искал, а фигурант, выходит, сам его нашел.

— Назовитесь, — вновь потребовал Райский.

— Ну, Суворов, допустим.

— Никакой вы не Суворов, а Челюстин. Илья Петрович Челюстин.

— Кто?!

— Не ожидал, что эксперимент закончится столь обширной амнезией, хотя мы допускали возможность некоторых нарушений мыслительного процесса. Позвольте напомнить вам, что, собственно, произошло. Вы, если можно так выразиться, доброволец, согласившийся испытать на себе действие одного изобретения, внедрение в жизнь которого может изменить будущее человечества.

Внедрение, повторил про себя Суворов. Ну давай, толкуй про внедрение.

— Наверное, вы слышали про так называемые шлемы виртуальной реальности, которые подключаются к компьютеру. Человек, надевший шлем, как бы попадает в саму игру, у него создается иллюзия, будто он находится в виртуальном пространстве, но не просто наблюдает за происходящим, а непосредственно влияет на развитие действия. Так вот. Я изобрел нечто в значительной степени превосходящее все известные до сих пор разработки. Аналогов пока нет. Суть в следующем: субъект, находящийся в виртуальном шлеме, пребывает в иллюзорном мире, поскольку осознает это, а мое изобретение дает полное ощущение реальности, и человек, находящийся в поле его действия, испытывает переживания, неотличимые от действительных.

— То есть вы хотите сказать, что мне все приснилось?

— Приснилось — не совсем подходящее слово, — поправил Райский. — Это не сон, хотя, конечно, и не явь. Я бы назвал произошедшее — осязаемой иллюзией.

— И моя гибель тоже иллюзия?

— Ну конечно! Кстати, как в каждой игре, в финале игрок получает приз.

— Какой же?

— К сожалению, не могу сообщить, ведь вы до финала не дошли.

— Ладно, обойдемся без приза. Лучше скажите вот что. В этом здании ...все было заранее подстроено?

— Вы, видимо, плохо поняли мои объяснения, — посуровел Райский. — Повторяю: случившееся — не подлинная реальность, а *как бы* реальность! Согласитесь, уж больно все для вас складывалось просто.

— Ничего себе, просто! Ну хорошо, допустим, ваш рассказ соответствует действительности. А ребята, которые помогали мне в расследовании? С ними-то как быть?

— То есть?

— Они вышли на данное расследование независимо от меня.

— Экий вы непонятливый! Нет никаких ребят, и дела нет. Это игра, понимаете, игра! Кроме вас, реальных действующих лиц не существует, просто персонажи игры. Как в кино! Они — иллюзия. Неужели непонятно?

Суворов некоторое время смотрел на покрасневшее лицо Райского, прикидывая, как ответить.

— Знаете, я вам не верю! — наконец вымолвил он. — Вы тут толкуете про какого-то Челюстина, но моя фамилия — Суворов. Я занимаюсь частным сыском, ищу, между прочим, вас. Если я — Челюстин, то почему ничего не помню? Это как объяснить? Собственная биография мне отлично известна, могу вкратце изложить. Неувязочка получается, господин Райский. Или, может быть, не Райский?

— Возможно, как я уже сказал, существует побочный эффект, временная потеря памяти. Но, уверяю: все восстановится. Побудете у нас немного, придете в себя.

— Недавно я слышал рассказ о фактах зомбирования личности, — горько усмехнулся Суворов. — Кажется, подобная практика применена ко мне.

Райский смелся, пару мгновений смущенно взирал на Суворова, потом повернулся и стремительно вышел.

— Эй, погодите! — крикнул ему вслед Суворов. — Мы недоговорили!

Развитие ситуации произошло столь стремительно, что Суворов плохо представлял, как вести себя дальше. Теперь, когда Райский обнаружился, его собственная работа фактически была завершена, и было бы проще всего покинуть странное место. Однако Суворов никак не мог понять своей роли в этой истории.

Дверь вновь распахнулась, и появилась давешняя женщина в белом халате. Перед собой она несла поднос с двумя тарелками и стаканом, в котором колыхалась ярко-оранжевая жидкость, должно быть, сок.

— Вот, перекусите. — Она поставила поднос на тумбочку перед креслом. — А потом я сделаю вам укольчик.

— Какой еще укольчик? Не надо никакого укольчика! И есть я не желаю. Куда делся Райский? Верните его, мы не закончили разговор.

Суворов попытался вскочить с кресла, но женщина, видимо, решила, что на нее собираются напасть. Она вскрикнула, выронила поднос и выбежала. Не ожидавший такого поворота Суворов несколько смутился, но вскоре решил, раз события разворачиваются именно таким образом, то пускай и идут своим чередом. Он слез с кресла и двинулся вслед за бежавшей женщиной. Под башмаками захрустели черепки разбитой посуды. Суворов чертыхнулся и, схватив подвернувшийся под руку пустой графин, выскочил в соседнюю комнату, где женщина в белом халате горячо и сбивчиво объясняла что-то Райскому. При виде Суворова оба на мгновение застыли, потом женщина издала истошный вопль и метнулась к выходу, а Райский во все глаза смотрел на Суворова. Его лицо было перекошено от страха, и в то же время на нем читалось дьявольское любопытство, словно он созерцал невиданное доселе зрелище.

— Мочить тебя буду, гад! — сообщил Суворов, занося графин над головой. Райский закрылся руками, не делая, однако, попыток к бегству.

— Давай выкладывай все начистоту, а то!.. — И Суворов потряс графином в воздухе.

— Что выкладывать? — дрожащим голосом спросил Райский.

— Правду! Как объяснить происходящее?! И зачем я вам нужен?

— Я же рассказывал...

— Повторяю: не верю!

— Да я и сам думал... История уж больно нехорошая ... Влип по глупости, и вот теперь расхлебывать приходится. А все деньги эти проклятые, будь они неладны. И с вами вот тоже... Короче, то, о чем я вам рассказывал, на самом деле имеет место. Я, вообще-то, специалист в своем деле классный. По компьютерам, то есть...

— Наслышаны.

— Вот-вот. Лет семь назад, еще до того, как появились виртуальные игрушки, я, на свой страх и риск, стал помаленьку марковать в данном направлении. Ничего конкретного, исключительно для себя. Потом я познакомился с одним человеком...

— Леоновым?

— Вы его знаете? Не ожидал! Да, именно с Леоновым.

— Или Леонардом.

— Иногда он себя называет и так. Леонов в свое время занимался именно проблемой воздействия высокочастотного излучения на человеческую психику. Мы легко нашли с ним общий язык, причем я вовсе не предполагал, в какую тряси́ну лезу. Первоначально у Леонова, как я думаю, не имелось иного интереса, помимо научного. Сама идея совместить компьютер и генератор крайне его заинтересовала. Программа у меня уже была написана, оставалось состыковать ее с генератором. Это и оказалось самым сложным. Колдовали мы долго, пару лет, даже чуть больше. Наконец задача начала решаться. Про принцип и методику согласования долго рассказывать, да вам это и ни к чему. Нужны были испытания. Под полигон решили приспособить загородный дом, старую дачу под Москвой. Вы, по-моему, там бывали.

Суворов только кивнул. Он ждал продолжения.

— Дача принадлежала одному моему приятелю. Он, кстати, тоже увлекался компьютерами. Так вот. Вместе с Леоновым мы установили аппаратуру, но владельца дома в наши планы не посвящали. Для отвода глаз решили устроить нечто вроде пикника. Собрали компанию: несколько девиц, ребят... Довольно интеллигентная публика. Леонов тоже присутствовал. Естественно, шашлыки, горячительные напитки — все, как полагается. Сначала у костра сидели, под гитарку песни горланили. Подвыпили, естественно. Завели глубокомысленные беседы “за жисть”, я потихоньку свернул разговор на разные таинственные случаи и невероятные происшествия. На ходу придумал историю: мол, дом, в котором мы веселимся, построен на месте жестоких боев. В войну здесь линия обороны проходила. Короче, вокруг множество не погребенных по-христиански солдат лежит, и наших, и немцев. И они иной раз в виде призраков вокруг шляются. Все — ха-ха, хи-хи, чепуха, мол. А хозяин дома, хоть и не в курсе задуманного был, решил мне подыграть. Поддакивает, ужасающие примеры приводит. Вроде все предыдущие владельцы дачи плохо кончили, или при таинственных обстоятельствах отправились на тот свет, или “с катушек съехали”. Жути, короче, нагоняет. Тут, как по заказу, дождик начал моросить. Все рванули в дом. Еще немного посидели и по комнатам разбрелись. Ну, мы с Леоновым и включили наш агрегат. Эффект оказался колоссальным! Я даже не ожидал столь бурной реакции. Народ ломанулся прочь, только пятки сверкали. И главное, никто не желал признаваться, что напуган. Придумывали разные несуществующие причины, лишь бы только убраться. Даже хозяин дачи был потрясен. Словом, испытания прошли удачно. — Райский сделал паузу и вопросительно посмотрел на Суворова: — Дальше рассказывать?

— Конечно.

— Леонов быстро смекнул, какие выгоды сулит наше с ним изобретение. Тем более что примеров массового воздействия на

человеческую психику — хоть отбавляй. Он избрал два направления деятельности с использованием нашего изобретения. Первое, если так можно назвать, психическое уничтожение личности. Как вы знаете, развитие капитализма в России повлекло за собой многочисленные человеческие жертвы. Предприниматели устраняли конкурентов, бандиты несговорчивых предпринимателей, а некоторые ведомственные структуры — и тех, и других. Но физическое устранение не всегда эффективно. Очень часто оно обращает на себя внимание общественности, в результате правоохранительные органы начинают суетиться... Словом, червато. Наш метод был тоньше, гуманнее, а зачастую, и эффективнее. На субъекта, которого требовалось обработать, воздействовали с помощью нашей методики. Результаты оказывались поразительными. Человек полностью менялся, сознание подавлялось, и он становился игрушкой в нужных руках.

— Вы, что же, использовали всю эту мистическую чепуху: оборотней, призраков, фантастические видения?

— Не обязательно. Перед тем, как вплотную заняться клиентом, мы изучали его привычки, фобии, комплексы. Это не сложно. Любая информация сейчас доступна. Исходя из собранной фактуры, приступали к непосредственному воздействию.

— Насколько я понимаю, используемая аппаратура достаточно громоздка?

— Таковой она была только вначале. Я все время совершенствовал конструкцию, да и мировые разработки в компьютерной отрасли не стоят на месте. Так что теперь можно разместить передатчик где угодно. Хоть в автомобиле. Кстати, когда вы преследовали “мерседес”, именно в нем и находилась аппаратура. Она лишь инструмент воздействия на личность.

— Приведите хотя бы один пример воздействия.

— Пожалуйста. Мы должны были обработать одного крупного бизнесмена. Удалось выяснить: свое финансовое восхождение он начал с того, что ограбил собственную матушку. У той имелись значительные накопления в виде золотых изделий. Папаша нашего клиента всю жизнь функционировал по строительной части, а нетрудовые доходы обращал в драгоценные “цацки”. После его смерти ценности остались у жены, но она, будучи очень прижимистой старушкой, делиться с сыночком не желала. Короче, парень “увел” золотишко. Старушку от потрясения “хватил кондратий”, и вскорости она скончалась. Бойкий сыночек тоже подался в строительный бизнес. Он процветал, но комплекс вины перед матерью, засевший в подсознании, видимо, не давал ему спокойно спать. Мы воспользовались данным обстоятельством. У подопечного начались видения. Покойница стала являться к сынку, заламывала руки, проклинала, грозила вечными муками. Все это страшно на него подействовало. Он зачастил в церковь, исповедовался, ставил пудовые свечи, но облегчение не наступало. Так продолжалось примерно месяц. Наконец в одно из

явлений старуха сообщила, что нужно сделать, чтобы снять камень с души. Он так и поступил, а именно это нам и требовалось. Другой случай. Один известный политик внезапно возомнил о себе невесть что, забыл, понимаешь, кто его в люди вывел. У него имелся компромат на одну влиятельную фигуру, и он решил его обнародовать. Политический капитал наживал. Он оказался человеком относительно честным, во всяком случае, накопать на него ничего не удалось. Тогда мы решили воздействовать через родственников, в частности, через сына. Мальчишка молоденький совсем... Внушили мы пацану мысль о неземной любви к некой особе. Между прочим, очень изящная комбинация получилась. Он влюблен, она недоступна. Внушаем суицидальные мысли. Парень режет себе вены. Его спасают. Вновь попытка самоубийства. Опять откачали. И тогда наш человек подкатывается к папаше. Мол, так и так, если не откажетесь от своих разоблачений, можете потерять ребенка. Ну, политик, конечно, на дыбы. Пошумел, пошумел, но отцовские чувства возобладали. Что и требовалось.

— Однако вы и мерзавцы! — не сдержался Суворов.

— А вы? Сами лучше, что ли? — с неприкрытой издевкой возразил Райский. — Ведь теми же методами действуете.

Возразить было нечего

— Ладно, оставим мораль, — сказал слегка смущенный Суворов. — Расскажите лучше, как вы находили клиентов.

— Это не мои проблемы. Всем занимался Леонов. У него обширные связи, оставшиеся со времен работы в комитете. Ведь и вы своих подопечных ищите не самостоятельно.

— Однако вы неплохо осведомлены.

— Работа такая, — гадко усмехнулся Райский.

— Хорошо. Еще вопрос: неужели все без исключения поддаются вашему внушению?

— К сожалению, не все. Но есть еще один способ. Вот совсем недавно имел место случай. Вы, наверное, в курсе. Один тип никак не поддавался обработке. Мораль практически отсутствует, нравственность на нуле. Мать родную готов задушить, если потребуется. Вот тут и применено зомбирование. Мы сделали так, что он действительно умер. То есть, конечно, не по-настоящему, но все признаки клинической смерти налицо. Его доставили в морг. Он там полежал немного среди мертвецов, а потом ожил, и с нашей помощью покинул заведение.

— Это как же?

— Долго рассказывать, но суть в следующем. Присутствуют только физические признаки смерти, сознание бодрствует. Он воспринимает происходящее, однако остается недвижим. До нашего, разумеется, приказа. А после "оживления" превращается в настоящего зомби. Может говорить, передвигаться, но как личность он мертв. Хотя готов выполнить любое приказание. Кстати, таков мой сосед по дому, музыкант Доместиков. Помни-

те, наверное. Вы еще в квартире у него побывали. Ничтожная личность — алкоголик. Он и стал нашим первым зомби. Ничего, жив-здоров. Доволен даже.

— Но его можно вернуть в нормальное состояние?

— К сожалению, нет. Психика полностью разрушена. Что-то там с мозгами. Я в данном вопросе плохо разбираюсь, вот Леонов — тот дока по этой части.

— Вы рассказали, как я понимаю, о первом направлении вашей деятельности, а второе?

— Да, конечно. Есть и второе. Если до сих пор речь шла о принуждении, то в ином случае мы ищем союзников, вернее, помощников, то есть создаем нечто вроде группы влияния. Леонов называет ее “Сеть”, по аналогии с Интернетом. Подыскиваем подходящих людей и обращаем их в свою веру.

— Или принуждаете?

— Ну зачем же? В данном случае нет никакого принуждения. Просто демонстрируем свои возможности, и человек, если у него, конечно, котелок варит, становится нашим союзником. Для этого создано нечто вроде секты. Да вы, собственно, в курсе.

— И заправляет в ней дочь Леонова.

— Аля? Правильно. Она мастак по охмурению масс. Конечно, на первых порах в ход идут разные чудеса, мистика. Естественно, правду мы раскрываем далеко не всем. Людям нравится ощущать собственную причастность к некоему сверхсекретному таинству. А мы их и не разочаровываем. Нравится — замечательно! Добро пожаловать! Конечно, мы не нуждаемся во всякой швали. Нам нужны только энергичные толковые люди, вроде вас, например.

— Так вы меня вербуете? — усмехнулся Суворов. — А говорили, надоело, запутался...

— Только чтобы вас успокоить. А что касается вербовки, так ведь с самого начала все и затеяно, чтобы вовлечь вас в Сеть.

— А наниматель? Уголовного вида парень, который поручил мне разыскать вас?

— Конечно же, наш человек. Вы давно обратили на себя наше внимание. Работаете практически безупречно, ни одного прокола, можно сказать, ювелирно. Вот мы и решили вовлечь вас в Сеть. Толковый человек всегда пригодится. А для этого решили устроить вам испытание. Небольшая инсценировка. Выдержали, нужно отметить, с честью. Причем, как я понимаю, начали догадываться, что происходит на самом деле. Ведь так?

Суворов пожал плечами.

— Даже не знаю. Как будто ... Тут я побывал у одного человека...

— Ахметова? Он тоже в Сети.

— Всю Москву, похоже, опутали?

— И не только Москву.

— Но зачем вы убили Маргариту и ее сына?

— Ритку? Да она жива-живехонька. И мальчишка тоже. Для чего их убивать? Просто очередная иллюзия, точно такая же, как и на даче, в кукольном театре... Напомните, где еще?

— Допустим, я соглашаюсь на ваше предложение. А ребята, с которыми я искал вас? Кстати, ваша мать тоже в Сети?

— Мамочка? Ну уж нет. Тут все вышло совершенно случайно. Я действительно некоторое время отсутствовал. Так нужно было для дела. Вот мамочка и переполошилась, побежала к старому идиоту Дамкеру, а он привлек случайного человека, как там его, Анатолий, кажется. И журналистик этот... В принципе, и тот, и другой нам подходят, так что за них можете не волноваться. Пристроим.

— Чем же мне выгодна служба у вас?

— Выгодна? — Райский почесал нос. — Буду откровенен до конца. Скорее, она выгодна нам. Вы, как я понимаю, в средствах особенно не нуждаетесь. Хотя, конечно, мы платить не отказываемся. Но нас интересуют прежде всего ваши профессиональные навыки. Вы, насколько нам известно, большой дока в установке прослушивающих устройств и прочих подобных штучек. Как раз то, что нужно. Мы давно искали подходящего человека. Наконец нашли. А про выгоду... Разве вам не будет льстить, что вы причастны к Сети?

— Да как-то не особенно.

— А зря. Ведь работая с нами, вы получаете неограниченную власть над людьми. Кстати, мы вовсе не возражаем против вашего занятия частным сыском. Наоборот, приветствуем. В свою очередь, при возникновении проблем всегда поможем. Для того и создана Сеть. Взаимовыгодные контакты, короче говоря. Так вы соглашаетесь?

— А если нет, что тогда?

Райский хмыкнул.

— Возможно, превратитесь в зомби. Слишком много знаете, и просто так вас не отпустят.

“Тюкнуть, что ли, его графином по башке? — размышлял Суворов. — Выход ли это? Что делать потом?”

— И еще, — заметил Райский, словно прочитав его мысли. — Вы можете, конечно, убить меня, можете, добраться до Леонова. Но ведь в принципе это ничего не даст. Я же говорю: существует Сеть. Если бы нас было только двое, тогда, конечно, но все не так просто. Допустим, одна ячейка Сети порвется, но вся Сеть не развалится, не для того создана.

— Вы же говорили, вас только двое?

— Было, мой друг, было! А нынче все изменилось. Действуй мы на свой страх и риск, нас бы давно кокнули, а так мы представляем в какой-то мере государственные интересы. Вот именно, государственные! — Райский поднял толстенький палец вверх. — Мы не какая-нибудь шайка-лейка. За нами стоят о-го-

го какие люди! Соглашайтесь, друг мой. Не ломайте голову. Она вам еще пригодится.

— В таком случае я хотел бы потолковать с руководством.

— А я и есть руководство, для вас во всяком случае. Субординация существует и у нас. Можете, конечно, денек-другой подумать, покумекать... Но, в принципе, это ничего не меняет. Вы — наш человек. С данным фактом придется смириться. Я понимаю, что вас останавливает. Вы теряете ощущение свободы. Но существует ли в действительности эта свобода, вот в чем вопрос. А теперь ступайте. Я позову эту дуру, которая шархнула отсюда, она вас выведет.

Глава 13

Обложили, со всех сторон обложили, горько вздохнул Суворов, стоя перед фасадом здания, которое покинул минуту назад. Это был именно тот дом, куда он явился неделю назад на встречу с клиентом. Что же делать? Ему совершенно не хотелось вступать в какие-либо отношения с таинственной Сетью, тем более служить ей. С какой стати? Он вольная птица, а здесь, если верить Райскому, полный мрак. Хотя весь вопрос в том, существует ли Сеть в действительности. Возможно, ему просто морочат голову. Но, скорее всего, нечто подобное все же имеет место, как же иначе объяснить произошедшее. Конечно, он сам, несомненно, представляет интерес для любой структуры, занимающейся слежкой, шантажом, силовым давлением. Тут как раз все ясно. Но вот не блефует ли скользкий толстячок Райский, не выдает ли желаемое за действительное? Угрозы его недвусмысленны, да и свои возможности Сеть продемонстрировала весьма эффектно. Как же поступить? Можно, конечно, связаться с прессой, телевидением... Выступить, рассказать... Но кто поверит? А если и поверят, что после выступления произойдет непосредственно с ним? Есть и другой путь — сбежать. Кое-какие деньжонки у него имеются. Рвануть в какую-нибудь Аргентину или Коста-Рику, а то и дальше. Отсидеться годок-другой. Однако бегать от опасности он не привык. Да и убежишь ли? Можно, в конце концов, просто не обращать на угрозы внимания, жить как жил. А вдруг действительно превратят в зомби? Будешь ходить по улицам с разинутым ртом, из которого текут слюни. Жуть! Но выход где-то рядом, он чувствует. Эх, хотя бы с кем-нибудь посоветоваться. Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Только вот с кем? Выйти на прежних знакомых и ныне подвизающихся в спецслужбах? Нет, отпадает. Может обернуться себе дороже. Людей, на которых можно полностью положиться, среди его знакомых нет, а если правда, что Сеть работает и на государство, тут не в зомби обратят, а просто прихлопнут, и дело с концом. С кем же поделиться? С ребятами? Толькой, Валюном?... Они, конечно, не Бог весть какие мыслители, но вдруг что-то подскажут, тем более ситуация затрагивает и их.

Валюна удалось разыскать сразу же, он согласился встретиться, хотя и без особой охоты, но вот Толи дома не оказалось, и Суворов часа два ждал его у подъезда, сидя в своем "фольксвагене". Наконец парень появился. На лице его тоже не читалось особого восторга от встречи, однако парень сел в машину, плюхнувшись на сиденье рядом с Суворовым.

— Потолковать нужно, — немногословно пояснил Суворов причину своего появления. — Сейчас заедем к Валюну и поговорим.

Толя молча пожал плечами. От него попахивало спиртным, и Суворову это обстоятельство не понравилось, хотя он смолчал.

Наконец к ним присоединился третий участник приключений. Теперь все оказались в сборе.

— Я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие, — начал Суворов, скрывая за иронией беспокойство.

— К нам едет ревизор, — тут же дополнил бойкий Валюн.

— Дела обстоят куда хуже, — оборвал его Суворов. — Вот послушайте... — И он стал повествовать о последних событиях, передав разговор с Райским почти дословно.

На протяжении всего рассказа соратники напряженно слушали и не перебивали вопросами, но как только Суворов закончил словами "вот, пожалуй, и все", молчание сразу кончилось.

— Ничего себе! — воскликнул Толя.

— Н-да, попали, — вторил ему Валюн. — Что же делать?

— А по-вашему?

Ребята замолкли, видимо, собираясь с мыслями.

— Может, согласиться? — наконец вымолвил Валюн.

— Ну, конечно! — тотчас возразил Толя. — Я так и знал!

— Что знал?

— А то! Слабак ты — вот и весь базар.

— При чем тут я? Речь, по-моему, не только обо мне. Нас всех касается. Ты что, хочешь превратиться в ходячего мертвеца?

— А если все это — туфта?

— А если нет?

— Все равно я этим уродам служить не желаю. Не на того напали.

— Послушайте, ребята, — прекратил препирательства Суворов. — Речь, собственно, шла исключительно обо мне. Вы, так сказать, с боку припеку. На вашем участии в Сети Райский не настаивал. Я просто хотел посоветоваться...

— В таком случае, это меняет дело, — повеселел Валюн.

— Ничего не меняет, — отпарировал Толя. — Все завязаны, всем и решать.

— А чего решать?

— Как поступить, естественно. Продаться этим нелюдям с потрохами, или бороться.

— Борец какой выискался!

— В отличие от тебя!

— Хватит выяснять отношения! — прикрикнул Суворов. — Дело говорите!

— Можно пойти в Останкино и рассказать все по телеку. Найти какого-нибудь крутого телеведущего. Пусть все знают, — предложил Толя.

— Я думал об этом. Но поверят ли нам?

— Не поверят, — заявил Валюн, — а, скорее всего, и разговаривать не будут. Там все схвачено. На экран выпускают только по знакомству или по команде сверху, уж я-то знаю. Если эта Сеть действительно настолько могущественна, то наверняка наложат запрет. А потом нам всем труба. Замочат.

— Можно сделать по-другому, — не сдавался Толя. — Отправиться в их логово, захватить Райского, надежно спрятать и потребовать в обмен, чтобы от нас отстали.

— Здание отлично охраняется. Сам убедился. Но, допустим, нам удастся захватить Райского. Что с ним делать? Куда везти? Потом, похищение людей карается длительным заключением. Нас тотчас же вычислят... Такой вариант не подходит. Думайте, думайте...

— Есть у меня одна мыслишка, — неуверенно проговорил Толя.

— Ну?

— Давайте съездим к Дамкеру, посоветуемся. Умнейший старик, между прочим... И на матушку Райского имеет влияние. Может, чего подскажет?

— Дамкер, кажется, твой наниматель?

— Ага.

Суворов скривился.

— Поговорить, конечно, можно, но что это даст? В принципе мы ничего не теряем. Но, с другой стороны, думаю, и не приобретаем. Ты говорил, он собирается в Штаты?

— Собирается.

— Не до нас ему, наверное. Чемоданы складывает, с близкими прощается.

— И все-таки сходить нужно. Он человек толковый, да и в беде не оставит.

— Ни к какому Дамкеру я не пойду, — заявил Валюн. — И другим не советую. Тоже советчик нашелся. Втянул тебя, дурака, в историю, а теперь советы давать должен. Да нужны мы ему! Я считаю так. Выпутываться мы должны сами. А поступить стоит следующим образом: принять предложение. Представьте, допустим, на вас наехали бандиты. Что вы станете делать в таком случае? Постараетесь договориться. А уж если не получится, будете искать братков покруче. Но те, что покруче, могут и условия поставить более крутые. Лично меня устраивает любой вариант. Я лично им и не особенно нужен, поэтому просто выхожу из игры. За сим позвольте откланяться. — Валюн потянулся к дверной ручке, собираясь выйти из машины.

— Скотина ты! — сказал Толя. — Добра не помнишь.

— Какого добра? Возможно, я не романтик, но и вы на романтиков не очень-то похожи. Отношения с Сетью — ваши проблемы. Выпутывайтесь, как хотите, а с меня хватит!

Суворов молчал, сохраняя спокойствие, однако желваки на скулах так и ходили.

— Ладно, вали, — произнес он наконец. — А мы поедем к Дамкеру.

Дамкер встретил их без особого восторга, но доброжелательно.

— Проходи, Анатолий, — добродушно сказал он, — и товарищ твой пусть не стесняется. Надеюсь, не грабить меня явились.

— Что вы, дядя Изя! — воскликнул Толя.

— Сейчас всего можно ждать, — грустно произнес Дамкер и вздохнул. — Времена нынче, прямо скажем, черные. Что вас привело ко мне?

Суворов осмотрелся. Действительно, все говорило о сборах в дорогу. Кругом валялись предметы домашнего обихода: одежда, туалетные принадлежности, книги...

Зря мы сюда явились, подумал он, разглядывая старого еврея. Совсем я голову потерял. Глупость за глупостью совершаю.

— Послезавтра отбываю, — скорбно сообщил Дамкер.

— Насовсем? — поинтересовался Толя.

— Если б кто знал, — всплеснул руками Дамкер. — На старости лет такое чудачество совершаю. На кой мне сдалась эта Америка? Сколько еще коптить небо? Лег бы рядом с Симой на Востряковском. Так нет! В дорогу потянуло, как тех скаженных. Ладно, хватит причитать, так что у вас?

— Опять по поводу Райского, — пояснил Толя.

— Разве он не нашелся?

— Нашелся, но возникли большие проблемы.

— Ну-ну?

И Толя, сбиваясь и перескакивая с пятого на десятое, стал рассказывать о событиях минувших дней.

Дамкер щурил близорукие глаза, почесывал вислый нос, и на грустном его лице читалось полное недоумение.

— Ничего не понял, — произнес он, когда Толя наконец закончил свой рассказ. — Какие мертвецы, какие зомби?! Как все понимать? А вот вы, — обратился он к Суворову, — собственно, кто?

— Наверное, нам лучше не морочить вам голову, а оставить в покое. У вас, смотрю, своих проблем хватает, — ответил Суворов.

— Нет, молодой человек, позвольте! Я втянул Анатолия в эту историю, и я хочу разобраться. Мне не безразлична собственная репутация. Уеду я в Америку, а добрые люди меня по углам хаять начнут! Давайте разберемся!

— Ладно, — вздохнул Суворов. — Раз вы настаиваете, я расскажу. По роду занятий я — частный детектив. Неделью назад... — и он, стараясь говорить кратко, изложил суть дела.

— Вы производите впечатление здравомыслящего человека, — заметил Дамкер, теребя нос. — Хотя рассказ ваш кажется невероятным. Однако приходится верить на слово. И правильно сделали, что пришли ко мне. — Он так яростно затеребил нос, словно хотел совсем оторвать его. — Как же вам помочь? Можно позвонить Юркиной маме, Капе. Потребовать ее к ответу, чтобы своего лайдака приструнила.

Суворов засмеялся:

— Боюсь, это ничего не даст. Если все действительно обстоит так, как он представил, ни мама, ни папа не помогут. Люди за Райским серьезные, а собственная жизнь дороже.

— Нет, погодите, — упорствовал Дамкер. — Вы Капитолину не знаете. Она горы своротит, если нужно.

— Допустим, это один из вариантов. А не можете предложить что-либо еще?

— Еще... еще?..

— И оставьте в покое нос, — грубовато заметил Суворов. — А то в Америке вас не узнают.

— Ценю юмор, — захихикал Дамкер. — Вы, я вижу, человек веселый.

— Да уж, куда веселей.

— Ничего я в компьютерной премудрости не понимаю, — удрученно промолвил Дамкер. — Это надо же додуматься — из людей идиотов делать. Каково! Я говорю, времена нынче... Ладно, думай, Изя, думай. К тебе пришли люди за советом, им нужно помочь. И я-таки помогу.

Вид и поведение Дамкера развеселили Суворова. Он уже понял: никакого толку от него не будет, но продолжал сидеть и слушать забавного старика.

Дамкер забегал по комнате, натываясь на разбросанные вещи, время от времени хватая себя за нос, но тут же отдергивая руку.

— Есть один ход! — неожиданно выкрикнул он. — Я страшно не хочу уезжать из Москвы. Уедешь — сдохнешь на чужбине. Думал-думал, как отделаться от Америки, и, кажется, надумал. На верную мысль натолкнул ваш приход. Наконец понял, что нужно делать. Надо жениться!

— Чего? — недоуменно пробормотал Толя.

— Именно! Женюсь! На Капе. Я один, она одна... — Он торжественно взглянул на Суворова. — Вы, молодой человек, улавливаете ход моих мыслей?

— Не совсем.

— Да как же! Тогда Юрка Райский как бы становится моим сыном, и мы все решим по-семейному.

— Бред какой-то!

— Ничего не бред. Все очень логично. Ведь вдвоем, я и Капа, мы на него воздействуем и убедим оставить вас в покое.

— Ну, вы даете! — засмеялся Суворов. — Довольно оригинальный выход из положения. Да он и слушать вас не станет.

— Станет, еще как станет! Я не потерплю сыночка-уголовничка. Человек я крутой, если что, и поколотить смогу.

— А мать Райского пойдет за вас? — вмешался Толя.

— Да куда ж ей деваться? Мы столько лет вместе... А поездку в Америку можно по такому поводу и отложить.

Суворов поднялся.

— Ладно, — сказал он с усмешкой. — Решайте ваши матриониальные проблемы, а мы пошли.

— Нет, не пошли, не пошли! Сидите и ждите. Сейчас я позволю Капе, пригласу ее сюда, и при вас официально сделаю предложение.

— Да мы-то тут при чем?

— А разве нет? Сейчас, сейчас... — Он схватил телефонную трубку. — Капа, золотко мое, срочно, сию минуту приходи ко мне... Вопрос жизни и смерти. Да, немедленно! Умоляю, дело не терпит отлагательств. Все узнаешь, когда придешь... Важно, очень важно. Абгемахт, — сказал Дамкер, положив трубку.

— Рано радуетесь, — хмыкнул Суворов, — а вдруг она не согласится?

— Молодой человек, вы оскорбляете во мне мужчину. Еще ни разу в жизни я не получал от женщины отказа. Подход важен, подход! А пока по такому случаю можно и чуть-чуть пригубить. — Дамкер отправился на кухню и скоро явился, неся объемистую бутылку. — Пейсаховка, еврейская водка, — прокомментировал он, разливая напиток по старинным, зеленого стекла, рюмкам. — Рекомендую, благотворно воздействует на сердце, расслабляет аорту или что-то там еще.

Все происходящее напоминало Суворову водевиль. И, как ни странно, на душе у него вдруг стало легко и свободно. Словно и не было ночных погонь, кошмаров и зловещих угроз. А, может, и действительно ничего не произошло? Иллюзии продолжаются? Он пригубил свою рюмку. Водка отдавала изюмом и сластила, но в общем-то, оказалась неплоха. Вот и жизнь, как эта водка, и сладкая, и горькая одновременно. Тем, наверное, и хороша.

Раздался звонок в дверь, и на пороге появилась видная осанистая старуха, сохранившая, несмотря на годы, статность и привлекательность. Она строго оглядела присутствующих и остановилась на Дамкере:

— Выкладывай, Изя, зачем звал? Или вам не хватает четвертого? — она выразительно щелкнула себя по горлу. — Алкашом на старости лет заделался?

— Не нужно причитать, Капа. Послушай! Я позвал тебя, чтобы сделать предложение.

— Какое еще предложение?

— Выходи за меня замуж.

Мадам Райская вытаращила на Дамкера яркие голубые глаза.

— Ты, бедолага, видать, сбрендил. Или водочки перебрал.

— Совершенно официально, при свидетелях, заявляю: находясь в здравом уме и твердой памяти, предлагаю вам стать моей женой.

Капитолина захохотала:

— Значит, замуж зовешь? В синагоге, что ли, венчаться? Я, между прочим, православная.

— Не надо синагоги. Запишемся в загсе. Так ты согласна?

Старуха села и насмешливым взглядом обвела присутствующих:

— Поясни, почему такая спешка?

— Не хочу я, Капа, уезжать.

— Ах, вон оно что! Вы, евреи, обязательно свою выгоду в каждом деле имеете. Не пойду я за тебя, Дамкер. Не по-людски ведешь себя. Разве так предложение делают?

— Прости меня, старого дурака, Капа, за все прости! — На глазах у Дамкера выступили непритворные слезы. Он неожиданно упал перед старухой на колени. — Понимаю, глупость сморзил. Но ведь от чувств! Выходи за меня, не отказывай старику в последней просьбе. Один я остался... один как перст.

— У тебя сынок имеется.

— Да где он? За семью морями! А ты здесь!

— Раньше надо было думать. — Капитолина явно начинала поддаваться на уговоры.

— Лучше поздно, чем никогда, — встрял Толя и хлопнул еще одну рюмаку.

Старуха презрительно взглянула на парня.

— Еще один советчик выискался. Ведь это ты моего Юрку искал? Рассказала я ему про выкрутасы. Он только посмеялся над глупцами. — Она выразительно посмотрела на Дамкера.

— Так ты согласна? — закричал Дамкер, не вставая с колен.

— Подумать нужно. Когда улетаешь?

— Послезавтра, сахарная моя, послезавтра. Некогда думать. А через месяц-другой с тобой вместе за океан отправимся.

— Нет, Изя. Не нужен мне твой “заокеан”. Да и ты сам...

— Капа, если не выйдешь за меня, я повешусь! Представь, входишь ты сюда, а я болтаюсь... — Дамкер обвел глазами комнату, — вон хоть на крюке для люстры. Ты этого хочешь? Я не шучу!

— Евреям их Бог вешаться запрещает.

— Только не нужно про Бога! Умоляю, не бери грех на душу. Ка-па!!!

— Ладно, старик, — хмуро произнесла Капитолина. — Будь по-твоему. — Но глаза ее смеялись. — Уважу очередную блажь.

— А эти господа — мои свидетели. — Дамкер указал на своих гостей.

— Я так и знала. Нашел себе друзей. Хотя какая разница.

— Ловко вы, однако, все повернули, — произнес Райский, с уважением глядя на Суворова.

Слова произносились во время ужина в ресторане “Прага”. Кроме них двоих, за столом сидели Толя и новобрачные. Мероприятие, как несколько официально выразался Дамкер, посвящено было только что состоявшемуся бракосочетанию. Заиграла негромкая музыка, и жених пригласил невесту танцевать. Подвыпивший Толя тоже сорвался со своего места и отправился на поиски приключений. До сего дня он ни разу не посещал “Прагу” и, потрясенный роскошью заведения, непрерывно вертел головой. Райский начал разговор, когда за столом они остались одни.

— Ловко, ловко, — повторил Райский. — Прямо-таки потрясает подобное проворство. Охмурили старикашку, сосватали матушку мою... Изя тут со мной беседовал. Просил оставить вас в покое, даже ногами топал...

Суворов молчал, ожидая продолжения.

— Конечно, теперь, — продолжал Райский, — ситуация поменялась. Ради любимой мамы я готов на все. По правде говоря, она давно мечтала выйти замуж за старого греховодника, только гордость не позволяла действовать решительней. И вот мечта ее исполнилась. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. И я откровенно рад. Она пристроена, и у меня руки развязаны. Спасибо вам, дорогой товарищ сыщик.

Суворову послышалась ирония в его словах, и он внимательно изучал лицо Райского. Физиономия заботливого сыночка напоминала маску. Несколько глуповатое выражение обескураживало. Райский достал накрахмаленный платочек, вытер со лба пот и вновь взглянул на Суворова.

— Давайте выпьем. — Он потянулся к бутылке шампанского, наполнил два фужера, залпом выпил свой. — У меня, конечно, возникли большие проблемы. Когда я завел разговор на ваш счет, меня не поняли. Но я просил, очень просил... — Райский вновь наполнил свой фужер. — Давайте выпьем за взаимопонимание. — Он сделал несколько глотков, но тут же резко поставил фужер на стол, расплескав содержимое. — Понимаете, в чем дело? Пока нас с Леоновым было двое, все казалось несерьезным, вроде игры. Экспериментировали, разрабатывали программы. Но теперь, как я уже говорил, происходящее настолько серьезно, что я, право, не знаю... По сути, я уже не нужен. Схема отлажена, идеи воплощены в жизнь, колесики крутятся, а я... Когда вчера завел разговор на ваш счет, мне так и сказали: “Ты, мол, Юра, при всех своих способностях, шестеренка, вернее, шестерка”. Надо мной громоз-

дятся страшные люди, и не просто страшные, а обладающие невероятным могуществом. С Сетью не шутят! Понимаете? Поскольку вы в курсе, буду до конца откровенен. Сеть вышла за пределы страны и превратилась в некий международный синдикат. Влияние ее растет день ото дня. И любого, кто встанет на пути, она безжалостно уничтожает. Вас, меня... какая разница. Незаменимых не бывает. На то она и Сеть. Дала сбой одна ячейка, ее выбрасывают и заменяют другой. Мне, конечно, обещали оставить вас в покое, но верить им я не могу. Хотя, с другой стороны, не понимаю, почему вы отказываетесь сотрудничать. Не все ли равно, кому служить? Может, переживаете?

Суворов собирался ответить, но в этот момент к столику подошла раскрасневшаяся парочка молодоженов.

— Беседуете? — весело спросил Дамкер. — Надеюсь, нашли общий язык?

— Да уж, конечно, нашли, — подтвердила Капитолина. — С моим Юрочкой договориться несложно, если он маму послушает. Но ведь ты послушаешь?

Райский задергал головой, словно отгоняя назойливую муху, и Суворову неожиданно стало его жалко. Странный парень. Дожил до седых волос, а до сих пор — маменькин сынок. И сбивчивые объяснения не вносили ясности. Оставят ли его в покое? Скорее всего, нет. Возможно, дадут передышку, а потом вновь начнут душить. Во всяком случае, он получил отсрочку. Что ж, и на том спасибо.

— Вы почему сидите с каменным лицом? — обратился к Суворову Дамкер. — Сегодня праздник, нужно веселиться, выпивайте, закусывайте. Поверьте, все будет хорошо.

В это мгновение у столика возникла странная фигура. Суворов поднял глаза, перед ним стоял Валюн.

— Здравствуйте, — произнес журналист.

— А это еще кто? — недовольно спросила Капитолина.

— Вот он мне нужен. — Валюн ткнул пальцем в Суворова.

Тот поднялся и внимательно посмотрел на нежданного гостя. Видок у парнишки был довольно странный. На бледном лице лихорадочно блуждали беспокойные черные глаза. Бисеринки пота усеивали лоб и скулы. Он почему-то постоянно морщился, словно только что сжевал целый лимон.

Пьян, решил Суворов, но ошибся. Валюн не выпил ни капли.

— Чего тебе? — спросил он у журналиста.

— Вас мне нужно, — монотонно повторил Валюн.

— Зачем?

— Дело... мне приказали...

— Какое еще дело?

Не вдаваясь в объяснения, Валюн выхватил из кармана длинный острый предмет, как оказалось, шило, и вонзил его Суворову в грудь.

Острейшая, ярчайшая, как молния, боль пронзила все существо частного детектива. Суворов слабо вскрикнул, колени его подогнулись, и он повалился на пол, не слыша ни истошных воплей Капитолины, ни рева подскочившего к нему Толи. Все завертелось перед глазами: перекошенное лицо Дамкера, разинутый в крике щербатый рот Райского, злобный и тоскливый, словно у загнанной в угол собаки, оскал Валюна. Воронка, стремительно засасывавшая его, превратилась в трубу с зыбкими краями. Он улетал все дальше и дальше, а перед мысленным взором в калейдоскопическом вихре проносились картинки собственной пестрой жизни. И еще, где-то в самой глубине меркнувшего сознания родилось чувство, что все происходящее с ним уже когда-то было и сейчас лишь вновь повторяется, и будет повторяться целую вечность.

Последнее, что воспринял разум, пришедший извне металлический голос, тоже ранее уже слышанный: "Игра окончена... игра окончена..."

ЭПИЛОГ

Райский открыл глаза, встал с кушетки и потянулся, потом потряс головой, отгоняя наваждение, и выключил аппаратуру.

— Сеанс окончен! — громко произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь, после чего отправился на кухню и стал варить крепчайший кофе.

Неплохо сработано, размышлял Райский, качественно, и главное, весьма достоверно. Больше всего его удивляло то обстоятельство, что в момент действия программы время то спрессовывалось, то растягивалось до бесконечности. Вот, скажем, сейчас, действие происходит в течение недели, а в реальности программа длится чуть больше трех часов. Но главное достижение в другом. В ходе действия программы на индивида тот совершенно теряет ощущение своего "я" и полностью растворяется в программе, но как только программа заканчивается, сознание включается вновь, причем человек помнит все происшедшее с ним в иллюзорном мире до мельчайших подробностей. Он сопереживает вместе с главным героем и основными действующими лицами: радуется, страдает, его ощущения ничем не отличаются от реальных. Конечно, виртуальные игры — неплохая штука, но его, Райского, изобретение нельзя даже сравнивать ни с какими шлемами. Это действительно открытие века — двадцать первого века, конечно же! Сканирование мозга — штука непредсказуемая. Скорее всего, в дальнейшем удастся стабилизировать воздействие аппаратуры на сознание, но пока в психике происходят необратимые изменения, и восстановить нормальное ее функционирование практически невозможно. Поэтому приходится подыскивать на главные роли людей одиноких, о которых через неделю никто и не вспомнит. Таких, скажем, как этот Суворов. Сейчас он находится в коме, и что с ним делать дальше, непонят-

но. Хотя это не его забота. А с другой стороны, почему он должен испытывать угрызения совести? Мало ли людей ежедневно гибнет на дорогах? Такова жизнь, а искусство требует жертв. И не только искусство, усмехнулся Райский.

Над туркой поднялась шапка кофейной пены, и Райский поспешно выключил газ. Налил себе чашечку. Кофе оказался именно таким, какой он любил. Райский сделал несколько глотков, но потом отставил чашечку в сторону, продолжая напряженно размышлять. Для программы потребовалось три реальных персонажа: Суворов, Толя и журналист. Остальных он смоделировал сам, поскольку прекрасно знал оригиналы. С Суворовым все ясно, журналистик тоже съехал с катушек, а вот на Толю сканирование не подействовало. Либо мозгов маловато и устроены они примитивно, либо странности еще проявятся. Так или иначе, все трое — отработанный материал, дело, собственно, не в них. Его беспокоит сам сценарий. Возможно, он несколько схематичен, хватает и условностей, плохо прописан задний фон, который приходилось вуалировать дымкой или туманными очертаниями домов. Но ведь все прокручивается через восприятие главных героев, и здесь придаться не к чему. Некоторый уклон в мистику? Он, наоборот, очень даже кстати. Нестыковки отдельных планов? На сей счет, кажется, все в порядке, действие не утомляет, поскольку раскручивается достаточно динамично. А каково воздействие! Сеть несомненно останется довольна, и это главное. Может быть, еще разок посмотреть программу? Посмаковать отдельные сцены, оценить в последний раз. Неплохая мыслишка.

— Жизнь — это сон, — произнес Райский с усмешкой, вновь включил аппаратуру и улегся на кушетку.

Лифт хрюкнул и остановился. Суворов вышел и двинулся по обшарпанному коридору, по обеим сторонам которого располагались многочисленные двери. Вот и нужная. На ней приколата визитная карточка с одним только словом "Вектор". Суворов остановился перед ней, и внезапно у него родилось ощущение, что происходящее уже когда-то с ним случалось... ■

Весенний витаминоз

Игорь ЛОГВИНОВ

Только 5-7 процентов россиян регулярно принимают витамины.

Кто из нас не отмечал весной и в начале лета ухудшение самочувствия, спад жизненной активности, повышенную утомляемость, раздражительность? Исследования, проведенные Институтом питания Академии медицинских наук, свидетельствуют, что главной причиной весенней усталости и недомогания является витаминная недостаточность.

В принципе авитаминоз есть у каждого из нас, всем нам чего-то не хватает в большей или меньшей степени. Но есть витамины, которые являются особо остродефицитными. К ним относится **витамин А (ретинол)**, его еще называют "витамином красоты". Установлено, что ретинол улучшает обменные процессы в организме, влияет на обмен липидов (жиров и жироподобных веществ), холестерина, синтез нуклеиновых кислот и гормонов. Он повышает устойчивость организма к инфекции и участвует в процессах биосинтеза тел. Витамин А в сочетании с природными и синтетическими антиоксидантами применяют для профилактики атеросклероза, ишемической болезни сердца.

Ретинол может накапливаться в организме, длительно обеспечивая его потребности. При его недостатке ухудшается зрение, нарушается пигментация кожного

покрова, вплоть до возникновения гнойничковых поражений кожи, развиваются заболевания дыхательных органов, кишечника и мочевыводящих путей. Поэтому витамин А нужно принимать всем обязательно, особенно зимой и ранней весной, когда с пищей в человеческий организм витаминов поступает недостаточно.

В чистом виде витамин А содержится в продуктах животного происхождения. Особенно много его в рыбьем жире, говяжьей и свиной печени. А также во всех фруктах и овощах, которые имеют красную или оранжевую окраску. Не зря же японцы, и взрослые, и особенно дети, стараются съесть по одному оранжевому плоду в день. У нас больше всего витамина А находится в ягодах облепихи. Но облепиха содержит много кислот и человеку с повышенной кислотностью, может быть, лучше сделать акцент на ягодах рябины, плодах шиповника, красном перце, щавеле, зеленом луке, салате, зелени, петрушке и моркови. Большинство из этих растений можно вырастить на любом приусадебном участке. При некоторых болезнях, например, при заболеваниях щитовидной железы, витамин А может не усваиваться из пищи. Зато в таблетках его можно принимать без всяких ограничений.

Витамин С, или аскорбиновая кислота повышает защитные

силы организма, укрепляет иммунитет, регулирует окислительно-восстановительные процессы, снижает уровень холестерина, участвует в образовании стероидных гормонов. Аскорбинка, как ее любовно называют в народе, обладает ярко выраженными антиоксидантными свойствами, играет важную роль в поддержании нормального функционирования сердечно-сосудистой системы, печени и других органов.

Знаменитый американский ученый, дважды удостоенный Нобелевской премии, доктор Лайнус Полинг в своей книге "Витамин С и обычная простуда" утверждает, что большинство простудных заболеваний могут быть предотвращены или существенно ослаблены, если принимать повышенное количество витамина С (оптимальная доза по 250 мг четыре раза в день во время еды). При начавшемся простудном заболевании суточная доза аскорбиновой кислоты (витамина С) должна составлять 4 г, в последующие 3-4 дня — 3 г, затем в течение 7-9 дней — 1-2 г. Почему, допустим, аспирин идет в комплексе с витамином С? Именно для того, чтобы на фоне заболевания все силы организма мобилизовать на борьбу с простудой. Так что вместо жевательной резинки лучше купить ребенку ту же аскорбинку с глюкозой — сейчас их выпускают в виде конфет — с медицинской точки зрения это гораздо полезнее.

Витамин С не может синтезироваться в организме человека, поэтому потребность в нем должна постоянно удовлетворяться с пищей. Однако, по данным Института питания Академии медицинских наук, обычный рацион, вклю-

чающий в себя фрукты, овощи, соки, дает всего 100-300 мг витамина С в день. Поэтому необходимо принимать синтетическую аскорбиновую кислоту. Она входит практически во все поливитаминные комплексы и продается отдельно. Что касается ее токсичности, то она несравненно менее вредна, чем аспирин, пирамидон и прочие лекарственные средства, используемые при простудных заболеваниях.

Витамин С можно принимать всем. Он выпускается в драже по 50 мг, таблетках с глюкозой (для детей) по 25 мг и в таблетках по 100 мг. В натуральном виде витамин С содержится больше всего в плодах шиповника, черноплодной рябины, облепихи. Богаты им также черная смородина, лимоны, апельсины, капуста. Отмечено, что дополнительный прием аскорбиновой кислоты способствует снижению смертности от инфарктов и инсультов, онкологической заболеваемости, облегчает течение ряда заболеваний (гепатита, радикулита) и ускоряет процесс выздоровления.

Витамин Р рекомендуется принимать для укрепления сосудистой системы, так как он снижает проницаемость сосудистой стенки и оказывает капилляроукрепляющее действие, понижает артериальное давление, активизирует окислительные процессы в тканях. Наибольшее распространение получил препарат под названием рутин. Его выпускают в таблетках по 0,02 г и назначают по одной таблетке два-три раза в день. Нашей фармацевтической промышленностью выпускаются таблетки рутина с аскорбиновой кислотой — аскорутин (одна таб-

летка содержит по 0,05 г рутина и аскорбинки). Этот препарат недорогой и прекрасно зарекомендовал себя. Аскорутин оказывает положительное влияние на физическую работоспособность, его рекомендуют принимать спортсменам в период высоких тренировочных нагрузок.

Витамины группы В — **В₁, В₂, В₃, В₆, В₁₂, В₁₅** — играют важную роль в белковом, углеводном и жировом обмене, оказывают положительное влияние на секреторную функцию желудка, улучшают работу нервной системы и печени. **Витамин В₃**, известный еще под названием никотиновая кислота, назначается при заболеваниях печени и желудочно-кишечного тракта, при спазмах сосудов головного мозга, конечностей, почек, при инфекционных заболеваниях в дозе по 50 мг 2 раза в день. **Витамин В₆** участвует в обмене жиров, оказывает регулирующее влияние на нервную систему, участвует в кроветворении, улучшает липидный обмен при атеросклерозе, усиливает секрецию желудочного сока и повышает его кислотность. **Витамин В₁₂** понижает содержание холестерина в крови и активизирует свертывающую систему крови. Витамины этой группы содержатся в рисе низких сортов, в злаковых культурах, например, в хлебе из муки грубого помола. У каждого из них своя функция, и они присутствуют во многих поливитаминных комплексах.

Самостоятельно комбинировать различные витаминные препараты довольно трудно. Нужно хорошо знать дозировку и эффект их взаимодействия. Поэтому гораздо удобнее и эффективнее ис-

пользовать специально подобранные группы поливитаминов. Отечественная фармацевтическая промышленность выпускает ряд поливитаминных препаратов: "Декамевит", "Азровит", "Ундевит", в которых витамины находятся в оптимальном для организма соотношении. Назначают их по 1-2 драже или таблетки 1-2 раза в день после еды.

Выбирая поливитаминный комплекс, вы должны учитывать, кому предназначен препарат. "Декамевит" и "Ундевит" рассчитаны на людей зрелого и пожилого возраста. В них содержится **витамин Е**, который препятствует старению организма. Детям более показаны — "Ревит" и "Гексавит", где содержится **витамин Д**, необходимый для правильного физического развития ребенка. Есть специальные витаминные комплексы для женщин.

— Я бы не хотела заниматься рекламой какой-то отдельной фирмы, но лично мне очень нравятся витамины "Кожа, волосы, ногти", мы в нашем институте их сокращенно называем "КВН", — рассказала заместитель директора НИИ фармации, кандидат фармацевтических наук Людмила Владимировна Анашкина. — Они входят в группу поливитаминных препаратов под общим названием "Ледиз формула". Эти витамины представляют собой достаточно большую капсулу. Они успешно прошли у нас клинические испытания, зарегистрированы Минздравом и продаются в аптеках. Этот препарат особенно хорош тем, что он предназначен именно для женщин. Состав витаминов подобран с учетом особенностей женского организма, таких, как,

допустим, менопауза или подверженность стрессовым ситуациям. Есть специально подобранные комплексы и для беременных, и для тех, у кого беременность протекает с осложнениями, и для кормящих женщин. Не буду перечислять состав этого многокомпонентного препарата, он указан на упаковке. Я не хочу, чтобы вы думали, что он излечивает от всех болезней, но определенную поддержку организму дает.

Мы не выделяем какой-то один витаминный комплекс. Потому что немало и других хороших препаратов — и "Центрум", и "Витрум", и не надо забывать наши витамины. У нас неплохая "витаминная" промышленность, она выпускает большое количество разнообразных препаратов. А главное — они дешевле импортных аналогов и поэтому вполне доступны многим.

Поливитаминовые комплексы незаменимы для предупреждения витаминной недостаточности, при больших физических нагрузках, а также для улучшения обмена веществ и уменьшения побочных влияний лекарственных препаратов. Однако часто бывает так, что человек глотает большое количество витаминов и удивляется, почему это не помогает. Все дело в том, что он принимает их неправильно. Витамины нужно принимать только во время еды, и обязательно вместе с микроэлементами. На упаковках хороших витаминов обычно печатают мелким шрифтом два списка. Верхний — это собственно витамины, а нижний — это микроэлементы: цинк, железо, различные минеральные и органические вещества, которые тоже необходимы человеческому организму.

В весенний период особенно остро ощущается нехватка селена, этот минерал если и поступает из почвы в овощи и фрукты, то в очень малых количествах. Поэтому он входит практически во все поливитаминово-минеральные комплексы. В связи с неблагоприятной экологией в последние годы человеческому организму стало не хватать йода. Поэтому я бы посоветовал читателям покупать йодированную поваренную соль или использовать вместо обычной соли морскую капусту, которая продается в виде порошка в аптеке. Полезно употреблять в пищу морскую капусту и в виде салата.

Мы говорим о пользе витаминов, а может ли быть от них вред, спросит какой-нибудь читатель. Однозначно можно сказать, что никакого вреда не будет, если вы сделаете добавку к пище в виде поливитаминов. Передозировки опасаться тоже не следует. В инструкции, которая прилагается к витаминам, указано, как их принимать и в каком количестве. Превышать дозу не нужно, не думайте, что если вы будете есть витаминов больше, то будет лучше — организм не усвоит лишнего.

Вообще, если говорить всерьез, то во всем мире витамины идут как пищевая добавка. Для их употребления не требуется рекомендаций врача. Они могут свободно продаваться в любом магазине, без всяких рецептов и ограничений по отпуску. У нас, в России, так уж сложилось, что витамины принадлежат к разряду лекарственных средств и продаются исключительно в аптеках.

Витамины не имеют противопоказаний, надо только выбрать

то, что нужно именно вам. Не гонитесь за ценой, посмотрите, какие витамины и микроэлементы входят в состав препарата. Постарайтесь подобрать комплекс витаминов и минеральных веществ в соответствии со своим возрастом. Если вы уже в пожилом возрасте, то вам незачем принимать "детские" витамины — это нелепо. А если у вас дома есть "Ундевит", то совершенно не обязательно давать его ребенку. Не надо гнаться за красивой упаковкой и за знаком фирмы. В случае затруднений посоветуйтесь с врачом, который, исходя из вашего общего состояния, может вам порекомендовать тот или иной комплекс. Будет ли это группа "Ледиз формула", "Центрум", "Витрум" или какие-то отечественные витамины — не так уж и важно. В принципе любой поливитаминно-минеральный комплекс полезен для здоровья.

Возникает вопрос, а нужно ли летом, когда большое количество свежих овощей и фруктов, принимать поливитамины? Конечно, основной упор все-таки нужно сделать на зиму и весну, причем весну раннюю. Когда после тяжелой зимы, перенеся гриппы и простудные заболевания, организм, лишенный солнечных лучей, ослаблен и требует поддержки. Чем его можно поддержать? Конечно, витаминами. Но в овощах и фруктах витаминов ранней весной еще мало, да они и не дешевы в это время. Поэтому следует принимать поливитаминные препараты.

К середине весны уже и солнца больше, и появляется свежая зелень, петрушка, укроп, зеленый лук — это все витамины. Однако помимо витаминов вы должны получать и минеральные добавки,

которых поступает к нам с пищей в недостаточном количестве. Ведь в овощах и фруктах есть далеко не все, что требуется вашему организму. Съев, к примеру, апельсин, вы получите достаточную дозу витамина С и А, но вы не получите ни витамина Д, ни витамина Е и так далее. Между тем все недостающее вы можете получить, приняв одну таблетку в день. Поэтому поливитаминно-минеральные комплексы могут быть полезны и летом.

В заключение несколько слов о наиболее ценных витаминных растениях и овощах.

Яблоки. Обладают способностью поглощать и выводить из организма радиоактивные элементы, ионы тяжелых металлов, в том числе канцерогенные вещества, а это очень важно для профилактики рака толстого кишечника. Специальные исследования показали, что уже одно-два съеденных в день яблока снижают уровень холестерина на 10 мг.

Баклажан. Содержит немало калия (226 мг на 100 г овоща), а этот микроэлемент чрезвычайно важен для нормального функционирования клетки. В особенности калий необходим людям с нарушениями деятельности сердечно-сосудистой системы, так как он улучшает работу сердечной мышцы, способствует нормализации водного обмена. При сравнительно небольшой калорийности баклажан содержит много пищевых волокон, которые стимулируют двигательную функцию кишечника, улучшают желчеотделение, обменные процессы.

Вишня. Плоды ее содержат пектин, органические кислоты (в основном яблочную и лимонную),

дубильные вещества, витамины С, В, РР, каротин, фолиевую кислоту. А также минеральные вещества: калий, железо, магний, и особенно много — меди. Вишня обладает антисептическими свойствами, производит отхаркивающий эффект, в связи с чем ее используют при заболеваниях верхних дыхательных путей. А также — при тромбофлебитах.

Груша. Каждой женщине, имеющей малыша, надо знать, что груши (совсем необязательно свежие, хороши и сушеные) содержат дубильные вещества и являются превосходным закрепляющим средством. Они оказывают выраженное противомикробное действие (благодаря содержащемуся в них антибиотику арбутину и большому количеству органических кислот), проявляемое не только в отношении кишечной флоры, но и бактерий, вызывающих воспалительные заболевания почек и мочевыводящих путей.

Земляника лесная. Чрезвычайно богата органическими кислотами, эфирными маслами и витаминами (особенно витамином С). В листьях земляники содержится марганец. В семенах — много железа, в корневищах — дубильных веществ и железа. Хороший эффект ягоды и листья земляники оказывают при воспалениях желудочно-кишечного тракта, заболеваниях селезенки, анемии, геморрое, а наружно — в виде компрессов при застарелых язвах, мокнувших ранах, диатезе, лишаях, сыпях, экземе. Отвар и настой сухих ягод и листьев применяется для полоскания рта и гортани при воспалениях десен и тонзиллите, а также как мочегонное средство при лечении подагры,

каменной в почках, заболеваний мочевого пузыря.

Облепиха. Одно из самых полезных растений. Содержит большое количество витаминов С, А, В₁, В₂, В₆, Е, яблочную и виноградную кислоты, микроэлементы, глюкозу и фруктозу, дубильные вещества. Ягоды и сок из плодов облепихи можно рекомендовать как поливитаминное средство. Принимать их следует в зимний и весенний периоды, когда организм испытывает недостаток в витаминах, а также в периоды наибольших физических и эмоциональных перегрузок.

Сельдерей. Содержит витамины С и группы В, каротиноиды, соли калия, кальция, фосфора, магния, эфирные масла. В лечебных целях используются корни и трава сельдерея как возбуждающее аппетит, болеутоляющее и мочегонное средство. Сок и настой из корней применяются при болезнях печени, почек, мочевого пузыря, дерматитах. Свежеизмельченные листья сельдерея помогают при лечении гнойных ран, кожных болезней.

Укроп. В зеленых листьях и стеблях растения содержатся витамины С, В₁, В₂, Р, РР, Е, каротин, микроэлементы (в довольно большом количестве калий, кальций, фосфор, железо). Специальные исследования доказали довольно обширные фармакологические эффекты укропа. Он снимает спазмы желудка и кишечника, уменьшает бродильные и гнилостные процессы в кишечнике, снижает газообразование. Укроп снимает сосудистые спазмы, понижает артериальное и внутриглазное давление, оказывает мочегонное и отхаркиваю-

щее действие. Накоплен немалый опыт успешного применения настоя укропа при атеросклерозе мозговых сосудов, сопровождающемся головными болями, при начальных стадиях гипертонической болезни, пиелонефритах, циститах и почечнокаменной болезни.

Хрен. Корни и листья растения богаты витаминами С и группы В, содержат микроэлементы — кальций, калий, фосфор, а также эфирные масла. Хрен, добавляемый в качестве приправы к различным блюдам, возбуждает аппетит, усиливает деятельность кишечника и способствует пищеварению (при этом в желудке повышается выделение соляной кислоты). Его применяют при лечении гастритов с пониженной кислотностью. Однако в больших количествах хрен может вызвать воспалительные явления в желудочно-кишечном тракте. Хрен противопоказан и при заболеваниях почек и печени.

Шиповник. Богат витаминами А, С, группы В, К, Р, а также содержит ряд органических кислот, соли фосфора, калия, кальция, магния, железо и другие микроэлементы. Все это делает его ценнейшим лечебным и профилактическим средством, способствующим скорейшему выздоровлению при целом ряде заболеваний. Установлено, что шиповник повышает сопротивляемость организма к инфекционным заболеваниям, интоксикациям, к воздействию неблагоприятных метеорологических факторов.

Одуванчик. Весной он появляется в числе первых витаминных трав. В листьях одуванчика содержится много витамина С, кароти-

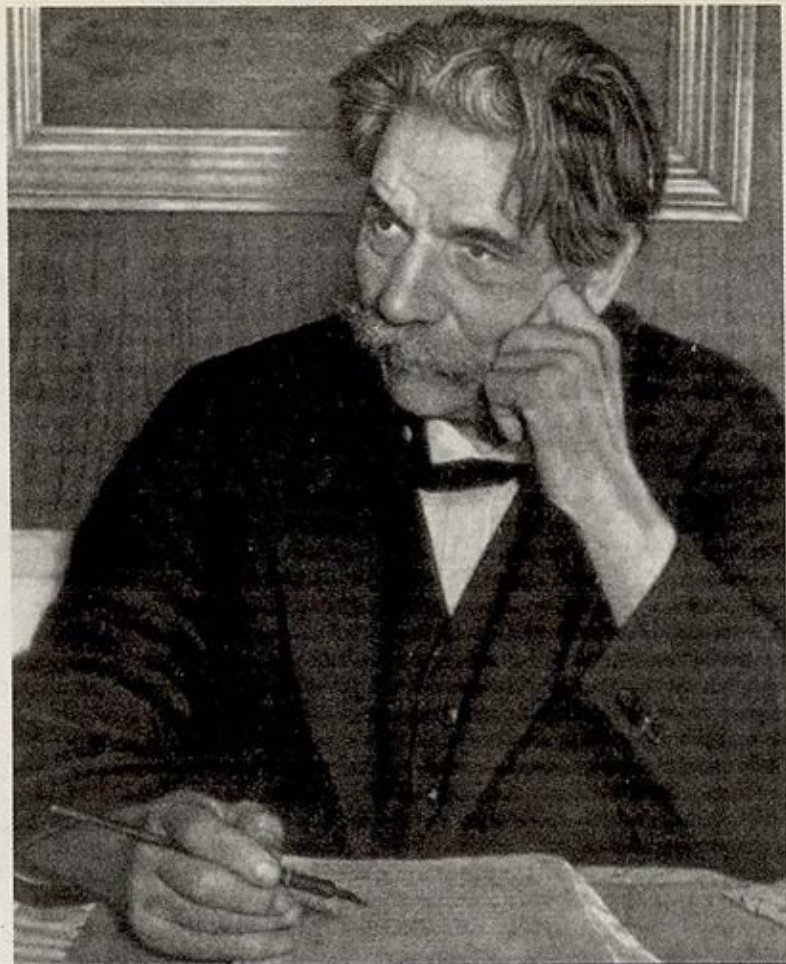
на, микроэлементов. Это ценное растение — прекрасная добавка к столу.

Крапива. Имеет много полезных свойств: регулирует обмен веществ, обладает кроветворным и кровоостанавливающим, бактерицидным и противовоспалительным действиями. Витаминные салаты из крапивы — прекрасное средство от авитаминоза.

Щавель. Витаминный голод весной утолят и листья щавеля. Они богаты витаминами С, В₁, В₂, Е, К, Р, РР, А. Щавель можно использовать в салатах и во щах, в пирожках в виде начинки. Установлено положительное действие щавеля при атеросклерозе, заболеваниях желчного и мочевого пузыря, хроническом воспалении почек и неврастении.

Подорожник. Еще одно прекрасное витаминное средство. Листья подорожника содержат горькие, дубильные и пектиновые вещества, органические кислоты, фитонциды, калий. Подорожник используется как обволакивающее, антисептическое, "кровоочистительное" и отхаркивающее средство. Для витаминных салатов рекомендуется использовать молодые листья растения.

Таким образом, дорогой читатель "Смены", если вы хотите, чтобы ваше самочувствие не зависело от сезонных колебаний, позаботьтесь о том, чтобы в вашем рационе была свежая витаминная зелень. Самые обычные растения и овощи с грядки в сочетании с поливитаминно-минеральными комплексами помогут вам избавиться от витаминной недостаточности, укрепить иммунную систему, сохранить здоровье и восстановить силы. ■

Гений доброты

Иван ЗЮЗИУКИН

В молодости, находясь в кругу друзей, я любил развивать теорию (больше в шутку, чем всерьез) о том, что первую половину жизни человек должен посвящать себе, а вторую — другим людям. Но однажды услышал:

— Опоздал, брат. Один человек уже осуществил твою теорию на деле.

— Кто это? — спросил я.

— Альберт Швейцер.

Немного задетый за живое (тем, что я тут не первооткрыватель), попытался разузнать об этом человеке как можно больше. Увы, в те времена у нас о нем писали мало, а если и писали, то с некоторой снисходительностью, как о прекрасодушном идеалисте и буржуазном пацифисте...

Теперь, слава Богу, о нем можно писать без всяких “но”...

Так уж устроен мир: кому-то от рождения достается всего помногу, а кому-то — почти ничего. Если говорить об Альберте Швейцере (1875-1965 гг.), родившемся в Эльзасе, в семье пастора, то можно сказать, судьба отмеряла ему дарования и способности полными пригоршнями. Пяти лет мальчик уже неплохо играет на рояле. Десяти — на церковном органе. Перевалив через отрочество, этот роковой рубеж для многих вундеркиндов, Альберт проявит яркий талант исполнителя органной музыки. На стыке двух веков молодой Швейцер окажется в числе тех органистов, кто как бы заново откроет уже полузабытого Европой И.С.Баха и его космически глубокою музыку. За свою жизнь Швейцер объездит почти все европейские города, в церквях которых сохранились старинные органы — новых он не признавал. “Я думаю, что если бы он не стал никем другим, то он, должно быть, стал бы композитором, великим композитором, — восхищенная его исполнительским искусством, напишет о нем одна его современница, тонкий знаток музыки. — В его импровизациях была ярко выраженная индивидуальность. Но он почему-то никогда не записывал их и не повторял дважды...”

Если в музыке его кумиром на всю жизнь станет Бах, то в литературе — Лев Толстой и Гете. Поэзии и философии величайшего гения Германии Швейцер посвятит большую книгу, которая и поныне считается образцом талантливого научного исследования.

Окончивший одновременно два факультета Страсбургского университета, Швейцер по своей прямой профессии — философ и теолог. Он преподает эти дисциплины в родном университете, пишет и издает книги о философии Канта, жизни Христа. Кроме того, он возглавляет духовный колледж, выступает с проповедями в одной из местных церквей...

Его духовной мощи под стать физическая. Высокий (лишь от постоянной работы за письменным столом и органом слегка сутулый), с красиво посаженной головой, шевелюрой густых волнистых волос, сильный и выносливый от природы Альберт наделен недюжинной энергией, позволяющей ему спать всего 3-4 часа в сутки.

Двух факультетов Страсбургского университета ему покажется мало. Он изучает философию также в парижской Сорбонне, затем в Берлинском университете. (Всю жизнь не мог себе простить, что не поехал учиться в Англию.) В 24 года он защищает докторскую диссертацию по философии, чуть позже становится приват-доцентом теологии. Книжки и виртуозные органические концерты молодого Швейцера привлекают к нему внимание видных людей того времени. О его талантах восторженно пишет Ромен Роллан. Стефан Цвейг специально приезжает в Эльзас, чтобы послушать Баха в его исполнении... Словом, все в жизни Альберта складывается как нельзя лучше, многие ему завидуют и считают баловнем судьбы...

Однако никто в мире (кроме, как однажды обронил Альберт, "одного надежного дуга", под кем, полагают биографы, он имел в виду медсестру страсбургской больницы Элен Бреслау) не знает, что он не доволен своей жизнью. Нет, внешне это никак не проявляется. Он, как обычно, деятелен, дружелюбен, полон творческих планов. Но где-то в глубине его светло-голубых глаз притаились грусть и разочарование. В автобиографической книге "Жизнь и мысли", написанной на пороге старости, Швейцера так опишет свой душевный перелом: "В одно прекрасное летнее утро... на Троицу (это было в 1896 г.) я проснулся с мыслью, что не имею права принимать доставшееся мне счастье как нечто само собой разумеющееся, но обязан отдать что-то взамен. Продолжая неторопливо обдумывать эту мысль в постели под щебетание птиц, я решил, что смогу считать свою жизнь оправданной, если буду жить для науки и искусства до тридцатилетнего возраста, чтобы потом посвятить себя непосредственному служению людям. Много раз до этого я пытался понять, что означают для меня лично слова Иисуса: "Кто хочет сберечь свою жизнь, тот потеряет ее, а кто потеряет ее ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее". Каков будет характер моей деятельности — этого я еще не знал. Несомненно было только одно: это должно быть непосредственное служение людям, пусть даже незаметное и не бросающееся в глаза".

Обратите внимание: в 1896 году Швейцера всего лишь немногим более двадцати. В этом возрасте люди обычно опьянены молодостью и красотой жизни. А он? Несчастлив оттого, что слишком счастлив! У него душа не на месте из-за того, как пишет он в своей книге, что вокруг него столько бедности и горя, столько людей изо дня в день борются с лишениями и страданиями. За что, за какие грехи им такая жизнь? И за что, за какие такие заслуги ему — во всех отношениях благополучная?.. Чем больше у него удач и успехов, тем неуютнее он себя чувствует. Уже тогда молодой профессор Швейцера поставит перед собой задачу: хоть на каплю убавить море человеческого горя! И не на словах, а на деле, ибо убежден, что "этика начинается там, где

кончаются разговоры". (В этом отношении молодой эльзасец окажется достойным учеником своего литературного кумира графа Л.Н.Толстого, который, как известно, тяготился своим социальным положением и простым образом жизни, посильным физическим трудом стремился разделить участь крестьян.)

Решив поломать себе жизнь (а иначе как это назвать?), Альберт настойчиво ищет дело, которое бы более всего отвечало его мечте послужить людям. Сначала он намеревается заняться воспитанием беспризорных детей. Но все организации Страсбурга, занимающиеся судьбой таких детей, узнав, что Швейцер не собирается на этом заработать, сочтут его планы подозрительными и одна за другой откажутся от его услуг. Ему даже не разрешат взять к себе нескольких сирот из приюта, сгоревшего во время пожара... Затем молодой профессор возьмется помогать бродягам и бывшим заключенным находить свое место в обществе. Но, встретив с их стороны обман и наглое вымогательство, отступится.

Неудачи огорчат его, но не обескуражат. Он верит, что может найти дело, успех которого будет зависеть не от каких-то организаций, а, в первую очередь, от него самого. Однажды ему на глаза попадется статья с отчетом парижского миссионерского общества о состоянии дел во французской колонии Габон. Альберт обратит особое внимание на жалобы автора отчета по поводу нехватки врачей. "Дочитав статью, — рассказывает Швейцер в автобиографической книге, — я спокойно принялся за работу. Поиски были прекращены". Африка, осенит его, — вот земля, где успокоится его совесть. Медицина — вот призвание его души...

Да, поиски были прекращены, но трудности у Альберта — только начнутся! Когда родители узнают, что их талантливый, словно бы самим Богом отмеченный сын собирается поменять профессию и навсегда уехать в Африку, с ее тяжелым для европейца жарким, влажным климатом, дикими племенами черных людей, крокодилами, мухами цеце, лихорадкой, они сочтут, что у него помутился разум. Кто-то из друзей подумает, что Альберт переживает драму неразделенной любви и хочет, что называется, подальше уехать от самого себя. Правда, все надеются, что он скоро образумится. Что ему, немцу, пусть и знающему французский язык, как родной, делать во французской колонии? В Европе, что ли, нет стоящих дел?.. Когда, наконец, станет ясно, что никакие аргументы на упрямого Швейцера не действуют, все сойдутся на том, что он совершает непоправимую глупость и преступление против самого себя. "По моему мнению, я был человеком, который зарывает в землю доверенные ему таланты и вместо них пытается пустить в оборот фальшивые деньги, — вспоминает он со смешанным чувством обиды и иронии те непростые для него дни. — Работу среди диких

я должен оставить тем, кому не придется для этого жертвовать своими дарованиями... Одна дама, преисполненная современного духа, даже доказывала мне, что чтением лекций об организации медицинской помощи первобытным народам я сделал бы гораздо больше, чем своим лечением... Мне пришлось также выдержать немало словесных дуэлей с людьми, которые слыли христианами. Странно было видеть, как далеки они от понимания, что стремление поставить себя на службу любви — той любви, которую проповедовал Иисус — может дать жизни совершенно новое направление..."

Но чтобы стать врачом, надо им — другого способа нет — стать. А вот как это при сумасшедшей занятости, тьме всевозможных обязанностей и обязательств сделать? Очень просто. Тридцатилетний доктор философских наук, приват-доцент теологии Альберт Швейцер поступает на медицинский факультет своего же университета. Его коллеги — в шоке. Некоторым из них кажется, что Швейцеру уже мало славы, какую он имеет, и гонит его в Африку бесутолимого тщеславия. (Единственный человек, кто целиком на его стороне, это упомянутая Элен Бреслау.) В течение пяти лет профессор сдает зачеты и экзамены по медицине, как бы сказали сегодня, без отрыва от производства. Это время сам Швейцер, не склонный к паникерству, назовет "годами борьбы с усталостью". Измотанный вконец профессор даже вступит в полулегальный студенческий "клуб зубрил", в котором шпаргалки играли не последнюю роль... И еще два года практики в больнице.

Ах, как хочется поверить, что, получив диплом врача, Швейцер тотчас, как на крыльях, отправится в Африку! Но, извините за грубый вопрос, а на какие шиши? Всех средств его и жены (ею стала Элен Бреслау) хватит лишь на дорогу и на небольшой набор медицинских инструментов и лекарств. Парижское миссионерское общество обещает к их приезде построить в Габоне помещение для больницы. Прекрасно! Значит, надо, еще находясь в Европе, закупить и погрузить на пароход много-много ящиков с медицинским оборудованием. И новоиспеченный доктор Швейцер не считает зазорным обратиться за помощью к друзьям и благотворительным обществам. Тут он, по его собственным словам, в полной мере почувствует, как трудно убедить людей поддержать дело, которое существует пока лишь в виде добрых намерений. Нет, никто не положит камня в его протянутую руку, но и... "Большинство друзей и знакомых помогали мне, заявляя, что поддержат этот авантюрный план потому, что он принадлежит мне... Должен признаться, что я замечал и другое: как ощутимо менялся самый тон приема, когда выяснялось, что я пришел не как гость, но как проситель". Однако, стремясь быть справедливым и благодарным, он добавит: "И все же доброта, которую я встретил во время этого обхода, в сотни раз перевесила те унижения, которые мне пришлось вытерпеть..."

Возникнут у него трудности и не материального порядка. К примеру, миссионерское общество, опасаясь религиозного вольномыслия Швейцера (он немало страниц посвятит доказательствам того, что Иисус Христос — реальное историческое лицо), возьмет со страсбургца слово, что он не будет проповедовать среди туземцев. С большим сожалением — но чего не сделаешь, чтобы тебе разрешили жить под грозный рык габонских леопардов и убийственный писк кровожадных москитов! — Альберт Швейцер пообещает преподобным отцам, что в Африке он будет только врачом...

В “Маленьком принце” Сент-Экзюпери есть планета, где каждый житель выметает свой уголок. Начиная с зимы 1913 года для Альберта и Элен (несколько позже — для их дочери Рене) таким уголком на земле станет крохотный африканский поселок Ламбарене, затерянный среди тропических лесов. Лишь изредка наезжая в Европу (главным образом для того, чтобы заработать органными концертами и чтением лекций какие-то деньги для своей больницы), Швейцер проживет в Габоне в общей сложности почти полвека! Он и умрет здесь. Согласно воле отца, Рене похоронит его рядом с Элен...

Как ни старайся, не втиснешь эти почти полвека в рамки очерка даже в сжатом виде. И остается, пожалуй, одно: короткими выдержками из книг самого доктора и книг и статей о нем хотя бы пунктирно обрисовать, кого, в каких условиях лечил, что оставил после себя Великий Добрый Доктор, как называли и поныне называют в Габоне Альберта Швейцера. Итак, его знаменитые “Письма из Ламбарене”:

“Поначалу я стал принимать больных и делать перевязки перед домом на свежем воздухе и солнцепеке. (Обещание построить больницу миссионерское общество не выполнило. — И.З.) Ничего не поделаешь, пришлось устраиваться в помещении, где прежде был курятник. Я чувствовал себя на вершине счастья. Какое это было блаженство, когда в первый раз по крыше застучал дождь и невероятное стало явью — я мог спокойно продолжать свои перевязки!”

“Среди моих пациентов оказался маленький туземец, который ни за что не хотел войти в комнату, куда его пришлось втащить силой. Как выяснится потом, он был уверен, что доктор собирается его убить и съесть”.

“Некоторые больные, получив от моей жены таблетки, проделывали в них дырочки и носили их как бусы...”

“...я постепенно установил обычай, согласно которому в благодарность за лечение я получал подарки деньгами, бананами, домашней птицей и яйцами. Стоимость этих поступлений была, разумеется, значительно ниже стоимости содержания больницы, однако это был существенный вклад. Бананами я мог кормить больных, а на деньги покупать рис, когда отсутст-

вовали бананы. Я полагал, что туземцы будут больше ценить больницу, если будут вносить в ее содержание посильный вклад, чем если бы получали все задаром... Более дикие из числа туземцев имели свои понятия о подарках. Покидая больницу после лечения, они требовали подарки от меня — на том основании, что я стал их другом...”

“Что же сотворили белые разных национальностей с цветными после того, как были открыты заморские страны! Как много означает один только факт, что с появлением европейцев, прикрывающихся высоким именем Иисуса, немало племен и народностей было стерто с лица земли, а другие начали вымирать... Все то хорошее, что мы можем сделать для них, никакое не благодеяние, а искупление вины за то зло, которое мы же им причинили”.

“Поздняя осень 1924 года... Большим событием в моей жизни явилось то, что у меня теперь есть второй врач...”

“Больные лепрой (проказой) прибывают к нам непрерывно. Доктор Нессман особое внимание уделяет лечению разъедающих язв. Самая незначительная удача в этом деле приносит нам огромное облегчение”.

“Воздух здесь настолько влажный, что даже те медикаменты, которые в Европе отпускаются в бумажной обертке или в картонных коробках, здесь удается сохранять только в закупоренных пробкой флаконах или в плотно закрытых жестяных коробках... Своих друзей в Европе я в каждом письме прошу собирать для меня большие и малые пузырьки и жестяные коробки любых размеров. Как радостен будет для меня тот день, когда у меня окажется достаточное количество всех этих предметов”.

“12 января 1939 года покидаю Ламбарене после двухлетнего безотлучного пребывания, чтобы съездить в Европу... Во всех гаванях, куда мы заходим, встречаем военные корабли — олицетворение нависшей над миром опасности...”

“В 1944 году мы уже сами понимаем, до какой степени устали... Приходится напрягать последние силы, чтобы справиться с работой. Только бы не захворать — вот чем мы озабочены повседневно. И мы не сдаемся”.

“Последовавшие за войной годы были чрезвычайно тяжелы для меня. Поэтому я прошу моих друзей простить меня за долгое и непонятное для них молчание...”

Город Франкфурт присуждает Швейцеру премию Гете “за заслуги перед человечеством”. Он жертвует ее для безработных.

В то время, когда по радио передавали сообщение о присуждении ему Нобелевской премии мира за 1952 год, доктор находился в конюшне для антилоп и чистил навоз... Он молча посмотрит на врача, принесшего ему это весть, кивнет головой и продолжит чистить навоз...

В Америке одна женщина из числа приветствовавших примет его за Альберта Эйнштейна. “Я понимаю вашу ошибку, — весело скажет ей Швейцер, — потому что на голове у него все так же совершенно, как у меня, но в голове у меня все совершенно не так, как у него...”

Однажды он вслух заметит, что девочки, родившиеся у него в больнице, снова приезжают сюда, но уже для того, чтобы рожать. “По-моему, я старею”, — скажет он по этому поводу, пряча улыбку в свои густые, но уже совершенно белые усы...

“И его высокая душа нас не покинет. Дружественная и благостная, она воспарит над верхушками деревьев среди легких облаков, что реют по утрам над рекой Огове...” (Из речи представителя президента Габона на похоронах Альберта Швейцера.)

В Габоне и поныне действует медицинский комплекс, основанный в свое время Великим Добрым Доктором. Но не только это он оставит на земле. Вся его самоотверженная жизнь — вдохновенный урок человечности, доброе указание нынешним и грядущим поколениям, чем жить, во что верить, какие моральные и духовные ценности должны быть превыше всего.

Как все гуманисты, Швейцер был преисполнен любви и веры в человека, однако он считал, что живет в эпоху глубокого духовного и культурного упадка человечества. Увы, думать так у него были серьезные основания, ведь именно при его жизни произойдут две кровавые мировые войны. Его иногда упрекали в том, что он далек от политики. Да, доктор Швейцер предпочитал держаться особняком, и, хотя поддерживал дружеские связи с близкими ему по духу общественными деятелями того времени, не вступал ни в какие коалиции. Но он ненавидел расизм и фашизм. Приглашая его в пропагандистских целях приехать в нацистскую Германию и выступить с организованными концертами, Геббельс закончит свое письмо словами: “С германским приветом!”. Швейцер с негодованием отклонит приглашение и закончит свой ответ словами: “С центральноафриканским приветом!”... Он будет энергично протестовать против испытаний ядерного оружия. Свою Нобелевскую премию отдаст на строительство лепрозория неподалеку от Ламбарене. Ежедневно озабоченный лечением и питанием больных, закупками лекарств и продуктов, возведением новых помещений для своей больницы, доктор Швейцер, оставаясь в то же время философом и теологом, продолжает напряженно размышлять над проблемами бытия. Что такое человек и каково его место в царстве жизни на земле? Что должно быть основой его нравственного поведения при всех обстоятельствах, во все времена? На эти и подобные вопросы Швейцер, как всегда, дает сугубо свои и во многом непредсказуемые ответы. Как всегда — уж так, наверное, были устроены его голова и душа — истина открывается ему внезап-

но. “Мы медленно ползли вверх по течению — это был сухой сезон, — нащупывая проходы между отмелями, — рассказывает он в книге “Жизнь и мысли”, как однажды, вызванный к больной, плыл по Огове. — Погруженный в размышления, я сидел на палубе барки, тщетно стараясь найти элементарную и универсальную концепцию этики, которой я не нашел ни в одной философии. Страницу за страницей покрывал я бессвязными предложениями просто для того, чтобы не давать разбегаться мыслям. К концу третьего дня, когда на закате солнца мы шли прямо через стадо гиппопотамов, в моем мозгу неожиданно и самопроизвольно вспыхнули слова: “БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ”. Железная дверь поддалась, я увидел дорогу в непроходимой чаще... Великая ошибка всех предшествующих этических учений состояла в том, что они ограничивались только отношением человека к человеку. На самом же деле вопрос заключается в том, каким должно быть его отношение к миру и ко всей жизни, которая в пределах его досягаемости”. Пожалуй, нельзя более кратко выразить, что должно быть мериллом нравственности для людей, чем это сделает доктор Швейцер: “Человек этичен лишь тогда, когда жизнь как таковая священна для него, будь то жизнь растений, животных или людей, и когда он с готовностью отдает себя любой жизни, которая нуждается в помощи”.

Предлагая свою “этику благоговения перед жизнью” как универсальную (с чем многие философы не согласятся), Швейцер в то же время не закрывает глаза на реальность. Он пишет: “Мир, однако, являет нам ужасную драму: одна жизнь поддерживает себя за счет другой, одна разрушает другую...” Как же вести себя перед лицом жестокой прозы бытия? Философ Швейцер отвечает: “Если человек руководствуется этикой благоговения перед жизнью, он наносит ей вред лишь под давлением необходимости и никогда не делает этого бездумно”. Говоря конкретно, это означает, что человек творит зло, срывая цветок, но творит добро, спасая раненое животное.

Был ли он прекраснодушным идеалистом на самом деле? Судите сами. 1915 год. В Европе идет война, гибнут тысячи людей. А где-то в далекой африканской глубинке доктор Швейцер, завершив вечерний обход больных, садится за письменный стол (осторожно подвинув в сторону спящих котят) и пишет следующее: “Для истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая с человеческой точки зрения кажется нижестоящей... Я покупаю у туземцев птенца речного сокола, которого они поймали, спасая от жестоких рук. Но теперь я должен решать, оставлять ли его умирать с голоду или же убивать ежедневно множество рыбок, чтобы сохранить ему жизнь. Я решаюсь на последнее. Но каждый день ощущаю тяжесть своей ответственности за принесение одной жизни в жертву другой...”

Конечно, в те отчаянно тяжелые времена кому-то могли показаться смешными и даже вздорными терзания доктора Швейцера, которому не по себе от того, что он, сохраняя жизнь птенцу, вынужден скормливать ему рыбок. Но сегодня, когда перед человечеством во весь рост встали проблемы экологии, когда многие формы “нижестоящей” жизни начинают исчезать с лица земли, грозя при этом увлечь за собой и человека как биологическую особь, становится ясно, что доктор Швейцер на самом деле был дальновидным реалистом и провидцем, что без трепетного отношения к жизни вообще может погибнуть всякая жизнь в частности...

Надо заметить, Европа, за время военных лихолетий истосковавшаяся по кумирам, узрит в Великом Добром Докторе чуть ли не нового мессию. Кто-то даже назовет его “тринадцатым апостолом”. Ламбарене станет местом паломничества журналистов, кинодокументалистов, разного рода делегаций. По своей природной деликатности Швейцер стремится всем оказать внимание, ответить на все вопросы, но назойливость гостей мешает ему заниматься главным — лечением больных. “Я превратился в какую-то разновидность африканского слона”, — горько пошутит он. Ему категорически не нравится шума вокруг него.

Казалось бы, непререкаемый авторитет и мировое признание дают ему право быть моральным судьей своего времени. Уж кто-кто, а он-то может упрекнуть многих своих современников в том, что они слишком заняты собой. Но — ничего подобного! Швейцер безгранично терпим и по-доброму, с состраданием глядит на людей, обычно относимых к категории общественно пассивных, а если еще проще — обывателей. “Большинство из тех, кто чувствует в себе стремление к независимой деятельности, стечением обстоятельств лишены этой возможности, — пишет он о таких людях. — Как правило, это связано с тревогой за своих близких или с тем, что они вынуждены держаться за свою специальность, чтобы зарабатывать на жизнь. Только тот, кто благодаря своим способностям или преданности друзей является свободным в материальном отношении человеком, может в наши дни рискнуть стать на путь независимой деятельности... Любой другой, кто вздумал бы сделать то же самое в трудных экономических условиях нынешнего дня, рискует попасть в серьезную беду и навлечь на себя несчастья не только материальные, но и духовные”.

Тех, кому, несмотря ни на что, удается встать на путь служения людям, Швейцер называет счастливыми — прежде всего за то, что они бросают вызов привычным представлениям о счастье. Но он не обещает им легкой жизни. “Эти счастливые, — предупреждает он, исходя из собственного опыта, — не должны поддаваться гневу, наталкиваясь на сопротивление;

правильное отношение к нему выражается словами: “ну да, так и должно быть!”. Тот, кто намеревается делать добро, не должен ожидать, что люди уберут все камни с его пути; он обязан спокойно принять свой жребий и в том случае, если ему навалют новых...”

Терпимо относясь к присущим людям слабостям, Швейцер, однако, считает, что ответственность за происходящее в мире лежит на каждом человеке. Он убежден, что душа и разум нам даны не для того, чтобы всякий раз подчиняться чужой воле, во всех случаях жизни поддаваться давлению обстоятельств, а для того, чтобы всегда следовать здравому смыслу и приказам своей совести... Приведем суждение доктора Швейцера на этот счет — право, оно стоит того, чтобы его внимательно прочесть и задуматься, в какой мере оно касается каждого из нас.

“В человечестве всегда живет стремление к идеалу. Но лишь малая часть этого стремления открыто проявляется в действии... Удел многих — это более или менее бездушный труд, которым они зарабатывают на жизнь и удовлетворяют потребности общества, но в котором они не могут или почти не могут проявить своих человеческих качеств, ибо этот труд требует от них немногим более, чем быть хорошими человеческими машинами. Но нет человека, которому бы не представился случай отдать себя людям и проявить тем самым свою человеческую сущность. Спасти свою человеческую жизнь — вопреки условиям своей профессиональной жизни — может всякий, кто использует любую возможность быть человеком, делая что-нибудь лично для своих братьев, которые нуждаются в помощи — какой бы скромной ни была его деятельность. Такой человек поступает на службу духовности и добру...”

Напоследок зададимся вопросом: был ли таким человеком сам герой нашего рассказа? Наверное, после всего, что мы узнали о его жизни и делах, этот вопрос кому-то покажется неуместным, а ответ на него — очевидным. Но почему же? Ведь сказано: пути Господни неисповедимы. Возможно, Альберт Швейцер в самом деле мог стать композитором и даже таким же гениальным, как его любимый Бах. Не занимаясь изо дня в день в течение полувека благородным, но изнурительным трудом врача, он, возможно, как мыслитель, в чем-то превзошел бы высоко чтимого им Канта. Но вместо всего этого он вылечил, освободил от невыразимых страданий тысячи и тысячи людей, своей безупречной нравственностью заронил искру надежды и веры в сердца миллионов. Что же лучше?... Право, нет таких весов, чтобы можно было все взвесить и сравнить одно с другим. Да и для чего взвешивать? Доктор Швейцер и без того отныне и вовеки занимает подобающее ему место в ряду высоких и светлых сынов человечества... ■

ОСТОРОЖНО:

СЕНТ

Все мы живем сегодня в этом в мире по определенным законам, стараясь, естественно, "вписаться" в окружающее общество. Но, согласитесь, не найдется ни одного человека, жизнь которого не обходится без трудностей и огорчений.

Если у кого-то вдруг все становится плохо, то, кроме невезения, это чаще всего связано с состоянием самого человека: болел, устал, запутался в делах, отношениях с близкими (которые, кстати, иногда не прочь переложить на тебя свои проблемы и комплексы), неправильно оценил обстановку и повел себя. Даже если через некоторое время неприятность, еще совсем недавно казавшаяся катастрофой, просто забудется, она все равно может "выбить" из колеи не очень уверенного в себе человека, навести на мысли о том, что жизнь "неправильна", "не сложилась", "нужно все менять" и т.п.

Именно в такие минуты слабости человек и попадает под влия-

ние "ловцов душ". В самом деле, ведь в трудную минуту так хочется получить поддержку от кого-то, кому безразлично, плохо тебе или хорошо, жив ли ты вообще. Кроме того, любому человеку, особенно, конечно, молодому, неокрепшему, свойственно среди повседневных дел и забот искать смысл жизни: ради чего это все нужно? Для чего я вообще живу?

Тогда-то и подворачиваются вам милые доброжелательные люди с литературой типа: "Дорога, ведущая в Счастье", "Обленись в праведность Божию", "Каждый дом для Христа", "Иисус Христос прощает грехи..."

Итак, если ты человек неверующий ни во что, самостоятельный и критичный, то ты сразу обратишь внимание на то, что люди эти — члены различных сент в большинстве своем производят впечатление психически нездоровых. Горячий взгляд, неестественно приподнятое настроение (на грани истерики), зачинленность на определенной идее. Впечатляет? Как правило, эти люди ничем

больше, кроме своей веры, не интересуются. Да, безусловно, человеку нужно верить во что-то. Религия проверена временем. Но чаще всего, обретая веру, которую проповедует секта, человек теряет самое ценное — свою свободу.

Что человек получает взамен? Доброжелательное общение с достаточно узким кругом единомышленников, психологическую поддержку в трудные моменты жизни. Но разве не то же самое ты получишь у близких друзей, в хорошей семье, у опытного врача-психотерапевта, наконец? И главное — все это без духовной кабалы. Поэтому большинство сект стремятся прежде всего обрубить эти связи как наиболее ценные для человека или поставить их же себе на службу: вовлечь в ряды верующих как можно больше дорогих для тебя людей.

Самое опасное здесь то, что большинство из этих организаций не учат человека жить в реальном мире, а настраивают на "мир иной". Кроме того, сектанты враждебно относятся к тому, чем каждый нормальный человек дорожит: семья, работа, светское общение. Все это, по их мнению, отвлекает от служения вере.

Кстати, у каждой секты есть свой "пунктик", на почве которого они откололись от одной из официальных ветвей религии: у одних это ожидание "конца света", у других — признание своего лидера пророком или даже "святым", какой-то особый обряд и т. п. Или же "новая" религия создается за счет включения понравившихся "кусочков" из разных религий, проверенных временем. Есть и такие, предметом поклонения которых является не Бог (Создатель,

Иегова, Верховная Божественная личность и т.д., названий много), а Сатана, или даже... наука. Например, сайентология (или сциентология) Рона Хаббарда. Основное ее содержание находится в книге "Дианетика". Сам он, кстати, до того, как основать свою наукообразную религию, был не очень удачливым писателем-фантастом. Считается, что пребывание в рядах сайентологов положительно влияет на человека. Уверенности в этом у нас нет. Но то, что приобщение к сайентологам слегка облегчает карман страждущего новопривывшего и, наоборот, благотворно отягчает кубышку организации — это точно.

Существуют и так называемые деноминации: религиозные течения, близкие к секте, но, скажем так, более безобидные. Люди, принадлежащие такой общине, ведут нормальный светский образ жизни, собираясь периодически вместе, чтобы совершать определенные обряды. Чаще всего это коллективное пение псалмов, иногда с подтанцовыванием, что в общем тонизирует организм, успокаивает нервную систему и поднимает настроение. Такого рода общество представляет собой некий клуб по интересам, клуб "Любителей Бога". По такому принципу были построены протестантские общины, сейчас это признанная обществом церковь. Существует, кстати, американизированный вариант деноминации — жизнерадостный проповедник, массовик-затейник, певец, собирающий многотысячные стадионы, а еще гонорары за литературу, аудио- и видеозаписи, участие в богослужениях. Неплохая психотерапия и очень прибыльный бизнес. Вас не

оскорбляет, что кто-то зарабатывает деньги на ваших душевных проблемах?

Самый мягкий вариант пребывания в секте — это мирный труд на благо общины. Если, конечно, у нее здравомыслящий лидер, не требующий жесткого подчинения, не страдающий страстью к обогащению за счет бесплатного труда сектантов и не являющийся психически больным. Обычно такая община спокойна, ее члены единообразны, просты и убоги. Это в большинстве своем уставшие от бешеной погони за успехом и деньгами, ушедшие в духовный мир и довольствующиеся незамысловатым бытом люди.

Но чаще всего в секте царит атмосфера истерии: ждут "конца света" и активно к нему готовятся. Харизматический (харизма — некий "божий дар", то, что "открылось", знание истины) лидер силен, жесток. Безусловно, это незаурядный человек. Следует помнить, что повседневная жизнь человека скучновата. Хочется чего-то необычного. Психически больные люди куда как смелы, заняты и необычны, для них зачастую не существует никаких границ в словах и поступках. Большинство людей, кроме того, внушаемы. Но слишком опасна эта игра: совершая "смелые", "настоящие" поступки, уповая на то, что лидер знает истину, знает, что для тебя лучше, можно поплатиться даже жизнью. Известны случаи массовых самоубийств членов секты по указке их лидеров. Самое интересное, что главари этих сект как раз в большинстве своем остаются живы.

Можно ли вообще доверять человеку настолько, чтобы ради

него изменить свою жизнь? Пойти не своим путем, свободно выбирая то или иное направление, а подчиняясь чужой воле, плестись за кем-то следом? И кто этот "добрый дядя" (или тетя "Мария-Дэви Христос"), так болеющий за тебя душой? Может, ему это просто выгодно: самоутвердиться или обогатиться, заимев еще одного раба. Кстати, и ко мне самой как-то на улице подошли агитаторы из секты. Как видно, были они не очень опытные и оттого наивно-правдивые. Они сказали: "Бог нуждается в ваших жертвованиях". Зная немного догматику, я ответила, что Бог ни в чем не нуждается, так как весь мир и так — его, так как он — его творец. То есть ответила логично в рамках именно их мировоззрения, чем вызвала явное замешательство.

Многие из сектантов говорят, что им все равно, какую цель преследует "верхушка" секты, главное — что им самим "хорошо". Но и "хорошо" бывает по-разному: есть такая категория лекарств, которая лишь отбивает симптомы, а не лечит болезнь (при насморке от них начинает дышать нос, снимаются головные боли). Так вот: лучше, что может посоветовать секта при проблемах в реальном мире — это уход от них в мир иллюзорный. Если ты человек неверующий, то лучше всего полагаться на собственные силы. Ведь только ты знаешь, что для тебя хорошо, а что — не очень... Только себя будешь винить, если ошибешься. Иначе рискуешь услышать правомерный вопрос: а что, у тебя своей головы нет?

Если ты еще не определился с вопросами веры, полезно почитать книгу Л. Фейербаха "Сущ-

ность христианства", несмотря на название, книга написана просто и действительно поможет. В ней описывается процесс возникновения религии. Коротко речь идет о том, что человек абсолютизирует отдельные качества, ценимые обществом на протяжении всей истории. Так, доброта превращается в Абсолютное Добро, правдивость в Истину, носителем которых и становится некое Высшее Существо. Кроме того, человек получает ответы на вопросы о происхождении мира и получает готовую целостную его картину.

Вообще не брезгуй хорошими книгами. Они помогают увидеть логические противоречия в, казалось бы, стройной системе рассуждений сектантов-агитаторов. Например, они рассуждают о том, что "мир во власти Сатаны", "Бог разгневан" и поэтому срочно нужно вступать в ряды именно этой организации (счастливой обладательницы истинной религии), пока он не покарал за грехи, а если у тебя неприятности, значит, уже карает. Если мир действительно во власти Сатаны, то стоит ли просить защиты у более слабого, чем он, существа — Бога? А если Бог силен, то почему отдал мир Злу? Разгневан? Значит, он напуган, мелочен и зол, а учит других прощать. Это самое простое умозаключение. Более сложные ты сможешь делать, опираясь на прочитанную литературу.

Если же ты человек верующий, то лучше отдать предпочтение традиционной ветви религии. Во все времена церковь являлась хранительницей вековых культурных ценностей Человечества. Традиционные религии доброжелательно относятся к светской дея-

тельности человека, поддерживая в нем определенные нравственные устои. И если в силу твоих психологических особенностей тебе необходима эта поддержка, то это личное твоё дело, в нашей стране Конституцией РФ установлена свобода совести и вероисповедания.

Если ты все-таки волею обстоятельств оказался в рядах секты и не знаешь, как оттуда выбраться, то попробуй для начала заручиться чьей-либо сторонней поддержкой: родителей, друзей, хороших книг. Дело в том, что секта заполняет достаточно много свободного времени, поэтому потребует занятия, ее заменяющее. Например, еженедельные походы в кино, на дискотеку, в любой клуб по интересам, прогулки, поездки по историческим местам, старинным монастырям, усадьбам, музеям. Как правило, если секта неагрессивна, из нее уйти можно без особых сложностей. В крайнем же случае от назойливых притязаний тебя могут защитить не только родители и правозащитные организации, но и милиция. Помни, что согласно Конституции РФ никто не может принудить тебя исповедовать ту или иную религию.

Следует знать, что большинство сектантов-агитаторов являются неплохими психологами. Твой несчастный вид, грустный взгляд, неуверенное или нервное поведение могут спровоцировать "нападение". В самом деле, какой смысл предлагать что-то счастливому и довольному человеку? Для того, чтобы не стать легкой добычей сектантов, старайся поддерживать бодрое настроение, будь уверен в себе.

Чтобы избежать психологических ловушек, которые могут применяться в разговоре, неплохо прочесть труды известных психологов, например, Э. Фромма ("Бегство от свободы", "Душа человека", "Анатомия человеческой деструктивности"). Прочитав их, ты поймешь, насколько уместно утверждение — знание — сила.

Например, знаменитый прием сектантов-агитаторов — три "ДА", когда ты безоговорочно соглашаешься с фразами вроде: ты ценишь справедливость? Конечно, кому не хочется, чтобы его достижения оценили, а недобронелатели получили по заслугам? Или вопрос: считаешь ли ты, что хорошие люди заслуживают хорошей жизни? Конечно, тешит самолюбие и то, что кто-то интересуется твоим мнением. Почему же в мире тогда так много бед и несправедливости? Но вопросы эти далеки не безобидны. Тебе предложен стройную схему готовых ответов на множество вопросов. Расскажут о том, что хорошие люди и будут жить хорошо, но не в этом, погрязшем в грехе (единственный островок чистоты — секта), а в загробном мире, который, кстати, они опишут так убедительно, будто сами его видели. Рассуждения о братстве людей и бескорыстии в девяноста девяти случаях из ста скрывают истинные, далеко небескорыстные намерения. Поэтому воспринимай речь агитатора критически, обращай внимание на все противоречия в ходе его мыслей.

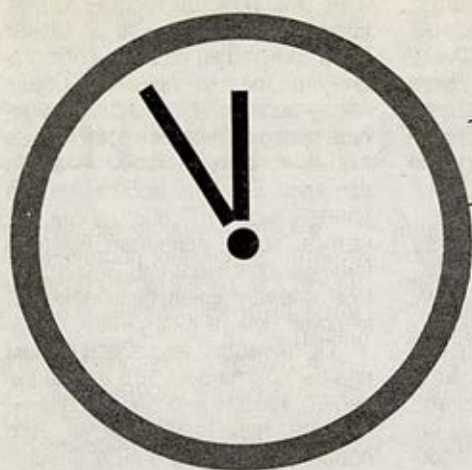
Несколько практических советов. Если к тебе подошли агитаторы (любые), то ты вправе отка-

заться от общения при первой же их фразе — ты им ничего не должен, а их помощь тебе не нужна. Если разговор начат, то он может быть прекращен на любой его стадии по той же причине. Общение — дело добровольное. Ты имеешь право отказаться отвечать на любые вопросы о твоей жизни и взглядах. Если ты любопытен и в данный момент тебе нечем заняться, то не принимай все-таки никаких приглашений. Этого требует элементарная безопасность: мало ли чем ты рискуешь.

Понаблюдай за собеседником как бы со стороны. Что это за человек: уверен в себе, нервозен, логичен, подавлен? Как на него повлияла вера? Чего он добивается? Это твой жизненный опыт, помни, что дураки учатся на своих ошибках, а умные и на чужих тоже. Максимум, что можно пообещать — это когда-нибудь посетить собрание. Кстати, обрати внимание, где проходят собрания: на стадионе (секта многочисленна, близка к деноминации — сообществу верующих, положительно относящихся к остальным общественным институтам, она менее опасна) или в "укромном" месте. После такого обещания тебя, как правило, должны оставить в покое.

Не давай никаких своих адресов, равно как и (даже ради шуток) координаты друзей и знакомых. Не поддавайся нажиму, будь самостоятелен в принятии решений, действуй в своих интересах. Помни, что это **твоя** жизнь, она ценна сама по себе. Кроме того, на свете существует еще много гораздо более интересных и безопасных занятий, чем посвящение себя в члены любой секты. ■

Николай НАРИЦИН,
психотерапевт-аналитик

оргазм

Хорошо ли живется на Руси с "новым русским"?

Во все века девушки мечтали о прекрасном принце, который примчится на лихом коне и увезет в сказочную страну. Да и сегодня, чего уж греха таить, мечтают. Только сегодня ситуация несколько изменилась: появились более современные средства передвижения. Не так давно одна из моих клиенток обратилась по поводу дочери: девушка никак не выйдет замуж. "И добро бы не из кого было выбрать, — сокрушалась мама. — Так нет, ей подавай какого-то особенного. Хочу, говорит, принца на шестисотом "мерседесе"..."

Что ж, желание вовсе не пре-
дсудительное. И проблема не в
том, что "мерседесов" с принцами
на всех не хватит. Просто может
случиться так, что девушка, вый-

презенты, знает, что даром не бы-
вает ничего: таким образом он
практически покупает будущую
жену, считая ее впоследствии
своей собственностью.

по требованию

дя замуж за человека с большими
деньгами, столкнется с непредви-
денными психологическими слож-
ностями в общении со своим суп-
ругом. Ведь нынешние бизнесме-
ны — личности довольно специ-
фические, и не каждой женщине
придется по нраву то, как они об-
ращаются со своими "прекрасны-
ми половинами".

Не будем говорить о том, КАК
заполучить такого в мужья. Ско-
рее всего, вы настолько уверены в
себе, что эти мелочи вас не инте-
ресуют. Тема нашего разговора не-
сколько иная: ЧТО произойдет, ес-
ли вашим мужем все-таки станет
"богатенький Буратино"? Вот что
рассказывала на консультации
дочка моей клиентки — та самая,
что мечтает о принце в "мерседе-
се": "Мне от него не только деньги
нужны. Это должен быть сильный,
целеустремленный, уверенный в
себе человек, который всегда мо-
жет за себя постоять, — словом,
мне нужен настоящий мужчина".

Безусловно, эти качества в
той или иной степени присуши на-
шим "новым русским". Однако в
семейной жизни приходится на-
блюдать и "обратную сторону ме-
дали". Поэтому молодым женщи-
нам, мне кажется, неплохо было
бы знать вот что:

● Богатый поклонник, препод-
носящий своей даме шикарные

● Сила и умение за себя по-
стоять, безусловно, достойны ува-
жения. Но эти качества однажды
могут быть направлены и против
жены.

● Людям с большими деньга-
ми свойственна забота о безопас-
ности — прежде всего своей и
своего бизнеса. В большинстве
случаев это значит, что жена бу-
дет достаточно ограничена в об-
щении.

● Умение добывать деньги
предполагает наличие у вашего
избранника определенной напори-
стости и агрессивности.

● Талантливый бизнесмен —
это, как правило, человек, гра-
мотно манипулирующий людьми.
А в семье это зачастую оборачи-
вается стремлением командовать
собственной супругой.

● Целеустремленность и на-
стойчивость в бизнесе более чем
необходимы. Беда только, что та-
кой человек порой оказывается
излишне настойчивым, а то и про-
сто упрямым, желающим в любой
ситуации настоять на своем.

● Одним из основных качеств
"нового русского" женщины счита-
ют уверенность в себе. Еще бы, в
серьезном бизнесе необходимо
все время выглядеть танковым.
Поэтому одной из главных обязан-
ностей жены обязательно станет
поддержка в супруге ощущения

неуязвимости. А супруг, получив новую дозу уверенности в себе, не задумается о том, чтобы подобными комплиментами ответить своей жене.

● Что еще отличает российских деловых людей (о чем порой и не подозревают их поклонницы), так это азартность, точнее, склонность к риску. Наш современный бизнес в полной мере отвечает поговорке: "Кто не рискует, тот не пьет шампанского". Но риск может дать огромную прибыль, а может привести и к полному краху. Таким образом, пресловутые большие деньги самому-то бизнесмену целиком не принадлежат, а что уж говорить о его супруге?

● Человек, который "делает деньги", в процессе этого выкладывается до последнего. Причем так, что на сексуальную жизнь у него зачастую не хватает никаких сил. Выход здесь один: дело в свои руки берет жена. А женщинам, которые считают себя достойными только "прекрасных принцев" и ждут от них постоянного внимания к собственной персоне, такая половая жизнь вряд ли понравится...

...Вот теперь, дорогие женщины, можете взять в руки карандаш и не только отметить, но и подсчитать, какие из качеств будущего избранника вы можете принять для себя, а какие — нет. Ведь бывают жены, которым приятно, когда ими командуют; кто-то из дам предпочитает полностью зависеть от супруга; одни чувствуют себя увереннее, когда за них все решает муж, а другие просто мечтают о тайной ведущей роли в сенсе... В любом случае окончательное решение принимать вам. Вот почему стоит все трезво рас-

считать, прежде чем искать обеспеченного супруга. Ведь если этот расчет окажется для вас правильным, то, возможно, и ваш брак будет счастливым.

А теперь давайте вместе порассуждаем подробнее о вышеперечисленных качествах богатого муженька, для того, чтобы решение, принимаемое женщинами, было и легче, и объективнее.

Знаете, кто обычно выходит замуж за "новых русских"? Как правило, это женщины демонстративного склада личности: яркие, артистичные, заметные в любой толпе. Такие женщины, что и говорить, внешне просто находка для любого бизнесмена: с ними "не стыдно в свет показаться". Но в основном "новые русские" предпочитают таких жен отнюдь не из-за престижа. Просто человек, зарабатывающий немалые деньги, не имеет ни времени, ни возможности выбирать себе жену. Он "клюет" на то, что ярче блестит, или на ту, которая сама себя с ним познакомит...

На самом же деле такие женщины, как правило, довольно непрактичны, и поэтому их весьма стесняет собственная ограниченность в финансах. Для того, чтобы ярко жить и привлекательно выглядеть, как того требует структура их личности, нужны определенные средства. Поэтому такая дама, выходя замуж "за богатого", думает: "Вот бы мне его деньги — я бы всем показала!!!" И в этом стремлении "всем показать" она не замечает достаточно красноречивых личностных качеств своего избранника. Он в шумной компании замкнут, неразговорчив — она видит в этом восхищение только ею одной; он властен и аг-

рессивен — она воспринимает его как надежного защитника; он дарит ей шикарные букеты и дорогие подарки — ей и в голову не придет, что ее просто-напросто ПОКУПАЮТ. Ведь ее избранник потому и имеет такие средства, что достаточно расчетлив: знает, когда, на кого и сколько потратить, чтобы все это с лихвой потом вернуть. Так сколько же он хочет от нее получить, если покупает ее такими подарками?

Однако, как всегда по законам рынка, купля-продажа — обман взаимный. Если богатый кандидат в мужья усыпляет бдительность восторженной дамы шикарными подношениями, она в свою очередь тоже очаровывает его не совсем честными способами. Женщины демонстративного склада личности, как правило, не чувствуют глубины внутреннего мира партнера, хотя с успехом преподносят себя как внимательную слушательницу. Это "сопереживание" может притянуть к ней человека, испытывающего в жизни большие эмоциональные перегрузки и нуждающегося в тихом домашнем очаге. Но беда в том, что через какое-то время молодой жене надоеет эта роль и она начнет... беспрерывно говорить, не давая мужу раскрыть рта.

Строго говоря, размолвки в состоятельных семьях возникают тогда, когда муж и жена — "не одна сатана". А так бывает в большинстве случаев, поскольку наши бизнесмены не очень-то стремятся посвящать жен в перипетии своей деятельности. Потому что так безопаснее... И здесь тоже кроется целый клубок проблем. Современные "новые русские" предпочитают не афишировать

свои доходы и стараются держаться в тени. Исключение составляют лишь те, кто делает собственное лицо своей торговой маркой. Однако исключение лишь подтверждает общее правило. Структура российского бизнеса, увы, порой такова: любимы "сравнительно честными способами отъема денег" урвать куш, а потом живенько самому его потратить, но так, чтобы об этом никто не узнал. Но если такой образ жизни нормален для определенного "крутого бизнесмена", то для его демонстративной жены такая жизнь — настоящая психологическая каторга! Ведь она выходила за него — вспомните! — чтобы иметь возможность "всем показать", что она получила. А когда ее в этом богатстве запирают в четырех стенах, ограничивают общение, отсекая даже близких подруг... Об общении с мужем, как правило, речь не идет: у него своя жизнь, свои интересы и увлечения. Если куда и выходит с ним жена — то исключительно в качестве дополнения к его новому костюму. И она становится безумно несчастной, засыхает, как цветок без воды. Ей непонятно, что порой муж просто боится ее демонстративности...

А у мужа — свои проблемы. Специфика его работы, как уже говорилось, такова, что ему приходится быть постоянно "на взводе". Следствие этого — агрессивность. Истоки ее — в желании властвовать, подавлять, подчинять себе... И в случае деловой неудачи, когда желание власти не удовлетворено, такой муж срывает свою неудовлетворенность на жене. Либо он ее просто избивает, либо буквально насилует в суп-

ружеской постели. Вообще для таких мужчин характерен грубый секс, "без излишеств". А демонстративная жена без этих "излишеств" не ощутит ни одного оргазма! Здесь и у жены, и у мужа начинаются проблемы сексуального характера. Причем страдает муж не оттого, что его жена не получает сексуальной разрядки. Просто в его среде принято: чтобы были деньги, минимум одна-две машины и чтобы мужскими качествами были довольны ВСЕ женщины. Не получается, значит, импотент.

Характерно также и навязчивое желание выпивать. У этих двух бед одни причины. Это постоянное напряжение, неумение и боязнь расслабиться, эмоциональные перегрузки... Что же говорит в таком случае наш "новый русский"? В том, что он ощущает себя импотентом, виновата только жена, и никто другой! И муж отправляется "лечиться" к проституткам. Что удивительно — порой помогает. Потому что с проституткой нет никаких "обязательств по удовлетворению"; к тому же классная путана всегда знает, как важно показать клиенту, что она от него просто в восторге! А с женой опять все наперекосяк. Конечно, жена виновата!

Однако не секрет, что у женщин тоже порой появляются проблемы интимного характера. Очень часто такие женщины приходят на консультацию, чтобы их решить и вновь жить полноценной сексуальной жизнью. Но ведь приходят сами, по собственной инициативе! А вот случай, о котором я хочу рассказать, в наной-то степени из ряда вон выходящий.

Респектабельный мужчина привел ко мне на прием, что на-

зывается, за ручку свою подругу и заявил: "У нее пропал оргазм. Плачу любые деньги — верните его обратно!" "Заботливого" сопровождающего я попросил подождать в коридоре, на что он согласился с большой неохотой. Было видно, что оргазм своей партнерши он считает в некотором роде своей собственностью. Но ведь все-таки это не вещь, которую можно разыскать где-нибудь в пыли за шкафом. Если пропадет оргазм, нужно прежде всего выяснить, каким образом это произошло и нужно ли его искать самой "владелице"?

...Мой посетитель взял "в партнерши" юную девушку из не слишком обеспеченной семьи. Он мог позволить себе не выбирать женщину со средствами, а руководствоваться внешними данными, которые у избранницы наличествовали в полной мере. К тому же она работала в его структуре, но несколькими ступенями ниже — он был не ее непосредственным боссом, а начальником ее начальника. После начала совместной жизни он выяснил, что девушка не только стройная и привлекательная, но еще и весьма домовита — неплохо готовит, поддерживает в доме уют и порядок, одевается со вкусом и недорого, не требует шикарных подарков и не предъявляет непомерных претензий. Богатый друг снял для нее квартиру, где они вдвоем и проживают. Всегда с удовольствием рассказывает ей о новых успехах на трудовом поприще. Дарит цветы, приглашает в рестораны... Все бы ничего, да вот пропал оргазм.

Бизнесмен, оказавшись человеком достаточно прогрессивным

и современным, притащил в дом массу сексуальной литературы, долго объяснял подруге, что партнеры должны быть друг с другом правдивы и раскованны... И милая, добрая девушка "расковалась" и откровенно поведала своему покровителю, что все время просто демонстрировала ему собственное удовольствие. Молодой человек искренне возмущился: "Как же можно притворяться в постели!" И, оперируя понятием "доверия к партнеру", начал пытаться свою подругу: а был ли вообще у нее хоть раз в жизни оргазм? Ошалевшая от такого натиска подруга ответила: да, был, и не однажды. Он же знает, что перед тем как стать его единственной, она дружила с одним парнем, работающим в той же конторе. Они всюду ходили вместе и даже были близки — вот с ним-то она оргазм и испытывала. А к тебе, милый, никаких претензий нет — в том числе и по поводу оргазма... Может, он позже появится? Но милого не устраивала перспектива ждать у моря погоды. И в работе, и в личной жизни он привык действовать упорно и настойчиво. Поэтому пресловутый оргазм следовало немедленно возвратить.

У читателей могут возникнуть сомнения: может, это нетипичный такой "новый русский"? Ведь вроде бы только что говорили, что все эти бизнесмены ни капельки не волнуются, что их женщины не испытывают сексуальной разрядки... Увы, и в этом случае разрядка партнерши не волновала нашего героя. Беспокоило его другое: до сих пор ему все удавалось, все дела заканчивались успешно, все женщины покорялись, а теперь — каная-то из его работниц не полу-

чает с НИМ наслаждения! В то время как с другим — получала! Да неужели он хуже этого другого, к тому же своего подчиненного?! Разве он может позволить себе быть побежденным хоть в чем-то? Срочно надо спасти честь мундира — подругу за лапку и к сексологу! А там — уже известное: плачу любые деньги, верните оргазм — как признан собственной состоятельности, а не интимного комфорта подруги.

Когда в итоге "владелец оргазма" онаялся за дверью, мне удалось узнать, что подобные требования он уже своей подруге высказывал. Самоуверенный предприниматель и вправду полагал, что девушка может по первому требованию выдавать оргазмы. По меньшей мере наивно, мягко говоря. Сколько бы он добросовестно и даже где-то от души ни трудился над ее эрогенными зонами, ни занармливал ее возбуждающими таблетками, ни засыпал цветами и подарками — механизм "выдачи оргазма" не сработает. Потому что идет он из головы. А что в это время у бедной девушки в голове? Долг. Зависимость. И страх не выполнить возложенных на нее обязанностей. Ведь она усвоила, что ее властелину не нравится демонстрация экстаза. Ему нужен экстаз настоящий. Да где же его взять, если она только и думает о том, как бы не оскандальиться, а не о том, что ей приятно? Более того, юная наложница... вообще не испытывает к своему повелителю ни любви, ни просто какой-либо физической привязанности. А живет с ним только потому, что за это имеет продуктивное и протомварное довольствие и неплохую работу. И, как человек, не умею-

щий скрывать своих чувств, она постоянно боится, что партнер прочтет в ее глазах: "Не люблю, не хочу, не могу..." И все — выставит на улицу и лишит рабочего места. Этот может — в отместку за то, что какая-то девчонка отвергла ЕГО!!!

А ее сексуально неграмотный партнер, хотя и начитался всякой литературы, не знает главного: сам по себе эротический экстаз — вовсе не показатель женского удовлетворения. И если все его беседы о качестве секса сводятся к требованию ахов и охов в постели, его "доверие и взаимопонимание" — не больше чем пустой звук. Конечно, ему проще и дешевле велеть партнерше испытывать этот злополучный оргазм, чем поменять ее на другую. Ведь во всем остальном она его устраивает, и он даже как-то пообещал ей зарегистрировать их отношения. К тому же, откровенно говоря, внешность у него не самая удачная...

Как быть в этой ситуации? И прежде всего — кому здесь надо помогать?

Уверен, любая читательница скажет, что работать необходимо прежде всего с женщиной. И не потому, что оргазм в конечном счете ее. Просто любой из вариантов развития ситуации зависит прежде всего от действий партнерши. И какой избрать выход — решать прежде всего ей.

Первый вариант. Ей придется и дальше его обманывать, но только научившись при этом не краснеть, не отводить глаза и "честно признаваться", что оргазм был якобы настоящий. Да, ей придется постоянно кривить своей "кристальной" душой, но ведь жить с человеком, которого не хочешь и

не любишь, и говорить ему о своем желании и любви — тоже обман, и еще каной! Однако за это она получает все то, что имеет. Плюс постоянное интимное неудовлетворение. Но тут уж женщина сама определяет, что для нее первостепенно. Очень трудно и страшно жить с чужим человеком, все время играя близкого. Причем здесь невозможна ситуация "стерпится — слюбится", потому что такой расклад предполагает обоюдное терпение, а ей придется терпеть одной...

Второй вариант. Девушке необходимо все же стать самостоятельной личностью, независимой во всех отношениях. Может быть, поменять работу, место жительства, временно перестать купаться в деньгах, но целеустремленно идти вперед. При этом ей придется позаботиться и о собственной безопасности, если ее бывший друг начнет возражать по поводу ее ухода. Правда, скорее всего, он сам укажет ей на дверь, как только увидит, что она уже не хочет отдавать в его распоряжение всю себя вместе с собственным оргазмом. Конечно, это тоже нелегкий путь, особенно для тех женщин, кто успел привыкнуть к шинарной жизни. Но в этом случае на одной чаше весов обеспеченность за чужой счет (скорее всего, не такая уж надежная и долговечная), а на другой — собственная свобода. И каждая женщина сама вправе выбирать одно из двух!

Помните, мы говорили о том, как легко сначала отрицательные качества богатого избранника воспринимаются как положительные? Но проходит время, и неизбежно наступает жестокое разочарование...

Во-первых, как это ни странно, жены наших "богатеньких Буратино" зачастую жалуются... на нехватку денег. И не потому, что они так уж ненасытны: просто у них и вправду своих денег нет. Они могут быть вполне одеты-обуты, но все это лишь по воле мужа... Представляете себе разочарование женщины, которая стремилась "всем показать" — и в результате вынуждена каждую вещь буквально выпрашивать! Да, ее муж зарабатывает деньги — но тратить он их будет исключительно сам на себя. А ей что-то купит только тогда, когда посчитает нужным, и то, что посчитает нужным. А если супруга думает, будто купленная вещь ей совершенно не идет, то это "дурь и блажь". Она ведь и сама его вещь: купил же он ее когда-то за шикарные подарки и цветы!

Во-вторых, все положительные эмоции мужа зачастую проявляются исключительно вне дома: там, где ему выгодно казаться благополучным и уверенным в себе. А негативные всплески, которые не принято демонстрировать партнерам и приятелям "в целях безопасности", выливаются на голову собственной жены. И жена, для которой эмоциональный фон существования является психологически определяющим, живет постоянно в окружении сплошных отрицательных эмоций, будучи при этом ограниченной в общении с внешним миром. Через определенное время у нее наступает так называемый сенсорный голод (иными словами, дефицит впечатлений) на фоне общей депрессии. Поверьте, я знаю, что говорю: подавляющее большинство жен "новых русских" страдают тяжелыми неврозами, которыми хорошо бы

заняться специалисту-психотерапевту. А мужа либо покупают или дорогие и бесполезные лекарства, либо просто машут на них рукой: "Это все ерунда, выбрось из головы". А дальше эти неврозы переходят в стадию соматических болезней: женщина начинает жаловаться на головные боли, сердце, желудок... Тогда уж к наплыву подобных жалоб нужно готовиться терапевтам. Многие из таких женщин к психотерапевту уже опоздали.

И в-третьих: вождя деленного обожания и восхищения бедная женщина от собственного мужа не дожидается никогда. Ведь практически каждый наш "новый русский" постоянно доназывает жене, что она и страшная, и ни на что не годится, и без него, благодетеля, пропадет. Это тоже проявление желания управлять хотя бы собственной супругой, ощущать свою власть и зависимость кого-то от своей персоны. А что попутно он навешивает на жену такие комплексы, от которых ей недалеко и до самоубийства, — ему в голову не приходит вообще. Но еще страшнее то, что в таких семьях зачастую женщину "бить бьют — и плакать не дают": тот, у которого нет времени даже как следует выбрать себе жену, тем более не будет склонен ее менять. И когда жена, плюнув на все его деньги, захочет обратно к маме, ей могут и как следует пригрозить. Тем более что она уже слишком много знает...

Так что, милые дамы, семь и даже семью семь раз отмерьте, прежде чем выбирать в мужа "денежный мешок". По крайней мере, хорошо бы прежде точно узнать, что там еще внутри у этого мешка, кроме денег! ■

Николай ЗУЕВ

РазГовор

ЧИКИ на корте

Теннис, как известно, — одна из самых эмоциональных спортивных игр. Всплески эмоций, нервов, бывает, и град слез объясняются ведь не только страстным желанием спортсмена выиграть матч, но и горечью потери не просто денежного приза, а очень большого денежного приза, исчисляемого порой сотнями тысяч долларов.

Вот поэтому нервы у многих игроков и не выдерживают, и они дают волю языку. И тогда можно услышать на корте такое, чего даже и на бумаге-то не напишешь. Одно утешение — сам первооснователь тенниса как спортивной игры англичанин Уинфилд, говорят, и в жизни, и на корте не стеснялся крепких выражений.

А дело было так... В 1874 году майор Уолтер Клоптон Уиннфилд с большим трудом запатентовал теннис как новый вид спорта, но на них усилий ему это стоило! Получая долгожданный патент, он, положив его в портфель, высказал сотрудникам патентного бюро все, что о них думал. Говорят, те чуть не попадали в обморок. Чего уж тут говорить о его сегодняшних молодых последователях...

Во всей истории развития тенниса вряд ли найдется игрок или леди корта, которые вслух или про себя не посылали бы судью куда подальше. И их, кстати, можно понять. С утра до вечера — тренировки, каждый месяц — турниры. И никакой личной жизни. Игроки с мозолями на руках и ногах бьются на корте изо всех сил, а какой-то судья делает ошибку и все усилия, говоря словами бранных теннисистов, летят кошке под хвост. Судье и в самом деле ничего не стоит "сломать" игру, достаточно лишь пару раз зафиксировать заступ при подаче. Уже одно это выбивает даже нордических игроков из себя и сначала они начинают чертыхаться, а затем дают волю брани и ругне. После того, как их засудили, им все становится пофигу и они еще долго вспоминают маму судьи вслух, направляясь в раздевалку.

Мода на матерные высказывания расцвела особенно в последнее время. В теннисном королевстве, где большинство игроков — джентльмены, существует даже специфический теннисный жаргон, без которого не обходится ни одна тренировка, ни одна игра на корте.

Матерные выражения, одно круче другого, на протяжении пос-

ледних лет демонстрируют на теннисном корте парни из Москвы и Сочи, Калининграда и Уфы. Непроста в Российской академии физической культуры и спорта есть ученый, который собирается защитить докторскую диссертацию на тему "Накой спорт без мата". Уж из нее-то мы обязательно узнаем, были ли наши братья-славяне первыми матерщинниками и кто из спортсменов первым послал судью на три буквы и когда. Интересно, конечно, и за что.

Среди россиян своим красноречием на корте в свое время выделялся калининградец Александр Волков, который несколько лет назад распрощался с большим спортом. По складу характера он слыл игроком непредсказуемым. Порой мог обыграть кого-то из первой мировой десятки, а затем проиграть парню, занимающему в мировом рейтинге 350-е место! Словом, все у него зависело от настроения. Каким оно может быть, если встал не с той ноги, многие знают по себе. А если еще судья засудивал явно выигранные теннисистом мячи, тут Александр не выдерживал и по-русски, благо что за границей наш великий и могучий так и не стал языком межнационального общения, посылал бедолагу на вышке так далеко, что судья в испуге только и смотрел по сторонам. Словно ища защиты. Ох, и крепна сила русского мата!

В порыве гнева может прорваться "по маме" и сочинец Евгений Кафельников. Правда, после женитьбы и рождения дочки Олеси он стал намного сдержаннее и все реже позволяет себе вольности, которыми грешил в молодости. Тогда ему ничего не стоило не только сломать ракетку из-за

того, что попал мячом в сетку при розыгрыше решающего очка, но и крепкими словами просто-таки "расстрелять" рефери. Сколько раз доводилось слышать по каналу "Евроспорт", как разгневанный соотечественник выкрикивал любимое слово женского рода на букву "б". Для тех, кто любит кроссворды, скажу, что в слове том пять букв. И не поверю, если кто-то посетует, мол, играл, но не угадал ни одной буквы!

А вот уж где не любят и даже ненавидят нелитературные выражения, так это на Уимблдоне. Благовоспитанным англичанам просто слух режет, когда кто-то матерится или произносит поносные слова. Для многих из них это равносильно получить пощечину, причем ни за что. Да и в самом деле, как можно ругаться, когда на трибуне сидит сама королева или герцогиня Кентская! Вот почему на Уимблдоне создан штаб по борьбе с нарушителями общественного слуха. И не дай Бог кому-то выразиться в присутствии коро-

левы. Здесь судьи держат ухо востро. Англичане справедливо считают, что на корте надо играть, а не хулить противника или судью бранными словами.

Александр Волков

фото автора

Для воспитания провинившихся игроков применяются штрафные санкции. И это не желтая или красная карточки, как в футболе. Злостных матерщинников наказывают ... долларом. И не десятой или сотней, а тысячами! Причем сумма штрафа пропорциональна крутизне выражения. "Зеленые" вычитаются из призовых денег игрока в фонд развития четырех турниров, входящих в серию "Большого шлема". С каждым годом этот фонд растет и даже процветает.

Любители тенниса хорошо знают американца Джона Макин-

Джон Макинрой

рой. Он десять лет подряд находился в первой мировой десятке, 16 лет был первой ракеткой США и семь раз — первой ракеткой мира. Эмоциональный, взрывной, необузданный теннисист за годы выступлений столько раз посылал куда подальше судей, что даже доки от тенниса сбились, подсчитывая, сколько же раз Макинроя штрафовали за мат на корте.

Таким же забиякой на площадке прослыл и его земляк Джимми Коннорс по кличке Бинго. Сейчас сложно сказать, кто из этих двух великих игроков досаждал судьям на корте больше — Большой Мак, как называют Макинроя, или Бинго. Кстати, в мире тенниса еще есть и Маленький Мак — младший брат Джона — Патрик, который, к счастью, не унаследовал матерщинный опыт старшего брата.

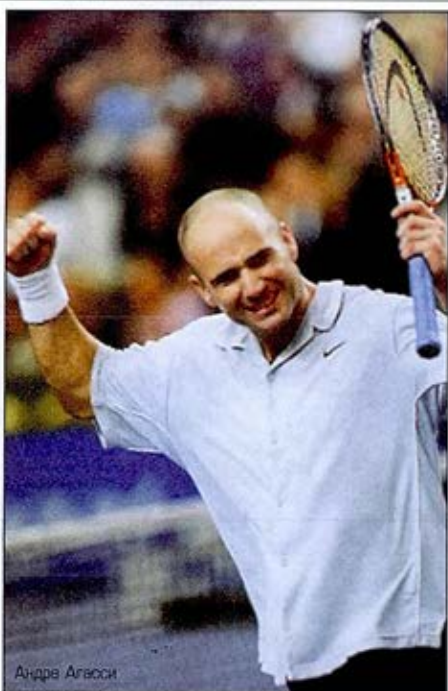
В свое время в любви к поносным словам был замечен немец Патрик Нюнен. Однажды он так разозлился на плохое покрытие корта, что вслух послал организаторов турнира куда подальше. За что ему пришлось выложить штраф в 500 банков. В другой раз ополчился на судью голландец Пол Хаархус, который громко сказал, что тот испортил ему матч и добавил еще пару крепких словечек в конце. В итоге оказался в минусе на 1500 долларов.

В десятку сильнейших, если бы кто-то составил мировой рейтинг матерщинников, наверняка попал бы скандальный парень из Хорватии Горан Иванишевич. Еще в юности он отличался хулиганским поведением и однажды даже пошел в атаку на судью.

Недовольный его решением, хорват стал раскачивать судейскую вышку. Известно, что Горан — мастер эйсов и может с такой силой послать мяч, что соперник не успеет даже ракеткой дотронуться до мяча, не то чтобы перебить его обратно через сетку. В этом эпизоде судья каждый раз, когда хорвату удавались эйсы, фиксировал заступ. Иванишевич не выдержал и на весь стадион "передал привет" его маме, а заодно и папе. Передал — и в итоге его кошелек стал легче на 1000 долларов.

Но только из знаменитых теннисистов не был замечен в сквернословии! На что уж спойнойный с виду американец Джим Нурье, а и тот не выдержал, когда ему не понравился один из судей. И рыжий Джим на весь стадион сказал все, что о нем думает. Говорят, судья тот не пострадал, а американец стал "беднее" на 1000 зеленых. Умением крепко выражаться славится и другой американец Андре Агасси. Парня немного "выбило из седла" событие личной жизни — от него ушла жена — актриса Брук Шилдс. Свято место пусто не бывает, особенно рядом с таким мужчиной, и теплое местечко заняла немка Штеффи Граф, с которой Андре обвенчался в церкви. Любителям тенниса не нравится вдвойне, когда Агасси ругается на корте, ведь немалый грех услышать "трехэтажный" от человека, совершающего ежевечерние молитвы.

Выражаются на корте и женщины-теннисистки, и даже сов-

Андре Агасси

сем молоденькие девочки. Их ругательства не так грубы, как у представителей сильной половины человечества, и чаще всего звучат высказывания на тему "фак ю". Но и среди девушек есть настоящие мастера крепкого словца.

Порой, стоя у края корта, даже сложно понять, о чем переговариваются между собой мастера ракетки. Их жаргон или сленг понятен только им самим. Таких перлов больше нигде не услышишь. Нашим знаменитым сатирикам далеко до изощренных словечек стройных, изящных девушек, зарабатывающих себе на жизнь с помощью теннисной ракетки. Но это уже, как вы понимаете, тема для другого материала. ■

**Игорь
НАДЖИЕВ:**

"УСПЕХ приносят мне женщины"

В Лас-Вегасе, где он проработал почти год, местная пресса назвала его "русским Майклом Джексоном, расписанным под "Kiss", поющим томные композиции в стиле Хулио Иглесиаса и напоминающим раннего Элвиса Пресли". Со стороны американцев — это наивысшая оценка для лирического певца. У нас же в стране Игорь Наджиев долгое время оставался непризнанным, наверное, многих очень уж удивлял его сценический имидж — странного вида одежда, сильно накрашенное лицо. И все же всего за несколько лет Игорь сумел сделать карьеру на эстраде...

— Игорь, в последнее время вы редко появляетесь на телевидении... Что так?

— Платить перестал за эфиры. Зато много гастролирую, записываюсь. Год как наторжный работал в Америке. Вот только вернулся...

— Как вы попали на московскую эстраду?

— Леонид Дербенев ввел меня в музыкальный мир с песнями для кинофильма "Мушкетеры. 20 лет спустя". Нас свел Кирноров, с которым я уже был знаком по всевозможным конкурсам, где мы оба принимали участие. Филипп

посоветовал переехать из моей родной Астрахани в Москву и дал телефон Дербенева, с которым уже сотрудничал. Я встретился с Леонидом Петровичем, показал ему свои песни и стихи, подарил видеокассету с концертами ансамбля, где был солистом. В то время я перепел весь репертуар Валерия Леонтьева, Михаила Боярского и Александра Розенбаума. И никогда не думал, что когда-нибудь они станут коллегами по цеху. После прослушивания Дербенев предложил мне песню "Потерянная страна", которую он все никак не мог поделить между Распутиной и Кирноровым.

Признаюсь, Москва приняла меня в штыки. Но не потому, что приезжий... Просто шоу-бизнес в принципе не приемлет новичков. Приходилось пробиваться... А ведь и Америка состоит сплошь из эмигрантов, но она сумела создать такую систему, в которой человек много работающий может достичь успехов. Вот туда и съезжаются люди со всего мира, обогащают их культуру.

— Кстати, кто вы по национальности?

— Я — иранец, но называться так в эпоху Советов, мягко говоря, не рекомендовалось. Поэтому по паспорту я — азербайджанец.

— Ваш шокирующий образ — расписное лицо и дьявольское одеяние — часть имиджа?

— В середине 90-х на фестивале "Звездный дождь" я впервые вышел на сцену с черной помадой на губах и черным лаком на ногтях. Кстати, подобный вид не нов на эстраде. Когда я познакомился с Аллой Баяновой, она рассказывала мне, что еще Вертинский практиковал роспись на лице, объясняя это тем, что размалеванные лица — часть русского фольклора. Вспомните хотя бы сноморохов и ряженых.

— И как вас впервые приняла московская публика?

— На одном из концертов на Арбате какие-то молодчики запустили в меня... книгами. А потом, видимо, зрители привыкли к моему необычному виду на сцене.

— Что вам дало недавнее участие в русском шоу в Лас-Вегасе?

— Шоу было действительно потрясающим. Удивляло американцев то, что русские способны поставить нечто грандиозное, они ведь привыкли исключительно к русскому фольклору, с матрешками и балалайками. Это, конечно, не прорыв на их рынок, но колоссальный опыт, который в условиях нашего шоу-бизнеса не постигнешь.

— В вашей творческой биографии в разное время присутствовали эстрадные дамы, в числе которых и Екатерина Шаврина. Намерены ли продолжить петь с ней дуэтом?

— Конечно, хотелось бы, и не только с Екатериной, но еще и с Ларисой Долиной или с Надеждой Чепрагой...

— Что же мешает осуществлению проекта?

— Отсутствие денег. Нужен продюсер, который бы "закрутил" это колесо. В случае с Шавриной продюсером выступила сама Наталья, и потому проект удался.

— Игорь, а без грима вас узнают на улице?

— Редко. Да, честно говоря, и не хочется, чтоб узнавали....

— Кто ваши родители?

— Отец — инженер в авторемонтных мастерских, мама — кофегар на хлебозаводе. Она всегда мечтала стать певицей, но ее мечта осуществил я.

— Вы единственный ребенок в семье?

— У меня был старший брат, но он покончил жизнь самоубийством. За ним вскоре ушла и мама, а след за ней — отец.

— Вам приходилось попадать в ситуации, так или иначе связанные с мистикой?

— Когда умер Игорь Тальков, модельер, сшивший певцу камзол, предложил мне его приобрести. На съемках "Шарман-шоу", считаю, этот камзол спас меня. Когда закончилась запись, задняя часть сцены вдруг загорелась, а сверху посыпались огненные полотнища и балки именно на то место, где я стоял минуту назад... Или вот еще случай. Мы снимали мой первый клип в Переславль-Залесском. И снова я был в этом камзоле. Режиссер не знал, что под запорошенным снегом протекает река, и дал мне команду пройти по снегу. Я сделал несколько шагов, лед треснул, и я ушел под воду. Как я оттуда вылез, известно лишь одному Богу. Я изо всех сил барахтался, хватался за кромки льда, а они все время отламывались. Уверен, что меня спас именно

намзол Талькова. Выходит, что в нем я прошел огонь, воду и сейчас медные трубы. Я бы хотел, чтоб после моего ухода со сцены намзол передали в музей Игоря Талькова.

— Вы были знаком с Игорем?

— К сожалению, нет.

— Как складывается ваша личная жизнь? Жениться не собираетесь?

— Пона нет. Очень любил одну женщину, чей перстень с черным агатом сейчас ношу. Когда приехал в Москву, нгде было жить, она меня приютила. Была доброй, искренней, правда, старше меня, но меня это не смущало. Вскоре она умерла, завещав мне свою квартиру. Я сейчас там

и живу. А перстень мне приносит удачу. Как и все мои женщины.

— Кание качества вы цените в женщинах?

— Прежде всего — преданность, мудрость. Для меня пример — семья покойного поэта Леонида Дербенева. Его супруга, Вера Ивановна, пронесла через всю жизнь любовь к нему. Она была его соратником и музой, женой и хранительницей семейного очага. Мне никогда не забыть тепла и гостеприимства их дома. В шоу-бизнесе тание семьи редко встречаются. Вот и я хочу, чтобы у меня в личной жизни сложилось все точно так же. ■

Беседу вел

Рамазан РАМАЗАНОВ.

Пожалуй, в наше время не часто встретишь молодого человека, который в свои неполных 22 года так много сделал. Судите сами: написал более трехсот полотен, участвовал в десятках выставок. Последняя персональная прошла в столичном Центральном доме художника. Его стихи печатаются в московских журналах и газетах, недавно вышел поэтический сборник "Синяя птица". Еще он увлекается археологией, а еще — принимает участие в реставрации уникальной трехшатровой церкви.

Владимир Чайка родился в семье художников, в старинном волжском городе Нимры. Вскоре после рождения сына семья переехала в славную своими подвигами — ни одна война не обошла ее — Вязьму. Эти два города, считает Владимир, сыграли большую роль в его становлении как художника, поэта. "До сих пор люблю собирать грибы, которые росли в Нимрах прямо на улицах. В этом удивительном по красоте городе, к счастью, никогда не было войн, и он сохранился полностью — от гвоздя с замысловатой шляпной в купеческом доме до разноцветных мостовых. Теперь от Нимр у меня остались письма моих бабушек, приходивших из семей священников-старообрядцев; колленицы простого фаянса и аптечного стекла, найденные на чердаках, да память о замечательном художнике-самоучке Любви Майковой". А вот его высказывания о Вязьме: "Сиреневая в предрассветной дымке... Веселые палисадники, густо засаженные цветами — почти у каждого дома. Прохладные родники в ее окрестностях. По воскресеньям и праздникам колокольный звон разносится по старинным улочкам. По весне утопают в бело-розовом наряде яблоневые сады. А осенью Вязьма, где люблю каждый ее камень, каждую травинку, — грустно окрашивается увядающим багрянцем. И если в Нимрах я родился, то в Вязьме я родился как художник".

Склонность к рисованию проявилась у Владимира довольно рано. Еще бы — все время вертелся в мастерской родителей. Вначале просто наблюдал, как рождается картина, как серый невзрачный холст на глазах начинает преобразовываться, превращаясь то во "вкусный" натюрморт, то вдруг засияют на нем яркие садовые

цветы или появятся знакомые дома и улочки родного города. Затем и сам потянулся к карандашу, позже к краскам. Руку и "глаз" профессионально ставил ему отец, потому с поступлением в Московское художественное училище 1905 года проблем у Владимира не возникло.

Он пишет картины на библейские и мифологические сюжеты, натюрморты, пейзажи — городские (сделал цикл несравненной своей Вязьмы) и просто природы. Уже приступил к своей заветной мечте. Пишет цикл портретов любимых художников — Пикассо, Ван Гога, русских писателей, не менее любимых Гоголя, Есенина, а

еще просто своих друзей и девочек с соседней улицы.

Владимир с юношеским максимализмом считает, что главное в жизни — любовь и природа. И что живопись ни в коем случае не должна быть агрессивной, разрушительной. Напротив. "Добрые идеи раскрываются в добром сюжете — чистыми, радостными красками. И главное, чтобы художник был светел и чист душой". И добавляет: "Не сканю ничего нового и оригинального, просто напомню: нас создали и поселили в таком прекрасном, изумительном по красоте мире. Что же мы его так безжалостно уничтожаем?.."

Светлана ТОНИНА

Поющий монастырь.

День рождения.

"АЭРОФЛОТ - РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ" ПРЕДСТАВЛЯЕТ
программу премирования часто летающих пассажиров
"АЭРОФЛОТ БОНУС"

**Летайте чаще -
летайте первым и
бизнес-классами -
летайте бесплатно!**

Наберите необходимое количество баллов из расчета **"один балл - один километр полета"** (при условии оплаты авиабилета по соответствующему тарифу), и **бесплатный билет Ваш**. За полет первым и бизнес-классами Вы можете получить дополнительные баллы.

30 000 баллов - бесплатный авиабилет в один из городов европейской части России

50 000 баллов - бесплатный авиабилет в Европу

более **70 000** баллов - бесплатный авиабилет в Северную Америку или Азию

Указанное количество баллов соответствует бесплатному авиабилету экономического класса. Порядок начисления баллов и оформления премиальных авиабилетов, а также условия их использования подробно изложены в правилах программы "Аэрофлот Бонус".

Если Вас заинтересовала новая программа Аэрофлота, присоединяйтесь!

Информация о программе

тел.: (095) 723-82-60;
www.aeroflotbonus.ru

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

20 сортов
свежеобжаренного
колумбийского кофе
Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

ЗДОРОВАЯ КОЖА — ЗДОРОВЫЙ МАЛЫШ

Чем отличается лечебная косметика, производимая «ИНФАРМОЙ», от продукции других фирм? «ИНФАРМА» — практически единственный в России разработчик и производитель детской косметики, обладающей лечебным эффектом.

«ДЕТСКИЙ КРЕМ» в течение нескольких минут снимает зуд, успокаивает воспаление и раздражение кожи, ускоряет заживление при контактном дерматите, экземе, псориазе, юношеских угрях, ожогах и опрелостях.

«ДЕТСКИЙ БАЛЬЗАМ» применяют при воспалительных заболеваниях кожи для предупреждения появления трещин, шелушения, зуда, заживления высыпаний.

«ДЕТСКИЙ ШАМПУНЬ» (и **«ДЕТСКАЯ ПЕНА для ванн»**) поможет нежно ухаживать за раздраженной кожей.

Все это можно приобрести в аптечной сети или заказать по почте наложенным платежом (цена комплекта из 5-ти наименований — 158 руб. без стоимости доставки).

БЕСПЛАТНО прилагаются диетические инструкции и другие рекомендации по уходу за кожей. **ПОДАРОК** — противовирусный, противогрибковый крем **«ВИРАЗОЛ»**.

«ИНФАРМА»: 117571, Москва, ул.26-ти Бакинских Комиссаров, 1-2-17.
Тел./факс: (095)141-90-65

Ищите «32 ЖЕМЧУЖИНЫ»!

Помните зубной порошок? Это «невкусное» средство тем не менее прекрасно отбеливает зубы. Ранее считалось, что мел — слишком жесткий абразив, он истончает, «стирает» зубную эмаль. Но мел, который используется при изготовлении зубных паст нового поколения (и, в частности, паст белорусской фирмы «Модум», известной по своим маркам — «Кедровый бальзам», «Семейная», «Фтородент», «Мятная», «Лесная»), изготавливают по специальной технологии, и размер его частиц сопоставим с размером частиц кремния в хорошо знакомых кремниевых пастах иностранного производства типа «Бленд-а-мед». Последние исследования показали, что для наших зубов предпочтительнее и роднее зубные пасты на меловой основе. К тому же мел — природный, естественный материал. Новая серия «32 жемчужины» представлена тремя видами паст, оказывающими разное лечебно-профилактическое воздействие. Паста «32 жемчужины» с фтором предотвращает заболевания зубов и десен. Второй вид — с добавлением кальция, строительного материала для костных тканей. «32 жемчужины» отбеливающая — паста, осветляющая зубы и разрыхляющая зубной камень.

Вся продукция фирмы — шампуни, кремы, лосьоны и, разумеется, зубная паста проходят исследования в клинике НИИ радиационной медицины и эндокринологии в Аксаковщине и только после отличных рекомендаций поступают в продажу. Так что смело отправляйтесь в магазины на поиски драгоценностей!

ЗАО «МОДУМ» Республика Беларусь, 220030, Минск, ул.Энгельса, 34, 3-й этаж, тел./ф.: (017)227-22-11, 229-22-33

Официальный дистрибьютор в России:

Компания «ТОРН»,

Москва тел.:(095)786-20-00/02

NATURELLE

Варшавское шоссе, д. 17 тел.: (095) 9 555 888
www.naturelle.ru info@naturelleinc.com

Знакомьтесь, "Лита-Цвет"...

Всех почитателей продукции московской НПФ "Лита-Цвет", известной своими косметическими сериями "Прикосновение...", "Мастер и Маргарита", приглашаем познакомиться с новой разработкой фирмы — косметической линией "Лита-Цвет".

Во всех косметических средствах линии, а их — 26 наименований, присутствует "Эксолин" — уникальный, не имеющий аналогов биологический стимулятор регенерации тканей. "Эксолин" — производный коллагена, который содержит весь необходимый для кожи комплекс аминокислот, пептиды, уроневые кислоты, микроэлементы и минеральные вещества. "Эксолин", идеально усваиваясь, обновляет кожу, способствует синтезу новых коллагеновых клеток, отвечающих за упругость и эластичность кожи, обеспечивает полноценное питание и защиту кожного покрова от вредных воздействий окружающей среды.

Лита-Цвет — косметика для тех, кто хочет выглядеть молодо всегда, независимо от возраста.

Приобрести косметику "Лита-Цвет" можно в магазинах Москвы и России.

Приглашаем оптовых покупателей:

Москва, ул. 9-ая Парковая, дом 37, корп.1.

Телефоны: (095) 965-20-38,

(095) 467-18-80, (095) 466-68-44,

(095) 165-90-01, (095) 965-05-39.

Уважаемые иштатели!

Во втором полугодии 2001 года "Смена" предполагает опубликовать:

- окончание детективного романа Виктора Пронина "Брызги шампанского",
- продолжение боевика Андрея Молчанова и Вячеслава Артемова "Улыбка зверя",
- остросюжетный роман Александра Экштейна "Лунные бабочки",
- зарубежные детективы: Вернера Штайнберга "Дело комиссара",
- Патриции Мойес "Идеальное убийство",
- Рут Рэнделл "Заклание волков",
- Джона Ле Карре "Живой труп".

Свои новые произведения нам обещали Юрий Поляков, Фазиль Искандер, Светлана Алексиевич, Анатолий Курчаткин, Василий Песков.

В числе постоянных авторов "Смены" известные публицисты Светлана Бестужева-Лада, Лора Великанова, Игорь Гамаюнов, Иван Зюзюкин, Борис Сопельняк, Леонид Шаров.

С шедеврами мировой живописи вас продолжит знакомить Лилия Байрамова, а малоизвестные страницы отечественной истории откроет Любовь Русева.

Напоминаем, что и во втором полугодии 2001 года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем ее продлить.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера — 35 рублей, но такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 30 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-17, 212-15-07.

Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП, 127994.

Подписаться на "Смену" теперь можно и через "Интернет". Посетив подписную страницу нашего журнала в интернет-магазине "Пресса", вы получите возможность всего за несколько секунд оформить и оплатить подписку на "Смену" на любой период до полугодия. Адрес интернет-магазина "Пресса"

<http://pressa.apr.ru/index/70820>

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 2001-го года цена за один номер журнала — 35 руб., за три — 105 руб., полугодичная подписка — 210 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.

руб.

Количество
комплектов

на 2001 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Граница не на замке

"Наш пятнадцатилетний сын отправляется учиться за рубеж. По ряду причин мы не можем поехать вместе с ним. Может ли он выехать один, и какие документы для этого нужны?"

В. и А. Пашковы,

Владимирская обл.

Да, несмотря на возраст, ваш сын может самостоятельно выехать за границу на обучение или с другими целями. Для этого необходимо выполнить ряд требований, установленных Федеральным законом от 15.08.96 г. "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию". В соответствии со ст.21 Федерального закона выезд за пределы РФ несовершеннолетнего гражданина России разрешается при наличии согласия на выезд со стороны обоих родителей (усыновителей, опекунов, попечителей). Согласие родителей или лиц, их заменяющих, должно быть нотариально оформлено. Кроме того, в этом документе должно быть указано государство, в которое направляется несовершеннолетний гражданин, и срок, в течение которого он намерен там пробыть.

Если ребенок выезжает на срок, превышающий три месяца, согласие родителей должно быть не только удостоверено нотариусом, но и заверено органами опеки и попечительства. И конечно, у выезжающего должен быть свой паспорт для выезда за пределы Российской Федерации.

Ищите только нужные документы

"При регистрации права собственности на дом, который я получил по наследству, у меня потребовали свидетельство о праве собственности умершего родственника на этот дом. У меня этого свидетельства нет, так как оно находится у нотариуса, а он отказывается его выдать. Как я могу получить этот документ?"

С. Фильченко,

Краснодарский край

У вас нет необходимости получать свидетельство о праве собственности наследодателя на дом, который вы получили. В данном случае прав нотариус, который не выдает вам этот документ, и не права регистрационная палата, требующая его представить. В соответствии со ст.17 Федерального закона от 21.07.97 г. "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" в случае возникновения права собственности в порядке наследования основанием для государственной регистрации права является свидетельство о праве на наследство, а не свидетельство о праве собственности наследодателя. При этом не допускается требование у заявителя дополнительных документов, если иное не установлено законодательством Российской Федерации. Для того,

чтобы зарегистрировать ваше право собственности на дом, необходимы следующие документы: заявление о государственной регистрации права; документ, удостоверяющий личность заявителя (наследника); доверенность (если заявление подается представителем); платный документ, подтверждающий внесение платы за государственную регистрацию; свидетельство о праве на наследство. Отказ зарегистрировать ваше право собственности и требование представить документы, не предусмотренные законом, вы вправе обжаловать в суд на основании ч.2 п.3 ст.20 вышеуказанного закона.

Чья инициатива законна

"Моя сестра собирается разводиться с мужем, но слышала, что их брак расторгать нельзя, поскольку ребенку всего полгода. Правда ли это?"

И.Воронина,

Свердловская обл.

Это утверждение не совсем верно. В соответствии со ст.17 Семейного кодекса РФ ограничивается право мужа требовать расторжения брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. Муж не может просить развода в этот период, только если жена не возражает против расторжения брака. При этом жена свободна в своем праве возбуждать дело о расторжении брака вне зависимости от беременности или наличия ребенка, не достигшего года.

Придется набраться терпения

"Мне пришлось впервые в жизни обратиться в суд. Меня

удивило, что дело назначили к слушанию только через полтора месяца. Действительно ли установлен такой срок для рассмотрения иска?"

П.Давыдов,

Нижегородская обл.

Сроки рассмотрения гражданских дел установлены Гражданским процессуальным кодексом РСФСР и в каждом конкретном случае зависят от категории дела. В соответствии со ст.99 ГПК РСФСР подготовка гражданского дела к судебному разбирательству производится в течение семи дней со дня принятия заявления. В исключительных случаях по делам особой сложности подготовка может быть продлена до двадцати дней. После этого дело назначается к слушанию. Дела о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца, и по требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений, должны быть рассмотрены в течение десяти дней со дня окончания досудебной подготовки дела. Если стороны находятся в разных городах, этот срок может быть продлен до двадцати дней.

Жалобы на неправомерные действия должностных лиц и на отказ в разрешении на выезд из Российской Федерации или на въезд в Российскую Федерацию рассматриваются в десятидневный срок со дня подачи жалобы. Остальные категории гражданских дел должны быть рассмотрены не позднее одного месяца со дня окончания подготовки дела к судебному разбирательству.

То, что ваше дело назначили к рассмотрению с нарушением сро-

ков, установленных законом, скорее всего, связано с большой загруженностью судьи. Поэтому вы можете либо попытаться объяснить судье, почему ваше дело не терпит отлагательства, либо просто набраться терпения.

Права должника — обязанности пристава

"Я получил извещение судебного пристава о том, что должен оплатить задолженность по алиментам. В разговоре со мной пристав отказался объяснить, как была определена сумма задолженности. Имею ли я право узнать, откуда появилась такая значительная для меня сумма долга?"

А. Баранников,
Ростовская обл.

Безусловно, вы имеете право знать, каким образом была рассчитана сумма задолженности по алиментам. Более того, вы как сторона (должник) в ходе исполнительного производства обладаете рядом других прав, перечисленных в ст. 31 Федерального закона от 21.07.97 г. "Об исполнительном производстве". А пристав, в свою очередь, обязан обеспечить эти права. В соответствии с данной статьей стороны при совершении исполнительных действий имеют право знакомиться с материалами исполнительного производства, делать из них выписки, снимать с них копии, представлять дополнительные материалы, заявлять ходатайства, давать объяснения и выражать свои доводы по всем вопросам исполнительных действий, заявлять отводы участникам исполнительного производства, а также

обжаловать действия судебного пристава-исполнителя. Именно к этим последним из указанных прав вы можете прибегнуть, если пристав не даст вам доступ ко всем материалам, возбужденного против вас исполнительного производства.

АОЗТ закрыто не для всех

"По завещанию своего отца я получил акции одного из акционерных обществ, но представители дирекции заявили мне, что меня не примут в АО, так как оно является обществом закрытого типа, и я должен продать свои акции другим акционерам. Действительно ли я не могу стать членом этого общества?"

Е. Черепанов,
Московская обл.

Вы можете стать акционером даже общества закрытого типа, и это не зависит от мнения дирекции или общего собрания. Акционеры АОЗТ имеют преимущественное право покупки акций по цене предложения другому лицу в соответствии с п. 3 ст. 7 Федерального закона от 26.12.95 г. "Об акционерных обществах". Речь идет о покупке, то есть передаче акций по возмездному договору. В вашей же ситуации происходит передача акций на безвозмездной основе, в порядке наследования (так же как и в порядке дарения). Право преимущественной покупки на эти случаи не распространяется, и поэтому вас обязаны принять в состав акционеров общества, в котором состоял ваш отец. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

61. Н. АНИМОВ
 Казахстан

2

62. О. ШАЛЫГИН
 Украина

2

63. К. ГРЮНЕВЕЛЬД
 Голландия

2

64. А. СЕРПИК
 Москва

3

65. В. КОЗЫРЕВ
 Эстония

3

66. Е. БОГДАНОВ
 Украина

3

**67. Б. ЖЕЖЕРУН,
 Н. КУЛИГИН**
 Украина

4

68. В. МОРОЗОВ
 Москва

4

69. Ю. СУШКОВ
 Санкт-Петербург

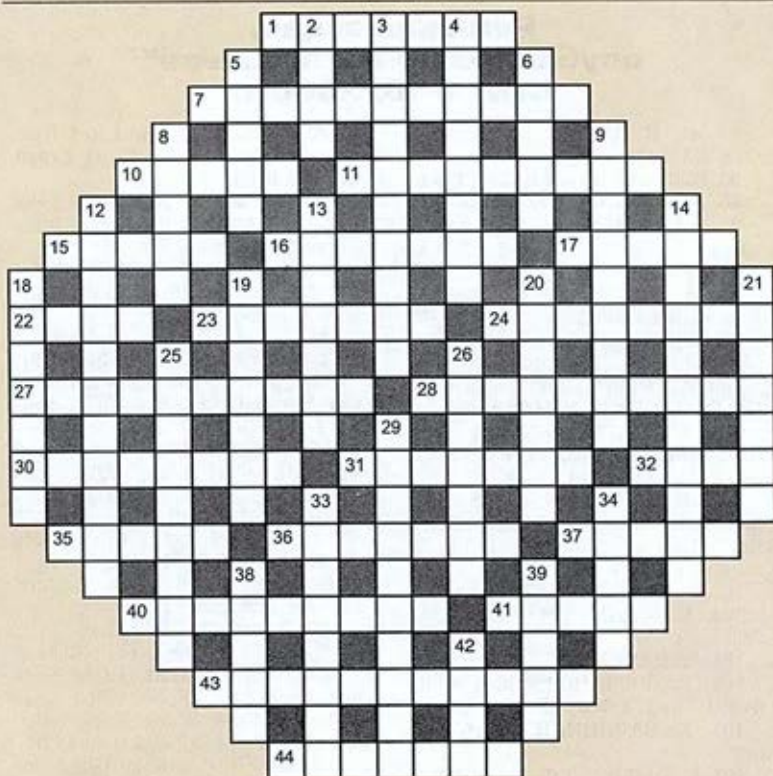
5

б) Kc7-h8

**Решения задач,
опубликованных в "Смене"
№№ 8-10, 2000 г.**

94. Н. КУЛИГИН. а) 1.Ка2; б) 1.Фf2; в) 1.Лh8; г) 1.Фа2
95. В. ШМАТОВ. а) 1.Фа3; б) 1.Фд6
96. В. МЕЛЬНИЧЕНКО. 1.Кf8
97. В. ИВАНОВ. 1.Фf7 Крс3 2.Фа2, 1...Кра3 2.Крс2, 1...Кра1 2.Сd4, 1...Крb1 2.Фb3
98. А. СЛЕСАРЕНКО. 1.Фс3 е6 2.Кb8, 1...Крb5 2.Фb3
99. Е. БОГДАНОВ. 1.Фb4 f5 2.f4, 1...Крd5 2.Ке7, 1...Крf5 2.Фе4
100. А. ТОГЕР. 1.Лh3 Фh3 2.Крf2 Фf1 3.Фf1, 1...Са7 2.Фh8 Сb8 3.Лh2
101. Н. КУЛИГИН. 1.Кb4 Крс1 2.Кbc2 Крb1 3.Кb3 Кра2 4.Се6, 1...Кре1 2.Кd3 Крf1 3.Сh3 Крg1 4.Кf3
102. Е. БОГДАНОВ. 1.Ла2 Крс1 2.Кd2 Крd1 3.Кb3 Кре1 4.Крg2 Крd1 5.Крf3, 1...Кре1 2.Крg2 Крd1 3.Крf3 Крс1 4.Кd2 Крd1 5.Кb3
103. А. ШОНХОЛЬЦЕР. 1.Фb8
104. В. ШАНЬШИН. 1.Сd3? d5!, 1.Сс3!
105. М. МАТРЕНИН. 1.Фд4
106. Е. БОГДАНОВ. 1.Се6 Крd6 2.Фе3, 1...Крd4 2.Фс3
107. А. ВАРИЦКИЙ. 1.Сg5 Сg7 2.Се7
108. Г. КОЗИЮРА. 1.Фf7 — 2.g8Ф и 2.Сf8
109. В. ИВАНОВ. 1.Кре6 Кре4 2.Кd2 Кре3 3.Кс4, 1...d3 2.Кре5 d2 3.Ка3
110. Е. БОГДАНОВ. 1.Фg8 b6 2.Крс6 Кра5 3.Фb3, 1...b5 2.Фа8 b4 3.Фс6
111. А. ЕПИФАНОВ. 1.Лb8 f5 2.Ле8 Крf6 3.Фд6 Крg5 4.Лg8, 1...Крf4 2.Фе2 — 3.Лg8
112. А. ШОНХОЛЬЦЕР. 1.Кс4
113. В. КАЛАНДАДЗЕ. 1.Фе1
114. Е. ЦИММЕР. 1.Фb2
115. А. МИРОНОВ. 1.Фh8
116. В. ШАНЬШИН. 1.Фа1
117. А. ЕПИФАНОВ. а) 1.Фb2; б) 1.Фb2
118. В. ГРЕБЕШКОВ. 1.Ке3 Кре3 2.Фg4, 1...Крd3 2.Ла4, 1...Крf4 2.Кре2, 1...Крf3 2.Фd4
119. В. КАЛАНДАДЗЕ. 1.Фh3 Крb5 2.Фd7
120. Е. БОГДАНОВ. 1.Ке3 Крd3 2.Фb4, 1...Крf4 2.Фf6, 1...d4 2.Фg6, 1...Кре5 2.Крf3
121. Г. КОЗИЮРА. 1.Сb7 Крb8 2.с8К
122. Е. РАКОВ. 1.Ла4 Крb5 2.Л3е4, 1...Крd5 2.Лh4
123. В. СОКОЛОВСКИЙ. 1.Кd7 Крd7 2.Фе8, 1...Крd6 2.Фе5, 1...Крb7 2.Фа8, 1...Крb5 2.Фh1
124. Л. ПРОНИН. [ч.п.с7] а) 1.Сс1 Крd4 2.Фf3 Кре3 3.Сb2, 1...Кре5 2.Фf3 Кре6 3.Сg5; б) 1.Фh5 Кре3 2.Фg4 с6 3.Се5, 1...с6 2.Крf2 Крf4 3.Сf6, 1...Крf4 2.Крf2 с6 3.Сf6
125. Е. БОГДАНОВ. 1.Фе2 Крg3 2.Фе4 Крf2 3.Фе1, 1...Крg4 2.Фе5 Крh5 3.Фd4, 1...e4 2.Фе4 Крg3 3.Фd4
126. В. МЕТЛИЦКИЙ. а) 1.Фd6 Крf7 2.Сd3 Крg7 3.Фе7 Крb6 4.Фf6 Крh5 5.Се2х; б) 1.Фf6 Крd7 2.Сg4 Кр7 3.Фа6 Крd8 4.Фd6 Кре8 5.Сh5х, 3...Крb8 4.Фb6 Крс8 5.Сg4х
127. Г. ЕГОРОВ. 1.Крd1 d3 2.Сс1 Кра1 3.Кре1 Кра2 4.Кс3 Кра1 5.Кb3х
128. В. КОЖАКИН. 1.Сd8 Крd3 2.Кс4 Крс3 3.Са5 Крb3 4.Лb2 Кра4 5.Лb4х, 1...Крf4 2.Ле2 Крg3 3.Сg5 Крh3 4.Сf4, 2...Крf5 3.Ле6 Крf4 4.Сh4
129. Ф. УЛИГ. 1.Крg6 Се5 2.Лс1 Сс7 3.Лс6 Сd8 4.Лa6 и 5.Ла8
130. А. ОГАНЕСЯН. 1.Фb8 а4 2.Фb7 Кра5 3.Кра7 а3 4.Фb6 Кра4 5.Кра6 а2 6.Фb5 Кра3 7.Кра5 а1К 8.Фа4х
131. В. МОРОЗОВ. 1.Кd4 Крg8 2.Ке6 Крh8 3.Крg5 Крh7 4.Крh5 Крh8 5.Крh6 Крg8 6.Крg6 Крh8 7.Кf8(g6) Крg8 8.Кh7 Крh8 9.Крb6 Крg8 10. Сd5 Крh8 11.Кf8 g2 12.Кg6х, 1...Крh7 2.Кf5 сэхо-игрой. 1.Ке7? Крh7!, 1.Кd6? Крg8!
132. Н. ЗИНОВЬЕВ. 1.Кd5 Сb6! 2.Сb6 Крb8 3.Ке7 Кра8 4.Крg4 Крb8 5.Крf5 Кра8 6.Кре6 Крb8 7.Крd7 Кра8 8.Кс8 Крb8 9.Са7 Кра8 10.Крс7 b5 11.Сb8 b4 12.Кb6х

Правильные ответы на все задания прислали: В. КОЖАКИН (Магадан), А. РОГАНИН (пос. Строитель Белгородской обл.), В. СИМОНОВ (Самара), А. МОТОВИЧЕВ (Архангельск). По одной задаче не решили: Г. КАРТАШОВ (Санкт-Петербург), Г. ПОПОВ (Якутск).

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Норабельное скопление. 7. Содержимое живой клетки. 10. Сумма знаний, идей и опытов. 11. Вещество, снижающее скорость химической реакции или подавляющее ее. 15. Принудительная покупка квитанции. 16. Частая спутница славы. 17. Одна из трех богинь судьбы в греческой мифологии. 22. Мальчик, который больше плавает, чем ходит. 23. И аскорбиновая кислота, и биотин, и тиамин. 24. Судно с ревушим двигателем. 27. Подчиненный Мойдодыра. 28. Мартини ... ди Минеле — итальянский ювелир и гравер XV-XVI веков по прозванию Робетта, мастерски копирующий гравюры Дюрера. 30. Коммуналка по сути. 31. Судьбоносная особа. 32. Один из 50 под началом Вашингтона. 35. Город, косвенно упомянутый в заглавиях тургеневских "Записок охотника". 36. Русская песня с трагическим сю-

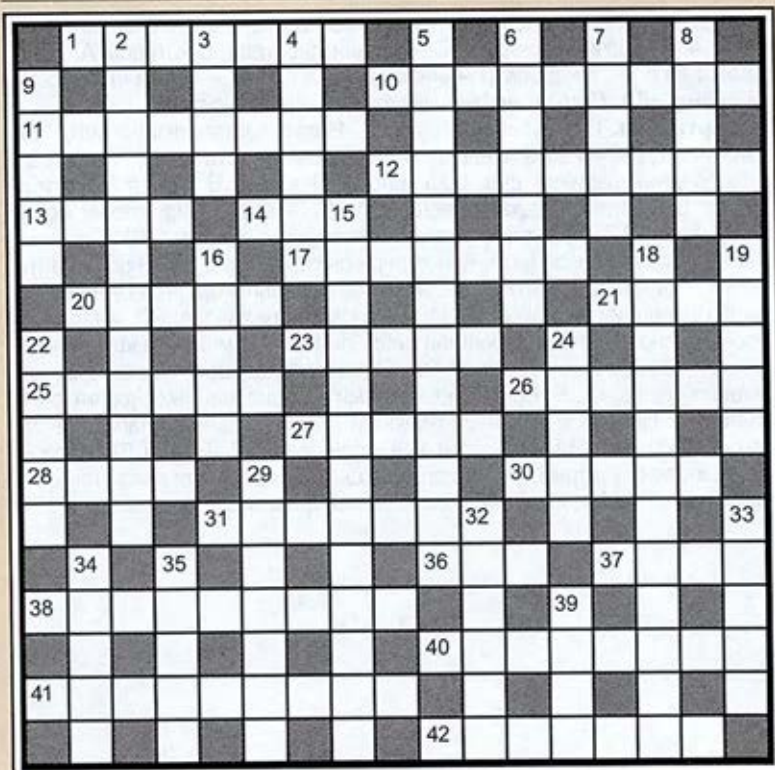
жетом. 37. "Много дней" (Т. Элиот). 40. Вымершая низкорослая лошадь. 41. Собачья тарелка. 43. Русский писатель, о котором А. Жид, сравнивая его с предшественниками, сказал: "Там — картина, здесь — панорама". 44. Самый "кофейный" французский писатель.

По вертикали. 2. Паутина по сути. 3. Недуг, заставляющий идти под нож, не щадя живота своего. 4. Знаменитая статья Д. Писарева. 5. Последний великий философ школы Платона. 6. Пилот на птице-тройке. 8. Результат дыхания вещей, по А. Гачеву. 9. Гидротехническое сооружение. 12. Азартный возврат посаженных денег. 13. Остров в Эгейском море, связанный, как теперь считают, с легендой об Атлантиде. 14. Подхалим, тенью скользящий за начальником. 18. Одно из песенных названий зазнобы. 19. Игра на суконном газоне. 20. Известная русская киноактриса, назвавшая себя "пиновой дамой из нафталинового вена". 21. Свойство кислот. 25. Самый подходящий цвет для озеленения беседок. 26. Самый популярный из придуманных русских сатириков. 29. Народное название голубики. 33. Комедийная барышня-служанка на сцене. 34. Гора, где все спокойно. 38. Роман Ф. Купера. 39. "Человек, который, уловив аромат цветов, сразу оглядывается в поисках гроба" (Г. Менкен). 42. Знаменитый фильм С. Соловьева. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 1. Гюйо. 7. Чона. 11. Уморение. 13. Вертухай. 14. Борт. 15. Кров. 16. Арк. 17. Фредеринс. 18. Аба. 21. История. 24. Шиннар. 25. Ярополк. 26. Алов. 27. Нант. 28. Бахрома. 29. Квас. 30. Бонд. 32. Оксамит. 34. Нанидна. 35. Кафедра. 38. Мат. 40. Завистник. 41. Лаж. 43. ...орех. 45. Даву. 46. Половник. 47. Хризолит. 48. Свод. 49. Конь.

По вертикали. 1. Губа. 2. Юмореска. 3. Йорк. 4. Орт. 5. Энергия. 6. Практин. 7. Чук. 8. Охра. 9. "Наоборот". 10. Айва. 12. Езда. 13. Вера. 19. ...рокотание... 20. Энвадорец. 22. Ярмарка. 23. "Спартак". 24. Шлемник. 29. Крамаров. 31. Державин. 32. Украина. 33. Тахилит. 36. Цирк. 37. Птах. 38. Мопс. 39. Тело. 41. Лало. 42. Жуть. 44. Ход. 45. Дон.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. И Марс, и Нептун, и Уран. 10. В "Полтаве" А. Пушкина после гневных слов матери, обращенных к Марии, ее "лицо покрыла ... гробовая, и, охладев, как неживая упала дева на крыльцо". 11. Искатель справедливости с помощью высокой инстанции. 12. "Налог на отсутствие собственности" (Г. Малкин). 13. Народное название валерианы. 14. Епископ, проповедник французского короля Генриха III. 17. Животное, глядя на которое, как верят в Турции, беременная женщина родит ребенка с толстыми губами или заячьей губой. 20. Мертвая хватка плавучего дона или маяка. 21. Деталь боевого снаряжения шумерского царя, выполненная в виде женской прически. 23. Представитель жрецов-лупернов, голыми бегавших по Риму на празднике в честь фавна и плетью из козлийной кожи бивших всех встречаемых женщин. 25. Писатель с "Очарованной душой". 26. "Большая корзина с углем" на Кавказе. 27. Одна паршивая овца все ... губит (поговорка). 28. Металл, по которому названа свадьба после 6,5 лет брака. 30. Египетский фараон, правивший 94 года. 31. "Чтиво" по творческой сути. 36. Мистер, прославивший Г. Отса. 37. Цель, которую надо выбить би-

чом в жестокой борьбе, бытующей на индонезийском острове Флорес. 38. Родной город баталиста В. Верещагина. 40. Заморское дерево, используемое у нас в живых изгородях, лесополосах и для укрепления склонов. 41. "Платонический нектар" в энциклопедическом обзоре "Набинеет любомудрия", вышедшем в России в конце XVIII века. 42. "Беседа четырех неглупых людей" (И. Гайдн).

По вертикали. 2. Королева, последний монарх Гавайев. 3. Группа французских художников, развивавших "символический синтетизм" П. Гогена. 4. Режиссер, в 1914 году с А. Коонен и группой молодых актеров создавший Камерный театр. 5. Знаменитый меценатством аристократический итальянский род, из которого вышел папа Климент VIII. 6. По мнению сатирина, человек, обманывающий единственную женщину. 7. Самый длинный нос. 8. Старинное название невольника, пленника, узника. 9. Персидский поэт, чей первый перевод на русский язык появился в 1810 году в журнале "Цветник". 15. Стихия, к которой лучше всех подготовлен Сан-Франциско. 16. Фабрика музыкальных звуков. 18. Достояние граждан; цель государства, по Аристотелю. 19. Сказочный герой, прищучивший царевну Несмеяну. 22. Губчатое железо русских металлургов в старину. 24. Страна, где Парацельс приобрел военный опыт в кампании короля Христиана II против шведов. 29. Медик, изучающий причины и среду возникновения болезней. 32. Известный русский художник, в последние годы жизни работавший декоратором в Первом армянском театре. 33. Из песни: "Не шей ты мне, матушна, красный сарафан, не входи, родимушна, попусту в ...". 34. Один из основных элементов русского дворянского герба. 35. Певчая птица, которую в Болгарии считают иноземной и называют турче. 39. Перед голом. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали. 5. ...любовница. 10. Кранелюр. 11. Екатерина. 12. Дворянство. 14. "Хохот". 15. Бочна. 16. Чукучан. 21. Риск. 22. Юнг. 24. Тофалары. 26. Жерар. 27. Спитамен. 28. Лот. 29. Эсан. 33. Артерия. 34. Стиль. 35. Коала. 39. Нортумбрия. 40. Балбешник. 41. Вынройна. 42. Фламандец.

По вертикали. 1. ...шнода. 2. Заборовский. 3. Десятка. 4. Мюссе. 6. Юнно. 7. Ость. 8. Нортон. 9. Цензор. 11. Евнух. 13. Нупорос. 14. Халат. 17. Пруст. 18. Инженер. 19. Гассельрийс. 20. Вышна. 23. Ген. 24. Тал. 25. Махра. 30. Щипок. 31. Утамаро. 32. Коралл. 33. Альбом. 36. Отдых. 37. ...тягач. 38. Яшин. 39. Нине.

Громкий голос или быстрые ноги?

Телефон — это просто. Даже для ребенка. Поднял трубку, набрал номер и говори. Проблемы появляются, когда телефонов становится больше одного. Сразу возникают вопросы. К какому телефону бежать, когда они звонят? А не помешаю ли другому разговору, если буду звонить? Не собьют ли мне набор номера с другого телефона? Как позвать кого-то к телефону: громко крикнуть или быстро сбегать?

А средство для решения всех этих проблем уже давно придумано — мини-АТС (или Учрежденческая АТС — УАТС). Небольшая коробочка — размером с обычный телефон — крепится на стене. Все входящие телефонные линии и телефонные аппараты присоединяются к ней. Теперь мини-АТС решит все Ваши проблемы.

Что же может мини-АТС? С ее помощью Вы можете установить, какие телефоны должны звонить при входящих звонках, а какие нет. Вы сможете перевести входящий звонок на любой другой аппарат. Во время разговора с одним человеком Вы сможете позвонить другому, поговорить с ним и вернуться к первому. Никто не помешает набору номера и не прослушает разговор. Вы сможете устроить конференцию — несколько человек будут одновременно по телефону говорить друг с другом. Вы сможете использовать один телефон для работы на нескольких линиях или несколько телефонов на одной. Вы сможете организовать небольшую внутреннюю телефонную сеть даже при отсутствии внешней телефонной линии. И много других возможностей внесет в Вашу жизнь мини-АТС.

НПО "Ремикон" выпускает несколько различных модификаций мини-АТС — от 1x2 (одна внешняя линия и две внутренних) до 4x16.

НПО "Ремикон" работает по телефонной тематике уже 5 лет. НПО производит мини-АТС, телефоны, АОНы, приставки с АОН, средства адаптации телефонных линий и защиты их от несанкционированного доступа (адаптеры, блокираторы, усилители, блоки защиты). Уже 38 наименований продукции имеют сертификаты Госстандарта России и ГосКомСвязи России. НПО "Ремикон" постоянно расширяет спектр производимой продукции, работает над повышением ее качества.

Продолжение публикации об изделиях НПО "Ремикон" читайте в следующих номерах.

Подробную информацию можно получить по тел.:
(095) 534-22-77, (095) 455-19-77.

E-mail: remicon@orc.ru
<http://www.remicon.ru>

Научно-производственное объединение

РЕМИКОН

Мини-АТС

АОНЫ

Телефоны

Устройства
защиты и адаптации
телефонных линий

Гармония связи

КУЛЬТУРНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
СОКОЛЬНИКИ

В 1998 году выставка Евроэкспо-мебель удостоена Знака качества Союза выставок и ярмарок СНГ и стран Балтии

ЕВРО ЭКСПО МЕБЕЛЬ

9-я МЕЖДУНАРОДНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА

ЯРМАРКА МЕБЕЛИ И СОПУТСТВУЮЩИХ ТОВАРОВ

www.euroexpofurniture.ru

Организаторы выставки:

Культурно-выставочный центр «Сокольники»
Министерство промышленности, науки и технологий РФ

Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России

АО «Центромебель»

14 - 19 мая
2001
года

КВЦ «Сокольники»

«Россия, 107113, Москва, Сокольнический вал, 1, павильон 4, тел: (095) 268-14-07, 269-42-62, факс: (095) 268-08-91, E-mail: v_v@exposokol.ru, www.exposokol.ru

2-5 октября 2001 года

АРТМЕБЕЛЬ-2001

Международная выставка мебельного искусства.

Организаторы выставки:

Культурно-выставочный центр «Сокольники»
Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России

АРТМЕБЕЛЬ ■ 2001 www.artfurniture.ru

Более 600 фирм
со всего света!

